

ПЕТРУ ГРОЗА

Феодосий
Видрашкю

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В этой книге рассказывается о жизни и деятельности виднейшего борца за свободную демократическую Румынию доктора Петру Грозы. Крупный помещик, владелец огромного состояния, широко образованный человек, доктор Петру Гроза в зрелом возрасте порывает с реакционным режимом буржуазной Румынии, отказывается от своего богатства и возглавляет крупнейшую крестьянскую организацию «Фронт земледельцев».

В тесном союзе с коммунистами он боролся против фашистского режима в Румынии, возглавил первое в истории страны демократическое правительство. Петру Гроза был большим другом Советского Союза.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Феодосий Видрашку](#)
 -
 -
 -
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -
 -
 -

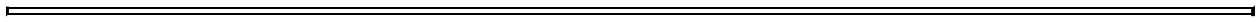
-
-
-
-
-
-
-

- [Краткая библиография](#)
- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 14

565

Феодосий Видрашку

ПЕТРУ ГРОЗА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1976 г.

ПЕТРУ ГРОЗА БЫЛ ИСКРЕННИМ И ПРЕДАННЫМ ДРУГОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ОН С ПРИСУЩИМ ЕМУ ОГНЕМ БОРОЛСЯ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ БРАТСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РУМЫНСКИМ НАРОДОМ И НАРОДАМИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ВИДЯ В ЭТОМ ЗАЛОГ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ, УКРЕПЛЕНИЯ НАШЕЙ независимости И НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА.

Центральный Комитет Румынской рабочей партии, Президиум Великого национального собрания, Сосет Министров Румынской Народной Республики.

7 января 1958 года

НАШ НАРОД НАВСЕГДА СОХРАНИТ В СВОЕЙ ПАМЯТИ СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ ДОКТОРА ПЕТРУ ГРОЗЫ, ПЛАМЕННОГО БОРЦА ЗА СВОБОДУ, ПРОГРЕСС И

*ПРОЦВЕТАНИЕ РОДИНЫ, ЗА УКРЕПЛЕНИЕ
ДРУЖБЫ И СОЮЗА С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ
СТРАНАМИ, ЗА МИР И СОТРУДНИЧЕСТВО СО
ВСЕМИ НАРОДАМИ ЗЕМЛИ.*

*Николае Чаушеску, Генеральный секретарь
РКП, президент Социалистической
Республики Румынии*

Peter G. ...

Эта книга основана на подлинных фактах и документах. Она познакомит читателя с жизнью одного из выдающихся сыновей румынского народа, навсегда ушедшего от класса немногих для того, чтобы служить делу многих.

Большинство документов, использованных в книге, на русском языке публикуется впервые.

Всем товарищам, способствовавшим появлению этой книги, автор приносит свою искреннюю благодарность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОМАНТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

I

Адам Гроза, сын старого бэчийского батюшки Адама, собирался в дорогу. Приближалось рождество, и он должен был готовиться к его встрече в селе Коштеюл Маре, куда его только что назначили приходским священником. Жена оставалась одна в старинном доме на краю Бэчии, небольшой деревушки на берегу горной реки Стрей. Она ожидала первого ребенка.

— Ты не уезжай, я боюсь...

— Все будет хорошо, не бойся, это еще не так скоро... И соседи помогут, — пытался он успокоить жену. Остаться он не мог.

За невысоким плетнем сосед Грозы Михэилэ Михок собирал в копны сено, разбросанное для просушки после долгих дождей.

— День добрый, бачу Михэилэ^[1].

— Целую ручку, барин.

— Какой я барин? — горько улыбнулся Адам Гроза. — Вот переводят меня. В Коштеюл Маре. Далеко. Добрая сотня верст будет. А жена на сносях. Вот как нескладно получается... Заходите к ней. Вдруг наступит час — позовите, пожалуйста, моашу^[2].

— Ты, батюшка, не беспокойся. Я позову.

— Не поехал бы я, да на это воля господня.

Молодой Адам Гроза, потомственный служитель церкви, искренне верил, что все предопределено всевышним, и никогда не колебался в своей вере. Он надеялся, что жена родит ему сына и он сделает его таким же священником, верным рабом всемилостивого бога.

Зазвенел бубенчик, и двуколка покатила на запад, вдоль Стрея. Возница осторожно правил. После долгих осенних дождей раскисшая земля замерзла, снег еще не выпал. Узкая дорога была вся в ухабах, не мудрено и перевернуться.

Адам Гроза впервые за много лет покидал свое родное село и в первый раз задумался о его названии — Бэчия. Не потому ли, что парни села, статные, широкоплечие богатыри, и более мелкий народ из соседних

селений обращается к ним со словом «бачу»? Или потому, что, может быть, очень давно эта местность у реки собирала бесстрашных пастухов — бачев, которым вся округа доверяла своих овец? Бачи угоняли их в горы, устраивали там стыны — овечьи стоянки, — а поздней осенью, в день святого Димитрия, возвращали на зимовку овец их хозяевам вместе с приготовленной за лето брынзой, с состриженной шерстью, со шкурами баранов и выросшими ярочками. Да, Бэчия — это родина бачев. Отсюда пошло слово «бачу» по всему краю.

Луна отбрасывала на горы желтый свет. Ее окружали три по-разному сверкающих пояса. Адам Гроза видел такие пояса вокруг луны и раньше, но сегодня они казались ему несравненно ярче. Звезды притаились и не мигали.

Оттого, что оставил дома жену, что еще не знал, как его встретят там, в Коштее, от этой необычной луны Адамом Грозой овладела тревога.

Обратил внимание на странные круги вокруг луны и Михэилэ Михок. Он знал, что они предвестники бури. Вот-вот подует с гор свирепый ветер, пойдет снег, и все затуманится, закружится. Природа берет свое и докажет правоту старой мудрости, что «зиму никогда волк не съест». «Но как же это я не сказал человеку, что буря приближается?» — заволновался бачу Михэилэ. И сам же себя успокоил: «По долине Стрея не так уж редки деревни. Завернет батюшка на ночлег».

Бачу Михэилэ торопился. Вот уже наступила ночь, а он никак не управится с этим сеном. И вдруг послышался крик. Через некоторое время снова. Кричала женщина. Бачу Михэилэ перепрыгнул через забор и кинулся к дому Грозы. Постучался. Никто не откликнулся, и он приоткрыл дверь. Видно, окна была занавешены, потому что в доме было очень темно. Пахло базиликом. Бачу Михэилэ быстро достал из кармана кресало и кремень, высек искру и поднес горящий трут к бумаге.

— Где лампа, домницэ?^[3]

— Не надо, не надо!..

Он не зажег лампы, а раздвинул плотные занавески на окнах, и стало светло от луны.

— Это вы, бачу Михэилэ? Боже!..

— Я, домницэ. Все будет хорошо, доченька, все будет хорошо. Я побегу сейчас за моашей... Сейчас...

— Ой, не уходите! Ма-а-ма-а-а!.. Не уходите... — Она откинула руки назад и схватилась за спинку кровати. Никелированные шишки отражали свет луны.

Бачу Михэилэ не ушел. Он зажег лампу и начал делать то, что полагается делать в этих случаях. Жена ему родила уже пятерых. Двоих сам принял в горах, в тесной стыне, среди овец — одного летом, когда было проще отправить остальных чабанов на улицу, а другого зимой, в лютый мороз. Все обошлось.

Он приговаривал:

— Не бойся, домницэ, стисни зубы и старайся молчать... Это с первым так тяжело, потом будет легче...

к утру домницэ родила мальчика. Бачу Михэилэ перевязал ему пуп, поднял его на своих грубых ладонях. Ребенок заорал.

— Охо! Шуми, малыш, шуми!.. Это будет серьезный парень, домницэ! Погляди на него!

Было 7 декабря 1884 года.

II

Адаму Грозе бачу Михэилэ дал знать о рождении сына через странствующего гэзара — торговца керосином и стеариновыми свечами.

В старом доме устроили крестины, скромные, без особого размаха. Новорожденного нарекли Петру. Вначале тоже Адамом хотели назвать, но сочли, что для одной семьи и двух Адамов достаточно. «Отцу захотелось, чтобы первый его сын был назван именем библейского «первочеловека». Адам хоть и прародитель наш, да к святым его не причислили», — шутил потом Петру Гроза. Бачу Михэилэ, который запомнил все эти подробности, называл своего «повивального сына» Пэтру, с нажимом на букву «э», как принято в этих местах.

Жена родила Адаму Грозе еще двух сыновей — Ливиу и Виктора — и от последних родов скончалась на двадцать третьем году жизни. Похоронили ее в родном селе Околишул Маре, около Хацега.

Христианская церковь не позволяет своим служителям вступать в брак вторично, и Адам Гроза прожил жизнь в одиночестве. Скончался он в 1932 году.

Когда умерла мать, Петру было шесть лет. Он помнил ее всегда тихой и немногословной. Она ни разу его не поругала, никогда не наказывала, лишь смотрела на него огромными глазами. Отец часто брал его в церковь. Петру наблюдал за тем, как он медленно передвигался по большому и всегда холодному залу, со стен которого глядели бородатые святые. Время

от времени отец скрывался за позолоченными дверьми алтаря, а маленького Петру туда не пускали. Но однажды па пасху, когда отец вышел па улицу и стал ходить между расставленными на траве корзинами с высокими куличами, пасхами, раскрашенными яичками и бутылками вина, Петру последовал было за ним, однако ему скоро надоело это, и он снова вернулся в церковь. Всегда закрытая маленькая боковая дверца сейчас оказалась открытой. Петру сначала попал в небольшое помещение, в печке у входа горели дрова, очень сильно пахло ладаном. Он открыл другую дверь, побольше. Огромная икона во всю стену и на ней — бог, такой же, как у них в божнице, только громадный-прегромадный. Прямо перед богом — высокий стол с чашей и золотым крестом, который отец всегда выносит, когда звонят все колокола и верующие падают на колени, а потом подходят к отцу, целуют ему руку и этот крест. А от стола до самого потолка уходила вверх черная стена, такая черная, что Петру охватил страх. Мальчик потом только догадался, что эта страшная стена была обратной стороной иконостаса, того блестящего и сверкающего иконостаса, которому, как говорил отец, пет возраста и который самим богом сделан. «А если бог сделал одну такую красивую сторону, почему и другую не сделал такой же? — подумалось мальчику. И решил: — Наверное, с той стороны бог сделал рай, а с этой — ад. Но нет. Тогда отец не стал бы сюда заходить, отец не любит даже это слово — ад, он только рай любит».

Снова хор запел «Христос воскресе», зазвонили колокола. Сюда шли. Он осторожно вышел на улицу. И кто знает, может быть, тогда, в то пасхальное утро, пришло к нему совсем неожиданное для родителей решение:

— Я не буду попом! И учиться на попа не буду!

Мать кормила тогда младшего своего сына и, услышав это, подняла па Петру глаза и сказала тихо:

— Священники — слуги самого господа бога, это самые счастливые люди. Ты, Петруц, не должен так говорить. Бог рассердится.

— Который?

— Тот, который на небе.

— А этот не рассердится? — Петру показал на икону с изображением бога, она ему не давала покоя, каждую ночь снилась.

— Бог на небе, он сердится, когда о нем говорят так, как ты говоришь.

— А сколько всего богов?

— Один.

А почему здесь один, в алтаре один, и я видел у тетушки Асинефты еще одного? Как это?

— Когда ты станешь взрослым, Петруц, бог поможет тебе открыть и эту тайну. Иди поиграй на улице.

В памяти у Петру Грозы сохранились только этот разговор с матерью и слова, которые она повторила ему еще несколько раз: «Когда ты станешь взрослым, Петруц, перед тобой все тайны откроются».

Немного времени пройдет после этого разговора, и шестилетний Петру станет еще перед одной тайной, страшной тайной. Посреди комнаты на двух сведенных вместе столах установили белый гроб — в нем лежала мать. Будто спала. Мальчик смотрел на нее, ожидал, что вот-вот она откроет глаза. Она закрыла их так просто, чтобы не видеть, как всю ночь около нее дурачились взрослые, хлестали друг друга ремнем, играли в жмурки^[4].

Мальчику так хотелось поверить, что и мать играет с этими дядями и тетями, кончится игра — и она встанет. Потом его и двух младших братишек увела к себе тетушка Асинефта и стала убаюкивать их сказками о мертвых царевнах, которым добрые молодцы Фэт-Фрумасы достают на быстрых скакунах живую воду из далекого царства, где горы сторожат источник и, чтобы напугать приближающихся, сталкиваются вершинами. И только самые храбрые молодцы, которые ничего никогда не боятся, могут добыть эту воду у недремлющих гор. Только окропишь живой водой мертвую царевну — и она сразу же открывает глаза, просыпается...

Ночью Петру снился сон, что явился Фэт-Фрумос. Но чуда не совершилось и во сне. Мать не проснулась. И Петру увидел ее утром такой же, как лежала накануне. В комнате горело много свечей, по краям гроба тоже горели свечи, а около матери лежала длинная, во весь ее рост свеча. На сложенных крест-накрест руках — серебряная монета. Когда он уже после похорон спросил тетушку Асинефту, что это за свеча была около матери, она ответила, что это не свеча, а посох, на который душа по пути к царству небесному опирается, а денежка — чтобы платить откуп ваме^[5].

Когда мать опустили в землю, Петру еще не верилось, что он уже не увидит ее никогда. Может быть, думал он, она походит-походит по тому свету с этим длинным посохом, заплатит ваме и вернется домой. Он много думал после этих похорон о том, что существует где-то на том свете совсем другой мир, где люди живут совсем другой жизнью. Часто он слышал проповеди отца об этом. Дома Адам Гроза никогда о том свете не говорил.

За малыми детьми Адама Грозы стала присматривать его сестра Асинефта. Приходила помогать и другая сестра — Мария, крестьянка из Бэчии, но она приходила реже, потому что с утра до ночи работала в поле.

У Асинефты же муж был тоже церковнослужителем, и она больше хлопотала по дому. Тетушка Асинефта приучала Петру к мысли, что он сейчас старший в доме, а когда отца нет (он больше находился в Коштее), остается за хозяина.

Так он и рос без родительской ласки как раз в те годы, когда эта ласка всего нужней.

Наступила пора учиться, и Петру поднял первый в своей жизни бунт.

В то время Трансильвания^[6] находилась во владении империи Габсбургов. Школьное обучение велось только на немецком и венгерском языках, и румынское население могло обучаться грамоте на родном языке лишь в специальных классах при церквях. Священнослужители были и просветителями. Если кто-нибудь из румын хотел, чтобы его ребенок обучался на родном языке, то он должен был отдать его под начало церкви. Богу и просвещению служило не одно поколение Грозы. И потому каково было удивление Адама Грозы, когда его старший сын заявил, что не желает быть священником и не пойдет учиться у попов.

— Это что такое? — не сдерживая гнева, спросил Адам Гроза.

— Я сказал, что не буду священником, я не хочу! — ответил упрямец.

— Почему?

— Я хочу быть со всеми людьми.

— И давно ты это решил?

— Я маме сказал...

Адам Гроза не стал продолжать этот разговор. Он находил в себе силы после таких редких вспышек успокоиться и все взвесить. Эту черту его характера унаследовал и Петру.

Когда же это Петру сказал матери, что не хочет стать священником? И почему она не сказала ему, Адаму, об этом? И как поступить сейчас с этим упрямецем? Совсем от рук отбился, только на речке Стрей пропадает, а Асинефте и Марии хватает хлопот и с остальными двумя. Придется забрать Петру в Коштей и отдать его там учиться. Но куда? В венгерскую школу, где детей воспитывали в католической вере, Грозе не хотелось посылать сына. Как же так — он православный священник, а сын, пожалуйста, будет заниматься у католиков? Нет! Этого не будет! А как же быть тогда? И он решил забрать Петру из Бэчии в Коштей.

— Петруц, — возобновил он разговор в Коштее, — ты у меня самый старший, и вся моя опора — ты. (Священник давно уже заметил, что сын развит не по возрасту, часто рассуждает как взрослый.) Мне хотелось, чтобы ты был продолжателем нашего семейного дела. Нам от бога дано служить людям словом, говорить им правду, истинную правду о

всевышнем, об избавителе нашем...

Сын не слушал. Смотрел в окно, на белые, в цвету ветки черешни, и представлял себе, как он, когда эта черешня созреет, вскарабкается вмиг на самую верхушку и наберет полную пазуху упругих, спелых ягод. Он отнесет эти ягоды слепому Янку, с которым подружился здесь, в Коштее. Слепой мальчишка, такой добрый и ласковый...

— Ты будешь священником, — громко говорил отец, — а может быть, и выше пойдешь...

Петру отвлекся от черешни и сказал спокойно:

— Я не буду попом.

Адам Гроза решит высказать сыну самое, казалось бы, убедительное:

— И как ни говори, у тебя будет хорошая жизнь, в достатке. Не будешь ходить, как эти голодранцы...

На улице, за воротами церковного дома несколько мальчишек поджидали Петру. Это на них сейчас показал отец.

— А почему они голодранцы? — дерзко спросил Петру.

— Они лентяи, — ответил Адам Гроза.

— А я не хочу быть священником! — с полной решительностью сказал Петру.

И Адам Гроза с ужасом подумал, что если этот ребенок выходит из повиновения уже сейчас, что же будет с ним дальше? «Я тебя проучу!» И он сказал со злостью:

— Пойдешь в синагогу. Не хочешь с православными — пдп с жидами занимайся!

— Ну и пойду, — ответил Петру. Он обрадовался этой неожиданной возможности узнать, а как там, в синагоге, учатся, как выглядит она и какой у них, евреев, бог.

III

Бог у иудеев оказался таким, как у православных, только книги складывались совсем из других букв и читались с последней страницы, в обратном порядке. Петру было смешно и совсем нетрудно. Быстро стал привыкать и понимать все, что ему ребе говорил, чему учил. Дома он держался замкнуто и редко когда заговаривал с отцом. Над Адамом Грозой, православным священником, стали смеяться в округе. Весть о том, что он отдал сына в синагогу, распространилась очень быстро и дошла до старшего церковного начальства. Адама Грозу пристыдили и потребовали

объяснения.

Чем объяснил Адам Гроза свой поступок, осталось неизвестным. Только на следующий год Петру пошел в школу родной Бэчии и снова оказался рядом с тетушкой Асинефтой. Сейчас уже на долгие годы. Эта скромная женщина, истинный народный талант, оказала сильное влияние на очень рано начавшего осмысливать окружающий мир ребенка. Она прививала старшему племяннику добрые чувства любви к родному краю, к хлеборобам и пастухам, к роботарам^[7] глубин, помогала ему проникнуться уважением к крестьянскому труду, учила слушать народные песни и плач, радоваться скупым, редким радостям крестьян, готовила его к тому, чтобы он стал на их защиту. Он видел, что крестьян никто не защищает, над ними только издеваются на каждом шагу. Однажды местные жандармы избili до крови знакомых Петру жителей Бэчии за то, что они недосмотрели за стадом овец и те потравили посевы соседнего помещика. Одиннадцатилетний мальчик сказал тогда тете: «Я вырасту, пойду учиться и стану защитником, я буду защищать этих бедных».

Тетушка Асинефта своих детей не имела и была очень привязана к сиротам брата. Большая мастерица рассказывать сказки о героических Фэт-Фрумсах — добрых молодцах, вызволяющих из беды обиженных и несчастных, она изображала словом деспотичного и безжалостного, но почему-то всемогущего карлика по имени Стату-палмэ-барбэ-кот, что по-русски означает Рост-с-ладонь-борода-с-локоть. Этот карлик оказывался хитрым и коварным и почти никогда не давался в руки. Тетушка умела еще и сама сочинять свои сказки, слагать свои песни и стихи. Внимательно слушал Петру ее ласковый, задумчивый и, казалось, таинственный голос. Откуда она столько знает? Гордый и немного упрямый Петру не осмеливался спросить ее.

*...Кто там ходит по селу
Степенным, гордым шагом?
Это жандарм, как павлин, —
Видеть мне его проколотым!
Кто там ходит по лугу
Изможденный, около волов?
Это крепостной страдалец —
Видеть мне его хозяином!..*

Кто знает, может быть, еще тогда, когда он слышал эти незатейливые

стихи, в которых столько народной горечи и надежды, задумался Петру Гроза: что же все-таки сделать, чтобы увидеть этого стонущего от гнета и горя крепостного действительным хозяином своей земли?

Тетушка Асинефта помогала ему понять и полюбить природу, наблюдать смену ее состояний... Вечно течет любимая речка Стрей, катит все новые и новые воды, обновляется каждой весной сад, зеленеет на косягах новая трава, на место старых деревьев в саду сажают новые, все меняется, обновляется, молодеет... А почему же ничего не меняется в селе Бэчия? Почему ничего не меняется в Коштее? Почему те же приземистые, обшарпанные хаты у крестьян? Почему у его товарищей нет обуви, самой простой, даже постолов нет, и они из-за этого не ходят в школу? Почему чуть ли не каждый день звенит барабанная дробь и финансовый инспектор ходит из хаты в хату и забирает у крестьян в уплату налогов последние тряпки? Где то самое равенство, та самая верховная справедливость, о которой так часто и красиво говорил с амвона отец в своих проповедях? Может быть, они действительно на небе, как говорит отец? Но тогда почему же они не спускаются и на землю?

Он спросил однажды об этом свою любимую тетю.

Асинефта посадила его рядом с собой на лавочке в глубине сада, где любила отдыхать в свободные минуты, и ответила ему песней, сложенной, как подумалось Петру, сегодня ночью, потому что она пела ее в первый раз:

*Дует ветерок весенний
И зовет меня в открытое поле
Собрать прекрасные подснежники,
Послушать птичьего голоса,
Потому что небо солнечное
И поле все в цветах.
И когда все в зелени
И луг полон жизни.
Ветер, я рад бы был
К твоему призыву прислушаться,
Но кругом такое горе,
Что уже и в приход весны не верится...*

Петру неожиданно восстал против смысла этой песни. Как это так — ив приход весны не верится? Да поверь ты или не поверь, а весна все равно придет! Нет, не права песня!

Спросил:

— А почему вы так поете: «и в приход весны не верится»?

— Я не о такой весне, что на улицу приходит, — стала объяснять она немудрено.

— О какой же весне поете вы, тетушка Асинефта?

— О весне, Петруц, которая приходит в душу человека, а потом из души переселяется в его дом, заполняет все. И если на улице холодно, бушует буря или дождь пошел и град, то кажется все равно, что весна кругом. Я о такой весне говорю...

Летом 1894 года, как всегда, отец взял его на каникулы к себе в Коштей. На этот раз в тихом доме священника двери не закрывались. Приходили и уходили люди, спорили, возмущались. Говорили о каком-то меморандуме, будто невинные люди осуждены за какую-то бумагу. Приходили священники из соседних деревень и до поздней ночи разговаривали, давали друг другу читать газету «Трибуна». Петру, оставшись дома один, заглянул в нее. Прочитал крупный заголовок над фотографией со знакомыми лицами: «Процесс меморандистов в Клуже». Он стал читать, но мало что понял и вечером после Уткина, когда отец готовился к молитве, спросил его:

— Тата, а что такое меморандум?

— Меморандум? Ты откуда знаешь?

— Прочитал в «Трибуне» и не понимаю, что это такое.

«Что поймет он из того, что я ему расскажу? Как сказать попроще? И надо ли ребенку знать об этом?» — раздумывал Адам Гроза. И ответил:

— Эти люди хотят, чтобы тебе было хорошо... Чтобы всем было хорошо.

— А за это судят?

— Христос тоже хотел, чтобы всем было хорошо, и его тоже судили. Борьба за доброе — всегда тяжелая борьба. Христос пролил за это кровь... А вот они, — отец показал на фотографию в газете, — хотели вызвать добрые чувства у этого, — показал на настенный календарь с портретом Франца-Иосифа, — а он их не послушал.

Петру зло посмотрел на портрет.

— Вот бы дать ему коленом!

Позднее Петру Гроза узнает, что после жестокого подавления революции 1848 года группа трансильванских румын в знак протеста против социального и национального гнета перешла к тактике так называемого пассивизма — неучастия в политической и общественной

жизни. По от этого «непротивления злу насилием» страдали прежде всего народные массы, это мешало их борьбе. Стали понимать это и «пассивисты» и постепенно начали действовать, хотя тоже мирно, без крови и насилия. В 1881 году создается Румынская национальная партия Трансильвании. В ее программе стояли требования автономии, права свободного применения румынского языка в административных и судебных органах, назначения служащих румынской национальности, обеспечения школьного обучения на родном языке, пересмотра закона о национальностях, расширения избирательного права. Руководители движения пытались осуществить свою программу при помощи целой серии меморий — прошений, адресованных венскому императорскому двору. Эти прошения подолгу писались, редактировались, обсуждались, и нередко их отправление задерживалось в ожидании «подходящего момента». Наиболее яркий пример ожидания «подходящего момента» — работа над «Меморандумом». Еще на учредительной конференции Румынской национальной партии в 1881 году было решено написать документ о тяжелой доле румынского населения Трансильвании самому императору. Больше десяти лет готовили этот документ. В нем разоблачались национальный гнет, коррупция, злоупотребления властей, фальсификация выборов, обезземеливание крестьян. Составители «Меморандума» и несколько сот активистов отправились пешком в Вену. Они надеялись, что император Франц-Иосиф примет их, выслушает и постарается облегчить страдания своих подданных. Но Франц-Иосиф и слушать не пожелал о приеме делегации. Текст «Меморандума» в нераспечатанном пакете был переправлен будапештскому королевскому правительству. Активные составители «Меморандума» были преданы суду. В мае 1894 года в Клуже состоялся судебный процесс меморандистов. Десятки людей были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. Был развеян дух так называемого пассивного сопротивления, попытка воззвать к совести всемогущей австро-венгерской монархии потерпела полный крах.

В те дни в доме коштейского священника только о процессе и о судьбе заключенных и шел разговор. И это не ускользнуло от любопытного и островосприимчивого мальчика. Свои стихи и песни о страдальцах сочиняла тетушка Асинефта, молилась по ночам за их спасение.

Петру часто не мог уснуть и все думал: отчего это такая несправедливость кругом? А отец просит и просит бога за всех. Когда же этот бог услышит его молитвы? Когда же он опустится наконец на землю, чтобы свершить суд, о котором так часто упоминает тетушка Асинефта?

Среди арестованных и осужденных по делу о «Меморандуме» был отец Лукач. Петру его хорошо знал, это друг отца, такой же священник. Как же это его осудили? Почему бог позволил это? Мальчика мучили эти вопросы, а ответа он так и не мог найти.

Злодеи в образе Стату-лалмэ-барбэ-кота из сказок тетушки Асииефты приходили во сне, и не только во сне. Подрастающий мальчик узнавал их на улице, они глядели на пего со страниц газет, с портретов.

Однажды, за много лет до того, как в пражском трактире «У чаши» бессовестные мухи наследили на портрет императора Франца-Иосифа, старший сын Адама Грозы устроил над этим же портретом своеобразную экзекуцию: выколол императору глаза, один ус вырезал, а другой покрасил фиолетовыми чернилами, нарисовал широкополую шляпу, ко рту пришил булавкой живого майского жука. Подозвал своего слепого друга, объяснил ему, что сделал, а когда жук задвигался и зажужжал, сказал серьезно: «Это его величество речь держит, обращается к народу». Придет время, и Петру поймет, что выколоть глаза императору Францу-Иосифу на календаре — это еще ничего не значит. В каждом селе есть свой Франц-Иосиф. Их так много развелось, что со всеми и не справишься.

— Так всегда будет? — спросил он отца.

— На это его воля, — ответил Адам Гроза и показал на икону.

Когда Петру спрашивал учителей, почему же так плохо на земле, то получал такой же ответ, как и от отца: бог все знает, бог все делает, бог обо всех заботится. Там, на небесах, свершаются судьбы всего сущего на земле. И Петру Гроза засомневался: а может быть, он неправильно сделал, что не пошел по пути отца, может быть, будучи поближе к богу, он бы спросил его, что нужно делать, чтобы пришла на землю та справедливость, которую все ищут и которая во власти одного бога?

Он все чаще задумывался над тем, что многие подымавшиеся на борьбу за справедливость были выходцами из семей священников, даже сами были священниками, как отец Лукач. Кому же тогда помогает бог? Он спрашивал у детей венгров, помогает ли им их католический бог. Спрашивал у детей евреев, как помогает им их бог. Но дети этого не знали. И взрослые тоже.

А восставшие всегда падали. И всегда несправедливость брала верх над справедливостью.

Почему?

Адам Гроза не мог ответить на все усложняющиеся настойчивые вопросы сына, видел, что с этим парнем будет трудно справиться.

— Ты, Петруц, сам ищи ответы на свои вопросы, учись, сын мой, а я

тебе буду помогать.

Ответы на многие «почему» приходили с трудом. Потому-то Петру Гроза и ставил их перед собой всю жизнь.

IV

Через пятьдесят лет Петру Гроза скажет своему гостю, индийскому профессору Мохамеду Хабибу: «Прежде всего человек должен усвоить, что он обязан учиться до самого гроба. Всегда исходить из того положения, что наличные знания недостаточны и надо приобретать повыв. Разница между мной и другими современниками одинакового социального положения объясняется просто: они были убеждены, что знают уже достаточно, а я горел желанием постичь все новое и новое. С особой настойчивостью стал я искать правду во время крутых поворотов, когда становилось ясно: то, что принимали за закон и истину вчера, сегодня уже перестало быть истиной и не соответствует постоянно меняющейся объективной действительности..»

Батюшка Адам Гроза отдал своего старшего сына в венгерский лицей. Находился этот лицей в небольшом городке Орэштия, в нескольких десятках километров от Бэчии, и славился своим строжайшим режимом и ярко шовинистическим воспитанием учащихся в духе преданности и любви к трону и «великой АвстроВенгерской империи». Обучение велось на венгерском языке.

Педагоги сразу же обратили внимание на энергичного, способного и дисциплинированного мальчика. Он отличался исключительной любознательностью. Много читал.

Детство в Бэчии и Коштее, прогулки с мальчишками по тайным горным тропам, купания в любое время года в Стрее помогли ему стать и отличным спортсменом.

Петру сразу оказался среди выдающихся учеников. В Орэштии он получил золотую медаль за отличные знания венгерского и немецкого языков и литературы.

Об исключительных разносторонних способностях юноши из Бэчии, о его справедливости и непримиримости ко всякому злу стали писать местные газеты.

Чем больше углублялся Гроза в учение, тем ненавистней становилась ему шовинистическая обстановка орэштийского лицея, все больше и больше пробуждалось в нем чувство отвращения ко всякому национализму. Постепенно он приходил к мысли — взаимопонимание и сближение между

людьми разных национальностей неизбежно. И надо бороться против разжигания имущими классами и правительствами национальной вражды, чванства, чувства превосходства одной нации над другой. Те, кто знал его в этом возрасте, свидетельствовали, что молодой Гроза твердо шел к прояснению дальнейшего пути, вполне естественно, не без некоторых взрывов и ошибок, присущих молодости. Этот путь был единственным — служение классу угнетенных крестьян.

Он заканчивает среднее образование в 1903 году, и дирекция лицея рекомендует его в Будапештский университет.

Стояла осень 1903 года. Крестьяне выходили на помещичьи поля снова сеять хлеб не для себя. Возвращаясь домой поздними вечерами, они заливали свое беспросветное горе крепчайшим винарсом^[8].

Готовясь к отъезду в Будапешт, Петру зашел к своему «повивальному отцу» бачу Михэилэ попрощаться. Тот только что вернулся с работы — уже несколько лет ездил на заработки в Хунедоару, на металлургический завод. Бачу Михоку всегда нравилось вспоминать декабрьскую ночь 1884 года и подтрунивать над Петру, хлопая его по животу.

— Не развязался пуп? — спрашивал он.

— Еду в Будапешт, бачу Михок. В университет еду. И если развяжется, завяжем как-нибудь.

Михэилэ Михок впервые услышал слово «университет», подумал: «Это, должно быть, что-то очень важное» — и сказал серьезно:

— Петруц, езжай... Только не забывай о нас...

— Не забуду, бачу Михэилэ, не забуду...

Попрощавшись со своими близкими, с Бэчией, Коштеем и Орэштией, юноша Гроза уехал в Будапешт.

На факультете права и экономических наук Будапештского университета он становится лучшим студентом. Гроза пристально следит за развитием политических событий. Ректор университета писатель Густав Генрих восхищается исключительной развитостью молодого румына, его красноречием и умением держать себя и берет его под свое непосредственное покровительство. В 1905 году журнал «Пести Вилаглап» («Будапештское обозрение») публикует статью о нем и помещает его портрет. Работники университетской библиотеки удивлялись многообразию его интересов. Литература, география, политические, экономические, юридические науки — Гроза интересовался буквально всем. Своими вопросами, трактовкой отдельных положений учебников он нередко ставил в затруднительное положение самых опытных преподавателей.

Через два года он завершает университетский курс в Будапеште,

блестяще сдает экзамены и осенью едет в Берлин. Он поступает на факультет права и политической экономии. Занятия в Берлинском университете имели огромное значение для формирования молодого Грозы. Как и в Будапеште, его привлекала богатая библиотека, в которой было более миллиона томов. Он просиживал за книгами дотемна, пытаясь проникнуть в тайны философии Гегеля, имя которого произносилось тогда с трепетом. Массивные тома «Науки логики», «Феноменологии духа», «Энциклопедии философских наук», лекции Гегеля по истории философии и эстетике будоражили мысль, заставляли думать. Образ мыслей знаменитого философа, его сложное учение никак не вязались в представлении Грозы с недавно воздвигнутым ему памятником. Гроза видел этого патриарха немецкой философии престарелым мудрецом с чертами Саваофа, а на пьедестале возвышался бюст скромного юноши. Может быть, для того, чтобы придать этому бюсту больше солидности, Гроза позвал одного из своих друзей и весенним утром вместе с ним посадил у памятника Гегелю три платана. Эти деревья разрослись и стоят до сих пор в самом центре Берлина.

По воскресеньям, когда библиотека не работала, Гроза выходил на Унтер-ден-Линден, на эту аллею, где два раза в год приходит весна, потому что дважды цветут липы — одни в мае, другие в августе, и отправлялся за Бранденбургские ворота, за город. У тихой пристани на Шпрее он садился за весла и плыл на лодке часами, обдумывая прочитанное. Ему нравилось и бродить пешком по окрестностям Берлина, любоваться тихими озерами и сосновыми рощами, сравнивать здешние места с горами и речками своего любимого края, по которому очень скучал. Сложная философия Гегеля «мучила мысль», как скажет позже Гроза, но она не давала ответа на его вопросы. Грозу еще удивляло то, что среди студентов, ищущих, как он, ответы, было не так уж много. Часто просторные аудитории университета пустовали, иногда профессора читали лекции одному ему. А однажды, когда он опоздал на минуту и робко открыл дверь после звонка, увидел, что профессор читает очередную лекцию пустой аудитории.

В Берлине Петру Гроза впервые услышал о Марксе. Он, оказывается, тоже учился в этом университете, ходил по этой же аллее среди лип. Гроза узнал здесь о сочинениях Маркса и начал их искать. В Берлине же молодой румын впервые услышал о Ленине.

Сохранились тетради студенческих лет Грозы. В них мы находим записи о прочитанном в первый месяц пребывания в Берлине. Среди многих книг, с которыми знакомится Гроза, значатся и произведения русской литературы. 5 и 12 ноября находим записи о прочитанных

«Преступлении и наказании» Ф. Достоевского и «На дне» М. Горького.

Здесь, в Берлине, он все время думает: а как там, дома? В письмах он просит отца сообщить, как идут дела, не прерывает связей и с Будапештом, где у него осталось много друзей среди преподавателей и студентов.

Петру Гроза уже в Берлине заявляет друзьям, что настойчиво готовится к политической деятельности.

В одном из писем он признается и отцу, с которым отношения стали более теплыми, что «первый мой шаг к общественной деятельности — будь это скоро или через много лет — должен быть в достаточной степени обоснован и мотивирован, продиктован обстоятельствами или общественной необходимостью, а не личными потребностями».

Для еще большего расширения своего общего и политического образования весной 1906 года Гроза отправляется в Париж, Лондон и Брюссель, а на следующую осень поступает в Лейпцигский университет. Он сдает экзамен за курс торгового права и политической экономии, знакомится с жизнью Иены, Дрездена, Веймара и других немецких городов, приобретает и изучает произведения модных социалистов, пытается проникнуть в смысл их теорий. В 1906 году возвращается домой и в коштейском отцовском доме готовит работу на звание доктора. Летом 1907 года едет на защиту в Будапешт, получает университетский диплом с отличием, а также защищает дипломы доктора экономических наук и доктора государственных наук. «Трижды доктор и ни разу врач», — нередко подшучивал над собой Гроза. Тут заметим, что представители элиты трансильванского общества стремились к тому, чтобы их отпрыски во что бы то ни стало получали звание доктора. Неважно, каких наук, главное, чтобы «доктором» был.

В эти же годы Петру Гроза начинает завязывать знакомства с выдающимися изобретателями, писателями, художниками, композиторами. Стремление к общению с интересными людьми будет проявляться у него на всем жизненном пути.

Петру Гроза готовил себя к служению народу. Он неоднократно говорил, что высокие цели требуют серьезного прилежания, им чужда шумиха, декларативность, дешевая демагогия. Народная мудрость высмеивает уток, которые, перелетая лужу, наполняют округу криканьем, и восторгается орлом, молча взлетающим до самого неба.

Поездки по странам Западной Европы помогали ему сравнивать жизнь народов западных стран с жизнью своего народа, изучать их культуру и обычаи. Он признавался, что, знакомясь с жизнью других народов, может лучше понять то, что происходит в своей собственной стране, ценить то,

что в повседневной жизни дома становится привычным, неприметным. Он с презрением говорил о тех, кто, восторгаясь жизнью в других странах, начинает осквернять глупыми словами и неумелыми сравнениями родное гнездо. Нужно не презирать свое гнездо, а бороться за то, чтобы оно стало теплым и чистым.

К этим мыслям он возвращался очень часто. «Пришло то время, — скажет он, — когда я по-настоящему могу применить полученный опыт для общей цели. Я не буду сидеть сложа руки».

Толчком к началу политической деятельности послужило предложение после завершения образования стать председателем просветительного общества студентов-румын в Будапеште. Одно время до отъезда в Берлин он состоял библиотекарем этого общества, которое существовало еще с 1855 года и носило имя просветителя XVIII века Петру Майора. Но Гроза уже не может довольствоваться только работой среди студентов, находившихся далеко от дома, причем большинство из них — сыновья представителей имущих классов. Его тянет земля, зовут крестьяне Бэчии и Коштея, тысячи обездоленных, для которых он, как писал об этом отцу, «должен начать что-либо делать». И он отказывается от довольно заманчивого предложения остаться жить в прекрасном городе на берегу Дуная. Он возвращается в родные края. Здесь его ожидали и определенные обязанности: подросли братья, по его примеру они не захотели следовать семейной традиции — стать церковниками. Надо было помочь им получить светское образование, заработать для них денег. Двадцатитрехлетний образованный юрист делает свои первые шаги к воротам храма богини Юстиции.

Два года, проведенные в адвокатской конторе города Лугожа, убеждают Грозу в гнилости и уродстве буржуазно-феодального правопорядка, укоренившегося в империи Габсбургов. Суд судил бедных, босых, оборванных и истощенных изнурительным трудом и голодом крестьян за малейшие провинности перед господами, будь они румынской, венгерской, сербской, немецкой или другой национальности. Выигрывал процесс тот, у кого были деньги. Один помещик цинично заявил в суде защищавшему крестьян адвокату Грозе: «Я, молодой человек, если захочу, убью их и расплачусь чистой монетой».

Гроза назовет буржуазно-феодальный суд «публичным домом богини Юстиции».

Присутствуя на судебных процессах, Гроза постоянно думал: что же он мог бы сделать для облегчения жизни несчастных крестьян, как помочь им выйти из их тяжелого положения?

И он решает идти в народ.

В свободное от адвокатской практики время Гроза сколачивает-группу чтецов и хористов и начинает просветительные походы по деревням и селам. Песни тетушки Асинефты, народные мелодии, небольшие скетчи, рассказы о том, что происходит на земле, делали выступления этой труппы привлекательными, и тысячи крестьян собирались послушать их. Адам Гроза, обладавший сильным густым басом и хорошо знакомый с музыкальной грамотой, помогал хору и часто сам пел. Охотно ездили с Петру его младшие братья Ливиу и Виктор.

Когда на импровизированную сцену в поле или на какой-либо открытой веранде крестьянского дома выходил высокий молодой богатырь с дерзко торчащими усами, в сбитой набекрень мерлушковой шапке, становилось очень тихо. Даже отец ему завидовал: редко когда в церкви во время его проповеди стояла такая тишина. Петру говорил, подкрепляя свои слова популярным стихотворением или отрывком из художественной прозы.

Однажды в селе Кизэтэу труппа Грозы пела перед крестьянами вместе с хором, созданным еще в 1855 году. В репертуаре этого хора было много песен на слова Михаила Эминеску. Его стихи распространялись в списках, перекладывались на музыку и приобрели всенародную известность. В тот день в Кизэтэу звучало завещание народного певца:

*Тоскую лишь о том,
Чтоб в тихой могиле
На берегу моря
Меня схоронили.
И снился бы мне сон,
И лес недалекий
С лазурью глубокой
В воде был отражен...* ^[9]

Хор еще пел, а Петру собирался с мыслями, готовясь прочитать некролог Богдана Петричейку Хашдеу на смерть Эминеску.

Когда хор закончил и дирижер поклонился, Петру Гроза сделал два шага вперед и начал страстно, подчеркивая каждое слово:

— «Эминеску будет жить, хотя умер сумасшедшим. И он должен был умереть сумасшедшим. Страшно произносить эти слова! Если бы он не скончался в больнице для умалишенных, умер бы от голода. Хуже того: для

того чтобы заработать на кусок хлеба, его вынуждали казнить собственное сердце... И это стало причиной помрачения его светлого разума. Он будет жить, хотя умер сумасшедшим. И разве возможно было, чтобы эта трагедия не случилась? Все эпохи имели поэтов, которых голодная бедность вынуждала к бесполезному занятию, к склонению чела перед всевластием. Но все эпохи видели и могучих, смелых и бесстрашных людей, достойных своего божественного предназначения. Они никогда не протягивали руку и не просили милостыни у могучих мира сего, забывающих, что не бедные омывали ноги Христа, а Христос омывал ноги бедным. Таким поэтом был Эминеску. Он будет жить, хотя умер сумасшедшим. Умрут же для вечности бесчисленные мудрецы, которые допустили, допускают и будут допускать всегда, чтобы сошел с ума Эминеску».

Тут Гроза остановился, сделал паузу, сорвал с головы свою шапку и сказал могучим голосом:

— Здесь я не согласен с Хашдеу! Это будет не всегда! Придет время, когда мы не позволим, чтобы Эминеску скончался в доме для умалишенных!

Народ захолопал в ладоши, и долго звучали голоса:

— Да здравствует! Да здравствует! Многие лета!

V

Один лугожский друг Грозы говорил: «Этот человек готов вступить в бой с целым мирозданием. Он не знает никаких преград и, если они попадают на пути, преодолевает их быстро и беспощадно».

В 1908 году ему исполнилось двадцать четыре года. В уезде Караш-Северин проводились выборы в местную конгрегацию. Это был весьма своеобразный уездный совет, половина которого назначалась из среды хозяев уезда по имущественному цензу, а половина избиралась. В основном конгрегация состояла из венгров. Но допускались и выдающиеся румыны. Руководство Румынской национальной партии возражало против кандидатуры Грозы, но он не посчитался с этим, выставил свою кандидатуру и победил подавляющим числом голосов.

К этим же годам относится участие Грозы на выборах депутатов в синод митрополии Сибиу. Отныне он станет постоянно участвовать в работе местных и верховных выборных руководящих органов православной церкви Румынии.

Известный румынский литератор и журналист Джеордже Ивашку

объясняет участие Грозы в выборах руководящих органов церкви от синода митрополии Сибиу до Всерумынского национального совета православной церкви тем, что умный политик Гроза уважал старые представления и убеждения народа, учитывал, что православная церковь сыграла известную позитивную роль в борьбе за сохранение румынских национальных традиций, в развитии письменности, летописной литературы, живописи; она ограждала румынское население от жестокого притеснения иезуитской католической церковью.

Выборы в руководящие органы церкви приобретали характер своеобразных сражений, когда вступали в борьбу различные течения. В схватке с противниками можно было проявить себя наиболее ярко, высказать открыто свои мысли, вести свою политическую борьбу. «Поэтому, — подчеркивает Ивашку, — Гроза все время поддерживал с церковью хорошие отношения. При ее помощи он оказывал влияние на некоторые слои трудящихся, привлекал их к себе».

Летом 1914 года, когда прогремел выстрел в Сараеве, Петру Гроза готовил новую программу своей просветительной группы.

Бэчийский фельдфебель не считал выступлениями против государя императора только молитвы священника за его здоровье. И потому, встретив Грозу, заревел:

— Вы снова готовитесь против государя императора? — и забрал его в полицейский участок. — Пойдешь на войну!

От фельдфебеля и узнал Петру Гроза, что началась первая мировая война и «все нации великой Австро-Венгрии должны с оружием в руках до последней капли крови защищать императора и целостность империи».

Франц-Иосиф глядел с портрета старческими глазами, и Петру Гроза улыбнулся, вспомнив, какую он устроил экзекуцию над этим добродушным дедушкой там, в Коштее, много лет назад.

Рядом с полицейским участком был призывной пункт. Сейчас стало ясно, почему уже много недель огораживали большую площадь высоким забором.

Полиция и уполномоченные воинских частей сгоняли крестьян с полей, хватали их на дорогах и горных тропинках. Босые, в изодранной одежде, в видавших виды фетровых клобуках и потертых барашковых шапках, шли понуро трансильванские румыны, венгры и сасы, шли, чтобы стать под знамена государя императора. Гроза с болью наблюдал за этим молчаливым потоком. Что же будет? Скольким из этих несчастных суждено снова увидеть родные горы, речку Стрей, своих любимых, жен и родителей? Что предопределено ему, Петру Грозе? Отец в Коштее, он,

может быть, догадается приехать, попрощаться с сыном перед его уходом на фронт. Но навряд ли. Здесь, в Бэчии, колокола звонят без отдыха, священник обязан служить молебен за победу Австро-Венгрии в войне и благословлять уходящих на фронт. Наверное, этим занят в Коштее и отец Адам Гроза.

Пришла тетушка Асинефта, он ее увидел в толпе растерянных, плачущих женщин у входа в участок. Попросился у дежурного выйти. Тот разрешил и сказал сквозь зубы:

— Ты от нас никуда не убежишь, ты приметный малый.

Тетушка Асинефта была не одна. С ней пришел постаревший, но еще крепкий бачу Михэилэ Михок. Принес в котомочке свежей брынзы и горсть горных орехов. Тетушка принесла веточку бусуйока — травы счастья, охраняющей от вражеской пули.

— Ты, Петруц, — сказала тетушка Асинефта, — будешь командиром, ты образованный человек. На войне суровость делает сердце каменным, не камней, Петруц, не обижай этих бедных...

Петру чуть не вспыхнул: как же это тетушка может подумать, что он будет обижать их, как же это?

На второй день примчался из Коштея Адам Гроза. Его пустили в полицейский участок, и старший офицер пожаловался:

— Вот, отец святой, уговариваем вашего сына идти в офицерскую школу, а он отказывается.

— А почему бы тебе не идти в эту школу? — спросил Адам Гроза. — Ведь пока ты учиться будешь, и война может кончиться.

— Кончится? — удивился Петру. — Не для того она началась.

— И все же тебе лучше было бы стать офицером. Ты ведь понимаешь, сын...

— Я все понимаю, отец. Ты мне советуешь, чтобы я вел этих несчастных на смерть...

— Нет, нет! — перебил его Адам Гроза. — Мне думается, что им будет легче под началом разумного и образованного человека.

— Все понимаю, — повторил Петру. — Но я не хочу быть причастным к их гибели. Чем водить их в бой, на смерть, я лучше пойду умирать рядом с ними рядовым, таким же, как они.

Петру Гроза был непреклонен. Он стоял перед отцом, уже сформировавшийся, зрелый мужчина. Плохо только, что не обзавелся семьей. А может быть, и хорошо. Что случится на фронте, знает лишь один господь бог.

Пройдет более пятидесяти лет, и на закате своей жизни Петру Гроза

вспомнит об этих днях очень лаконично:

— С первых же дней меня бросили в венгерский полк простым солдатом. Прожил четыре года в рядах австровенгерской армии, саботируя войну. Хотя и служил простым солдатом, я не прекращал политической борьбы, за это не раз меня сажали в карцер и в тюрьму. Когда отгремела война, я покончил с четырехлетней службой в армии и демобилизовался рядовым солдатом, без какого-либо военного чина. Но эти годы, проведенные среди простых солдат, были очень богатыми для меня, были настоящей школой.

В 1916 году Петру Гроза добивается краткосрочного отпуска, приезжает в Бэчию и женится на дочери богатого окружного врача Корнела Молдована Анне. И сразу же после венчания возвращается в полк.

Грозу, как отказавшегося от учебы в офицерской школе, использовали на тыловых работах вместе с нестроевыми. Заготовливали сено для лошадей, собирали продовольствие для армии, рыли окопы, готовили укрепленные оборонительные линии. Во время перекуров вокруг Петру собиралась толпа, и господа офицеры опасались, как бы этот острый на язык упрямый молодец не внушил рядовым армии его императорского величества крамольные мысли. Они не раз убеждались, что после разговоров с Грозой солдаты начинают задавать дерзкие вопросы, становятся упрямыми. Офицерам нечего было противопоставить жизнерадостности и остроумию Грозы, и они избавлялись от забот весьма просто — карцер. Особую «заботу» офицеров ощутил Петру после возвращения из отпуска. Их еще больше напугало то, что солдаты подходили к нему каждую свободную минуту, пробирались в темноте, искали его, чтобы узнать, как там дома. Гроза ничего утешительного не мог ответить: села опустошены, все чаще гремят колокола — извещения о погибших приходят каждый день. Из уст в уста переходило двустишие Петефи:

Что ела ты, земля, — ответь на мой вопрос, —

Что столько крови пьешь и столько пьешь ты слез?^[10]

После возвращения из отпуска Грозу выпускали из карцера лишь для того, чтобы дать ему новый срок. Он очень грустил. К тоске по родному краю, по дому и друзьям прибавилась мучительная тоска по молодой жене, оставленной в Бэчии. Пожилой бачу Юстин из банатского села Тикванул Мик очень был привязан к Грозе и пытался помогать ему. Он подходил к

зарешеченному окну карцера и советовал:

— Когда тебе очень тоскливо, Петруц, вспоминай песни и пой их про себя, душой. А пока нас не заметили, послушай.

Бачу Юстин доставал из-за пояса небольшую дудочку из бузины и играл ему чабанские мелодии. Гроза тихо подпевал, пока и его, и бачу Юстина не прерывал грубый окрик стражи.

Только через два года Петру Гроза вернется в Бэчию к своей жене Анне. Она стала верной и преданной спутницей его беспокойной жизни, помогала ему в работе, заботилась о хозяйстве и воспитании пятерых детей — Лучии, Марии, Петру, Октавиана и Ливиу.

VI

Семнадцатый год.

Национально-освободительное движение народов Австро-Венгрии под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции наносит все новые и новые удары по прогнившей лоскутной империи Габсбургов. Получают возможность осуществить свое стремление к национальному освобождению и народы, населяющие Трансильванию.

Завершив четырехгодичную службу в армии, Гроза включается в политическую борьбу с еще большей энергией. Он принимает самое активное участие в подготовке и созыве Великого Румынского национального собрания 1 декабря 1918 года в Алба Юлии, выступает там с горячей речью и голосует за объединение Трансильвании с Румынией.

Ему кажется, что наступил «золотой век» Трансильвании, пробил самый счастливый час в ее истории.

Немного времени потребуется для того, чтобы Гроза, как и другие борцы за объединение Трансильвании с Румынией, понял, что тяжесть короны бухарестских Гогенцоллернов давит на плечи трудового народа ничуть не меньше, чем давила сброшенная корона Габсбургов. Через несколько лет Гроза во всеуслышание скажет, что нужно менять не короны монархов, а социальную систему.

А пока что он молод и энергичен. Он в Бухаресте, живет в нескольких шагах от королевского дворца, в шикарной гостинице «Атене-палас», состоит в «народной партии»^[11] генерала Авереску, получил портфель министра по делам Трансильвании и полон замыслов и надежд.

Первое, самое первое — осуществить аграрную реформу и раздать землю крестьянам. Всем крестьянам, безотносительно к какой

национальности они принадлежат и какому богу молятся, нужно дать землю. Так, как это было сделано в России, — безвозмездно, без всякой оплаты.

Гроза поделился этими мыслями со своим коллегой по правительству, известным поэтом Октавианом Гогой, которому еще во время войны удалось перейти Карпаты и поселиться в румынской столице. Гога, как более опытный житель Бухареста, посоветовал:

— Ты поосторожнее с этим лозунгом, этот лозунг большевиков.

Гроза не раз слышал в армии это слово «большевик». Он знал, что любой солдат или офицер, заклеянный этим словом, подвергался самым жестоким наказаниям и издевательствам. Так, значит, здесь, в Бухаресте, запретно не только это слово, а даже то, что напоминает о действиях большевиков.

— А чем же их лозунги плохи? — спросил он Гого.

— Не будем об этом, — предупредил поэт, — нас могут услышать. И вообще об этом не надо...

Гроза не придал тогда этому замечанию Гоги никакого значения. Он радовался тому, что недавно опубликован проект аграрной реформы, думал, что разумными разъяснениями во время его обсуждения сможет повлиять на улучшение этого проекта. Гроза еще думал, что, несмотря на нерешительность и оппортунизм, махинации и нечестность представителей старых, «исторических партий»^[12], он сумеет способствовать установлению в Румынии демократического строя. Этим можно объяснить неоднократное участие его в буржуазных правительствах, его активную деятельность в «народной партии» Авереску. В конце 1919 года он писал: «Беды этого времени огромны. Никто не заинтересован сгущать краски. В этом нет нужды. В интересах же каждого гражданина способствовать по возможности облегчению тяжестей, давящих на наши плечи, это очень важно сейчас, когда необходимо построить на развалинах столь длительной и кровавой войны новую жизнь. Надежда на более радостное будущее, открывающее какие-то возможности и для личного счастья и гражданских свобод, согревает каждого из нас. Надежда эта определяет наши решения и наши шаги».

Надежда!

Чего только не предпримет Петру Гроза для осуществления этой надежды на лучшее!

В 1919 году Гроза становится депутатом в учредительном собрании объединенной Румынии и получает возможность ближе познакомиться со своими коллегами по этой партии, видеть, как ведут они себя здесь, в

«столице Великой Румынии». В Бухаресте, в непосредственной близости к дворцовым кругам и к тем буржуазным националистическим лидерам, которые в то время, когда Трансильвания входила в состав Австро-Венгрии, казались «чистыми ангелами», «борцами за национальное возрождение румынского народа», Гроза увидит, что «разговорами о высоких идеалах и прекрасных принципах национально-освободительной борьбы в Трансильвании» прикрывали частные интересы, чуждые нашему народу. Началась борьба вокруг «казана с мясом»...

Борьбой хищников вокруг «казана с мясом» назовет он в это время и шумную возню за правительственные кресла и депутатские мандаты.

С 1918 по 1922 год сменяется одно за другим пять правительств, идет бесконечное перераспределение министерских портфелей.

На выборах 1920 года побеждает народная партия во главе с генералом Авереску. И названием, и лозунгами партия эта сумела на время привлечь на свою сторону простых избирателей и представителей молодой, энергичной, жаждущей деятельности интеллигенции.

VII

Шестидесятилетний Авереску молодцевато шагал по роскошным залам королевского дворца в ожидании принятия присяги. Он уже был знаком с этой процедурой: всего лишь два года назад генерал здесь же представлял королю Фердинанду I свое первое правительство. Правда, тогда это правительство продержалось немногим более месяца. «За два прошедших года, — думал Авереску, — я укрепил свою партию, у меня в экипе^[13] деятельные, авторитетные ребята. Самый популярный средн крестьян — Петру Гроза. Молодой, образованный, энергичный, мыслящий. Правда, это последнее может помешать. Его нужно удерживать от резких, экспансивных порывов, умело использовать его знания и популярность».

Мысли генерала прервал голос чиновника, приглашавшего всех в тронный зал.

Важно сидел на троне Фердинанд I, сын Карла I Гогенцоллерна. Справа, увенчанная короной с алмазами, почти не дышала ее величество королева Мария. Чуть в стороне замер в своем парчовом одеянии бородатый священник. Обеими руками он держал раскрытую Библию.

Началась процедура присяги. «За страну и короля! Пусть мне в этом поможет бог!» — должны были повторять за священником члены нового правительства.

Петру Гроза с любопытством разглядывал королевскую чету, смеялся в душе над всем этим крикливо обставленным спектаклем. Король — пруссак, королева — англичанка. Они принимают присягу на верность от правительства Румынии.

Смешно! Трагично для этой страны.

«Я не буду вам присягать!» — решил Гроза, и, когда подошла его очередь, он повторил за священником только первые два слова — «за страну», а остальные сказал про себя: «За вас, мои земляки, за вас, роботары моего края!»

Священник, которому давно уже наскучило слушать одно и то же от членов часто сменяющихся правительств, не заметил, что Гроза не повторил всех слов присяги. А очереди уже ожидал следующий министр...

Строптивый молодой человек в кресле министра приносил немало беспокойства премьеру. Он с большим знанием дела взялся за изучение проекта аграрной реформы и, хотя занимал пост министра по делам проживающих совместно с румынами национальных меньшинств, активно высказывал свое мнение по всем вопросам, обсуждавшимся в правительстве. В это время за ним закрепляется прозвище «взбунтовавшийся дак»^[14].

Ему три раза меняют министерство, чтобы затем оставить его министром без портфеля. Но это на руку Грозе, человеку любознательному, подвижному. Он получает возможность больше ездить по стране, изучать положение крестьян, ближе знакомиться с жизнью.

В одной из таких поездок он встречается в городе Ботошань со знаменитым «красным принцем», Скарлатом Каллимаки, с которым его свяжет крепкая дружба, перешедшая и в тесное политическое содружество.

Петру Гроза исследует жизнь «старого королевства», как было принято называть объединившиеся в 1859 году княжества Валахию и Молдову, пытается понять социальную и политическую структуру страны. А для этого нужны самые широкие знакомства, сопоставление жизни народа центра страны, столицы, с жизнью дальних окраин, какими считались Дева и родные места Петру Грозы. И в этом во многом помогает ему худощавый молодой человек с острым, немного скептическим взглядом, остроумный и ничего не боявшийся «красный принц».

Его, прямого наследника знаменитого рода молдавских господарей Каллимаки, прозвали так за открытое признание Октябрьской революции. В условиях реакционных режимов буржуазно-помещичьей Румынии для этого нужно было огромное мужество.

Петру Гроза любил и уважал мужественных людей, восхищался ими. И хотя был старше Каллимаки, он видел в нем одного из своих учителей. Этот человек порой казался ему сказочным, сошедшим со страниц давно прочитанных детских книжек. Из того, что рассказывали другие, из отрывочных и очень скупых рассказов о себе самого Каллимаки Петру Гроза постепенно сложил современную быль о «красном принце».

Шла русско-японская война. Бабушка подарила одиннадцатилетнему принцу большую коробку, почти метр в длину. Она как бы вмещала всю эту войну. На картонном дне бушевали битвы, на внутренних стенках плыли крейсера, катера, парусные суда. Одни корабли — под русским флагом, другие — под японским...

Так запомнилось Скарлату Каллимаки начало этого века в имении его родителей в селе Бэлэрия уезда Блашка. Огромные комнаты, несколько гектаров парка с тенистыми аллеями — липы, платаны, каштаны, широкий, казалось, без конца и края, пруд с таинственно шелестящим камышом. Роскошные комнаты для игр, белоснежные спальни, библиотека из тысяч томов редких и дорогих книг с позолоченными корешками, бильярдная... Чего только не было в имении! Даже турецкий салон... А на псарне — сенбернары, бульдоги, фокстерьеры и два купленных у бродячего цыгана медведя. И только в дни праздников, когда родители водили детей в местную сельскую церковь, — только тогда ступали они на землю, по которой ходил местный простой люд. За оградой парка начинался для барских наследников новый, неизвестный для них мир. Лишь иногда они смотрели на него сквозь решетку огромных ворот центрального входа в парк.

Девочки и мальчики, босые, в лохмотьях, серые от пыли, с криками догоняли стадо... Маленькому принцу хотелось открыть ворота и уйти с этими босоногими мальчишками и девчонками.

Но на этот счет был строгий родительский запрет. Бывало, что родители брали его с собой в столицу.

Однажды после возвращения из мира далекой столицы принц увидел у отца чем-то встревоженных помещиков и полицейских начальников. Они тихо переговаривались, до мальчика доходили лишь отдельные фразы, упоминалось о каких-то крестьянских бунтах. Позже он поймет, почему смиренные крестьяне (они каждый день встречались согбенные, изможденные и бросали свое извечное «целую ручку, барин») вдруг схватились за вилы, косы и топоры. Поджигали помещичьи имения, безжалостно убивали своих хозяев и их слуг — арендаторов. Потом он уже стал задавать себе вопрос: почему в то время, когда ему дарили коробки с

воюющими флотами России и Японии, когда бесшумно и так волшебю горели рождественские свечи на украшенной блестящими шарами елке, дети людей, из поколения в поколение приученных к словам «целую ручку, барин», замерзали в истопленных хатах, не имели куска хлеба? Позже он узнает, что крестьянское восстание 1907 года в Румынии было отзвуком революции, которая пронеслась по России в 1905–1907 годах и была генеральной репетицией великого поворота в истории человечества, начавшегося двенадцать лет спустя в Петрограде.

Он не знал в 1907 году, что в дни Великого Октября 1917 года по пути из Парижа домой он окажется в Петрограде, проедет по разбуженной революцией России, вернется на родину и под влиянием всего увиденного в России раз и навсегда порвет со своим прошлым, со своим классом, станет в ряды борцов за счастье человечества и вместе с ними пойдет против мира лжи и клеветы, насилия и бесправия, именуемого капитализмом.

Мажордом, начитанный, достаточно хорошо разбиравшийся в литературе, должен был подбирать для юноши беллетристику. Он рекомендовал ему книги, в которых страница за страницей открывался мир великой русской литературы: Толстой, Достоевский, Пушкин, Гоголь, Чехов, Короленко, Андреев. «Я понял, — признавался позже Каллимаки, — что мир бьется в сетях нескончаемых бед, что «слоновая башня», в которой я жил, была лишь жалким подобием крепости, попыткой изоляции и что фата-моргана моего детства и первых лет отрочества рассыпалась в прах при столкновении с реальностью, начинавшейся за нашим высоким забором. Горькая действительность нашего общества была совсем иной... Потом я прочитал «Мать» Максима Горького, стал искать и покупать брошюры политического характера. Так я узнал о народниках, о героической Софье Перовской, о Вере Фигнер, о декабристах и о группе Александра Ульянова... Как-то подсознательно у меня зародилась мысль, что жить в пуховых подушках, есть самые изысканные блюда, приготовленные обученными поварами, ездить в позолоченных каретах, гулять и развлекаться и стараться не видеть того, что вокруг тебя происходит, — преступление прежде всего перед самим собой. Я начал понимать глубокий смысл происходившего в 1907 году крестьянского восстания, жертвенность безымянных крестьян... Тогда, в пятнадцатилетнем возрасте, я решил, что уйду от своих, пойду защищать угнетенных, как это сделали русские декабристы, Софья Перовская, Александр Ульянов и сотни таких, как они. Так я стал левым румынским революционером».

В 1918 году Скарлат Каллимаки снова едет в Россию и позже восторженно расскажет Грозе: перед ним часто встают как наяву лица демонстрантов первого советского Мая на Невском проспекте в Петрограде. Они выражали несокрушимую решимость защитить в самых тяжелых боях молодую свою республику. Он понял тогда, что зародилась новая сила, которая перевернула страницу великой книги истории.

Гроза и Каллимаки вспоминали и свои поездки по странам Западной Европы, мучительные поиски ответов на вопросы «что же делать?», «как же будет дальше?». Они приходили к общему неутешительному выводу: Европа, истерзанная войной, не может дать никакого ответа.

— Вы увидите — мир пойдет по пути русских, — уверенно и неоднократно повторял Каллимаки, — другого пути нет.

Петру Гроза был знаком с Россией только по книгам и потому подробно расспрашивал Каллимаки, что тот увидел там, как там живут люди. И повторял не раз:

— Я обязательно поеду в Россию!

А пока события повседневной жизни возвращали их к горькой реальности «Великой Румынии». Прежде всего к судьбам крестьянства — с ним они были связаны самым тесным образом.

После крестьянского восстания 1907 года, начавшегося с событий в селе с выразительным названием Флэмынзь («Голодуха») и завершившегося зверской расправой армии, было применено все — от нагаек до пушек, не раз вставал вопрос о необходимости аграрной реформы. В правительстве, на совести которого была кровь 11 тысяч крестьян, убитых в 1907 году, разговоры об аграрной реформе шли еще перед первой империалистической войной. Но события августа 1914 года дали «отсрочку» этим разговорам. Хотя Румыния вступила в войну только через два года, у ее правителей были другие, кроме аграрной реформы, заботы.

После окончания войны оставшиеся в живых крестьяне вернулись домой, по дорогам страны брели сотни тысяч искалеченных, вдов, сирот. Они требовали земли. Гроза сейчас не раз слышал в селах, как декламируют стихотворение Георге Кошбука «Мы хотим земли!». Это стихотворение он знал наизусть, много раз читал его с подмостков перед крестьянами во время хождения в народ со своей просветительной группой:

Без крова, голоден, раздет,

*Стою, оплеван, пред тобой,
И плетъ ты поднял надо мной,
Исчадье ада, мироед!..
И будьте вы Христом самим,
Мы все пути вам преградим
И скрыться даже не дадим
Во тьме земли!*^[15]

Правящие классы понимали, что под влиянием революционных преобразований в России может повториться с новой силой 1907 год, и они пошли на подготовку и осуществление аграрной реформы. Нужно помешать мужикам взяться за «спрятанный нож».

В 1921 году парламенту представляются на утверждение три закона об аграрной реформе, составленные министром земледелия крупным помещиком К. Гарофлидом.

Землевладельцы засыпали министерство Гарофлида многочисленными меморандумами, заявлениями, бесконечными предложениями, которые не могли не быть учтены. Отсюда половинчатость реформы, сохранение еще на долгое время феодальных пережитков в румынской деревне. Земля передавалась крестьянам в пользование и лишь после уплаты 20 процентов стоимости надела переходила в их собственность. Закон содержал многочисленные оговорки, дававшие возможность произвольно устанавливать размеры помещичьих владений.

Шесть миллионов гектаров земли, отсеченных у помещиков, распределялись очень долгое время, и крестьяне не были избавлены от прежней эксплуатации.

Для практического проведения в жизнь аграрной реформы создавалась целая иерархия исполнительных органов. Верховной инстанцией по всем делам, связанным с осуществлением реформы, стал Высший аграрный комитет при министерстве земледелия, состоявший из одних помещиков. Гроза также был членом этого комитета.

В январе 1922 года правительство народной партии пало, а сам Авереску, как скажет позднее о нем Гроза, показал, что не является политическим деятелем, способным осуществить хоть что-либо, оправдать хоть какие-нибудь надежды народа. Его популярность развеялась.

Но борьба вокруг «казана с мясом» продолжалась с особым ожесточением. Среди министров и высших правительственных чиновников господствовало ничем не прикрытое стремление обогатиться.

В Высшем аграрном комитете Петру Гроза вступал в яростные споры с помещиками, пытаясь вырывать решения, которые хотя бы частично шли на пользу крестьянам.

О выступлениях Грозы в этом комитете становилось широко известно в стране, и его популярность росла как среди крестьянских масс, так и среди правительственных чиновников на местах, которые считали за честь быть знакомыми с доктором Петру Грозой. Но «взбунтовавшийся дак» знал, кого выбирать в друзья, и не шел ни на какие компромиссы со своей совестью и с участниками «национального шабаша вокруг казана».

25 ноября 1922 года префект уезда Хунедоара Дублептин просит Грозу быть почетным гостем в день начала земельной реформы в коммунах Фолт, Бобылна и Приказ. Префект сообщал, что это первая раздача земель и он бы хотел, чтобы при этом торжестве присутствовали не только крестьяне, но и господа парламентарии, проживающие в уезде. Гроза очень хорошо знал суть и смысл реформы, ее антинародный характер, поэтому на «торжества» не поехал, а на обратной стороне пригласительного билета написал:

«Я отказался принять приглашение моего недавнего друга доктора Г. Дублешина потому, что аграрная реформа не была декретирована для парадного выхода господ политиканов. Они инсценируют вакханалии с музыкой, цветами и букетами, волов разукрашивают, как павлинов, прокладывают первую борозду и переходят к следующим селам, а на долю «наделенного» крестьянина достается весь мучительный труд без всякой механизации, без всяких признаков облегчения этого труда, а лозунг политических партий прежний: «Обогащайтесь, господа!»

Гроза свидетельствует, что нередко факты, когда крестьянин, получивший землю с такой помпезностью, оказывается выброшенным вон с участка, как только у помещика, у которого отрезали землю, появится своя рука в правительстве. Тогда и начинается «работа» высшей аграрной инстанции, но после разбирательства в конечном счете выигрывает не крестьянин, а помещик. Комитет этот, как и другие учреждения такого же рода, устроен не как аппарат защиты огромной массы трудового народа — он защищает богатство и власть кучки имущих.

«Казан с мясом» кипел, издавая аппетитные запахи, разжиревшая помещичья и промышленная свора еще яростнее кидалась в драку за лучший кусок.

К Грозе, популярность которого все время росла, поступают предложения одно другого заманчивее. Ему предлагают высшие посты в правительственных учреждениях столицы, выбирают почетным членом

различных промышленных объединений и предприятий, членом верховного органа румынской православной церкви.

Находясь в оппозиции, Гроза становится одновременно председателем Союза промышленников Румынии, Союза лесной промышленности, членом Центральной таможенной комиссии, членом Комиссии по экспорту и импорту, а также входит в состав административных советов нескольких десятков частных предприятий, банков и акционерных обществ. Грозе, по его собственному признанию, это дало возможность «приобрести опыт, которым располагали немногие».

Гроза познает все тайны государственной кухни, все больше и больше задумывается над тем, что происходит, — он начинает понимать, что желудок трудящихся масс не сможет слишком долго переваривать все то, что готовится на этой кухне.

«Охваченный еще не вполне ясным чувством ответственности перед своим народом, после четырех лет (1922–1926. — Ф. Б.), — говорит Гроза, — я снова стал членом правительства, образованного тем же Авереску, и снова предпринял попытку внести хотя бы какие-нибудь изменения к лучшему в царившие тогда политические нравы, в обстановку делячества и семейственности, характерную для деятельности «исторических партий», тесно связанных с членами королевской семьи — королями, королевами, принцами и т. п. Я думал, что смогу приоткрыть форточку и проветрить немного атмосферу, зараженную спекуляциями, интригами, переплетением всевозможных интересов, направленных в конечном счете к крупному дележу богатства страны.

Результат был predetermined — я вошел в конфликт со всем миром, с которым до тех пор сотрудничал, включая короля и королеву. Я разоблачил и их как дельцов. И тогда поставил под угрозу существование самого правительства, министром которого являлся».

По указанию короля Грозу отстраняют от дальнейшей работы в правительстве. Пресса по-разному оценивает это событие. Друзья восхищаются смелостью Грозы, недруги смеются и замечают с иронией, что «дак предпринял попытку измерить глубину моря при помощи собственного пальца».

Напуганный угрозой правительственного кризиса, Авереску попросил аудиенции у короля.

Король выглядел усталым и больным. На его здоровье сказалась недавняя скандальная история с его прямым наследником принцем Каролом. Непозволительные для королевской особы интимные связи, участие принца в нечистых финансовых махинациях стали достоянием

широкой публики, и находившаяся у власти либеральная партия добилась в парламенте лишения Карола права наследования престола. В самый канун 1926 года Карол был изгнан из страны. Король тяжело переживал эту семейную трагедию, он часто хворал.

Авереску попытался объяснить Фердинанду, что трансильванского деятеля с его энергией и популярностью нельзя оставлять без присмотра, его лучше держать поближе к правительству, к трону. Король сразу не ответил. Решение было принято через несколько дней. Авереску снова был вызван во дворец, и король сказал:

— Я согласен с вами, премьер, пусть будет так. Но никакого портфеля, никакого министерства, пусть числится вашим и моим советником...

Гроза вернулся снова к беспортфельному положению.

Весной 1927 года он отправился в очередную поездку. По дороге на нефтепромыслы района Кымпины вдруг услышал странный металлический перезвон. Был тихий солнечный день, деревья еще не зазеленели, и будто тысячи колоколов перекликались друг с другом. Он попросил водителя остановить машину, выключить мотор. Звенели скалы, дальние отроги Карпат, звенела быстрая вода реки Праховы. «Что же это?»

— Что это за звон? — повторил он вопрос вслух.

— Звон Дофтаны, — ответил водитель. И добавил:

Бьют склянки

По всей Дофтаны... [\[16\]](#)

— А что это такое? — спросил Гроза.

— Там сейчас избивают коммунистов, господин министр. Пытают их. И чтобы горы не слышали их криков, стражники ударяют молотками по подвешенным кускам рельсов. Я это сам видел, возил туда однажды господина генерального инспектора министерства внутренних дел.

— Едем к Дофтаны! — приказал Гроза шоферу.

Тот послушно повернул машину направо.

Дежурный офицер по тюрьме не пустил туда «советника короля». Дофтаны могли посещать только господин министр внутренних дел и лица с его специальным разрешением.

У доктора Петру Грозы такого разрешения не было.

Правительство Авереску на этот раз продержалось еще меньше. В народной партии усилились разногласия по поводу позиции, которую должно занять руководство в случае смерти безнадежно больного короля Фердинанда.

В 1927 году в водовороте закулисной игры правительство пало.

Король умирал, камарилья билась вместе с «историческими партиями» в жестокой схватке за власть.

Эта трагикомедия приняла шекспировский размах. Королева Мария, женщина очень опытная и активная в политических делах, навязывала в качестве председателя правительства близкого ей человека, который не имел, однако, авторитета.

Предвидя развязку, на экстренно созванном ночном заседании Совета министров Петру Гроза делает следующее заявление:

— Королева отстраняет от руководства страны braveго полководца и заменяет его своим любовником, вытасненным из-под собственной кровати. Я ухожу отсюда и оставляю пока что политическую арену, не желая ждать финала этой трагедии. Засяду в свою трансильванскую берлогу и буду думать год, два, семь — столько, сколько потребуется для того, чтобы выяснить для себя, по какой дороге идти дальше.

В эту ночь Петру Гроза расстался со старым миром. Он скажет потом, что этот уход от своих был тогда еще глубоко не осознан, основан больше на чувстве, на эмоциях.

Самоотстранение, вернее сказать, отход Петру Грозы от активной политической деятельности продолжался семь лет. Годы эти были проведены в размышлениях и учебе. Гроза пристально следит за всеми политическими движениями в своей стране и за ее пределами. Он пересматривает все, что исповедовал.

Многочисленные связи с зарубежными друзьями, со многими культурными и политическими деятелями страны делают возможным приобретение необходимой литературы и документального материала. Связи со Скарлатом Каллимаки, с Петре КонстантINESКУ-Яшь и другими активистами находившейся в глубоком подполье Коммунистической партии Румынии^[17] облегчают доставку в Бэчию и Деву марксистской литературы, с которой он до сих пор был знаком недостаточно в силу целого ряда обстоятельств.

Наконец, он более глубоко изучает Маркса, Энгельса, Ленина. Следит

с огромным вниманием за строительством первого социалистического государства — Советского Союза, анализирует пятилетние планы и их результаты, читает доклады и выступления Сталина.

«Для того чтобы добыть весь этот материал, — пишет Гроза, — в то время, когда он в моей стране находился под запретом, я постарался наладить связи с находившейся в подполье коммунистической партией. Замечу, что в это время я не приступил к какой-либо совместной деятельности, не предпринял никаких совместных акций с членами этой партии... Но они, видя проявленный мною общий интерес к коммунистическому движению, с радостью приносили необходимый мне материал.

Те семь лет, если характеризовать их кратко, явились для меня новым университетским курсом, содержащим огромный документальный материал. Он был связан с новой объективной реальностью, и я стремился к тому, чтобы не стать жертвой каких-либо односторонних мнений.

Таким образом, я пришел научным путем к синтезу.

Исследуя законы развития человеческого общества сквозь призму новых знаний, анализируя новые явления в национальном и международном плане, я пришел к ясным выводам».

Гроза готовился к новому этапу своей политической карьеры. Он переходил от стихийного бунта против существующих порядков несправедливости, обмана и коррупции к осознанной, организованной борьбе против существующего строя. Его и здесь ожидало немало неудач и разочарований, но он старался идти только вперед.

Буржуазная газета «Ромыния ноуэ» («Новая Румыния») писала об этом периоде жизни доктора Петру Грозы:

«Он отказался от министерских благ, от мандатов, лицемерия и подхалимства, то есть от всех лакомств нашей политической карьеры. Он вернулся к мамалыге с луком. Вместо отдыха он выбрал борьбу, вместо обогащения он выбрал жертвы. Карьера Петру Грозы завершилась, но его политическая деятельность только начинается...»

IX

— Добрый день, господин министр! — искренне приветствовали его крестьяне Бэчии, Коштея, всей Зэрандской округи. Они гордились тем, что из их среды поднялся такой знаменитый на всю страну человек. Они называли его своим министром все время.

— Добрый день, господин министр! — не без иронии пытались задеть его самолюбие сильные мира сего.

Крестьянам Гроза с любовью пожимал руки, противникам учтиво кланялся, поднося правую руку к шляпе.

И внешне будто бы все обстояло благополучно. Чего еще надо? Он вернулся в свою Бэчию, здесь родительский дом, большая усадьба, можно разбить великолепный парк. Расходов будет мало, потому что парк он посадит сам, Своими руками. Жена тоже любит землю. Они посадят этот парк вдвоем. Неподалеку в долине Стрея — небольшое имение, унаследованное от родителей жены. Там он займется разведением крупного рогатого скота. Попытается вести отбор самых лучших пород животных, прославившихся в Европе, постарается, чтобы во дворе каждого крестьянина Зэрандского края была высокоудойная корова. Крестьянским детям при отсутствии многих очень нужных продуктов питания необходимо жирное молоко. Надо обязательно приобрести несколько породистых коров в Дании. Об этих коровах он прочитал недавно в бюллетене министерства земледелия. Да, он создаст образцовое хозяйство и начнет обучать крестьян окрестных сел методам выведения красивого и высокопродуктивного скота. И еще вот что. В Деве он построит дом, откроет банк, будет выдавать ссуды крестьянам. Они никак не могут избавиться от долгов, берут у ростовщиков, чтобы расплатиться наконец за наделы, полученные по реформе 1921 года. Банк свой он назовет именем непокоренного короля даков — «Дечебал». Будет выдавать ссуды с меньшим процентом, чем это делают 1122 банка, выросших после аграрной реформы, как грибы после дождя. И еще откроет в Деве небольшую гостиницу. Это уж он знает, для чего она нужна ему, эта гостиница.

Занятый пересмотром своих взглядов, он отвлекался только для конкретного дела. Некоторое время отдавал строительству дома в Деве. Гроза почти не знал отдыха, кроме ежедневных утренних прогулок. И вот выпал один редкий день, когда он решил отдохнуть.

В библиотеке Румынской академии под инвентарным номером 112539 хранится единственный экземпляр небольшой книжки, размером с ладонь двухлетнего ребенка. Она издана по всем правилам книгопечатания — с обложкой и титулом.

Книга написана на одном дыхании. За один день — 23 марта 1928 года.

На обложке от нижнего левого до верхнего правого угла четким крупным шрифтом набрано: «*Не предавайся гневу, человек!*»^[18] А на титуле

под этим повелением набран подзаголовок: *«Совет бывшего советника трона самому себе»*.

Приведем ее полный текст.

«Не предавайся гневу, человек!

Решил поехать из Девы в Стрей, проверить, как там идут дела — в имении и на мельнице, ведь хорошему хозяину нужно поступать именно так. А я — хороший хозяин.

Март на исходе.

Я встал пораньше — чудесный день нарождается! — и обрадовался прекрасной мысли, пришедшей мне вчера вечером, — поехать в Стрей! Я блаженствовал во власти теплого, всепронизывающего чувства, идущего от самой матери-природы. Я смотрел, как весенняя заря очаровывает все, словно воздушная волшебная фея. Я растворялся в победном сиянии зари, в жизнетворном восходе солнца, разливающимся над любимым краем моего детства, я чувствовал, что в это мгновение становлюсь другим, как будто лучшим существом, более близким к таинству всемогущей жизни.

Машина мчалась по долине Стрел, по дороге, ярко освещенной солнцем. Проехали через родное село Бэчию, и эти места вернули меня от поэзии к действительности. Рядом в машине горят, как яркие пионы, щеки моих пятерых детей, сидит сияющая жена. Они все сейчас во власти того же блаженного душевного состояния, в душе прилив теплых естественных чувств. Мною овладевает гордость, а разум возвращает к реальным, здравым рассуждениям.

Каким же непостижимым бывает часто это создание — человек! Самое желанное твое счастье рядом. Распорядись им как хочешь! А ты его заведомо обходишь стороной, ищешь его в другом месте. Спрашиваю себя: «Зачем столько буйства? Зачем столько шумной суеты, грубых выходов по отношению к тем, которые не по своей воле оказались подвластными мне?»

Да, я скоро не буду ничем возмущаться. Буду спокойным. Разве не грешно так безбожно бунтовать, баламутить всю свою жизнь, когда вокруг столько красоты! Ведь в нашем распоряжении остается все меньше и меньше времени, чтобы наслаждаться этой красотой...

Когда приблизились к Стрею, я был во власти великолепнейших мирных размышлений. Я не связывал себя каким-либо зарокон, клятвой, но испытывал желание стать другим человеком, не тем, чем был до сих пор, и мысленно видел эту счастливую, радостную метаморфозу.

В сознании, проясненном светом того весеннего утра, я открыл свое собственное, настоящее «я», спрятавшееся в складках морщин повседневности. Я усвоил эту истину с благодарностью человека,

жаждущего чистого счастья.

В этом душевном состоянии я начал осмотр своих владений.

Мне нравится образцовое хозяйство, и я горжусь своими красивыми, отборными животными. Поэтому начал я с коровника. Видели бы вы, какие у меня красавицы! Коровы стоят в ряд и тихо жуют. Они до лоска вычесаны, пахнет парным молоком, свежей известью и чистотой. Я был очень доволен и хотел пройти дальше. Но вдруг перед моими глазами какое-то чудовище: неказистая, худая, кривоногая корова. Монстр, не иначе. И рядом с такими красавицами! Во мне внезапно поднялся настоящий ураган. Честолюбие собственника овладело мною полностью и сразу подавило все добрые мысли и чистые чувства, с которыми я сюда приехал.

— Откуда эта уродина?! — гневно заорал я.

Скотники стали робко объяснять, что ее привел администратор, в Хунедоаре купил.

Как же это так? Я же категорически приказал администратору вывести отсюда все слабое и неприглядное, оставить одно к одному — самое статное, самое красивое. И поэтому появление здесь этой коровы показалось неслыханной дерзостью, издевательством надо мной.

Позвали администратора, и передо мной предстал приземистый, коренастый крестьянин из местных секуев^[19]. У него толстая, мускулистая шея и маленькие хитрые черные глазки. И беспрерывно мигает. В этом что-то от скрытой гордости, он до меня работал у более знатных помещиков, у так называемой элиты.

— Откуда это чучело среди моих коров? — спросил я, чуть сдерживая гнев.

— По деньгам и покупка, — ответил он туманно.

Ответ показался мне преднамеренной дерзостью. Неужели этот слуга восстает против своего ненавистного хозяина? Я вышел из себя и стал горланить всюду:

— Собирай манатки и убирайся вон!

Администратор попытался утихомирить меня и сказал, что нехорошо с моей стороны поносить его при подчиненных. Это показалось мне еще большей дерзостью, и я чуть было не ударил его откуда-то прихваченной плеткой.

Последовало что-то жуткое, труднообъяснимое. Это неожиданное мое бешенство, дикие вопли и поднятая для удара плеть нарушили все мое душевное равновесие. Я метался, разъяренный, по двору, было стыдно самого себя, я не знал, как восстановить необходимое спокойствие. Вижу

— какие-то люди поправляют забор. Я ни с того ни с сего чуть было не взял в оборот и тех, что-то там тоже пришлось не по вкусу, но тут смотрю — снова попадается администратор. Он наблюдал за мной с подчеркнутым уважением и, как видно, дожидался, чтобы объяснить мне что-то. Я слушал растерянный и не следил за тем, что он говорит. Думал только, насколько этот человек лучше меня, и ругал себя за неоправданную ярость. Я смотрел, как он, несчастный, стоит передо мной, ему больно оттого, что я его так обругал и что ко всему же он оказался виноватым и должен терпеливо, добросовестно нести свой крест слуги — ведь он зависит от меня, его существование в моих руках. В тот миг я отдавал себе отчет в том, что унижать и оскорблять такого человека недостойно.

Я молча анализировал свой поступок, а он безропотно ожидал в нескольких шагах от меня.

— Что это у вас за манера так отвечать хозяину? Как же это, черт возьми: я спрашиваю, а вы отвечаете мне туманно? Вы поступили нехорошо. Видите, что может случиться!

— Да, господин, — начал он дрожащим голосом, — вы правы, но что же мне было делать? Для хорошей коровы у меня на самом деле, вот крест, не было денег...

— Как? Это ваша корова?

— Да, моя, потому как вы мне дали право купить себе корову и держать ее здесь, с вашими...

Да, так было. Администратор имел право держать свою корову в моем коровнике за мой счет. Я подписал это условие, оно было записано в договоре, но я забыл об этом, потому что прошел уже с тех пор целый год, а он, наверное, из-за отсутствия денег не воспользовался до сегодняшнего дня этим правом.

За всю жизнь у меня не было подобных тяжелых минут. Тогда я понял, что совершил несправедливость. Чувствовал себя несчастным, запутанным и опозоренным перед самим собой. Сколько бы я отдал, чтобы не оказаться сейчас лицом к лицу с этим человеком, который так виновато смотрел мне в глаза! Я все продумал, посоветовался со своей строгой совестью, чтобы найти почетный выход для себя из этого позора и извиниться перед ни в чем не виновным работником. Я тут же велел ему зайти в коровник, позвал туда всех свидетелей моего гнева.

Перед целым собранием удивленных скотников я признал свою ошибку, свою вину и попросил у администратора прощения. Это было все, на что я был способен. Когда я закончил свое покаяние, то убежал из коровника как от нечистой силы.

Солнце величественно поднималось к своему зениту, а я уже не чувствовал ни его теплой ласки, ни радостной тишины пробуждающейся природы, потому что внутри меня пронеслась невероятная буря. Загнанная глубоко, она еще бушевала и яростно билась, меня трясла жестокая лихорадка.

Я осквернил день, предназначенный для душевного блаженства. Деспотичный человек, злой и неуравновешенный, кто вернет тебе этот ясный день, который ты так грубо растоптал непродуманным и недостойным поступком?

Этот случай должен остаться в моей памяти навсегда. Вспоминаю, что в доме у одного моего друга не раз скользил взглядом по крупным буквам, из которых складывался афоризм: «Не предавайся гневу, человек, все проходит. Не гневайся». Тогда я не попытался проникнуть в его глубокий смысл. Сейчас, вспомнив эту простую мудрость, я нашел спасение от душевного тупика, куда оказался загнанным приведенным выше случаем. И потому, что полон решимости *«не давать и этому пройти без следа»*, буду помнить всегда заголовок и неоднократно перечитывать этот рассказ, написанный именно для того, чтобы не забывать его никогда...

Дева, 23 марта 1928 года».

В то время в Деве не было типографии. Написав это, Петру Гроза отправился за многие десятки километров в Клуж. Там договорился с типографией, сдал рукопись в набор, и тут же ему отпечатали несколько десятков экземпляров. Гроза забрал их и поехал к себе домой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОССТАНИЕ ЗЕМЛИ

I

Министры получали солидные оклады, а Гроза был нерасточителен. Годы, проведенные на скромном студенческом пайке и в армии, приучили его к бережливости. Министерское жалованье, отчисления от предприятий, в руководстве которых он состоял, доходы от поместья сложились в немалый капитал, и Гроза в полном согласии с женой в 1924 году приступает к строительству дома в уездном городе Деве. Оттуда и рукой подать до родного села Бэчии. Он долго выбирал место и остановился у каменистого подножия крутой горы, увенчанной седыми развалинами крепости Девы. Молодые супруги, архитекторы, ученики знаменитого Корбюзье, составляют проект, нарушая классические каноны румынской архитектуры. По поводу этого дома Гроза конфликтует с городскими властями, его обвиняют в осквернении национального зодчества, но он упрямо возводит дом, который не будет похож ни на один дом в Румынии. «Через десяток лет вы будете у меня учиться, как строить», — отвечал он властям.

Гроза не ошибся. В 1936 году в путеводителе для иностранных туристов его дом значился как образец смелости в архитектуре и учета всех достижений техники и прогрессивной мысли в возведении городских жилых помещений.

Посетитель дома Петру Грозы в Деве и сегодня, спустя пятьдесят лет после того, как вселился в него хозяин, убедится, что его отличительная черта — отсутствие помпезности, присущей архитектуре богатых особняков. Ведь в 30-е годы румынский помещик или промышленник старался во что бы то ни стало построить свой дом лучше, красивее, богаче, вычурнее, чем у соседа, а тем более у соперника. «Твой дом — твоя витрина, твоя реклама», — говорили они. Дом Грозы отличает от всех домов в Румынии исключительная простота. Прямые линии, плоская крыша, полное отсутствие архитектурных излишеств, удобные помещения для работы на первом этаже, для жизни — на втором. По комнате для каждого из пятерых детей, по комнате для себя и для жены. Когда придут

гости, дети потеснятся. Строгий дом для работы — прежде всего.

Одна любопытная деталь. Расположен дом как раз напротив здания уездного управления, где размещались тогда все службы уезда — и административные, и хозяйственные, и финансовые, и полицейские. Дом Грозы стоял как вызов этим властям. И из окошка на втором этаже видно было каждое движение уездного начальства.

Никто не знает, предполагал ли сам Петру Гроза, начиная строительство в Деве, что дом у подножия древней крепости на многие годы разместит генеральный штаб широчайшего крестьянского движения Румынии, названного еще в самом своем начале «восстанием земли», и явится мозговым центром этого движения.

А началось оно так. В канун нового, 1933 года к редактору и владельцу газеты «Хория» в Деве адвокату Аурелу Филимону пришла делегация.

Аурел Филимон знал, что в последние месяцы 1932 года группа молодых крестьян из сел Хунедоарского уезда — Ион Мога Филерю, Мирон Беля, Груя Петру Моцу, Чонка Теодор, Думбравэ Иовицэ, Дэнуц Шотынга — распространяет рукописные листовки-призывы к жителям деревень и сел приготовиться к большому собранию, где будут держать ответ домний — господа, ничего не сделавшие для улучшения жизни народа за четырнадцать лет после объединения Трансильвании со старым королевством. И вот они стоят перед Филимоном и просят опубликовать «Крестьянский призыв», написанный в стихах.

*Братья крестьяне из далеких мест,
В день 8 января
От мала до велика
Придем в город Деву,
Чтобы увидели и господа,
Как поумнели глупые,
Потому что уже четырнадцать лет
Ничего хорошего не сделали для крестьян...
Очень худо, братья, нам,
Господа загнали страну в болото,
Наша жизнь для них ничего не стоит,
Мы доведены до полной нищеты...*

В горных районах Румынии говорят, что крестьянина трудно расшевелить, но, если зашевелился, тогда его уже не остановить.

Экономический кризис 1929–1933 годов имел для румынской деревни самые тяжелые последствия. Преобладание сельского хозяйства в экономике страны обострило кризис, и его последствия отразились на огромной массе крестьян. Резко подскочили цены на промышленные товары, а на сельскохозяйственные упали катастрофически. Сельский труженик для покупки любого изделия промышленности должен был продать вдвое больше своих продуктов, чем в 1929 году. На положении крестьянства отразились долги за землю, огромная задолженность банкам. К 1932 году на один гектар полученной после аграрной реформы земли приходилось 6600 лей долга. Это равнялось стоимости самого гектара. А банки усиливали давление и требовали возвращения ссуд. Правящие классы чувствовали, что народное терпение лопнет, и усиливали репрессии.

Гроза, как обычно, встал рано, попробовал подняться к крепости — было холодно и очень скользко. Тогда он решил пройтись по пустым аллеям городского парка, но озяб и вернулся домой. На сердце была непонятная тревога. С ним это случалось не так часто.

На столе лежала газета «Хория». Подчеркнута строка — «В день 8 января». Сегодня как раз 8-е.

Дети после рождественских каникул пошли в школу. Жена Анна на кухне. Слышно, как течет вода. Анна моет посуду. «Почему же она сегодня моет посуду? Кто дежурный по дому?» Быстрыми шагами он идет к ней. Но уже вода выключена, посуда на месте.

— Хочешь кофе? — спрашивает жена.

— Нет, Ани, нет... Хотел узнать, кто же сегодня у нас должен мыть посуду. Почему это делаешь ты?

— Девочки спешили в школу. Отвыкли за каникулы...

Он поднялся наверх, на второй этаж. Открыл по порядку комнаты детей. Все вещи, книги, пособия на месте, убраны кровати. Задернуты занавески. Он отодвигает их, проверяет, стерта ли пыль с подоконников, чисты ли стекла. Все в порядке. Вот так и надо. В этом доме никакой прислуги, никакого «парникового» воспитания. Дети должны все делать сами. Правда, мать их иногда жалеет, делает работу за них, вот как сегодня.

— Ани, ты не сердись, но ты не должна была сегодня делать работу девочек, пусть они сделают, когда вернуться из школы. Это их обязанность...

Жена не успела ему ничего ответить — раздался звонок.

Петру Гроза открыл дверь. У порога стояла делегация крестьян. Но это

были не те крестьяне, которые при встречах с имущими, с «отцами» страны, останавливались, наклоняли низко головы и говорили со страхом в голосе: «Целую ручку, барин». Это были хозяева, на чьих лицах читался гнев, решимость и бесстрашие. Они пришли прямо из зала городского театра. Он переполнен. Крестьяне, прибывшие на призыв газеты «Хория» со всех концов края, заполнили и театр, и прилегающие к нему площадь и улицы. В зал пустили лишь по одному делегату от каждого села.

О том, что делается в зале, о чем там говорится, сообщают по радио. Зал потребовал, чтобы сейчас же явились, как на суд, девские политиканы, промышленники и помещики, разбогатевшие на обмане простого народа. Были оглашены их имена. Пусть придут и держат ответ! Пусть отчитываются, куда ведут страну!

Перед Петру Грозой стояла делегация во главе со старым крестьянином, мудрым Абелем Бэнясой. Он говорил будто заранее заученную речь:

— Приглашают и вас на отчет, господин министр. Вы сын этого народа. Мы подняли вас, как и многих других, к высоким почестям, поставили под ваши зады мягкие кресла министров. А для нас ничего не изменилось, ничего сладкого для нас, а только одна горечь! Сейчас призываем вас к ответу, расскажите, что сделали со страной! Пусть народ услышит!..

Гроза не задумавшись направился с ними.

У входа в театр к нему подошел знакомый крестьянин и шепнул:

— Меня, господин министр, попросил дожидаться вас адвокат Филимон. Говорит, вам не надо заходить. Там горячо, все полыхает!

— Полыхает? — спросил Гроза — Тогда я лезу!

Перед этим в зале уездного театра произошло невиданное. Любопытное местное мещанство — чиновники, коммерсанты, лавочники, их жены пробрались в верхние ложи посмотреть, что же будет, что задумала эта чернь в овечьих тулупах и мерлушковых шапках, так называемая талпа цэрий — основа страны. Крестьяне, заполнившие партер, начали скандировать:

— Да здравствуют крестьяне! Да здравствуют крестьяне!

Верхние ложи молчали. И партер обратился к ним:

— Кричите и вы «да здравствуют крестьяне!», иначе кишки выпустим!

— И достали острые чабанские ножи — неразлучные спутники крестьян этих мест.

И тогда верхние ложи трусливо оставили театр.

Когда поднялся на сцену Петру Гроза, в зале еще кипели страсти и

никто не стал приветствовать «господина министра». В это время выступавший с трибуны говорил о банке «Дечебал», 85 процентов акций которого принадлежали Петру Грозе.

На трибуну один за другим поднимались крестьянские делегаты и говорили о своем горе, о своих нуждах. Бывший министр знал о многом и многое предполагал, но что соберутся крестьяне и устроят этот суд над своими эксплуататорами и угнетателями, над общественным строем страны — этого он не мог представить.

Сейчас он слушал.

Одни ораторы сложили свои речи в стройные стихи, другие приводили народные предания и сказки. Адам Мариш из Козин стал рассказывать притчу про голодную, зажатую скалами змею. Она плакала, и проезжий горец пожалел змею, отодвинул скалы. А змея, оказавшись на свободе, сказала: «Теперь я есть хочу, приготовься — я сожру тебя».

— Так и наши депутаты, — продолжал Адам Мариш, — пока они не избраны — обещают молочные реки, как только оказываются наверху — обо всем забывают.

— Мы пришли сюда, — говорил Ион Мога Филерю из Хэрцэгани, — подгоняемые тяжестью жизни, бедностью и страданием. Эта троица стала постоянной гостьей в доме каждого из нас. А среди «народных» депутатов не нашелся ни один, который бы там, в парламенте, сказал во весь голос, что в этой стране нет никакой справедливости для низов, для крестьян. Но пусть знают правители, что мы не дадим им вернуть нас к временам крепостного права... Чтобы послать сюда, нас одевали всем миром. У кого рубаху взяли, у кого штаны, у кого шляпу. Вот до чего нас довели.

Говорит Мирон Беля из Лешник:

— Когда окончилась мировая война, уцелевшие вернулись домой и нашли разоренное хозяйство, могилу жены, а дети разбрелись по белу свету. Каждый стремился начать все заново. Но даже золы в очаге не было. С чего начнешь? Стали занимать деньги в банках у банкиров, которые всю войну грели своих жен и накапливали монету. В первые годы мы платили им проценты и не заботились о том, что нужно платить и завтра и послезавтра. А проценты росли и росли. Превысили самую сумму, взятую займы. Так, одним плати проценты, другим — налоги, третьих выбирай в парламент, потому что они обещают избавить и от налогов и от банков. А на самом деле получился один обман. Нас, страдающих, большинство. Мы организуемся и объединимся, чтобы бороться за новую жизнь.

В этот миг весь зал поднялся, и гром голосов потряс здание театра:

— Новую жизнь хотим! Новую жизнь хотим!

Петру Гроза сидел как на скамье подсудимых.

Был и он не раз избран депутатом, заседал в овальном зале роскошного здания парламента на холме митрополии^[20] в Бухаресте, сидел за одним столом с председателем Совета министров и бывал в тронном зале короля. Значит, как он не раз думал, объективно и он виновен, что правители обманывали крестьянство, обманывали народ. Он мучился этой мыслью. Но что из этого?

Тут, перед этой крестьянской массой, придется держать ответ, тут не покривишь душой, не сфальшивишь. Он встал и направился к трибуне. Его сопровождали враждебные взгляды и выкрики. Для этой массы он — представитель враждебного, эксплуататорского класса, кровопиец, и ждать пощады не придется. Из большого числа богатеев и власть имущих города Девы Гроза пришел сюда один. Остальные предпочли остаться дома и сообщить в полицию о «бунте», просить защиты. Но он, Петру Гроза, пришел, чтобы держать ответ за всех, он будет говорить с этим залом начистоту, он не покривит душой, как не покривил ни разу в своей жизни. Ему пошел пятидесятый год, в этом возрасте равные ему по положению в обществе больше думают о старости, беспокоятся о благополучии семьи, о дальнейшем «благородном» пути своих детей, чтобы они были «достойными» наследниками и приумножали нажитое родителями богатство.

Было четыре часа дня, выступили уже более сорока крестьян.

Напряженный, как натянутая струна, Петру Гроза вышел к трибуне. Окинул взглядом зал, оглянулся на президиум. Сказал тихим взволнованным голосом:

— Если привели меня сюда, только об одном прошу вас — выслушайте меня.

Великан Мирон Беля поднялся со своего председательского места и поднял руку:

— Давайте, роботары этой земли, выслушаем его!

— Выслушаем! Выслушаем! — раздались возгласы, и зал притих.

— Я пришел сюда, — начал Петру Гроза, — потому что от меня потребовала этого группа крестьян, находящихся здесь, среди вас. У входа меня дождался человек адвоката Филимона и предупредил, что здесь полыхает, горит страшным пламенем. Я сказал себе: раз полыхает — пойду! И вот стою перед вами. Судите меня! Выступавшие спрашивали: «Чего хочешь? Что выбираешь — борьбу за порядок и свободу в стране или банк, почести и богатство?»

Гроза сделал паузу, будто подводил итог всей своей жизни. В зале, на

прилегающей площади и на улицах крестьяне замерли в ожидании: что скажет сейчас «господин министр», что он может сказать в свое оправдание, в оправдание своего класса богатых и всесильных? *А он положил правую руку на трибуну и ровным громким голосом произнес, как святую клятву:

— Я заявляю здесь, что сегодня бросаю за борт все и выбираю борьбу за порядок и свободу в этой стране! Вас, крестьян этого края, прошу быть моими свидетелями. Весь мир должен знать, что вы явились сюда не на зов господ — вершителей политики. Вас собрало страдание и боль. На их призыв вы отозвались... Ни одному правительству, ни одной политической партии не удавалось собрать вместе всех вас, таких могучих, мудрых, воодушевленных! Пусть все запомнят этот день! И еще запомнят то, что партия, находящаяся сегодня у власти, национал-царанисты со всеми своими сенаторами и депутатами попытались созвать параллельно с вашим собранием своих людей в небольшом зале соседнего казино. Но их зал пустует, все крестьяне пришли сюда, а не пошли к ним, к национал-царанистам.

Далее Гроза сказал, что ничего не страшится, и призвал к такому же бесстрашию крестьян. Он рассказывал, что в среде богатых и могучих его называют большевиком за то, что он говорит когда хочет, с кем хочет и о чем хочет. Но и не только за это.

— Меня называют большевиком за то, что я говорил неоднократно: наша страна — это огромный гнойник. И я не боюсь прикладывать к нему горячую мамалыгу^[21].

В то же время Гроза призывает крестьян к организованности и спокойствию. Не следует давать себя провоцировать. О том, что нужно вести борьбу против правительства умом, а не вилами, Петру Гроза будет говорить неоднократно. В дальнейшем он попытается удерживать крестьян от стихийных, неорганизованных выступлений, от напрасного кровопролития. «Слабые числом, но сильные своей организованностью всегда побеждали неорганизованных», — подчеркивал он. Отвечая на предложение созвавших собрание в Деве идти с ними, Гроза сказал:

— Если вы призовете меня идти вместе с сотней хорошо организованных землепашцев на борьбу за уважение человеческого достоинства, за классовые интересы крестьянства, я пойду. А если позовете идти вместе с неорганизованным стадом, тогда не пойду. Стадами руководят митрополиты, а не борцы.

На этом же собрании произошло знаменательное событие. Петру Гроза заявил, что после долгих раздумий о судьбах страны он решил выйти из

народной партии генерала Авереску, и призвал присутствующих подумать над смыслом их пребывания в рядах буржуазных политических партий.

Лозунг «Уйдем из партий!» стал основным лозунгом дня.

Крестьяне составляли в то время 85 процентов населения Румынии. И они очень умело были рассредоточены между четырнадцатью буржуазными партиями. В небольшой деревне можно было встретить членов всех этих партий, крестьяне, как правило, не знали ни об их программе, ни об их целях. «Во имя короля и отчизны!» — было написано на знамени каждой. А остальное? Что касается остального, то об этом будет разговор «после того, как мы придем к власти». Партии менялись у руля страны, приходили к власти и уходили, а положение деревни оставалось таким же. «Во имя короля и отчизны!», «Ничего без бога», «Король и родина — наивысшее благо». Слова эти уже надоели всем. Потому что проходили годы, у возвратившихся с фронтов первой мировой войны ветеранов вырастали дети, требовались новые дома, новые земельные наделы, одежда и хлеб. И всего этого становилось все меньше и меньше. А четырнадцать партий соревновались в демагогии. Они разъединяли крестьян, сеяли вражду и в семьях. Бывало, отец состоит в одной партии, сын — в другой, и ведут они между собой ожесточенную борьбу неизвестно за что.

Поэтому призыв к созданию единой крестьянской организации нашел самый широкий отклик.

Один за другим заявили о выходе из «своих» партий все присутствовавшие. После восьми часов непрерывной работы собрание приняло решение создать всерумынскую организацию крестьян и назвать ее «Фронтом земледельцев». Приняли также решение о созыве через два месяца нового представительного собрания «работников земли» уезда Хунедоара.

Тайно пробравшийся в театр глава сигуранцы^[22] города Девы Понеску Себастиан сказал своему начальнику: «Да, господин квестор, я присутствовал на этой встрече. Это была ре-во-лю-ци-я!!»

К дому Петру Грозы с этого дня будут направлены взоры крестьян, отсюда протянутся видимые и невидимые нити, которые свяжут крестьянское движение края в прочное единое целое. Через «Фронт земледельцев» будет легче вести работу среди трудящихся масс деревни Коммунистической партии Румынии, находившейся в глубоком подполье.

Имеются свидетельства, доказывающие, что в начале 1933 года Петру Гроза устанавливает связи с Гомбо Самуилэ, секретарем хунедоарской организации Коммунистической партии Румынии. Эти связи

поддерживались и с активистами уездного и Центрального Комитетов компартии — Аугустином Алмэшаном, Ионом Майером и другими.

Инициаторы создания новой организации ставили перед собой задачу действовать в строгом соответствии с конституцией страны, без применения насилия и нарушения существующих порядков. О мирном характере движения говорили всюду. Этого придерживался и Гроза, этого требовали и вожаки крестьянства, коммун и плас^[23]. Наиболее четко сформулировал требование мирного характера этого движения один из главных инициаторов, а затем и руководителей организации — Мирон Бея. Сразу же после 8 января 1933 года на заседании комитета пласы Хунедоары он подчеркивал, что крестьянство должно защищать свои интересы в мирной борьбе. Коммерсанты, ремесленники, адвокаты имеют свои организации. Такие организации должны иметь и работники земли. «Мы должны сплотить свои ряды для того, чтобы улучшить свое положение, и это не должно оскорблять никого. Жизнь каждого землепашца стоит очень дорого. И мы не хотим, чтобы в результате этой борьбы оставались вдовы и сироты. Мы призываем крестьян к пробуждению».

«Не дай бог рассердить власти, избавь господь от кровопролития!» — повторяют вожаки друг за другом. Как много наивного еще в этих заявлениях, с одной стороны, разоблачающих несправедливость, грабеж и насилие, а с другой — призывающих не прибегать к насилию.

Но не только мирные проповеди звучат в речах.

На некоторых встречах и выступлениях снизу высказываются довольно резкие требования, звучат недвусмысленные угрозы.

«Мы, землепашцы, загоним нож в столешницу. Пусть кто-нибудь осмелится вытащить его!» (Груя Петру Моцу).

«Ошибаются те, которые оскорбляют нас и говорят, что мы нарушители порядка. Мы не хотим умирать и не желаем, чтобы другие умирали. Но мы доведены до сумы. Вспомним бой между Давидом и Голиафом. Давид победил. Так и мы. Во имя правды требуем торжества справедливости и новой жизни. В противном случае возьмем пращу!..» (Борка Георге из Сынтухалма).

Все эти выдержки взяты из газеты «Хория», владелец которой Аурел Филимон предоставил ее в распоряжение крестьян. Он подарил затем свою газету новой организации, и она стала центральным печатным органом «Фронта земледельцев».

После собрания 8 января крестьяне стремительно шли к созданию своей собственной организации. Мирон Бея, Ион Мога Филерю, Ромулус

Зэрони считают, что промедление смерти подобно. Отсутствие быстрого транспорта, телефонной связи, установление строгого контроля полиции над письмами, плохая погода — ничто не может помешать распространению вести о новой организации.

Но и власти не дремали.

Тут же началась слежка за самыми активными организаторами собрания 8 января, был установлен жесткий цензурный контроль за газетой «Хория».

Префект уезда Хунедоара издал распоряжение о запрещении крестьянских собраний. Поздно ночью 10 февраля организационный комитет района Девы был арестован и приведен на допрос в уездное управление жандармерии. Префект спросил Мирона Белю с издевкой:

— У тебя какое образование? Кто научил тебя организовать крестьянство против правительства?

— Я, господин префект, — ответил Беля, — получил образование, читая одну и ту же книгу страданий... Вы же плохо ее знаете. А возможно, не заглядывали в нее никогда. Идея нашей организации зародилась из наших страданий и из нашей боли. И если потребуется, мы готовы пожертвовать собой... Пусть мы погибнем, но организация все равно будет жить!

Перед лицом насилия и репрессий крестьянские вожаки заговорили другим голосом.

Ромулус Зэрони заявил с несвойственной ему дерзостью, что крестьянство готово в любой момент к активной защите своих интересов. Будущая организация создается именно для защиты интересов крестьянства. «Право и достоинство, — писал он в газете «Хория», — должны быть под защитой независимо от того, носит человек шикарное пальто с шалевым воротником из дорогих мехов или овечий тулуп. Мы требуем равного к себе уважения. И еще требуем ослабления финансового пресса. Ныне сельскохозяйственный долг составляет пятьдесят с половиной миллиардов лей. Тридцать семь миллиардов составляют долги крестьян с земельными наделами меньше десяти гектаров. Если не подыдемся на борьбу, наша земля перейдет в руки крупных землевладельцев и банков, а все бедные крестьяне окажутся на дорогах с сумой. Политиканам не больно, у них другие заботы. Позаботимся же мы о себе, друзья крестьяне».

Все старания полиции задуть новое крестьянское движение в зародыше оказались напрасными.

Газета «Хория» из номера в номер печатала статьи, заметки и

телеграммы со всех концов страны о том, что крестьянское движение, начатое собранием 8 января в Деде, ширится и принимает все новые и новые формы организованной борьбы.

«Наша организация растет и крепнет, — писала газета в феврале 1933 года. — Ежедневно идут и идут к нам вести, прибывают протоколы о создании местных подготовительных комитетов. В отладив от шумных и неорганизованных выходов идолов-политиканов, которые заманивают толпу к бочкам с вином и жареным быкам и одновременно вместе с румяными колесами колбас раздают никогда не выполнявшиеся, тотчас же забываемые обещания, наши собрания являются предвестниками новых времен, наступления новой жизни...

Мы ясно представляем себе, что путь, по которому мы идем, тяжел и тернист. Но мы докажем, что пассивная до сих пор крестьянская масса, составляющая 85 процентов населения этой страны и обеспечивавшая до сих пор своими голосами не одно неспособное правительство, пойдет на борьбу. Она не будет больше пассивной.

Плуг, поставленный в борозду «Фронтом земледельцев», пашет тщательно и глубоко — и бурьян станет реже. *Организованность подымет земляпашцев от уровня стада до уровня компетентной и активной движущей силы политической и экономической структуры страны.* (Разрядка моя. — Ф. В.)

Это основной стержень нашей веры. Отвратительная комедия, разыгранная большими и малыми политическими акробатами, делает нас нестигаемыми. Под знаменем «демократии» и «интегрального национализма» они «жертвуют» собой во имя родины, занимая при этом сверхоплачиваемые и сверхобеспечивающие должности и расширяя круг власти до седьмого племянника. Они, потеряв всякий стыд, продают с молотка богатства страны.

Мы боремся в строгих рамках законности, — подчеркивает далее газета, — и полны решимости преодолеть возводимые на нашем пути препятствия. Препятствия эти созданы политическими трутнями, в чьей власти находятся мертвые статьи румынской конституции. Мы еще смеем надеяться, что эта конституция не позволит, чтобы одни разорились окончательно, а другие удесятерили свое богатство, накопленное без всякого личного труда, путем обмана и эксплуатации.

Мы верим в победу нашей организованной борьбы, к несчастью всех тех, которые нас эксплуатируют. Это единственная вера, которая сохраняет еще наш разум трезвым.

Землепашцы со всех концов страны, объединяйтесь и идите вместе с

нами!»

Нетрудно узнать автора этих строк.

Стремление организаторов «Фронта земледельцев» вести всю борьбу в рамках закона по принципу «не давать себя спровоцировать», «не допускать кровопролития» показало сразу же всю свою утопичность. Полиция не дремала, и власти, обеспокоенные размахом движения, перешли в наступление, не теряя времени.

В воскресенье, 19 марта 1933 года группа крестьян пришла в промышленный городок Хунедоару, чтобы «в рамках конституции» осуществить свое право на собрание. Местная полиция и подосланные подкрепления из уездного центра оказались тут как тут. Верховые жандармы, разодетые как для правительственного парада, в белых перчатках, с новенькими нагайками, трижды разогнали собравшихся, а потом согнали их на скотный рынок и держали под мокрым снегом целые сутки. Руководителей бросили в подвалы жандармерии.

О начавшихся репрессиях против представителей «Фронта» широко писала газета «Хория», прогрессивная печать Румынии. Петру Гроза и его друзья стали готовить первый съезд земледельцев весьма тщательно, они стремились одурачить полицию, перехитрить ее.

II

В начале 1933 года правительство Румынии значительно сократило заработную плату рабочих и служащих, повысило налоги, начались массовые увольнения. Владельцы фабрик и заводов начали яростное наступление на жизненные права трудящихся. Гроза пристально следил за выступлениями пролетариата, он восхищался героизмом плоештских нефтяников и гривицких железнодорожников, рассказывал крестьянам о том, как жандармы потопили в крови гривицкую забастовку, говорил о беспримерном подвиге молодого активиста организации коммунистической молодежи Румынии Василе Роайтэ. Этот семнадцатилетний юноша поднялся к установленному на высокой заводской башне гудку и в назначенный коммунистами час потянул за рычаг. Гудок Гривицы был сигналом, призывом к пролетариату Румынии начать забастовку, подняться на борьбу против насилия и эксплуатации. Против гривицких рабочих была брошена армия и жандармы. На башню был направлен пулемет. Одна пулеметная очередь, две, три, а гудок не умолкал. Убитый жандармскими пулями Василе Роайтэ не выпускал рычага из рук. Пробравшиеся на башню

жандармы вытащили тело молодого парня на штыках и выбросили для устрашения в толпу.

Заняв гривицкие мастерские, 7 тысяч рабочих и 12 тысяч человек, пришедших сюда со всех предприятий Бухареста, стойко держали оборону, но не смогли устоять перед пулеметами жандармов и подтянутых им на помощь воинских частей. 18 февраля 1933 года «Правда» писала, что против «восставших железнодорожников двинут Бухарестский гарнизон». Гривицкая забастовка была потоплена в крови. Десятки убитых, сотни раненых, две тысячи арестованных. Волны протеста против организованных правительством зверств прокатились по всей стране. И по всей стране усилились репрессии. В знак солидарности с румынскими рабочими поднялся рабочий класс всего мира. «Юманите» поместила портреты Георге Георгиу-Дежа, Киву Стойки, Константина Дончи. Прогрессивная печать мира требовала прекращения репрессий. Но правительство оставалось глухим. Вожаков железнодорожников бросили в тюрьмы. На судебном процессе они выступали с резкими обличительными речами, и королевский прокурор истерически требовал «отвечать на вопросы, а не обвинять». Георге Георгиу-Деж отвечал: «Не я обвиняю! Обвиняет трудовой народ! И он должен узнать, что творится здесь! Настанет время, и тем, кто уготовил народу судьбу рабов, придется отвечать». На угрозу председателя суда прервать судебное разбирательство последовал ответ: «Это исторический процесс, который невозможно прервать. Он прекратится одновременно с ликвидацией эксплуатации».

Потопив в крови выступления рабочих, правительство мобилизовало весь репрессивный аппарат. Опасались новых выступлений рабочих и крестьян. Министр внутренних дел Румынии Вайда-Воевод отдал всем местным органам весьма лаконичное распоряжение: «Если даже потечет кровь — запретите любое собрание, любой выход толпы на улицу!»

Один экземпляр этого приказа был вручен полковнику Амзулеску, известному в жандармском мире как человек «твердой руки». Амзулеску уже знал, что нити всего будущего собрания находятся в руках крестьянина Мирона Бели. За ним прислали раз, прислали два, по его все не оказывалось дома.

За двадцать четыре часа до открытия съезда Мирон Беля отправил в местное жандармское правление письмо по почте. Так полагалось по закону — о любом предстоящем собрании извещать полицию за сутки. Известили.

Чтобы сбить с толку уездные и центральные полицейские власти, активисты распространили слух, что крестьяне пришлют свои?;

представителей па городской центральный рынок.

Был вторник, 18 апреля 1933 года. Как раз третий день пасхи. Базар пустовал — ни продавцов, ни покупателей.

Полиция начала сосредоточивать свои силы у дорог, ведущих на базар, и вокруг базара.

Рапо утром группа за группой направлялись жители окрестных сел к базару. Из каких они сел пришли, можно было отличить по одежде. Все было так, как предполагала полиция. Не зря имела она своих агентов во всех селах и хуторах Хупсдоарского края!

Вот идут моци^[24] из Зэранда, а вот чабаны Бэчи, а за ними шагают по четыре в ряд овощеводы Хупедоары... Все в национальных костюмах, будто на большой праздник идут. Даже волов украсили лентами.

Жандармам пе терпелось быстрее начать операцию; жандармскому управлению не терпелось быстрее доложить своему министру, что оно все предусмотрело, что эти безумные крестьяне попались все как один, что никакого выступления против правительства не допустили.

А крестьяне все идут и идут. Бесконечный поток. Никто не шатается, никто не орет, все трезвые, никаких нарушений. А там что? Что же это там? Что они сгружают с возов?

Они сооружают трибуну.

Следует команда:

— Разогнать!

Тогда крестьяне в таком же порядке покидают базар и расходятся малыми ручейками по переулкам.

Немного погодя начальнику полиции докладывают:

— Они начали устанавливать трибуну па равнине севернее крепости.

Основные силы полиции направляются туда, и следует та же команда:

— Разогнать!

Разогнали. Но где же будут настоящие трибуны, где все же состоится собрание, полиция не знала.

А в это время в самом центре города, в нескольких шагах от городской и уездной управы, появился грузовик. Двенадцать плотников спрыгнули на землю, откинули борта и по заранее разработанному и отрепетированному плану из пронумерованных столбов, реек и балок за считанные минуты соорудили трибуну, и тут нее па эту трибуну поднялась большая группа местных и зарубежных корреспондентов, приглашенных заранее в Деву и находившихся в ожидании сигнала в гостинице доктора Петру Грозы.

В девять часов утра из громкоговорителей, неизвестно когда установленных на домах вокруг площади, раздался голос:

— Граждан жителей города и приезжих, не состоящих в организациях «Фронта земледельцев», просят освободить площадь и перейти на тротуары. Через пять минут на площадь вступят колонны «Фронта земледельцев». Они соблюдают строгое указание: не допускать в своих рядах посторонних.

«Любопытная публика, — писала газета «Кувинтул сателор» («Слово сел»), — отступает на тротуары, и ровно в девять часов появляется первая колонна. Во главе идут четыре человека и несут высоко над головой большой транспарант с надписью: «Фронтул плугарилор» («Фронт земледельцев»). Тут же подходит колонна района Брад-Зэранд и останавливается перед трибуной. Следует колонна Цебя-Аврам Янку, каждый в ее рядах несет на плече палку и традиционную траицу^[25], они шли пешком шестьдесят километров. То тут, то там видны бучумы^[26]. Шагают колонны Сармиседжетузы, Пуй и Жиу, Хацега, Добры, Орэштие, Девы и Джеоджиу. Они заполняют площадь быстро, бесшумно и в строгом порядке».

Растерявшиеся полицейские агенты поспешили доложить по начальству, что и на центральной площади собрание, но, пока начальство решало, что же делать, события развивались с молниеносной быстротой.

Предполагая, что Мирон Беля, приславший вчера извещение о собрании, находится где-то поблизости, полковник Амзулеску начал розыск лично. Его сопровождала целая компания полицейских и городских чиновников. На прилегающей к площади улице он встретился лицом к лицу с Грозой.

Не поздоровавшись, Амзулеску спросил грубо:

— Где Беля?

Гроза посмотрел на него строго и ответил:

— Вы что со мной так разговариваете? Я вам кто? Я просто участник собрания. Ясно?

Полковник был вне себя. Ему нужен был Мирон Беля. Он должен был найти этого человека!

А Петру Гроза принял мгновенное решение. Он быстрым шагом пошел к трибуне, поднялся по ступенькам, подошел к микрофону и сказал:

— Власти разыскивают Мирона Белю. Он должен сейчас же подняться на трибуну! — Гроза повторил настойчиво: — Сейчас же!

Мирон Беля был недалеко, среди одетых в национальные костюмы крестьян. Он вмиг оказался около Грозы и в ту же минуту объявил первый съезд «Фронта земледельцев» открытым. Растерявшиеся представители

власти не осмелились схватить его перед таким множеством народа, перед корреспондентами и представителями общественности.

Двенадцать тысяч крестьян приветствовали своих вожаков. Один за другим подходили к микрофону представители всех районов и не только прославляли день создания организации трудового крестьянства Румынии, но также и выражали надежду, что будет на этой земле построен новый, справедливый мир.

— Мы подтвердили в этот великий день свои подписи под свидетельством о рождении «Фронта земледельцев». Наше присутствие здесь доказывает перед всей страной и перед всем миром существование нашей организации. Мы можем ответить на вопрос, чего хотим, громким голосом, чтобы его слышали всюду. Так чего же мы хотим? — спросил Петру Гроза.

Двенадцать тысяч голосов ответили как один:

— Нового мира хотим! Нового мира хотим!

Гроза стал говорить о том, что страна переживает дни похорон националистических иллюзий, после которых последуют дни великих воскрешений. Но для наступления великих воскрешений понадобится преодолеть яростное сопротивление капитала, который, стремясь к безудержному росту, стал гигантом, упирающимся одной ногой в Европу, другой — в Америку, захватил богатства всего человечества и сделался его ненасытным диктатором. Для укрепления своего господства капитал не выбирает средств.

— Мы видим, с одной стороны, трудящуюся массу, вынужденную своим тяжелым трудом платить дань международному капиталу, с другой стороны — доморощенных посредников гигантской международной сделки по продаже и предательству. Они твердят о патриотизме. Какой патриотизм, когда властелином является международный капитал? Трудящиеся крестьяне чувствуют тяжесть этой жестокой эксплуатации больше, чем кто-либо, потому что фундамент всегда испытывает большее давление. На него давит вся надстройка.

Гроза привел много фактов угнетения крестьянских масс «национальным» правительством и заявил, что борьба крестьян должна развертываться не против той или иной партии, не против того или иного правительства, являющегося лишь орудием партий, но против всей системы в целом. Как здраво рассуждающие люди, говорил он, мы не должны ограничиваться только требованием «долой политиканов!», потому что на смену одним политиканам приходят другие и поступают так же, как их предшественники. *«Мы должны силой своего разума и с полным*

соблюдением законности начать великое социальное преобразование, которое, изменяя систему, изменит не только надстройку, но и основание». (Разрядка моя. — Ф. В.)

Можно предположить, что к этому выводу об изменении системы Гроза пришел после гривицких событий февраля 1933 года, когда под руководством коммунистов рабочие железнодорожных мастерских в Бухаресте поднялись на восстание против эксплуататоров, а «национальное» правительство жестоко подавило это выступление при помощи армии. И все же Гроза снова предостерегает крестьянских вожаков от стихийного бунта, от непродуманных выступлений, пытается придать движению «Фронта земледельцев» сугубо мирный характер. В это время он еще, по выражению одного крайне левого журналиста, «боится крови».

Но дело, естественно, не только в этой боязни крови. Гроза, хорошо знавший механизм управления буржуазной Румынии, ясно представлял себе, что непродуманными действиями можно погубить начатое дело в самом зародыше. Отсюда его частые призывы к борьбе «разумом», к давлению массой, количеством. В некоторых его выступлениях сквозит явный призыв к «непротивлению злу насилием», к терпению, он восторгается крестьянами, когда они проявляют этот разум и терпение.

Он пишет:

«Против вас оцетинились штыки, вас избивали резиновыми дубинками, а затем написали в газете, что на площади, отведенной для торговли быками и свиньями, собралась толпа нищих дураков. Но вы были разумными и доказали свою мудрость, когда на провокации и оскорбления ответили улыбкой и терпением людей, которые знают, чего они хотят для исполнения своих желаний. Как хорошо вы поступили!»

Пройдет немного времени, события в Европе и в самой Румынии докажут Грозе, что улыбка против оцетинившихся штыков — оружие не из самых надежных.

Но вернемся на главную площадь Девы.

Были выслушаны многочисленные выступления представителей делегаций крестьян, прибывших не только из езда Хунедоара, а со всей страны. Мирон Беля снова пригласил к микрофону Петру Грозу.

После событий 8 января 1933 года имя этого человека переходило из уст в уста. Его портреты не сходили со страниц газет самых различных направлений. Его как отщепенца, как отступника от своего класса оскорбляли и травили, провоцировали и объявляли ненормальным. Прогрессивная же пресса и газеты самых различных крестьянских организаций приветствовали его мужественный шаг, прислушивались к его

голосу.

Поэтому на сей раз его встретили приветственными возгласами, не так его встречали 8 января в зале театра.

Петру Гроза сейчас растолковывал проект программы «Фронта земледельцев», широко обсуждавшийся в крестьянской массе после января.

Гроза говорил, а площадь подтверждала дружными возгласами, что программа составлена не им, не инициаторами создания «Фронта земледельцев», а самим крестьянством. Программа отражает только немного из того, что необходимо сейчас деревне.

— Чтобы стало все ясно с самого начала, — подчеркнул Гроза, — скажем, что эта программа, рожденная из нашей ненависти к политиканам и их партиям, в большей части своего содержания затрагивает лишь повседневные явления, требования дня, относящиеся к надстройке, а не касается основы, и потому, даже если будут осуществлены все наши наметки, это не будет означать, что уже все сделано. Но, несмотря на это, мы придерживаемся этой программы, одобряем ее. Потому что, добиваясь шаг за шагом устранения явлений, бросающихся поминутно в глаза каждому, мы завоюем своей борьбой уважение масс, и они пойдут за нами дальше в бой за изменение основы, фундамента. Принятие этой программы не означает отказа от нашего намерения изменить систему. Земледельцы всех концов страны, объединяйтесь с нами!

После того как программа была одобрена всеми крестьянами, присутствовавшими на площади, Мирон Беля попросил делегацию пройти организованно мимо трибуны.

Строгими рядами проходили крестьяне. Петру Гроза сошел с трибуны и остановился на тротуаре всего в нескольких шагах от местного уездного управления, откуда руководители администрации и полиции связывались по всем каналам с Бухарестом, чтобы получить указание — что же делать?

Многочисленные корреспонденты, приглашенные со всех концов Румынии и из многих стран мира, разнесли быстро весть о том, как в городе Деве крестьяне сумели перехитрить и многоопытную сигуранцу, и жандармов, и прожженных главарей старых, «исторических партий».

После кровавого подавления гривицкого восстания, ареста его руководителей, шумной кампании против «наступающей коммунистической угрозы» находившееся у власти правительство либералов полагало, что ему удалось надолго усмирить народ. А тут неожиданная вспышка крестьянского движения. И таких масштабов! Во главе — многоопытный Петру Гроза. Потому все и произошло в пределах общей законности, не было никакого столкновения с полицией. Гроза уж

законы знает!

Местная полиция «сориентировалась» быстрее. Был налицо один явный повод для того, чтобы обвинить участников съезда в подготовке вооруженного выступления, в незаконном ношении оружия. «Какое оружие? — спросят организаторы съезда. — Где вы его видели?» — «В руках у каждого», — был ответ местной полиции.

И в самом деле: каждый крестьянин — делегат съезда — был вооружен... Палкой!^[27]

В этом гористом районе Румынии палка — непременный спутник любого, кто пустится в дорогу. Она и опора на горной тропинке, и оружие против нападения хищников или сопровождающих отары собак, и орудие для «приструнивания» стропливой скотины, и просто спутник в одинокой жизни чабанов в горах. Потому организаторы съезда и призвали делегатов прибыть в национальной одежде и с палками.

В Румынии были законы, запрещавшие крестьянам выращивать табак, варить цуйку^[28], иметь два дымохода, носить кисет с кресалом, трутом и кремнем, добывать огонь путем трения двух палок, самим варить мыло, растить ребенка некрещеным — и сколько еще было всяких правил, нарушение которых каралось немалым сроком тюремного заключения. Только вот закона, запрещающего ходить с палкой, никто не придумал! Об этом откровенно и горько жалел полковник Амзулеску. И все же его осенило. «А что, если назвать эту палку оружием? — подумал он. — Тогда привлекай к ответственности кого хочешь!»

Министр внутренних дел Александр Вайда-Воевод открыл утром главную буржуазную газету «Универсул» («Вселенная»). Как бы мимоходом она сообщала, что «в дни святой пасхи спустились с гор тысячи человек, чтобы собраться в Деве и поделиться друг с другом горем, которое у них на душе». Открыл другую газету — «Адевэрул» («Правда»), и та уже более определенно и подробно описывала, что случилось 18 апреля в Деве. «Чего хотят села» называлась статья.

«Вопреки манифестам, распространяемым во всех уездах различными национал-царанистскими организациями с целью показать крестьянам, какой счастливой жизнью они живут, вопреки всем иллюзиям крестьянский мир охвачен глубоким страданием... Это не шумное, скандальное недовольство, а глубокое и молчаливое беспокойство. Потерявшие веру в тех, которые обманывали их до вчерашнего дня, весьма скептически встречающие обещания сегодняшних деятелей, жители сел начали верить, что их избавление — дело их, и только их рук. То, что произошло в Деве с

«Фронтом земледельцев», весьма примечательно. И это первое предупреждение для тех политических партий, которые еще надеются, что смогут завоевать села несколькими громкими фразами, скороиспеченными обещаниями.

Выросший и поумневший, разочарованный политикой сменявших друг друга правительств, постаревший в заботах о том, как выйти из безысходной нищеты, крестьянин замкнулся в себе, сжал свои тяжелые кулаки, смотрит на разоренное свое село и с горечью раздумывает над тем, что делали с ним до сих пор. Партии, — заключает автор статьи добрым советом своим хозяевам, — должны полностью изменить тактику борьбы. *Уменьшение напряженности в крестьянском мире уже не может быть достигнуто старыми методами, которые крестьяне отвергают, потому что они им знакомы*». (Разрядка моя. — Ф. В.)

Министр дальше читать не стал. Значит, надо прибегать к методам, неизвестным до сих пор крестьянам? Этот хитрющий Гроза понял это. И потому на его стороне уже сотни тысяч крестьян. Уже насчитывается триста тысяч членов «Фронта земледельцев»! Нужно положить этому конец!

Заведующий кабинетом стоял в поклоне у порога. В руках телеграмма.

— Что там?

— Весьма срочное, господин министр. Телеграмма от полковника.

— Что ему надо? — раздраженно спросил министр.

Он знал, как надули крестьяне этого умного полковника. Как же это он позволил, чтоб у самого порога уездного управления собралось 12 тысяч человек! Свои трибуны, микрофоны, иностранные журналисты! Он знал: у этого полковника твердая рука, если ему поручишь, разобьется в доску и все сделает, и потому надеялся на него. А что получилось? Сегодня же узнает обо всем этом король. Что он сможет ему объяснить?

— Прочитайте! — поручил он стоявшему в недоумении заведующему кабинетом.

— Полковник предлагает начать привлечение к ответственности этих фронтистов.

— По какой статье? — крикнул министр.

— По статье за нелегальное ношение оружия.

— Они что, были вооружены?

— Да, господин министр.

— Чем?

— Палками, господин министр. Бытами.

— Все?

— Все до одного, господин министр.

— И Гроза? — Тут министр снова взглянул на газету.

С первой полосы на него смотрел, улыбаясь, стройный, в безупречно отутюженном костюме Петру Гроза. Обнаженная голова, поредевшие седые волосы, в левой руке держит шляпу, правая рука свободна. Ах, как жаль, черт возьми, что у него нет палки в руках!

— А чем будет доказано, что эти палки — оружие? — спросил он.

— Утверждением следствия.

— Но этого недостаточно. Нужны данные о применении этого оружия.

— Данные будут собраны, господин министр... Потом, видите, полковник имеет данные о намерении фронтистов применить это оружие.

— Вы это откуда знаете?

— Яс ним разговаривал по телефону.

— Слушайте, а известно ли вам и полковнику, что фронтисты пригласили в Деву задолго до своего собрания группу кинооператоров, которые снимали всю подготовку и весь ход этого собрания? Это ведь будет документ, опровергающий агрессивные намерения фронтистов, подтверждающий мирный, конституционный, как говорит Гроза, характер движения.

— Демонстрацию фильма нужно запретить. Конечно, он еще не готов, но, вероятно, мы опоздали, полковник не сумел перехватить пленки у операторов, и они, наверное, уже отправили их для проявления за границу.

Ни министр внутренних дел, ни заведующий кабинетом, ни руководитель сигуранцы Девы не знали, что и здесь Гроза был предусмотрителен. Фильм снимали две бригады. Один комплект пленки действительно был отправлен для проявления в Будапешт, а один на случай, если при доставке фильма из-за границы будут приняты меры к его конфискации, проявлялся и готовился в стране друзьями Грозы и «Фронта земледельцев».

Репрессии против участников съезда в Деве приняли огромный размах и охватили всю страну. Но главный удар был направлен против наиболее сильной организации уезда Девы. И тут должен был показать свои способности полковник Амзулеску.

В то же время по отношению к Петру Грозе применялись меры деликатного, интеллектуального усмирения. В роли такого усмирителя, успокоителя «взбунтовавшегося» Грозы выступил престарелый Авереску, бывший генерал, а сейчас уже маршал. Гроза дважды был министром в его правительствах. Он посылает «даку» в город Деву следующее письмо:

«Любимый господин Гроза, поскольку в ближайшее время мы должны

вернуться к активной политической деятельности (Авереску имеет в виду свою народную партию. — Ф. В.), думаю, что настало время выяснить весьма важный вопрос.

Во время последней нашей встречи у меня создалось впечатление, что Вы остаетесь и дальше серьезной опорой нашей партии. Через несколько дней после нашей встречи состоялось собрание землепашцев, о котором Вы мне говорили. На этом собрании, где, как я знаю, Вы тоже выступали, были выработаны формулы относительно крестьянского долга^[29], совсем противоположные нашим заявлениям в парламенте. Мы не можем изменить своего отношения к этому вопросу, потому что достигнуть какого-либо соглашения с крестьянами невозможно. В основе их действий прежде всего и главным образом лежит эгоизм.

Поэтому я прошу Вас подумать основательно, прежде чем дать согласие возглавить «Фронт земледельцев». Вы должны понять, что будет превыше Ваших возможностей сочетать свои обязанности по этому «Фронту» с теми, которые Вам предстоят как одному из виднейших деятелей моей партии. Мы находимся перед лицом явной несовместимости, и Вы один только в состоянии принять нужное решение. В надежде, что Ваше решение будет таковым, что мне предстоит и в дальнейшем удовольствие видеть Вас рядом со мной, прошу принять самое сердечное рукопожатие.

Маршал Авереску».

Гроза узнал почерк и ход мыслей этого прожженного, старого демагога, сумевшего после версальских договоров создать под громкими фразами «национального единства» так называемую народную партию. Он попытался тогда объединить на национальной основе многих наивных людей, веривших, что под звуки постоянно повторяющихся националистических лозунгов изменится жизнь трудящихся масс. Но на националистической мельнице «народной» партии, как скажет потом Гроза, молотилась совсем другая мука. По одному рукаву текли обещания хорошей жизни для народа, по другому — первоклассная мука для верхушки общества, пробравшейся к власти и жаждавшей богатства, богатства и богатства. Заняв министерские кресла, устроившись в великолепных особняках на Каля Виктории и в живописнейшем районе тихих аллей и прохладного воздуха шоссе Киселева, они забыли запах родной земли, острый запах крестьянского пота, тяжелые картины изнурительного труда крестьян, гнущих спины от зари до зари на полях помещиков. Обещания переустроить жизнь крестьян оставались в протоколах заседаний Совета министров и «высокой говорильни» — парламента под куполом дворца на

холме митрополий.

В восемнадцатом году Грозе было тридцать четыре года. Авереску многое слышал об этом энергичнейшем молодом человеке из Трансильвании, о его эрудиции и организаторских способностях. Ему он нужен был в правительстве для того, чтобы показать, каких людей он, Авереску, умеет привлекать на свою сторону. Гроза тогда еще не знал всех деталей позорной истории генерала Авереску, возглавившего усмирительные королевские войска, брошенные против восставших крестьян в 1907 году. Но сейчас, читая его письмо, он подумал и о 1907 годе. Одиннадцать тысяч восставших крестьян были тогда убиты, истерзаны, казнены, заживо похоронены. Мысль о том, что «в основе крестьянских действий прежде всего и главным образом лежит эгоизм», торчит в склеротической голове Авереску, наверное, еще с тех пор. «Нет, господин маршал, на этот раз я с вами не пойду, — решил Гроза. — И если надо поблагодарить вас, то только за приглашение в правительство 1920 года, это, может быть, и стоит. Я получил возможность проникнуть на вашу кухню, увидеть, что же там варится для нашего народа».

И в канун своего пятидесятилетия Петру Гроза пишет бывшему своему премьер-министру ответное письмо.

«Ваше письмо, написанное перед Вашим отъездом за границу, предупреждает о несовместимости моей деятельности в организации земледельцев с пребыванием в Вашей партии и требует, разумеется, моих разъяснений, перед тем как народная партия начнет свою осеннюю кампанию. Ваше долгое отсутствие дало мне возможность не торопиться с ответом и обдумать все как следует.

Мы живем ошарашенные наступлением хаотического краха, идущего на смену тому, что казалось подобием экономического, социального и политического порядка. Всплыла на поверхность вся грязь, весь мусор, все зло, порожденное этим кажущимся порядком. Но разочарование постепенно тает и порой уступает место какому-то туманному стремлению видеть все наше устройство иным, преобразованным с самого основания. Собственный опыт, приобретенный всеми нами в рамках старого устройства, ставит нас перед необходимостью прояснить для себя: что же происходит?

Какая безжалостная эксплуатация трудящихся масс, какое предательство общественных интересов, какая безудержная спекуляция! И это все в угоду ничтожному, но хорошо организованному меньшинству, которое всегда и всюду громогласно вещает о патриотизме и древней нашей вере. И все это происходит не без нашего участия. Признавая за собой грех

сообщничества, правда иногда бессознательного, помимо воли, но всегда благопритствовавшего нашему личному благополучию, может быть, позволим себе внести хотя бы самый ничтожный вклад в строительство новой жизни. Этот вклад будет внесен безусловно в ущерб нашим сиюминутным личным интересам. Но мы решились на это в пользу поколения, следующего за нами. Это поколение, господин маршал, стоит передо мной. Это прежде всего пятеро моих родных детей. Я должен думать об их сегодняшней и завтрашней жизни. Это действенный, живой аргумент. Не хочу надоедать Вам дальнейшими своими рассуждениями относительно этого. Скажу только одно — я открываю в себе философскую метаморфозу; я с радостью отказываюсь от успехов и прибылей, которые еще в состоянии предложить мне дышащий на ладан мир, и меняю все это на лишения, волнения и тревоги, навечно объединенные в борьбе за новый порядок, благами которого, может быть, воспользуются уже мои дети, способные воспринимать свое личное благо как благо общественное, а общественное благо — как свое личное.

Хочу сообщить для Вашего сведения следующие факты.

Сегодняшнее крестьянское движение начато не по моей инициативе. Оно возникло снизу вверх, по инициативе самих крестьян и носит профессиональный характер. Пригласили же меня они, их комитеты, и я принял это приглашение с радостью, принимал активное участие в их деятельности, направлял их, советовал, воодушевлял, будучи убежденным в правоте их дела. Я убежден, что крестьянское движение, начатое здесь, принесет большую пользу всей стране, будет способствовать развеянию бульварной демагогии «заботящихся» о крестьянах и свержению «национальных» фарисеев, которые назвали себя «царанистами» и безжалостно эксплуатируют трудящееся большинство.

На сегодняшний день я не являюсь еще членом этой организации. Они пригласили меня быть их руководителем, но я прочитал им последний абзац Вашего письма, из которого явствует, что я еще принадлежу к народной партии. Вы ознакомьтесь с прилагаемым к этому письму призывом организованных крестьян, в котором они объявляют конкурс на пост руководителя «Фронта земледельцев». Я ничего не буду иметь против, если в результате этого конкурса кто-нибудь из многочисленных «апостолов» крестьянства, политиков с большим, чем у меня, талантом и с большей напористостью окажется руководителем крестьянства. События нашего смутного времени вынудят принять участие в выработке решений, о которых сейчас трудно предположить...»

Это письмо, а также приведенное выше послание Авереску Петру

Гроза огласил на заседании уездного комитета «Фронта земледельцев» Хунедоары, где должен был решаться вопрос о выборе председателя. После обсуждения Гроза покинул заседание, чтобы не влиять своим присутствием на ход выборов.

Комитет тайным голосованием единогласно избрал Петру Грозу руководителем «Фронта земледельцев», и специальная делегация пошла к нему сообщить об этом решении и пригласить на заседание.

Это было 8 ноября 1933 года. В этот день пробил смертный час народной партии Авереску.

Но к Грозе в Деву придут еще не раз с предложениями участвовать в «их» правительствах представители других буржуазных партий. Ответ будет всегда один — нет!

Мужество и последовательность в действиях Петру Грозы передавались активистам «Фронта земледельцев», которые бесстрашно боролись за свои права, завоеывая па свою сторону все большее количество крестьян. Твердое условие — до принятия в члены «Фронта земледельцев» нужно выйти из «своей» буржуазной партии — соблюдалось неукоснительно. Перспектива потери огромного количества членов напугала не на шутку руководителей и активистов буржуазных партий. Поэтому против Грозы и его сподвижников, против всех организаций «Фронта» выступили объединенные силы правительства и буржуазных партий.

В сельские жандармерии одного за другим вызывают всех участников собрания в Деве, устраивают допросы, составляют бесчисленное множество протоколов о привлечении к судебной ответственности за незаконное хранение оружия. В нескольких селах крестьяне идут в полицейские участки с женами, с детьми, со стариками, каждый держит в руке роковую палку и требует арестовать их всех, если палка — оружие. В газетах появляются фельетоны, в которых выдумка полковника Амзулеску и его министра язвительно высмеивается.

Петру Гроза звонит заместителю министра внутренних дел и требует прекращения арестов и издевательств над мирными жителями деревень и сел. Один из министерских чиновников нагло предупреждает:

— Господин министр, готовьтесь и вы к отсидке в тюрьме, сушите сухари!

Активисты «Фронта» приносят весть о том, что в селе Вулчев в столкновении с жандармами убит крестьянин Аритон Михуц. Из других сел приходят вести о массовых избиениях крестьян. Председателю

«Фронта» в анонимных письмах, телеграммах, в записках угрожают физической расправой, поджогом дома. На все это Петру Гроза отвечает гневной статьей в газете «Хория», ставшей боевым органом «Фронта земледельцев». Статья называлась «Палачи».

Газета писала, что смерть мирного землепашца Аритона Михуца заставляет остановиться на миг на тернистой тропе, по которой смело идет вперед «Фронт земледельцев». Первоначальное решение вести борьбу в строгих рамках законности, хотя палачи творят невиданное беззаконие и произвол, кажется уже петлей на шее. Зреет та буря, которая не раз безжалостно сметала на своем пути все гнезда насилия и эксплуатации. Но долг и ответственность призывают сегодня сдерживать гнев, дисциплинировать его, чтобы не провоцировать еще большую беззаконность, еще большее кровопролитие.

Сдерживать гнев! Но не забывать, что летним воскресным днем жандармы истоптали копытами своих лошадей, избили до крови группу крестьян, вышедших в поле, чтобы сфотографироваться вместе. Это на языке жандармов называется тоже «нарушением общественного порядка»! Политиканы, обagrившие руки кровью расстрелянных рабочих в Лупени и на баррикадах Гривицы, посылают против землепашцев новые батальоны жандармов.

«Сдерживать гнев! Но не забывать, что придет и тот час, когда политиканы будут висеть рядом с палачами на веревках, которыми они связывали трудовые руки рабочих и крестьян».

Так писал Гроза.

III

Министр внутренних дел был крайне недоволен тем, что поддержанная им затея полковника Амзулеску — сажать людей за то, что они ходят с обыкновенными палками, — провалилась. Аргументированное выступление Грозы, повторяемое на судах тысячами крестьян, вынуждало судей выносить оправдательные приговоры. Палка была признана не «незаконным оружием» а, как выразился один судья, «символом бесштаных бродяг».

Но ни министр внутренних дел, ни руководители политических партий не могли мириться с тем, что организации «Фронта» действуют в рамках полной легальности; они не нарушают конституции и заявляют о предстоящих собраниях за двадцать четыре часа, как это предписано

инструкциями полиции. Министр вменил в обязанность своим подчиненным применять акции, способные вызвать стихийные выступления крестьян. Подобные выступления дадут законное право запретить организацию.

«Я, нижеподписавшийся, Давид Андрей, по профессии шофер, проживающий в городе Дева, заявляю нижеследующее. Когда я ремонтировал машину «шевроле» № 490 Дева, собственность господина Груи П. Моцу, 22 октября 1933 года приехавшего на собрание в Добру, то обнаружил в скате стальную пулю, выпущенную из оружия браунинг, величина 6/35. Я установил, что этой пулей стреляли по машине в упор с правой стороны, и она попала в левое колесо. Пуля найдена между скатом и камерой».

В машине находился Петру Гроза.

Это было первое вооруженное нападение на него.

До конца жизни в Грозу будут стрелять еще двенадцать раз. И не только стрелять.

В праздничный день 21 ноября 1933 года земледельцы Зэрандского края (районов Брад, Бая-де-Криш, Бэица) созвали собрание. Жандармы заняли все въезды в город Брад, куда крестьяне направлялись четырьмя колоннами.

— Разойдитесь! — приказали жандармы. — Собрание запрещено! Поверните назад! — И отомкнули штыки. Вот-вот начнется расправа. Но руководители крестьян Кэзан и Мога сумели убедить колонны остановиться на окраине Брада. Жандармы грубили и сквернословили, кое-кто из возмущенных крестьян отвечал им тем же. В это время со стороны Девы подъехал Петру Гроза. Его встретили очень тепло, и он коротко, но очень убедительно попросил крестьян повернуть обратно и не дать жандармам возможности начать неравное кровавое столкновение — власти только этого и ждуют, — хотя «приказ о запрете собрания нарушает конституцию, соотношение сил между безоружной толпой и вооруженными батальонами жандармов неравное, — сказал Гроза, — нужно уступить и на этот раз вооруженной силе».

Гроза считал, что и такой опыт полезен крестьянству, он закаляет волю, усиливает дух сопротивления.

Подобные сцены произошли и на подходах к Бая-де-Криш, Бэице и к другим городам. На главную площадь Брада все же проникла колонна в полторы тысячи моцей. Они послушались Грозу и тоже ушли, не допустив

никакого нарушения общественного порядка.

Петру Гроза ждал, пока покинут город все прибывшие, и вмешивался тут же, как только замечал, что между крестьянами и озверевшими жандармами возникают споры, острые разговоры. Когда же он остался один, к нему подошел незнакомый господин и предупредил, что у выхода из города несколько сот крестьян вступили в серьезный конфликт с жандармами. Гроза бросился туда один. Незнакомый господин исчез. Гроза шел пустынной улицей пригорода и неожиданно оказался окруженным двумя десятками одурманенных ночной пьянкой бандитов. Как выяснилось позже, все они были подкуплены местной организацией либеральной партии для того, чтобы рассчитаться с Петру Грозой. Вооруженные ножами и дубинами, они набросились на Грозу. К счастью, ловкость Грозы, его сила натренированного спортсмена помогли ему выдержать натиск всех этих двадцати пьяниц, пока на выручку не подоспели друзья. Их возглавлял Ион Мога Филерю.

И тут появились жандармы, но они напали не на бандитов, а на Иона Могу Филерю.

Немного спустя на руководителя «Фронта земледельцев» совершилось новое нападение, в селе Кристур. На виду у жандармов группа членов фашиствующего крыла либеральной партии набросилась на него с кастетами, крича: «Долой Грозу! Да здравствует Дука!» Дука в то время был премьер-министром Румынии и заигрывал с главарями фашистских молодчиков из своей собственной партии. Относительно же откровенно фашистской организации «Железная гвардия», созданной в марте 1930 года Корнелиу Кодряну и поддерживаемой партией национал-царанистов и особенно ее главарем Юлиу Маниу, правительство либералов и сам Дука занимали твердую позицию — они пошли на запрещение «Железной гвардии». В ответ на это железногвардейцы вынесли Дуке смертный приговор.

После целого ряда покушений на Петру Грозу стало ясно, что они не случайны, что они направлялись из Бухареста руками шефов буржуазных партий и не без ведома короля. Главарь банды хулиганов в Браде Тису кричал своим сообщникам: «Убейте его, потому что так хочет король!» Кто-то из толпы крикнул: «Ну прямо король!» — «Если не король, тогда тот, который идет следом за ним», — ответил Тису.

«Следом за королем» во время неоднократных покушений на Грозу шел премьер-министр Дука.

За несколько дней до нападения в селе Кристур к Грозе один за другим пришли двое знакомых и сообщили ему, что, возвращаясь из Бухареста,

они стали невольными свидетелями следующего разговора между тремя незнакомыми людьми. Первый: «План?» Второй: «Изолируем его в каком-нибудь селе, подальше от его сторонников». Третий: «На второй день пресса опубликует только следующее сообщение: «Народ, возмущенный его антинациональной и большевистской пропагандой, убил его».

Депутат от национал-царанистской партии Илиешу, побывавший в Бухаресте в близких к премьер-министру кругах, говорил, что Дука стучал кулаком по столу и кричал: «Гроза — это опасность для всей нации! Его надо убрать!» Неделю спустя был убран сам Дука. Он был убит пятью выстрелами из револьвера на перроне вокзала Синая, когда возвращался в Бухарест после аудиенции у короля.

Премьер-министр либералов пал жертвой собственного лавирования.

Место Дуки занял другой премьер-министр. Но власти продолжали вести против Петру Грозы и организаций «Фронта земледельцев» настоящую войну. Сохранилась переписка, которую вели между собой активисты «Фронта», многие письма крестьян, адресованные в то время Петру Грозе. В одном из них говорится:

«Наше движение преследуется властями с большим ожесточением, чем преследовалось христианство во времена императора Нерона. Дай бог и этим властям такую же участь».

Одной из многочисленных форм связи между активистами «Фронта земледельцев» служили базары. В Румынии, и особенно в ее гористых районах, раз в неделю в каком-нибудь большом селе или местечке, вблизи дорог собираются традиционные базары. Хорошо зная об этом, Гроза и активисты «Фронта» передавали нужные документы, необходимые ворбы — слова-указания — через крестьян, приезжавших или приходивших на эти базары. Жандармы нащупали эти связи и стали следить. Каждый вызывал у них подозрение.

«Сообщаю вам, — писал крестьянин Ион Кэзан Грозе, — что сегодня, 29-го, я пришел на базар города Брада продать несколько литров молока, а потом смолоть мешок зерна на мельнице. На мельнице была большая очередь, я оставил мешок и пошел купить себе табаку. Там встретил еще нескольких своих знакомых из соседних сел, и мы стали разговаривать. Тут сразу же появились два жандарма и забрали меня к шефу поста. Я подумал, что это вдруг шеф поста приглашает меня, и на всякий случай попросил одного из знакомых пойти со мной свидетелем. Когда пришли к шефу поста, он прогнал моего свидетеля, ввел меня в канцелярию и до того там избил, что я лежу уже несколько дней и не могу вставать. Шеф колотил меня и орал: «У меня имеется приказ избивать, и мы его исполняем! Если

даже отец мой попадетсЯ, все равно изобью до смерти, будут отвечать те, которые дали приказание!»

Через неделю этого крестьянина привезли до того изломанным, что ни один лекарь не мог ему помочь. Взял его к себе в дом Гроза, пригласил своих знакомых врачей, которые обнаружили на его теле сотни ран от ударов коваными ботинками. Палачи содрали с него кожу подошвами ботинок, обитых острыми, «цветочными» гвоздями. Ион Кэзан был кандидатом в депутаты на выборах в румынский парламент в 1933 году...

Жестокий террор обрушивался на всех активистов «Фронта земледельцев». Были также пущены в ход подкупы, подлоги, запрещение собраний, клевета и распространение всяких небылиц.

Увеличение числа местных организаций, рост их активности дали возможность «Фронту земледельцев» уже осенью 1933 года выступить на выборах со своим собственным списком.

Руководство либеральной партии, которой была поручена организация парламентских выборов 1933 года, попыталось воспрепятствовать «Фронту земледельцев» выступить со своими избирательными списками. Все сельские нотариусы получили распоряжение не заверять списков местных организаций «Фронта». Началась массовая конфискация газеты «Хория», распространителей сажали в тюрьмы. Типографии получили строгое указание не печатать ничего из материалов крестьянской организации. Посланные в цензуру рукописи не возвращались. Чтобы не допускать выноса из типографии уже отпечатанных материалов, жандармы устраивали обыски и уничтожали все материалы. Некоторые неопытные шефы жандармских постов оставляли следы своей деятельности в виде справок за подписью и печатью. Так, шеф поста Никулай выдает такую справку одному из опытейших руководителей «Фронта», Груе Петру Моцу. «Выдано Груе Моцу в том, что у него конфисковано 300–400 манифестов (у шефа не было времени сосчитать их! — Ф. В.) и 1000 бюллетеней со знаком «Фронта». При этом присутствовал свидетель Влад Алек».

Мирон Беля возглавлял список кандидатов «Фронта» для выборов в палату депутатов. Как-то он пришел в гости к своему товарищу в село Добра. И тут вдруг входит односельчанин и просит его выйти. А на улице ждал шеф жандармского поста.

— Я прошу вас дойти со мной до казармы, я должен вам кое-что сообщить.

Беля ответил дерзко (он разговаривал с полицейскими только так):

— Если у вас имеется приказ арестовать меня, тогда арестуйте и не просите следовать за вами. А если это только ваша просьба, то я не пойду, я сейчас занят.

— Это еще что за разговор, большевистская морда! — заорал сразу жандарм. — Ко мне, ребята!

На зов шефа появились как из-под земли «ребята», но тут подоспели и крестьяне.

— Покажите документ на арест! — крикнули они хором. — Без документа мы вам его не отдадим!

У жандармов никакого документа не было. Просто их подговорили главари местной организации либеральной партии, решившие расправиться с одним из популярных руководителей крестьян. Но крестьяне дружно отбили своего жоака у жандармов.

«Фронт земледельцев» разоблачал фальсификаторов парламентских выборов. В газете «Хория» и в тайно распространяемых листовках, в письмах друг другу часто в иносказательной форме, иногда даже в стихах они показывают ложь и фарисейство буржуазной демократии.

Груя Петру Моцу сообщал в письме доктору Петру Грозе:

«Вчера возвращался из Стрея, встречаю нашего фронтиста Арона Тампиану, он в Нэдэштие живет. На шапке у него приколот булавкой знак либеральной партии. «Это еще что такое?» — спрашиваю. Он отвечает, что иначе не смог бы пробраться среди жандармов и агентов либеральной партии, которые раздают вино и колбасы направо и налево, спаивают людей, набирают крикунов и заставляют горланить: «Голосуйте за либеральную партию!» Дальше он сказал, что у него в обмотках записка от Зэрони. Тот пишет, что его несколько раз уже обыскивали и не может приехать к вам потому, что полиция не спускает глаз с него. Вчера его задержали в Хунедоаре, но отпустили с предупреждением, что его хождения кончатся плохо».

Популярность новой организации растет. Некоторые опытные политические партии и группировки начинают судорожную кампанию по «перетягиванию» членов «Фронта земледельцев» на свою сторону. Руководитель «Аграрного союза»^[30] Арджетоюну даже снарядил специальных эмиссаров с крупными деньгами для подкупа наиболее влиятельных членов «Фронта земледельцев». Арджетоюну пошел на прямой обман. Пользуясь тем, что «Фронт земледельцев» пока что еще не имел обширной сети газет, типографий, не располагал пропагандистским аппаратом для предотвращения и немедленного опровержения акций, противных его программе и целям, Арджетоюну сообщил через свои газеты

и через оплаченные объявления в газетах других партий и группировок, что он в преддверии декабрьских выборов 1933 года заключил избирательный договор с «Фронтом земледельцев», по которому местные организации «Фронта» должны выступить в поддержку кандидатов «Аграрного союза». Сам Петру Гроза и другие руководители «Фронта земледельцев» выражали свое крайнее возмущение и протест против этого поступка. Гроза предупреждал, что от политиканов не только этого можно ожидать.

И все же, несмотря на небольшой политический опыт вновь созданной организации крестьян, на преследования со стороны властей, на обманы и подлоги (во многих избирательных округах урны с голосами крали специально подкупленные для этого правительством люди; только в одном Хунедоарском уезде полиция помешала 20 тысячам крестьян явиться на голосование), крестьянская организация добилась на выборах неслыханного успеха. По количеству полученных голосов в уездах Хунедоары «Фронт земледельцев» опередил все остальные партии. Вот как выглядели результаты голосования.

«Фронт земледельцев» – 8060 голосов
Национал-царанистская партия – 6906 голосов
Социалистическая партия – 3529 голосов
Национальные меньшинства – 2776 голосов
Царанистская партия – 1787 голосов
Национал-либеральная партия – 1534 голоса
Национально-аграрная партия – 1341 голос
«Аграрный союз» – 863 голоса
Радикально-царанистская партия – 809 голосов
Народная партия – 205 голосов

Первый серьезный бой был выигран, но, как подчеркивал сам Гроза, это был только пробный шар. Из этого опыта «Фронт земледельцев» должен был сделать необходимые выводы и учесть их в предстоящей борьбе.

Прожженные политические деятели старых, традиционных партий были крайне встревожены. Они перешли к прямым репрессиям против организации крестьян. На второй же день после объявления результатов выборов была запрещена газета «Хория». Новое правительство либералов во главе с Георгием Тэтэрэску воспользовалось убийством Дуки, для того чтобы обрушить на трудящихся новую волну репрессий. В стране вводится чрезвычайное положение, ужесточаются цензурные правила, обручи террора, свирепствовавшего после кровавого подавления гривицкого выступления рабочего класса, сжимаются еще сильнее. Вместо того чтобы начать преследование правых террористических организаций типа

«Железной гвардии», связанных теснейшим образом с гитлеровцами, правительство бросает свой репрессивный аппарат на преследование демократических организаций рабочих и крестьян.

Напомним читателю, что все эти события происходили в условиях мирового экономического кризиса, одной из первых жертв которого оказалась буржуазно-помещичья Румыния. Снижение всего промышленного производства, склады, переполненные товарами, не находящими сбыта, резкое падение цен, переплетение промышленного и аграрного кризисов разболтали все звенья экономической жизни, поразили торговлю, расстроили финансовое хозяйство.

Свертывание промышленного производства сопровождалось массовыми увольнениями. Многие предприятия работали по два-три дня в неделю. Число полностью и частично безработных в Румынии в период кризиса достигло 600 тысяч человек. Вместе с семьями они составляли около двух миллионов человек, лишенных средств к существованию.

«Вяца мунчитоаре» («Рабочая жизнь») писала: «Поражаешься тому, что в рабочее время на улицах толпятся тысячи людей. Раздетые, угрюмые, окоченевшие от холода, измученные голодом, рабочие тихо переговариваются, без толку бродят по дорогам — это безработные».

Чтобы удешевить и так почти неоплачиваемый труд, предприниматели увольняли мужчин и нанимали женщин и подростков, чей труд оплачивался в два-три раза ниже мужского. Продолжалось обнищание рабочих. По свидетельству одного чиновника министерства труда и социальной защиты, крестьяне не могли «позволить себе такой роскоши, как отдых на собственной кровати». Академик М. Роллер приводит в вышедшей вскоре после войны «Истории Румынии» данные, рисующие ужаснейшее положение румынского рабочего класса и крестьянства. «В 1933–1941 годах, — пишет Роллер, — румынское население было одним из самых бедных в мире. Низкий уровень жизни, отсутствие условий для развития культуры, шовинистская политика по отношению к народам присоединенных провинций и т. д. — все это приводило к физическому вырождению народных масс, которое охватило в первую очередь крестьянство и затронуло все трудовые слои города, начиная с промышленных рабочих и кончая служащими и интеллигенцией.

Все больше стали распространяться социальные болезни... Румыния занимала первое место в мире по смертности населения: 21,1 на тысячу».

Перед Петру Грозой, как и перед многими прогрессивными людьми Румынии того времени, стоял во всей своей сложности и трагичности вопрос: что же делать? Он думал с горечью: вот брошюра «Чего мы

хотим?» была изъята отовсюду, и за ее хранение лишают свободы, а в ней изложены лишь некоторые требования крестьян. В ней еще не указано, как сбросить тяжелое вековое ярмо.

Ведь это ярмо душит не только крестьян. Еще в более бедственном положении рабочие. Это те же крестьяне, сыновья и внуки полей и гор, вытесненные с земли нуждой и бесправием, ушедшие в город, чтобы заработать на хлеб себе и семье. И когда тысячами их выбрасывают на улицу из ворот заводов, оставляют без средств к существованию, без куска хлеба в душных лачугах городов, где только пыль, жара, холод, нужда и безнадежность, сколько глаз тогда устремляются к небу каждое утро! И кто ответит за все это?

Он сдерживал как мог до сих пор крестьян от бурных выступлений. Цель была одна: не спровоцировать власти, не дать им возможность распустить организацию, поставить ее вне закона. Это было бы самое страшное. До сих пор ему не раз случалось отвечать на вопрос: «Почему мы не беремся за вилы, за топоры? Надо резать и вешать, иного выхода нет».

Работать силой разума, доказывать свою правоту словом, терпеливо, без спешки, без взрывов. Это он повторял каждый день и каждый час. Он все время слышал тихий голос тетушки Асинефты и носил в сердце две ее сказки о восставших крестьянах.

Он уже и не помнил, когда она рассказала ему эти сказки.

Это было в далеком детстве, когда добрая тетушка пыталась чем могла отвлекать «бедного сиротинушку» от горькой мысли, что навсегда ушла от него мать, отобрала ее земля, и она уже где-то там, на небе. Она должна быть на небе, потому что добрым людям всегда место в божьем раю, а мать была добрым человеком.

— А расскажите мне, тетушка Асинефта, про самых-самых добрых людей и как их бог к себе забирает, — попросил он тогда.

И тетушка Асинефта стала рассказывать ему про доброго человека по имени Георге Дожа, который до того был добрым, что хотел всех людей от помещиков спасти и чтобы всем крестьянам было хорошо. И вот позвали власти войско, чтобы идти па турок в крестовый поход, отвоевать у них гроб господень. Был и Георге Дожа в этом войске и готов был идти на турок, потому что лучше было тогда мужикам воевать с врагом, чем быть рабом своего господина и гнуть спину с утра до ночи на его поле. Но Доже приснился сон, будто пришел ангел к нему и сказал, что он не должен идти с войском против турок, а вначале бог ему велит освободить крестьян от собственных врагов, от князей и помещиков. Дожа послушался и повернул

свое войско против угнетателей. Было у него сто тысяч войска, и начал он освобождать крестьян, наказывать помещиков. Но у помещиков была большая сила за спиной, и с ними было очень трудно биться.

У Дожи были две трудности: одна — собрать войско, а другая — победить этим войском врагов. Вначале Доже помогал господь бог, и он со своим войском прошел от самой Пешты по всему большому Дунаю до самого города Темешвара, который сейчас зовется Тимишоара. Там в крепости запрятался самый большой враг Дожи Иштван Батори со своим войском и защищался целый месяц. А тут ему на помощь подоспели другие феодалы, такие же князья, как и он сам, такие же враги крестьян, и они разбили войско Дожи, а его самого, раненного, взяли в плен.

Так что ничего не сбылось из того, чего добивались крестьяне. Георге Дожу поймали и, как короля крестьян, присудили к страшному суду. Ему сделали трон из железа, раскалили его на огне докрасна и посадили на этот трон.

Это все в Тимишоаре было, в крепости.

На воображение мальчика этот рассказ подействовал очень сильно. Значит, бог послал Дожу воевать за свободу крестьян, а потом сам его и оставил, помогать не стал. Дал победить злу.

Почему?

Сколько этих «почему» вставало всегда перед ним с тех пор. Казалось, на многие найдены ответы, казалось, приближались решения, а затем снова и снова отдалялись. Он представлял себе могучий фронт крестьян страны, который мирным путем завоюет в равной избирательной борьбе власть и устроит все по-новому, по своему разумению, устроит жизнь без всякого насилия. А оказалось, что этого не так легко добиться.

Не так ли думали до него не раз подымавшие на борьбу крестьян герои этой земли?

Тетушка Асинефта рассказала ему еще одну страшную быль про добрых людей, которым на этой земле жилось очень, очень плохо.

Это был долгий рассказ о другом крестьянском восстании, под водительством Хории, Клошки и Кришана.

Прошло много лет после того, как враги посадили крестьянского короля Георге Дожу на раскаленный железный трон в Тимишоаре. Около трехсот лет прошло. Те же феодалы продолжали грабить крестьян, оставалось то же крепостное право, тот же гнет. Хозяин всегда считал, что скотина дороже человека.

— Из уст в уста передается, — начала свой рассказ тетушка Асинефта. — И я от своих стариков слышала, а они — от своих, что незадолго до

начала нашего века императрица Мария-Терезия послала своего сына Иосифа объехать владения, лично посмотреть, что делают подданные. Заботливая мать, чтобы сделать как можно приятнее путешествие своего сына, задолго до его отъезда из Вены отдала приказ, чтобы на всех дорогах, по которым проедет сын, были убраны трупы повешенных, колесованных или посаженных на кол для устрашения. Пронесся слух среди крестьян, что едет к ним сам принц. Они думали, что он и Мария-Терезия ничего не знают о произволе местных властей, и писали прошения, в которых рассказывали, как им трудно живется, просили смилостивиться, облегчить их страдания и муки. Сто девяносто раз по тысяче прошений было протянуто на дорогах принцу Иосифу. Ему нужен был целый транспорт, чтобы увезти эти бумаги к себе во дворец в Вену. Но бумаги так бумагами и остались, принц никакого облегчения не принес. Только приказал забрать мужиков в армию, чтобы замкнуть границу с Турцией. Немного времени прошло, и пришла весть, что скончалась императрица Мария-Терезия. И подумали тогда крестьяне, что добрый принц, оказавший им честь своим приездом, прочитает их прошения, подарит им свободу, хорошую жизнь. И снарядили они к нему в Вену своих лучших людей под началом мудрого и смелого крестьянина из села Албак по имени Николай Урсу, а по прозвищу Хория. Ему было уже пятьдесят четыре года. Крестьяне набили мешки новыми жалобами и вышли на большой тракт к Вене, пешком пошли.

Четыре раза водил Хория крестьян в Вену, четыре раза выкладывали они бумаги из своих мешков к ногам молодого императора. «Одна надежда на вас, ваше величество», — писали крестьяне.

Перед пасхой 1784 года император принял Хорию вместе с другими крестьянами и обещал облегчение. Он дал приказ расследовать все жалобы. Но приказ остался приказом. Хория ждал, ждал, а потом и ждать надоело. Он стал говорить, что император приказал трансильванским властям облегчить гнет, а здесь не слушаются его, не хотят повиноваться доброму императору, поэтому крестьянам самим надо наказывать дворян. Как это они посмели послушаться императора! И Хория нашел себе сильных товарищей, таких же смелых и бесстрашных, как и он сам. Одного звали Ион Оарга, по прозвищу Клошка, а другого звали Георгие Кришан.

И все началось с ярмарки в Браде. Была осень, конец октября, и на базаре собралось много народу. Хория послал весть, что он привез приказ от императора из Вены и зовет народ в воскресенье собраться в село Местякэн, он там огласит этот приказ. Когда забил колокол церкви села Местякэн, как весенние ручейки, начал стекаться народ, чтобы услышать слово императора. Кришан сказал, что император повелел освободить

крестьян от рабства, а местные дворяне и власти слышать не хотят, они не желают повиноваться императору. Поэтому надо всем следовать в город Алба Юлию, взять оружие и силой заставить дворян выполнить приказ императора.

Так поднялся народ против властей, и пламя пожаров запылало по всем селам и деревням. А тут оказалось, что император не давал никакого приказа об освобождении. Дворяне всего края попрятались в крепость Деву. А император послал им на выручку свои войска. Они окружили крестьян, полонили их, заставили выкопать своими руками огромную яму на окраине Девы, а потом саблями отрубили им головы. Никто не знает, сколько крестьян погибло, не сосчитать черепов, но, куда ни копнешь, на сто верст вокруг — всюду белые кости.

— А Хория? — спросил молча слушавший мальчик.

— Хория? Да, его ждала самая страшная казнь. Никто не думал, что его, человека, с которым разговаривал сам император, будут казнить такой страшной казнью. Его и Клошку судили в Алба Юлии и решили колесовать. Крестьяне не верили, что власти могут поймать Хорию. А они поймали и решили протащить закованного в тяжелые кандалы долгие сотни верст от Алба Юлии до Девы и потом обратно, так, чтобы люди видели и слух об этом разнесся. Потом собрали на площади в Алба Юлии шесть тысяч человек из четырехсот девятнадцати сел, и началось колесование. На высокий помост поставили большое колесо. Около него — два палача. Подняли сначала Клошку. Чтобы казнить его на глазах у Хории. Перебили ему руки, ноги. А потом так же Хорию. Со сломанными руками и ногами Хория крикнул последние свои слова: «Умираю за народ!» Палачи разрубили их тела на четыре части и потащили эти страшные обрубки по всем дорогам страны — для устрашения народа.

— А Кришан?

— Есть люди, Петруц, смелые вначале, а потом они не выдерживают боли, не выдерживают мук. Они сами себя ломают. Так и Кришан. В тюрьме Алба Юлии он потерялся, ему стало страшно, что его будут колесовать. Он отвязал онучи от своих лаптей и удавился...

Это была не сказка, а страшная быль. Такого еще никогда не рассказывала ему тетушка Асинефта.

Петру Гроза только потом поймет, почему рассказала ему тетушка эти были. А тогда он по-детски наивно спросил:

— А бог?

— Что ты спрашиваешь?

— Бог, спрашиваю, где в это время был бог?

— Он всегда там. — Она показала на небо. — Он все видел и все слышал. Он все рассудит...

— Когда? — совсем по-взрослому спросил Петруц.

Молча ушел тогда спать Петруц. Он хорошо помнит, что была темная ночь и перед ним все вертелось и вертелось то колесо, которое убило вождей крестьянского восстания. На протяжении всей жизни спицы этого чудовищного колеса часто мелькали перед взором Грозы, он пытался сквозь них разглядеть, что же кругом делается, думал над тем, как остановить ход этого колеса, как спасти от него людей.

Не раз он возвращался мысленно к тем далеким дням, когда тетушка Асинефта рассказывала ему о пронесшихся над этим краем крестьянских восстаниях. Однажды он искал в старом отцовском доме какие-то бумаги и в глубине орехового комода обнаружил целую стопку пожелтевших ученических тетрадей. В тетрадях оказались стихи. Мелкие, четкие буквы складывались в аккуратные строчки песен, слышанных им из уст тетушки в конце прошлого века. Петру Гроза не мог оторваться от этих простых и добрых строк. Асинефта вырастила троих мальчиков-сирот, заменила им мать. Когда же выбирала она время еще и для стихов?

Строка к строке собрал Петру стихи, с помощью друга, литературного критика, отобрал лучшее, озаглавил «Тайные сокровища», написал предисловие.

«Слово племянника.

Прошло тридцать лет с тех пор, как взрослые отправились в Клуз за «правдой». И они не добыли ее во время процесса «Меморандума». Мы, маленькие, собирались вокруг вас и при свете вечернего огня, который потрескивал в печке, слушали сказки об угнетенном народе и пели вместе с вами песни надежды.

Часто вспоминаю, как прижимались мы к вам, охваченные дрожью, а вы старались вселить в нас какую-то непонятную надежду, веру в будущее, в грядущее воскресение.

Пронеслись годы с их тревогами и беспокойством, а вы все такая же: храните в своей душе любовь к ближнему, верите в будущее народа, постоянно ободряете нас, подымаете наш дух, когда впадаем в отчаяние.

Мы выросли и рассеялись по свету, мечемся по этой жизни и все реже вспоминаем о том, кем вы были и что вы значили для каждого из нас.

Сироты, согретыые вами, возмужали, для вас единственной наградой за все стал приход в ваш одинокий и тихий дом шумной ватаги наших

сорванцов. Они забегают к вам на каникулах.

Чтобы осталось что-нибудь от сокровища вашей доброты и для наших внуков, я завладел без вашего ведома стопкой запыленных тетрадей, забытых в старом комодке. Я позволил обнародовать сложенные вами стихотворения, эти драгоценные кристаллы вашей радости и ваших страданий. Простите вашему племяннику эту последнюю шалость.

Бэчия, страстная пятница 1929 года.

Петру Гроза».

Прошли годы, десятки лет с того вечера, когда вела свой нехитрый рассказ, по своему разумению построенный, тетушка Асинефта. Гроза перечитал тысячи страниц, изучил тысячи и тысячи документов, свидетельств, познакомился с трактовкой этих событий различными историками, прошел по местам, где когда-то прокатились крестьянские войны под предводительством Дожи и Хории, прочитал все, что было к тому времени написано о Разине и Пугачеве, спел много раз вместе с крестьянами неизвестно когда и кем переведенную на румынский язык песню «Из-за острова на стрежень». Как схожа судьба крестьянских войн в разных концах этой земли и в самые различные времена. Он попытался уяснить себе закономерности, по которым развивались эти войны и все как одна терпели крах. Неужели он, Петру Гроза, станет вождем еще одной обреченной на гибель крестьянской войны?

Нет!

Он не желает, чтобы земля, напоенная кровавым потом дедов и прадедов, поливаемая этим же потом сегодня, стала кладбищем для жертв еще одной не увенчанной победой крестьянской войны. А как ему хочется, чтобы его односельчане, крестьяне деревень и одиноких хуторов, рассеянных по этим благословенным природой горам, были счастливы! Он хорошо помнит, как с самого детства ему хотелось, чтобы все крестьяне жили в теплых домах и ели досыта. Он и сейчас, убеленный сединами, помнит, как после рассказов тетушки Асинефты карабкался на самую макушку большого дерева грецкого ореха с густой и пряно пахнувшей листвой. Отец говорил ему с гордостью, что этому дереву больше ста лет. Значит, прикидывал мальчик, это дерево помнит времена Хории! И прислушивался к шуму листвы, может быть, и она, эта листва, поведаст ему что-нибудь о тех временах.

Он любил незамеченным сидеть среди ветвей этого дерева и смотреть, как проходят по пыльной дороге крестьяне Бэчии. Днем, в жару, проходили только старики. Они шли медленно, опираясь на палки. Выходили и

старухи к скрипучим колодцам, набирали воду и шли с ведрами, то и дело ставя их на землю, чтобы передохнуть. Днем было не так интересно. Всего интереснее было вечером, когда возвращались крестьяне с поля. Они брели усталые, на плечах у мужчин косы и грабли, у женщин — мотыги. Шагали они своими большими босыми ногами, серыми от пыли, и смотрели только в землю.

Такими он помнил с самого детства крестьян своей родной деревни Бэчии. И почему-то запомнились босые ноги крестьян. Когда говорили «цэран» — крестьянин, ему всегда в этом слове слышалось «босой», и перед глазами мелькали тысячи и тысячи больших крестьянских ног, серых от пыли. Позже он услышит не раз, как буржуазные политиканы будут перед выборами льстить крестьянам и лицемерно называть их «талпа цэрий» — основой страны. Но ему слышалось тогда в этом слове «талпа» истинный его смысл: крестьянин называет «талпой» подошву своей босой ноги. Так на самом деле, думал Гроза, по своему действительному положению крестьянство не основа страны, а подошва, которая ступает усталая и босая по пыли и грязи, по снегу и льду зимой и летом, при любой погоде.

Как же сделать из этой «подошвы» страны действительную основу ее?

В Бэчии, в соседних с нею селах, такими же босыми ногами шагали по земле крестьяне-венгры и крестьяне-секуи, крестьяне-немцы и крестьяне-словаки. Все работали на одного хозяина. Работа объединяла всех, горе, вызванное угнетением, объединяло всех. И потому с самого детства Петру Грозе было чуждо любое проявление национализма, любое национальное чванство — большой или малой народности. Он прежде всего видел объединение людей по труду.

IV

Летом 1935 года и в Деву пришла весть о том, что в Москве состоялся VII конгресс Коммунистического Интернационала. Международное коммунистическое движение, учитывая наступление международной реакции, и стремительный, угрожающий человечеству разгул фашизма, и опасность новой мировой войны, мобилизовало свои силы на создание единого рабочего и народного фронта.

Коммунистическая партия Румынии, секция Коммунистического Интернационала, в трудных условиях глубокого подполья организует народ на борьбу с опасностью наступающего фашизма, сплачивает

демократические силы страны в единый народный демократический фронт. Огромное внимание уделяют румынские коммунисты «Фронту земледельцев» как одной из массовых организаций трудового крестьянства. Среди активистов компартии, которым в разное время было поручено держать связь с активистами «Фронта земледельцев», были Аугустин Алмэшан, Иосиф Рангец, Петре КонстантINESКУ-Яшь, Гаврилэ Бирташ, Иожа Белла, Николае Гольдбергер, Гомбо Самуила, Ион Винце, Ладислав Баньяй, Александру Сенкович, Георге Микле, Ион Майер, Скарлат Каллимаки, Александр Алексе, Константин Трандафиреску, Николае Букуреску и другие. Секретарь хунедоарской уездной организации Компартии Румынии Гомбо Самуила держал непосредственную связь с доктором Петру Грозой.

Весьма примечательно, что Петру Гроза без колебаний шел на связь с представителями компартии, видя в коммунистах верных и надежных союзников. На многочисленные обвинения в печати и на собраниях в том, что «Фронт земледельцев» — организация коммунистическая, а его активисты — «большевики», центральный орган «Фронта земледельцев» газета «Хория» отвечала: «Пусть будет коммунизм, если коммунизмом называется справедливость, потому что мы знаем — справедливость с нами».

Коммунистическая партия следит за тем, чтобы активисты «Фронта» не замыкались в национальной скорлупе. Первые организации «Фронта» создавались как организации румынских крестьян, в то время как рядом с румынами в одних и тех же селах работали на тех же помещиков трудящиеся других национальностей.

Петру Гроза заключает союз с венгерскими трудящимися и подкрепляет свой шаг самым широким обсуждением этого вопроса во всех организациях «Фронта земледельцев».

В Трансильвании существовал в то время Союз венгерских крестьян и рабочих — МАДОС.

24 сентября 1935 года по приглашению Петру Грозы в его родное село Бэчию приехала делегация МАДОСа, чтобы поговорить со своими товарищами из руководства «Фронта земледельцев» об общих бедах румынского и венгерского крестьянства Трансильвании. Тут, в доме Грозы, делегаты обеих организаций обсуждали, сколько горя и страданий переносят все трудящиеся независимо от того, на каком языке они говорят и в какую церковь ходят слушать обращенные к богу молитвы. Румынский помещик эксплуатирует одинаково жестоко и румынского и венгерского крестьянина: венгерский помещик дерет столько же шкур с румынского

крестьянина, сколько и с венгерского. Разницы никакой. И потому как в войне крестьян под водительством Георге Дожи участвовали и венгры и румыны, кат: во время восстания Хории, Клошки и Кришана румыны боролись и гибли вместе с венграми, так и сейчас нужно объединиться. Только не для всеобщей гибели, а для победы над общим врагом. И крестьяне-венгры и крестьяне-румыны говорили в гостеприимном доме Грозы о том, что господствующие классы, умеющие объединиться для эксплуатации и угнетения независимо от национальной принадлежности, сеют национальную рознь с первого дня поступления ребенка в школу.

— До семи лет, до поступления в школу, — говорил делегат клужских рабочих и крестьян Янош Ференц, — крестьянские и рабочие дети дружат, и никто не задается вопросом, какой национальности и какого вероисповедания его товарищ по игре. Но смятение детских умов начинается с того часа, когда ребята переступают порог школы. Тогда румына оскорбят прозвищем «олах», а венгру скажут «эй ты, топор».

Другой делегат — Янош Якоб — говорил, что независимо от того, на каком языке говоришь, если ты бедный, то все время находишься на передовой черте голода. Неутомимый активист «Фронта земледельцев» Груя Петру Моцу с особой решимостью подчеркивал:

— Права народа завоевываются риском и мученичеством. Мы не должны бояться преследований.

Другой крестьянский активист, из области Банат, с болью рассказывал: в деревнях уже стало правилом, что сборщики налогов сдергивают одеяла со спящих крестьянских детей, что полиция избивает и арестовывает активистов «Фронта земледельцев», с презрением клеймит их словом «большевик».

— Правящая прослойка, — говорил он, — оторвалась от низов и все с большей ненасытностью заграбастывает капиталы. Будем же бороться за наступление того времени, когда эта прослойка не сможет больше владеть ни капиталом, ни быть во главе народа, который она так подло предала.

Об этой правящей прослойке Петру Гроза беседовал с клужским журналистом В. Мунтяну. Беседу эту опубликовала 25 мая 1935 года издававшаяся в Клуже газета «Адевэрул».

— Думаю, что будет чрезвычайно интересно узнать прежде всего, как видит человек вашего диапазона современный профиль нашей руководящей верхушки.

Гроза посмотрел на журналиста с горечью, нахмурился и ответил:

— На экране нашей общественной жизни не вижу ничего, кроме насквозь фальшивой политической интеллигенции. Она не шагнула дальше

постоянных компромиссов, не поднялась до уровня требований исторического момента. На уровне требований истории остались только массы.

Гроза достал блокнот, стал перелистывать страницы.

— Прошу вас, запишите дополнение к ответу. Прочту сделанную мною запись по поводу двадцать восьмого февраля, когда власти, интеллигенция и пресса «праздновали» столетие со дня восстания Хории, Клошки и Кришана: «Эти руководители революции отсюда, из уезда Хунедоара, и мы живем вместе с их наследниками, которые очень напоминают Хорию, Клошку и Кришана. Если бы мы не знали, что со времени той революции прошло уже сто пятьдесят лет, то должны были бы поверить, что те, вчерашние, — это сегодняшние. Для них ничего не изменилось. Почему тогда такой праздник и такое звонкое веселье устраивает румынская интеллигенция, в жизни которой все же кое-что изменилось? Эксплуататоры тех крестьян, мадьярские графы и бароны, низвергнуты. Но на их место воцарились мы, банкиры, адвокаты и политиканы. Смена очень удачна, счастлива, и причина праздника становится понятной. Но когда подумаешь о бесчисленной массе крестьян, преследуемой банками, финансовыми агентами, избиваемой жандармами и разоряемой экономическим кризисом, поймешь, почему же она, эта масса крестьян, полностью отсутствует на этом шумном, праздничном шабаше».

— Гроза закрыл блокнот и добавил к прочитанному: — Следовательно, интеллигенция, занятая сегодняшней политикой, довольствуется имеющимся достатком и полностью забывает о том, что за кулисами сцены, на которой опытные артисты играют уверенно и азартно, эксплуатируемые миллионные массы с ненавистью сжимают кулаки. Это кулаки народа, он перестает любоваться головокружительными номерами политических акробатов и переходит к реальным действиям, в чем вы имели случай убедиться.

— Как вы оцениваете ориентацию румынской общественной жизни?
— спросил корреспондент.

— Люди ищут новые лозунги, потому что и у политики имеются сезоны. Дух подражания не ограничивается только пиджаками. Некоторые стремятся быть модными, рискуя оказаться смешными или даже пережить трагедию. Поскольку в некоторых странах сейчас в моде фашизм и гитлеризм, нет ничего удивительного в том, если и у нас появятся подражатели. И никто не должен быть захвачен этим врасплох. Нельзя требовать перспективной борьбы и изучения глубинных явлений общественной жизни от оппортунистической интеллигенции. Сегодня ей

дают правые — она будет с ними. Завтра перестанут давать — она пойдет с левыми. Жалкие люди. И не посочувствуешь даже...

— Думаете, что фашизм и гитлеризм смогут утвердиться?

— К сожалению, на некоторое время — да. Это печальный факт. Но фашизм и гитлеризм научат кое-чему и нас. Говорят, что у фюрера заболевание горла. Ничего удивительного после четырнадцати лет непрерывной болтовни. Диспропорция между теориями и речами, с одной стороны, и достижениями — с другой, так велика, что мы смотрим на все это скептически и опасаемся, как бы этот опыт с массами, с тевтонскими в особенности, не привел лишь к одному-единственному исходу — к войне. А может быть, выступая перед чернью, они другого и не добиваются?

— Как вы оцениваете формулу «номеру с валахикус»?^[31]

— У меня нет слов для того, чтобы заклеить позором деятельность господина Вайды, который выносит национальную идею на ярмарки, размахивает ею как векселем. Национальная идея, разрекламированная и разукрашенная в подобных формах и фразах, теряет свой истинный смысл.

В связи с деятельностью валахистов я подчеркну лишь то, что народные массы вычеркнули из своего словаря слово «национальный», потому что благодаря своему происхождению, отношению к жизни и своей роли в государстве они не нуждаются в афишировании национального характера, не извлекают из этой идеи какую-либо выгоду для себя... Два слова — «национальный» и «патриотический» — стали сейчас очень схожими, и уважающий себя человек избегает этой общей банальной терминологии.

Петру Гроза высмеивает национализм. Это дает ему возможность шире смотреть на мир, видеть его завтрашний день, видеть мирную семью свободных народов. И это очень красноречиво проявилось в его рассуждениях на встрече с представителями МАДОСа. Здесь он еще более определенно говорил о том, что реальна угроза фашизма, что нужно объединиться, чтобы преградить ему путь.

«Фронт земледельцев», подчеркивал он, естественно, не может обеспечить концентрации всех патриотических сил против общего наступления реакции. «Мы не можем заменить понятие «страна» понятием «крестьянство», как это пытаются делать сторонники крестьянского государства. Мы не отрицаем города. Мы хотим бороться, объединенные с городом, понимая, что город — это широкие производительные массы во главе с промышленными рабочими, с интеллектуальными работниками».

На встрече в доме Петру Грозы в Бэчии было решено, что утром 3 ноября 1935 года в зале городского театра Девы, там, где 8 января 1933 года

состоялось памятное собрание крестьян уезда Хунедоара, соберутся румынские крестьяне и представители рабочих и крестьян-венгров. И 3 ноября 1935 года впервые в истории крестьянского и рабочего движения страны был подписан документ, имевший принципиальное политическое значение, документ братства между румынскими и венгерскими трудящимися.

Это замечательное собрание заявило, что перед лицом военной опасности, перед лицом новой мировой бойни, к которой злобствующий фашизм империалистических, антидемократических государств гонит трудящееся большинство, нужно поднять несокрушимую стену единства трудящихся всех национальностей.

«Мы, — говорилось в документе, — являемся решительными противниками любых попыток провоцировать вооруженные конфликты между народами, а также проповеди расовой ненависти, фальшивых лозунгов. Мы будем действовать незамедлительно против всех попыток врагов мира попираť гражданские и конституционные свободы. Будем бороться против военного положения и цензуры, поощряющей демагогию и разнузданную пропаганду тех, которые оседлали с выгодой для себя национальную идею и задушили свободу мысли и печати, а также свободу собраний — единственное оружие самозащиты масс, постоянно находящихся под угрозой властей. Мы объединенными силами решительно требуем прекращения этого чрезвычайного положения, ставшего сейчас постоянным, и возврата к конституционному режиму, к свободным выборам».

«Фронт земледельцев» и МАДОС заявили о решительной поддержке идеи создания народного демократического фронта против любых попыток установления диктатуры в стране и призвали все трудящиеся слои города и деревни выступать едиными рядами против политических партий, разжигающих национальную рознь и ненависть.

«Бэчийское соглашение», под таким названием оно вошло в историю демократического движения Румынии, встретило горячее одобрение самых широких слоев трудящихся Румынии. Не было демократической газеты, которая не сообщила бы об этом своим читателям. К Петру Грозе приходили ежедневно десятки писем одобрения, многие организации трудящихся заявляли о своем присоединении к соглашению, о своем желании быть в рядах единого демократического фронта страны против наступления реакции.

Центральный Комитет Коммунистической партии Румынии призывал народные массы идти в одних рядах с теми, кто выступает с общей

платформой антифашистской борьбы. Пресса, направляемая компартией, подчеркивала, что «Бэчийское соглашение» является добрым началом. Оно должно стать примером на пути к созданию народного демократического фронта, основу которого составляет пролетариат, доказавший борьбой свое стремление солидаризироваться с крестьянством.

На собрании в театре и в своих последующих выступлениях Петру Гроза предвидел, что «попытка концентрации правых сил вызовет еще большую концентрацию демократических сил — рабочих, крестьян, всех других заинтересованных социальных категорий».

«Исторические» партии царанистов и либералов и власти, направлявшие страну к открытой диктатуре, напуганные размахом борьбы народных масс за создание единого демократического фронта, усиливают, как никогда, репрессии. В дни, когда назначались собрания трудящихся деревни, они объявляли выход на так называемую prestaцию — обязательные общественные работы, равные мобилизации. Отказ от выхода на prestaцию карался арестом и избиением.

Коммунистическая партия Румынии призывала рабочих, крестьян, ремесленников выступить против репрессий, она продолжала разъяснять массам через левую печать, что «в атмосфере волнений, вызванных фашиствующими силами и диверсионными группами не без поддержки правительства, собрание румынских и венгерских крестьян горит как яркий маяк, показывая пример братского единения между народами, являет собой ответ на шовинистическое безумие и указывает единственный путь для трудящихся масс Румынии — объединение в единый народный антифашистский фронт».

Следующим шагом на пути создания Народного фронта было соглашение между Демократическим блоком^[32] и группой левых социалистов во главе с К. Поповичем. На призывы компартии ответили организации Демократического блока и левых социалистов. После совещания 8 ноября 1935 года эти организации приняли 26 ноября предложение Центрального Комитета Румынской компартии заключить соглашение о совместной антифашистской борьбе.

6 декабря 1935 года в дом Петру Грозы в Деве приехали гости из Бухареста. Это была делегация Демократического блока. Ее возглавляли известные борцы против фашизма и реакции, активные учредители общества «Друзья СССР»^[33] Петре КонстантINESКУ-Яшь и Скарлат Каллимаки.

Петру Гроза обрадовался гостям. Предстояло ответственное собрание

четырёх демократических организаций страны, которые должны были заявить во всеуслышание о новой акции — о дальнейшем расширении базы антифашистского фронта. Гроза почти до утра говорил со своими гостями о судьбах страны, рассказывал им о том, как развиваются здесь организации «Фронта земледельцев». Он гордился тем, что «Фронт земледельцев» — творчество самих крестьянских масс. Все буржуазные партии Румынии создавались сверху вниз. Тот или иной политический деятель советовался со своими друзьями, подбирал себе единомышленников, заранее определял, чем они будут заниматься в руководстве партии, а затем и в... правительстве; когда уж все решалось, начинали «создавать» партию. Так росли эти партии, одна другой лживее и демагогичнее. Отличие «Фронта земледельцев» от всех легальных политических партий Румынии состоит в том, что он создан самими крестьянами, снизу вверх. Крестьяне собрались и сами выдвинули своего руководителя, попросили его быть председателем организации и обусловили при этом, что он как председатель не имеет права навязывать свою волю организации, крестьяне сами решают, от него требуется только совет, совет человека грамотного, знающего историю, законы государства и законы земли.

Гости рассказали Грозе о жизни столицы, где, как и раньше, кипят страсти и идет та же борьба вокруг «казана с мясом», о которой ему хорошо известно и которую хорошо видно и отсюда.

Когда Гроза говорил о местных активистах «Фронта», лицо его озарялось. Он не мог сдерживать своего восторга, рассказывая об этих богатырях, о людях, получивших воспитание и образование «у самой матери-земли». Самое главное, говорил Гроза, что они, эти настоящие мудрецы, никогда не предадут друг друга и никого. Им чуждо и противно всякое притворство, неискренность, бесчестность. «И диву даешься, — продолжал Гроза, — откуда берется столько бесчестности у так называемой протипендады^[34], она в конечном счете тоже когда-то была близка к земле; откуда она восприняла эти противные земле качества?»

В прессе, освещавшей в то время жизнь «Фронта земледельцев», часто встречаются рассказы о Ромулусе Зэрони, Мироне Беле, Ионе Мога Филерю и многих других близких сотрудниках Петру Грозы по «Фронту». Из скупых рассказов вырастают образы крестьянских вожаков, чья прирожденная мудрость, смелость и бесстрашие вызывают восторг.

На встрече с представителями Демократического блока выступил крестьянин Георге Банчу из Стрея.

— Господа представители со всех концов страны, — начал он, — я говорю вам, что мы очень рады и даже веселы по тому поводу, что видим

вас лично и разговариваем с вами. Потому что в газетах видели ваши имена и портреты, а вот лично не приходилось видеть. Сегодня у меня удобный случай поведать вам о том, что в уезде Хунедоара существует семя. Но это не то семя, которое сеют весной и осенью... Наше семя высевается сотни лет кряду... И это семя лежит в земле, лежит, а потом дает удивительный росток. Такой росток оно дало сто пятьдесят лет назад: Хория, Клошка и Кришан. Второй раз это семя дало росток восемьдесят лет назад — Аврам Янку. Народ тогда был несчастен и сердит, как и сегодня.

Сейчас, господа, когда страданиям земледельцев нет конца и краю, наше семя дало новый росток. Родилась организация «Фронт земледельцев»... Мы создали свою организацию не потому, что нам делать нечего, не потому, что мы гуляем-пляшем и не знаем, куда деваться от веселья. Нет!

Мы организовались потому, что уже прошло семнадцать лет с тех пор, как политические партии проткнули нас своими ножами. Уже семнадцать лет, как мы носим эти ножи в сердцах своих, и причиняют они нам страшные страдания. И приходит партия к власти, хватается нож за рукоятку и обещает, что если будем голосовать за нее, то она избавит нас от этого ножа, от этого страдания. Они хитрые, эти партии. Пока борются за наши голоса, вытаскивают нож из раны, но не совсем. Только чуть-чуть. А получают голоса, придут к власти — загоняют ножи еще глубже. А сейчас политические партии нанесли нам такой удар, что нож достал своим острием до самого костного мозга^[35]. Страдания умножились, но из них родилась организация «Фронт земледельцев». И она как виноградная лоза — сколько бы ты ее ни срезал, она все растет и растет и еще больший урожай приносит. Потому что, если классовые враги уничтожат меня или любого из нас, за нами — сотни и сотни тысяч!»

Вскоре после собрания в доме Грозы все его участники поехали в село Цебя. Там под огромным дубом, носящим имя вождя крестьянской революции 1784 года Хории, похоронен Аврам Янку, один из вдохновителей революции 1848 года. Там же, рядом с могилой Аврама Янку, могила одного из предков Петру Грозы, народного трибуна Симеона Грозы. Представители румынских крестьян дали здесь клятву нерушимого союза с рабочим классом страны, с его коммунистическим авангардом. Они пророчески говорили о том, что придет время, когда смердящие трупы лживых политических партий будут навечно закопаны, чтобы не оскверняли землю, которую крестьянин пашет, и не отравляли воздух там, где трудится рабочий со своим молотом, сокрушающим сталь.

Собрание под дубом Хории в Цебе было символическим. Оно показало

всей стране, что жив дух непримиримости к угнетателям и социальной несправедливости.

Вечный союз серпа и молота, провозглашенный родиной Великой Октябрьской социалистической революции, подтверждал и здесь, в этом крае героических традиций борьбы со злом, свою могучую силу и непреодолимость.

Петру Гроза вернулся домой окрыленным. Он вдруг с новой силой понял, что все, что мучило его в бессонные ночи, что носил он с собой в бесконечные прогулки к вершине крепости Девы, все, о чем он говорил про себя и вслух со своими соратниками по «Фронту земледельцев», — все это свершилось сегодня.

Нет, сказать, что все, — это неверно. Это он понимает. Но свершилось то великое, чего в истории страны еще не было.

Он вспомнил, что писал относительно союзников организации крестьян несколько лет назад: «Первым нашим добрым спутником должен быть индустриальный рабочий, эксплуатируемый так же, как и мы, тем же капитализмом. Вторым нашим товарищем должен быть рабочий умственного труда, то есть интеллигент. Я подчеркивал по другому поводу, что крестьянство не может жить без интеллигенции. Сегодня интеллигенция сплошь и рядом терпит те же беды, что и мы, а завтра своей организованностью и борьбой мы добьемся лучшей доли и для себя и для них. Еще есть у нас один очень ценный помощник — это кризис. Его углубление приведет к пробуждению всего крестьянства и к краху всех врагов народа».

Свершилось!

Сегодня был скреплен на деле союз рабочего класса Румынии с трудовым крестьянством, союз трудящихся румын с трудящимися венграми против единого врага трудящихся всех национальностей — против капиталистов и помещиков. И вместе с рабочими и крестьянами идут представители прогрессивной интеллигенции. Профессор Константинеску-Яшь, принц Скарлат Каллимаки...

Единый фронт!

Если сумеешь распространить его на всю страну, если сумеешь распространить его на всю Европу, на всю землю! Куда денется тогда фашизм? Куда денутся капиталисты?

Но до этого еще так далеко. Сколько будет предательств, сколько будет виляний, сколько демагогии...

Петру Гроза не был утопистом, он был достаточно реалистически мыслящим политиком и понимал, что для осуществления этого фронта в

пределах Румынии потребует колоссальная борьба не только «Фронта земледельцев» и Демократического блока, потребует преодолеть не одно препятствие. Но как бы трудно ни было, начало уже есть. Первый в истории Румынии союз рабочего класса и крестьянства!

То, чего не хватало прежним выступлениям крестьянства страны (и не только Румынии, но и многих других стран), обретено сегодня в Цебе, под кроной исторического дуба.

Понимают ли это все его товарищи? Поймут ли это политические деятели других идейных направлений?

Время и события показали, что товарищи Грозы по «Фронту земледельцев» не только это понимали, но и самым активным образом старались распространить идеи единого фронта на всю Румынию.

Подписанное в Цебе соглашение намечало минимальную программу действий и первоочередные задачи: борьба против опасности наступления фашизма; борьба против военного положения и жесткой цензуры; за свободу печати и собраний, за облегчение налогового гнета, предоставление женщинам и молодежи равных трудовых прав; амнистия для всех политических заключенных — революционеров и антифашистов; пресечение деятельности фашистских банд. Организации, подписавшие соглашение, выступали решительными сторонниками мира, требовали прекращения подготовки к войне. Они подчеркивали, что идут по пути «осуществления знаменательных исторических мероприятий: установления боевым путем режима свободы и реальной демократии...». Соглашение подчеркивало, что оно «основывается на волнениях и действиях рабочего и крестьянского большинства, которое полно решимости противостоять любыми средствами любой реакционной диктатуре». Соглашение призывало весь трудовой народ страны и все организации: радикально-крестьянскую, национал-крестьянскую, социал-демократическую и социалистическую партии, все ассоциации ремесленников, торговцев, служащих, пенсионеров и интеллигентов, а также все рабочие политические и профсоюзные организации присоединиться к создателям первого ядра единого фронта, для того чтобы «на час раньше осуществить настоящий народный фронт всех демократических сил Румынии — единственный залог успешной борьбы за свободу и мир».

Подписание «Цебского соглашения» было горячо встречено прогрессивной общественностью страны. «Путь великих достижений на платформе Народного фронта открыт», — писала газета «Ынаинте» («Вперед»).

19 декабря 1935 года в Бухаресте по инициативе Центрального Комитета Румынской компартии встретились представители Демократического блока, «Фронта земледельцев», Фронта демократических студентов и МАДОСа. Здесь было решено создать координационных! комитет для дальнейшего расширения народного антифашистского фронта. Были посланы новые письма руководству социал-демократической и национал-царанистской партий. Петру Гроза послал в Бухарест для переговоров с руководством национал-царанистской партии одного из самых близких своих сотрудников, мудрого и дальновидного крестьянина Ромулуса Зэрони. Зэрони вел переговоры откровенно и требовал от руководства этой «исторической» партии ясного ответа: пойдет ли оно на общие действия против наступления реакции и фашизма в стране или нет?

Свойственные руководству царанистов двурушничество и виляние проявились и здесь.

— Маниу и его ребята проведут нас, — сказал Зэрони Петру Грозе после этих переговоров.

Неясную позицию заняло тогда и оппортунистическое руководство социал-демократической партии.

Петру Гроза понимал, что в создавшейся обстановке нужно действовать смело и решительно, не упуская из виду ни одной детали, ни одной возможности для возведения преграды на пути наступающей реакции.

В таких условиях шла подготовка к парламентским выборам 1936 года. «Фронту земледельцев», завоевавшему к этому времени большую популярность, нужно было решиться, как быть, — выступить на выборах самостоятельно или вступить в союз с национал-царанистской партией, для того чтобы избрать общего кандидата от Народного фронта.

Примечательно заседание Центрального Комитета «Фронта земледельцев», на котором обсуждался этот вопрос.

Петру Грозе была известна позиция ЦК Румынской компартии относительно тактики Народного фронта на выборах. В условиях общего наступления реакции ни одна из левых партий не могла рассчитывать на успех. В это время крайние фашиствующие элементы создали организацию со звонким названием «национал-христианская партия». Ее возглавлял трансильванский поэт, известный доктору Петру Грозе деятель Октавиан Гога. Еще будучи студентом, в самых ранних своих стихотворениях Октавиан Гога воспевал все румынское, мечтал о том времени, когда

свободная румынская нация выйдет на широкий исторический простор и не будет испытывать унижения и оскорблений. Бесконечное любование всем национальным, пропаганда чистого, рафинированного национализма привели Октавиана Гогу к созданию этой так называемой национал-христианской партии по типу национал-социалистской партии Гитлера. Национальной, да еще и христианской! Это для того, чтобы иметь возможность привлекать в ее ряды только румын, православных крестьян. Ни другой национальности, ни другой религии.

Демагогия, расовая ненависть к гражданам другой, нерумынской нации, оголтелая проповедь исключительной роли румын — все это составляло арсенал гогистов. Петру Гроза с отвращением отвернулся от Октавиана Гоги, сменившего перо поэта-националиста на гитлеровскую свастику, и с презрением наблюдал за его участием во всеевропейском фашистском шабаше. Особое презрение Грозы к Гоге вызывалось еще ложью и клеветой шумного поэта, пытавшегося во что бы то ни стало выйти на политическую арену «вождем». Крестьянские массы Трансильвании презирали сейчас своего бывшего кумира и ни разу не избрали его своим депутатом в бухарестский парламент. Гога злобствовал, он клеветал на «Фронт земледельцев» и на его председателя. Зная хорошо, с какой ненавистью относятся к коммунистам правительство и правящие партии, он доносил на «Фронт земледельцев», утверждая, что «видел в свой бинокль в Цебе Бела Куна. И Петру Грозу — рядом с известным венгром, проживающим в Деве со специальной целью».

В 1936 году депутат от уезда Хунедоара Митицэ Константинеску был назначен управляющим Национальным банком. По существовавшему избирательному закону высшие правительственные чиновники автоматически выбывали из депутатов сразу же после получения назначения. Таким образом, оказалось свободным место депутата в парламент от уезда Хунедоара. Правительство назначило на 18 февраля частичные выборы.

«Фронт земледельцев», следуя тактике единого фронта, решил не выставлять на этих выборах своего кандидата, а выступить вместе с национал-царанистской партией, находившейся в оппозиции к правящей либеральной партии. 14 января 1936 года состоялось заседание уездного комитета «Фронта земледельцев» для обсуждения этого вопроса. Был подготовлен проект письма руководству национал-царанистской партии, и Гротя Петру Моцу огласил этот проект.

«Мы находим принципиально необходимым немедленное создание

единого фронта всех демократических групп и организаций для предотвращения опасности установления диктаторского режима и защиты закрепленных конституцией прав народа от общего врага... «Фронт земледельцев», привыкший смотреть на реальность исторических фактов со всей последовательностью, готов ориентировать всю свою организацию на поддержку на частичных выборах в уезде Хунедоара общего кандидата Единого фронта, назначенного специально для этого созданным комитетом из представителей всех групп — участниц этой акции. Если этот комитет сочтет необходимым назначить кандидата, не состоящего в «Фронте земледельцев», мы уступим этому кандидату свое место и окажем ему поддержку на выборах».

— Я встретился недавно в Клуже с руководителем национал-царанистской партии Юлиу Маниу, — сообщил Гроза своим товарищам. — Он сказал мне буквально следующее: «Господин Гроза, не будем больше драться на политической почве, а договоримся, как быть, чтобы вместе защитить румынскую демократию, потому что, если будем только счеты сводить друг с другом, многое потеряем». Я ответил ему: «Господин Маниу, принимаю с удовольствием ваши слова и подписываюсь под ними, только нужно при этом учитывать вот что — вы сказали эти слова не Петру Грозе, а «Фронту земледельцев». Если царанистская партия понимает необходимость бороться вместе с нами за свободу народа, если это понимание приведет ее на наши позиции, тогда я подписываюсь с удовольствием. Но подождем немного, посмотрим, что ответят на это земледельцы!»

Заседание и было созвано для того, чтобы услышать, что скажут руководители «Фронта».

Проследим за дальнейшим ходом этого заседания Центрального Комитета «Фронта земледельцев».

— Вы поставлены перед необходимостью принять трудное решение, — говорил Гроза. — «Фронт земледельцев» — массовая организация, которая до сих пор твердо стоит на правильном пути, понимает, что надо вести последовательную борьбу без всяких виляний. Это правильно. Но не менее правильно и то, что мы находимся в критических исторических обстоятельствах. Мир сегодня стоит у водораздела, по обе стороны которого действуют огромные политические силы — правые и левые. Правые означают — фашизм, террор, диктатура. Носители этого — Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, Гомбош в Венгрии. Левые означают — защита гражданских свобод и обеспечение человеческого существования народных масс. Мы должны выбрать, по какую сторону водораздела будем

находиться.

Руководитель «Фронта» разъяснил еще раз, как он понимает этот избирательный союз. В результате выборов будет избран не кандидат национал-царанистской партии, а кандидат от Народного фронта.

Крестьянин Ион Мога:

— Нужны точные формулировки, и их необходимо выполнять со всей строгостью.

Аурел Филимон:

— Вчера вечером местная организация «Фронта земледельцев» района Девы рассмотрела во всех аспектах предложение о союзе с царанистами. Организация за этот союз, если царанисты согласны, чтоб не рассматривать выдвигаемого кандидата как кандидата от их партии, если согласны одобрить линию демократического Фронта во время выборов в Хунедоаре.

Крестьянин Дэнуц Шотынга:

— В политическом товариществе нужна очень большая осторожность. Неужели господин Михалаке^[36], который занимался в Риме изучением устройства фашистского государства, согласится не фальсифицировать демократию, как сфальсифицировал Константин Великий христианство? Мы не желаем во время каких-то частичных выборов замарать знамя «Фронта земледельцев». Смысл моего предложения сводится к тому, чтобы идти на соглашение даже с национал-царанистами, поддержать их на выборах, но чтобы мы сохранили полностью свою самостоятельность и никак не отвечали за последствия возможных дальнейших действий этой партии.

Надо думать, что труднее всего было выступить на этом заседании Мирону Беле. Он уже прославился как один из наиболее активных и бесстрашных руководителей крестьян этого края, и на крестьянских собраниях по обсуждению кандидатур на предстоящих выборах чаще всего называлась его кандидатура в парламент.

— Когда я вступил в борьбу за права крестьян, то не думал, чтоведу эту борьбу за депутатское место. И сейчас, когда многие назвали меня, я отказываюсь от этого места, понимая, что дело, за которое мы боремся, выше депутатского кресла... Мы объединяемся потому, что над нами висит опасность фашистской диктатуры. Мы за Народный фронт во всей стране. Этот фронт должен дать нам всем большую свободу. Я такой же крестьянин, как все вы. Борюсь вместе с вами... Сегодня мы должны выбрать между свободной жизнью и жестокой смертью. Что касается объединения с царанистамп, у меня одно важное уточнение: господин Гицэ

Поп^[37] не является кандидатом национал-царанистской партии, а кандидатом от Народного фронта. Национал-царанистская партия должна заявить, что она становится левой партией. Господин Юлиу Маниу должен сейчас показаться, приехать к нам в Хунедоару и заявить открыто, что он за Народный фронт.

Георге Микле:

— Его величество капитал разгуливает перед нашими глазами, бьет кулаком себя в грудь и рычит: я хаос, я диктатура, кто посмеет помериться со мной силами? Это Голиаф современной реакции, а Народный фронт подымет против него не камешек, а неприступную скалу.

Иустин Поруциу (Клуж):

— Не забывайте, что на вас устремлены взоры и думы многих. Героические крестьяне Хунедоары крепко держат в своих руках факел справедливости свободолюбивого и человеческого румынского народа. Мы убеждены, что пламень этого факела распространится на всю страну. Народный фронт будет создан!

На этом заседании по предложению Петру Грозы была единогласно принята резолюция о совместном выступлении «Фронта земледельцев» на частичных выборах с национал-царанистской партией.

И тогда в гостиницу «Ориент», где ожидали представители национал-царанистов, явился делегат земледельцев и пригласил их на заседание «Фронта».

Когда пришла делегация царанистов, Петру Гроза сразу же заявил, как он выражался, «без задних мыслей, без всяких темных мест, чтобы все сразу же было ясно»:

— Хочу еще раз уточнить одну весьма важную деталь. Этим решением о союзе на выборах мы не переходим в национал-царанистскую партию, и национал-царанистская партия не объединяется с «Фронтом земледельцев». Мы понимаем дело так — поддерживаем кандидатуру господина Гицэ Попа во имя великой идеи румынской демократии. С этого момента он больше не кандидат от партии, в которой состоит, а кандидат демократического фронта. Мы поддерживаем его в надежде на то, что в дальнейшем не будем больше отделять земляпашца от рабочего, а все вместе составим гранитный блок защиты демократии и свободы.

Представители национал-царанистской партии, и особенно сам кандидат в депутаты Гицэ Поп, заявили о своем согласии выступить вместе и даже огласили программу (приемлемую для «Фронта земледельцев») из семнадцати пунктов. Они подчеркивали, что решение о совместном выступлении на выборах в Хунедоаре утверждено Центральным Комитетом

национал-царанистской партии.

«Мы боремся против попыток установления режима, противного интересам народа, — утверждали они. — В действиях правых партий народ видит опасность диктатуры, видит врага, который пытается отобрать у народа последние гражданские свободы».

Создание Народного фронта представляло собой серьезную опасность для буржуазно-помещичьего режима Румынии. И стражи этого режима, не гнушаясь фальсификаций, провокаций, распространения клеветы и всяких небылиц, перешли в контрнаступление. Они запугивали население коммунистической опасностью, Октавиан Гога перебрасывал в Хунедоару банды своих вооруженных головорезов.

И, несмотря на все это, по призыву «Фронта земледельцев» 9 февраля 1936 года в Деву снова вошли колонны крестьян, чтобы выразить свою поддержку идее Народного фронта. На этот раз вместе с крестьянами пришли рабочие восьми рабочих центров страны, их возглавлял руководитель Демократического блока профессор Петре Константинеску-Яшь.

Демонстрация в Деве явилась решительным ответом сторонников Народного фронта на провокации фашистов и реакционеров. Издеваясь над руководителем национал-христианской партии Октавианом Гогой, который вел очень шумную избирательную кампанию под лозунгами чистого «ромынизма», Ион Мога Филерю говорил:

— Господин Гога воспевал некогда драму нищего народа, который стучится то в одни, то в другие ворота, эта песня казалась искренней, а сейчас поэт скомпрометировал ее, потому что сам ходит под воротами миллионеров и рекомендует нам новый режим крепостного права. Горы, хранящие в своих недрах золото, о котором когда-то пел Октавиан Гога, идут сейчас на борьбу не вместе с ним, а вместе с нами, против него.

Впервые здесь, на площади в Деве, выступал Петре Константинеску-Яшь, испытанный коммунист, видный борец за демократические свободы. Он говорил о том, что нынешний момент характеризуется расширением демократического фронта по всей стране.

— Меня предали суду за мою борьбу, лишили университетской кафедры. Но меня не запугаешь — борьба за социальную справедливость — это самая высокая моя кафедра!

Петру Гроза был рад за своего друга. Эти тысячи людей, которые слушают его, пойдут по селам, по своим домам и распространят слово правды. Это будет еще одна победа «Фронта» и его, Петру Грозы, победа.

Принимается решение.

«Мы требовали и требуем мира для народов, мы против тех, кто разжигает ненависть, толкая людей к войне, размахивая знаменем вражды во имя Христа. Их лозунг: «Бейте их и плюньте в лицо тем, которые придерживаются иного мнения!»

Рабочие и крестьяне Хунедоары!

Капиталисты и их слуги хотят установить в нашей стране фашистскую диктатуру, подготовляемую правыми партиями и либеральным правительством, они хотят выжать последние силы из трудящихся масс и ликвидировать последние демократические свободы. Банды Гоги и Кузы, вооруженные на средства наших врагов, хотят привести к власти гитлеровскую диктатуру и втянуть страну в войну на стороне реваншистских государств. Перед лицом этой опасности рабочие и крестьяне, как и все те, которые честно трудятся и страдают, должны объединиться по всей стране в широкий Народный фронт».

Петру Гроза видел, как тысячи и тысячи людей принимают это решение, и подумал, как будет замечательно, если по всей стране, во всех городах и селах Румынии подымется эта грандиозная сила, подымется на борьбу, не считаясь ни с какими запретами, ни с какими шумными выходками гогистов и кузистов! Как было бы грандиозно, если бы весь народ на земле поднялся вот так, независимо от национальности, все как один, как братья по труду пошли бы на эксплуататоров...

Но, как всегда, после такого минутного подъема брал верх холодный рассудок. Гроза представлял, какие опасности подстерегают борцов за свободу на каждом шагу, и самая страшная опасность — подлое предательство. «Неужели они предадут? — думал он о царанистах. — Предадут меня — ладно, переживу, но неужели они предадут вот этих, простых и честных людей, проходящих сейчас стройными рядами мимо нехитрой трибуны на главной площади города Девы?»

И перед его глазами снова вставал Октавиан Гога. Талантливый поэт, интересный собеседник, человек, знающий крестьянскую душу и воспевший ее в своих стихотворениях. Сколько стихотворений Гоги знает наизусть Гроза! Скольких людей способны поднять на борьбу талантливые, зажигательные строки! Грозу в прежних беседах с Гогой беспокоили его чрезмерные ноты национального» Гроза однажды сказал ему, что это выражение национального духа, порой бахвальство предками и их героическими делами, победами приводит к умалению чисто человеческих чувств людей другой национальности. Видя, что Гога молчит, Гроза сказал: «Когда знаешь, что у тебя очень красивая жена, ее не надо безудержно хвалить на людях, даже среди друзей. Ведь у кого-нибудь из них жена

может оказаться не слишком красивой... Когда без конца и без меры хвалишь что-нибудь свое, обязательно умаляешь кого-то другого». Октавиан Гога и этого не услышал, он был занят своими думами, чужое мнение его не интересовало. Болезненное увлечение национальным и привело его к созданию своей национал-христианской партии.

И сейчас, когда по улицам Девы проходили демонстранты в поддержку Единого фронта, гогисты собирались небольшими группами на окраинах города, разворачивали свои стяги с фашистскими знаками.

До чего же ты докатился, Тави^[38]!

Не так уж далек тот час, когда Тави, Октавиан Гога, поедет на консультацию к Гптлеру и к Риббентропу. Ему нужен был опыт для миссии, о которой даже Петру Гроза не мог догадаться.

Против идеи Народного фронта ополчилась вся реакция. После массовой демонстрации в Деве, видя, что создание фронта неизбежно, реакция предпринимает попытки прямого подкупа активистов «Фронта земледельцев». Настоящую сенсацию произвела весть о том, что к председателю организации «Фронта земледельцев» района Хунедоары Ромулусу Зэрони пришла группа агентов и предложила сто тысяч лей в случае, если он согласится выставить свою кандидатуру на выборах по отдельному от Народного фронта списку.

Ромулус Зэрони постучался к Петру Грозе. Пошли на прогулку по знакомой тропинке к вершине крепости.

— Они мне говорят: «Давай соглашайся идти по другому списку. Вот сто тысяч. — И один из них показал большую пачку тысячных бумаг. — Нам нужна голова для списка». — «Могу дать одну баранью голову», — ответил я.

— А кто же они? — поинтересовался Гроза.

— Как я понял, это люди Арджетоюну. Из аграрной лиги. Им тоже хочется выступить, выделиться...

— Не только выделиться, дорогой мой друг Ромулус, — ответил Гроза. — Тут дело гораздо глубже. Речь идет о попытке сорвать любыми путями Народный фронт. Вот послушай.

И Гроза стал объяснять Зэрони, что на частичных выборах считается избранным тот кандидат, у которого большее количество голосов.

— Хоть он и не получит, допустим, абсолютного большинства, все равно считается избранным. Отдельная кандидатура отколовшегося от «Фронта земледельцев», как бы там ни было, все равно какое-то количество голосов отвлечет. И тогда что? Тогда станет меньшим количество голосов общего кандидата. А кандидат от правительственной партии при помощи

еще нескольких умелых операций становится избранным. Понятно?

— Да, понятно, только не на того напали. Я им сегодня устрою. Устрою веселую жизнь. Наши друзья узнали, что все эти охотники за голосами заняли в гостинице Девы девять комнат... Они попытаются все же найти кого-нибудь... Они ведь могут напасть на какого-нибудь жадного до денег и не из наших активистов.

— Нет, нет, — ответил Гроза, — им нужна личность, им нужна известная фамилия одного из руководителей «Фронта»...

— Тогда они никого не найдут.

— Я тоже так думаю, только все равно надо дать им понять, что с фронтистами играть не так легко.

На второй день несколько демократических газет Бухареста напечатали сенсационное сообщение из Девы под крупным заголовком «Попытка коррупции на выборах в Хунедоаре». В сообщении описывалось со всеми подробностями, как люди Арджетояну хотели подкупить Зэрони. Газеты приводили характеристики политика Арджетояну. «Это он, — писали они, — после голосования в парламенте закона об аграрной реформе говорил: «...надо забрать землю у тех, кто не имеет возможности ее обрабатывать. Очень плохо, что поступили так сентиментально, раздав землю немощным людям, не имеющим средств засеять ее...» Этот же человек, добавляли газеты, не кто иной, как тот «горячо любящий свое отечество, который во время уборки винограда на своих плантациях надевает на крестьян собачьи намордники, чтобы они не могли кидать ягоды в рот; по его же указанию приносимые крестьянами яйца в уплату за арендуемую у него землю пропускаются сквозь специальное кольцо: нестандартные экземпляры не принимаются».

«Охотники» за голосами поспешно покинули апартаменты гостиницы Девы.

Противники Народного фронта шли не только на подобного рода грубые акции. Они тайно следили за активистами «Фронта земледельцев», неусыпно наблюдали за Петру Грозой. Вооруженные отряды национал-христианской партии Октавиана Гоги стояли у избирательных участков, а в день выборов сторожили урны.

И все же итоги выборов оказались для реакции разочаровывающими.

Народный фронт получил 50 процентов от всех поданных голосов (31965), правительственная либеральная партия, несмотря на фальсификации и манипуляции избирательным механизмом, получила 25 тысяч голосов, а фашистская партия Октавиана Гоги — 7 тысяч.

Гицэ Поп, кандидат от Народного фронта, был избран.

Что же показали эти выборы?

Они наглядно продемонстрировали возможности Народного фронта. С одной стороны, они показали, на что способны объединенные антифашистские силы, показали процесс их объединения, а с другой стороны, был доказан тот неоспоримый факт, что концентрация демократических сил способна вытеснить реакцию с занимаемых ключевых позиций в стране, способна преградить путь открытой фашистской диктатуре.

Безусловно, число голосов, полученных кандидатами от Народного фронта, было бы еще более внушительным, если бы банды хулиганов и жандармы не помешали избирателям прийти на выборы. Ведь в голосовании приняли участие лишь 65 466 человек из 93 716, занесенных в списки.

Победа, одержанная на выборах в Хунедоаре, продемонстрировала своевременность и правильность решений VII конгресса Коммунистического Интернационала, правильность линии Компартии Румынии, руководившей из глубокого подполья концентрацией демократических сил страны. Этот успех обогатил трудящихся Румынии новым опытом, способствовал росту влияния и авторитета компартии, приближению к ней широких демократических кругов.

Многие газеты писали с восторгом о победе Народного фронта в Деве.

«Хунедоара... является весомым материальным подтверждением поворота общественного мнения от грубой, насильственной фашистско-гитлеровской системы, которой пытаются подчинить страну. Мы были свидетелями самой замечательной победы румынской демократии за последнее время», — писала газета «Адевэрул». Другая газета замечала, что эта победа «приобретает глубокий смысл, она показывает, что германский гитлеризм, побратавшийся с румынским гогокузизмом и фактически поддержанный правительством либералов, не имеет влияния на народные массы, которые остаются верными демократическим идеям, под знаменем которых боролся румынский Народный фронт. Но из всего этого вытекает еще один вывод: Народный фронт должен быть углублен и укреплен всеми партиями и организациями, потому что для сокрушения всех диверсионных групп сегодня не существует больше разноречивых суждений, — дорога, по которой нужно следовать, ясна».

Практическая польза объединения демократических сил для страны была подтверждена дальнейшим усилением боевых массовых выступлений трудящихся. В селах к организациям «Фронта земледельцев» примыкали все новые и новые группы крестьян, во многих городах проходили

массовые антифашистские демонстрации. Особенно многочисленными были массовые выступления крестьян 31 мая 1936 года в Бухаресте. 120 тысяч крестьян, прибывших почти из всех уездов Мунтении (Валахии), объединились с рабочими предприятий Бухареста и его окрестностей и выступили под лозунгами «Долой цензуру и осадное положение!», «Долой фашизм!», «Долой тех, кто убивал нас в 1907 году!». Многочисленные демонстрации, организованные компартией и руководимыми ею демократическими организациями, состоялись во многих других городах Румынии.

И все же, несмотря на призывы коммунистической партии и ее большую организаторскую деятельность, созданный по ее инициативе демократический Народный фронт не охватил большинства румынского народа. «Если нашей партии все же не удалось практически выполнить этой задачи в более широком масштабе, — подчеркивал Георге Георгиу-Деж, — то это объясняется прежде всего тем, что другие партии, в том числе так называемые исторические, систематически отвергали выдвигаемые нами предложения. Представители этих партий открыто выступали против идеи Народного фронта, изображая ее как «маневр коммунистов».

Это высказывание Георге Георгиу-Дежа красноречиво подтверждается дальнейшей судьбой Народного фронта в уезде Хунедоара и открытым предательством царанистов, чего опасался в свое время Петру Гроза.

То в одной, то в другой газете начинают появляться выступления, в которых разные деятели партии национал-царанистов разъясняют, что общее выступление с организациями Народного фронта в Хунедоаре — лишь выступление во время выборной кампании и что, мол, избранный депутат от национал-царанистской партии Гицэ Поп выражает свою благодарность коллегам из других организаций, поддержавших его кандидатуру.

Начались атаки и со стороны правящей либеральной партии. В своей прессе ее представители заявили, что Гроза продал «Фронт земледельцев» царанистам. Пресса партии Октавиана Гоги обвиняла царанистов в том, что они «объединились с врагами нашего народа: коммунистами» социалистами, фронтом Грозы, мадьярами, жидами, со всеми враждебными элементами национального государства». Были прямые провокации, попытки вынудить Петру Грозу выступить против царанистов, для того чтобы использовать это в парламентской борьбе.

27 марта 1936 года рано утром зазвенел звонок у дверей Грозы. Он пошел открывать, а там — никого. Только в почтовом ящике ранее

обычного появился пакет. Гроза взял конверт, увидал, что адрес напечатан на машинке: «Личное письмо от старого друга. Вскрывать только адресату». «Посмотрим, что за старый друг». Писал некий Илья, никогда не числившийся среди друзей председателя «Фронта земледельцев».

«Дорогой мой! Твое имя часто произносится в парламенте в связи с твоими принципами и в особенности в связи с избирательным союзом, где господствуют националисты (национал-царанисты) заявляют, что-де они заключили с тобой соглашение только относительно выборов в Хунедоаре, и ничего больше... Зная тебя как человека мыслящего, я бы с удовольствием послушал из твоих уст мотивы, побудившие тебя сделаться левым экстремистом (в теории, разумеется, потому что на деле я знаю тебя как христианина, любящего семью и признающего индивидуализм).

Приветствует тебя с большой любовью твой друг *Илья*».

Как оказалось впоследствии, этот «приветствующий с большой любовью друг» был автором и вышеприведенных строк из фашистской газеты Гоги.

Петру Гроза и руководители «Фронта земледельцев» не поддавались на провокации.

Как быть?

Этот вопрос стоял перед Петру Грозой и перед всеми его соратниками. Он поговорил с Зэрони, с Груей Петру Моцу и Георге Микле.

Как быть?

Ответы были разные. Можно тут же потребовать ответа от руководства национал-царанистской партии. Пока что в закрытых переговорах. Можно выступить открыто в печати и со ссылкой на документы опровергнуть клевету. Можно отмежеваться от царанистов снова. Но это так нежелательно. Ведь Народный фронт только-только создается. Не надо давать повода для его развала в самом начале.

Гроза считал, что нужно ждать. Если национал-царанисты и не станут подтверждать принятого совместно решения, то пусть они сами себя разоблачат. Они, во-первых, разоблачат себя перед своими же членами партии, а во-вторых, перед общественным мнением страны.

Так оно и получилось.

«Прошло много лет после того, как, по евангелию, Иуда Искариот предал за тридцать сребреников своего учителя Иисуса Христа. Но предатели не перевелись», — с горечью думал Петру Гроза, углубившись в чтение отчета о парламентских дебатах в знакомом круглом зале дворца «народных избранников» на холме митрополии.

Вот выступает с «зажигательной» речью Октавиан Гога. Он

предъявляет руководству национал-царанистской партии Юлиу Маниу и Иону Михалаке обвинение в том, что они вступили в союз с коммунистами, продают интересы «великого румынского народа», «великой Румынии».

Лидер царанистов Ион Михалаке, отец идеи крестьянского государства, человек, который в свое время провел через парламент знаменитый закон о свободе продажи крестьянами наделов, полученных по аграрной реформе, радеющий о процветании кулачества, побывавший недавно для изучения опыта правления государством у Муссолини, не может стерпеть этого оскорбления. Он поправляет свой живописный длинный национальный наряд, в котором демонстративно появлялся на заседаниях парламента, и просит у председателя слова. На скамьях депутатов правящей либеральной партии оживление, на скамьях шумных молодчиков из партии гого-кузистов улюлюканье. Но председатель стучит молоточком, успокаивает зал и предоставляет слово тяжеловесному Михалаке. Он начинает с того, что не мог удержаться, услышав, как пытаются поставить в один ряд национал-царанистов с коммунистами, с Анной Паукер, с Константинеску-Яшь, — тут уж никак не подыщешь слов для выражения удивления, возмущения. Михалаке делает паузу, для того чтобы на самом деле подыскать те слова, которые могут выразить это возмущение. Так, однажды Сократа оскорбил один незнакомец. Сократ засмеялся. «Чего ты смеешься?» — спросили его. «Смеюсь над этим дураком. Он хотел оскорбить другого Сократа, а не меня. Меня ведь он не знает». Так вот, подобным образом смеемся и мы, когда слышим, как нас называют коммунистами, когда нас сравнивают с Анной Паукер, с Константинеску-Яшь. Мы, подчеркиваю я, больше, чем кто-либо, против коммунистов!»

На скамьях национал-царанистов раздались бурные и продолжительные аплодисменты.

Когда зал успокоился, Михалаке продолжал уже совершенно серьезно, не прибегая к поддержке древних философов. И терминология его, как увидим дальше, была явно не философская: «Господин Гога читал тут фразы из напечатанного нами сообщения и передергивал их. А вы нарочно шумели, чтобы вообще ничего не было слышно. Мы же не устраиваем фарса, и политическое будущее каждой политической группы внутри парламента не зависит от того, как она себя проявляет при подобного рода сценах, а зависит от тех сил, которые она представляет, от того, какую она концепцию излагает, какую ценность представляют личности, ее составляющие, какие имеет связи со страной, как сочетаются эти связи с насущными проблемами страны. Я считаю, что в такие моменты, когда

ставятся вопросы сознательности и прояснения дел, наш долг взаимно понимать друг друга, потому что в том случае, когда мы руководствуемся злонамеренностью, это не идет нам на пользу, а стране наносится явный ущерб».

Этим «глубокомысленным» пассажем Михалаке сразил аудиторию и внес «полную ясность».

«Таким образом, я требую, чтобы вы прослушали опубликованное нами коммюнике полностью. «Союз носит местный характер только во время частичных выборов в Хунедоаре. Господин Гицэ Поп является кандидатом национал-царанистской партии». Следовательно, мы предупреждаем те группировки, которые пытаются эксплуатировать успех национал-царанистов. Еще раз повторяю: кандидатом национал-царанистской партии. Кто хочет голосовать за него — пожалуйста, кто нет — пошел он к...» (Бурные аплодисменты на скамьях национал-царанистской партии.)

Петру Гроза отложил газету, посмотрел на часы. Был одиннадцатый час. «Пойду к Моцу. Посмотрим, что он скажет», — решил он. И направился на лесной склад Груи Петру Моцу.

V

Лесной склад Груи Петру Моцу находился на окраине города Девы. Со всех сторон уезда, да и из городов и сел всего края Зэранд и Хунедоары приезжали крестьяне за покупкой досок, дранки, бочковой клепки. У Моцу был полный ассортимент этих товаров, мелкого инструмента, скобяных изделий. Здесь можно было купить любую мелочь, необходимую крестьянину в хозяйстве, и не по такой уж дорогой цене. Через приезжающих на этот склад крестьян шла значительная часть связей центрального руководства «Фронта земледельцев» с местными организациями.

Груя Моцу разгружал машину реек. Был заказ от одного зажиточного крестьянина из Брада. Сегодня прилет за ними двух своих работников.

— Знаешь кого-нибудь из них? — спросил Гроза.

— Одного знаю, он наш, фронтист.

— Имеешь еще заказы откуда-нибудь?

— Да, сегодня многие приедут, как раз базар и...

— А мой заказ выполнил? — спросил Гроза громко: он дал понять Груе, что есть серьезный разговор.

— Да, надо его оформить в конторе.

Они вошли в контору. В этой конторе, вдали от полиции, которая полагала, что «весь мотор» «Фронта земледельцев» находится в доме у Петру Грозы напротив префектуры, не в первый раз встречались активисты «Фронта земледельцев». Вот и сейчас, в это апрельское утро, было решено оповестить членов Центрального Комитета «Фронта» и председателей крупных организаций, что на 24 апреля созывается заседание ЦК.

Вначале говорили активисты. Они сказали, что после победы на выборах влияние организаций «Фронта» расширяется, местные организации национал-царанистов осуждают выступления Михалаке и всех тех руководителей царанистов, которые предали идею общего фронта.

— Восемнадцатого февраля мы побили правительство, — с гордостью говорил Ромулус Зэрони. — Борьба наша дала результат. Мы почувствовали собственные силы, увидели, что такое солидарность, нашли средство, при помощи которого мы сможем победить фашизм. Но наша цель — разгром врага, на вражьих развалинах мы построим истинную демократию.

И Зэрони и другие говорили, что после выборов только в уезде Хунедоара были созданы организации «Фронта» еще в двадцати коммунах. Организации «Фронта» создаются в уездах Братов, Марамуреш и во многих других.

Активисты говорили еще и о том, насколько становится тяжелей работать, о том, что гнет помещиков, финансовых органов и частных банков усиливается. Что крестьяне требуют энергичных выступлений. Еще говорили о том, что избранные 18 февраля депутаты от Народного фронта Гицэ Поп и Николае Лупу не выступают в парламенте в пользу трудящихся, они не подняли своего голоса даже против ареста профессора Петре Константинеску-Яшь, которого суд уже успел приговорить к длительному тюремному заключению.

Снова и снова встает вопрос: как быть?

Незадолго до этого заседания ЦК «Фронта земледельцев» Петру Гроза встретился с Юлиу Маниу и потребовал от него объяснений. Как же так? Перед выборами договорились идти вместе, на выборах выступали вместе и доказывали, сколько могут выиграть и народ и страна, если объединим силы. Маниу, как всегда, говорил витиевато, пытался утопить существо вопроса в многочасовых рассуждениях о внутреннем положении страны, о международных делах, давал характеристики политическим деятелям — все это давно знакомо. Грозе же нужен был прямой ответ.

— Вы видите опасность гого-кузистов, которые размахивают под нашим носом огромными флагами со свастикой? Вы понимаете, к чему это ведет, или нет?

— Понимаю, — ответил Маниу, — все понимаю. Наш долг — спасти страну и нацию. У нас долг перед нацией.

— Все это правильно, — не отступал Гроза, — но когда вы согласились идти вместе с нами на выборах, об этом тоже шла речь. Так почему же вы так легко отказались от нашей поддержки, почему вы этой поддержки стыдитесь?

— Вы знаете, что это не я, — ответил Маниу.

— Это было сделано без вас? Выступление Михалаке на холме митрополии было без вашего ведома?

— Видите ли...

Маниу начал снова вилить.

— Если бы вы не отреклись так легко от нас, все, что есть демократического и честного в этой стране, оказало бы вам поддержку. Вас бы защищала вся наша демократия. Разве вы не видите, что молодчики Гоги только испугом и террором берут. Они дурманят головы молодых людей, запугивают их, грозят расправой.

— Но вы, друг Гроза, тоже встретились с Тави... — Маниу сделал многозначительную паузу, закрыл глаза и дал Грозе понять, что и он кое-что знает.

— Да, встретился. И из этого я не делаю никакой тайны. Я ему сказал все, что я и руководители «Фронта земледельцев» все, как один, думаем о нем, о Кузе, о Гитлере и о всей этой банде.

— И это его убедило?

— Я говорил ему не для того, чтобы его убеждать. Я говорил ему для того, чтобы он знал, что я о нем думаю и какова моя позиция. Я говорил ему о том, что человек, претендующий на звание национального поэта, не должен выступать в роли погромщика и охотника за ведьмами. Я ему говорил о том, что он вычеркивает себя этим из рядов честных литераторов...

— А он? — не стерпел Маниу.

— Он? Он на этот раз раскрыл всю суть своей опасной демагогии... Он сказал мне, что цель его борьбы — сделать Румынию чистой. Вы слышите? Сделать Румынию чистой от всех других народностей. Он подsunул мне пожелтевший лоскуток газеты. Стал читать вслух: «Хотим такую Дакию, которой она была, поскольку история, право, прошлое и настоящее позволяют нам стремиться к румынской Дакии. Это земли,

политые потом и кровью наших предков, и они являются нашими». Это была газета «Дакия будущего» от 16 февраля 1883 года. Даже не знаю, откуда он ее взял... «Я добьюсь такой Дакии — от стен Вены до Азовского моря! — орал Тави. — Я из земных глубин достану червонное золото и вышью национальным узором эти слова на знаменах моей партии! Вы в этом убедитесь. И ничто меня не остановит!» — «Это безумие, — ответил я ему. — А любое безумие останавливают. Правда, иногда с опозданием, но останавливают».

— Жалко Гогу, — после некоторого молчания промолвил как-то больше для себя Маниу.

— А мне его не жалко! — вскипел Гроза. — Мне его не жалко! Он носит с идеей чистого ромынизма и забывает, что одни румыны с жиру бесятся, другие не имеют куска мамалыги! И я буду бороться против него и против таких, как он, всеми доступными средствами и сделаю так, чтобы мой голос был слышен даже с того света... Вы же знаете, что все мои предки — священники. Они помогут.

Маниу улыбнулся шутке. Но ответил серьезно:

— Да, надо, конечно, бороться против таких... Но я бы не давал таких резких характеристик... Он все же патриот...

— Патриот?! И вы, дорогой мой, испугались.

— Не я, вы же знаете... Этот... — Маниу приложил указательный палец к виску, покрутил, потом жестом намекнул на длину национальной рубахи Михалаке.

— Вы согласны с Гогой или не согласны? — напирал Гроза. — Как вы оцениваете выступление Михалаке в парламенте?

— Мы поправим эту ситуацию, — сказал Маниу.

Большого от него Гроза не ожидал и понимал, что настаивать дальше — пустая трата времени. И так на эти дискуссии ушло целых два дня.

О беседе с Октавианом Гогой, а также о своей беседе с Юлиу Маниу Петру Гроза рассказал на заседании Центрального Комитета «Фронта земледельцев» довольно подробно. Но он не смог рассказать еще об одной встрече. Законы конспирации не позволяли этого.

После объявления результатов выборов у него была еще одна беседа с представителем ЦК КПР, секретарем областного комитета Клужа Гомбо Самуилэ. Этот давний знакомый и друг Петру Грозы передал ему просьбу ЦК компартии приложить все усилия, чтобы Народный фронт не разваливался, не обострять отношения с царанистами, сделать все, чтобы, не уступая им по принципиальным вопросам, идти вместе. Предстоят

тяжелые годы, предупреждала компартия.

И Петру Гроза остался верен дружбе с коммунистами. Он делал все, что мог, чтобы не уходить от совместно принятого решения о создании Народного фронта. Пользуясь тем, что Маниу в свое время после объявления результатов частичных выборов поздравлял «Фронт земледельцев» с «общей победой», и тем, что в беседе Маниу выразил готовность дальнейшего сотрудничества на более широкой платформе «глубоких экономических и социальных реформ» (слова самого Маниу), Гроза предложил: критикуя самым серьезным образом действия национал-царанистов, продолжать добиваться союза с местными организациями и взаимопонимания с центральным руководством. Петру Гроза рассказал Центральному Комитету, что он изложил Маниу твердую позицию «Фронта» — идти против фашизации страны.

«Мы, — говорил Гроза, — поняли, что фашизм — враг народных масс, человека и культуры, что мы, для того чтобы заслужить имя человека, должны все до единого подняться против фашизма и разгромить его! Сегодня на бой с фашизмом мы должны выйти объединенными в единую армию, под единым знаменем. Вот чего мы добиваемся для победы мира, процветания и свободной жизни!»

Центральный Комитет «Фронта земледельцев» согласился с предложениями Петру Грозы о продолжении борьбы вместе с Народным фронтом.

Признавая заслуги Петру Грозы и «Фронта земледельцев» в борьбе за мир, Румынский комитет международного союза борьбы за мир избирает Петру Грозу своим вице-председателем. «Фронт земледельцев» принимает активное участие во многих манифестациях в защиту мира.

Опыт «Фронта земледельцев» на выборах 1936 года был использован в полной мере в процессе подготовки к выборам коммунальных и уездных органов власти в 1937 году.

Активизации демократических организаций страны правительство либералов противопоставляет усиление террора по всем линиям. Но и в этих условиях Петру Гроза ориентирует «Фронт земледельцев» на новые акции в пользу расширения Народного фронта. Следуя традициям Цеби, «Фронт земледельцев» заключает 27 июня 1937 года в Дева соглашение о совместных действиях с социал-демократической партией Румынии. Чтобы не дать крестьянству попасть в сети фашистской демагогии, «Фронт земледельцев» по инициативе Петру Грозы готовит брошюру Ромулуса Зэрони «Почему румынский крестьянин не должен быть фашистом?» и издает ее массовым тиражом для распространения по всей Румынии.

Руководители «Фронта земледельцев» предпринимают и другие меры для расширения влияния своей организации. Но они все больше и больше наталкиваются на сопротивление руководителей национал-царанистской партии единым действиям и на репрессии со стороны правительства.

Руководство «Фронта земледельцев», его местные организации хотят обратиться к королю Румынии Каролу II с обширным заявлением, в котором были бы изложены жалобы крестьян.

Петру Гроза знал судьбу всех заявлений к верховным правителям народов. Он понимал, что любое заявление па имя короля останется только на бумаге. И говорил об этом своим товарищам. Он напоминал им:

— Хория собирал мешки заявлений. Судьба этих заявлений и самого Хории известна. Судьба меморандистов тоже известна...

— Это хорошо, мы знаем, — возражали ему. — Но и Хория и меморандисты отправляли свои петиции, свои заявления чужому, не румынскому монарху, а австро-венгерскому. Мы же напишем письмо нашему, румынскому королю. Это уже другое дело...

«Другое дело! — горько смеялся в душе Гроза. — Но напишем. Крестьяне должны пройти и через этот опыт». Гроза считал, что собственный опыт крестьян — это великая школа их политической борьбы, и соглашался с тем, что нужно обратиться к его величеству Каролу II.

В обширном послании, под которым стояли десятки тысяч подписей и отпечатков пальцев, крестьяне жаловались королю на беззаконие, чинимое местными органами правления, на аресты и истязания безвинных людей, на террор и насилие, на безжалостность финансовых органов, снимающих с крестьянских лавок последнюю тряпку в уплату налогов государству и процентов частным банкам.

Знал Петру Гроза — никакого ответа не будет. Так оно и случилось. Этот «меморандум» XX века королю Румынии постигла та же участь, что и меморандумы крестьян австрийскому императору.

Королю Каролу II в это время было не до меморандумов каких-то «ленивых ослов», как презрительно называла королевская камарилья миллионные массы тружеников-крестьян. Король и буржуазные партии стремились обуздать бушующие народные массы и установить в стране более жесткий режим.

Под окнами дома Петру Грозы прошла группа молодчиков, каждый нес трехцветное знамя со свастикой посередине. Горланили песню «Пробуждайся, румын!».

Сейчас или никогда.

*Готовь себе другую судьбу,
Перед которой должны склонить головы
Жестокие твои враги!*

Молодчики приблизились к входу в префектуру, что напротив дома Грозы. Они остановились, допели свою песню и снова прошли перед домом Грозы.

Ромулус Зэрони и Мирон Беля спросили Грозу, что он думает об этом.

— Если не будет силы, которая остановит их, страна пойдет к гибели. Нас ожидают страшные времена.

На второй день Гроза услышал топот лошадей. Казалось, идет полк кавалерии. Взглянул в окно и увидел всадников в зеленых рубашках, вооруженных длинными копьями. Гроза знал о них. Это были люди Корнелиу Кодряну, главаря фашистской организации «Железная гвардия». Приблизившись к его дому, они стали кричать:

— На виселицу Грозу! Да здравствует Маниу!

Как и вчера, полиция и руководство префектуры, перед носом которых бушевали эти молодчики, не пошевелились.

«Да здравствует Маниу!»

Эти слова в устах железногвардейских головорезов звучали странно и зловеще. Перед Грозой в одно мгновение предстала вся картина жизни этого деятеля, Юлиу Маниу. Перед ним стояло его лицо с хитрым фальшивым выражением вечно озабоченного «делами народными» демагога. Он слышал тихий голос Скарлата Каллимаки: «Манпу нельзя верить, он все равно предаст». Гроза вспомнил, как во времена своего пребывания на посту премьер-министра страны Маниу оказывал финансовую поддержку только что возникшей «Железной гвардии». Маниу, его друзья и сам король видели в этом фашистском легионе ударную силу против рабочего движения, против пробудившихся крестьянских масс. Гроза вспомнил и по-новому понял сейчас смысл слов Маниу на последней встрече с ним: «В конце концов, демократия демократией, но нам нужна сильная личность, личность, которая способна будет сделать свою волю волей масс...

Я в стране вижу одну только такую личность...» И на этом Маниу остановился. Он не сказал, какую именно личность имеет в виду. Но добавил: «В нашем с вами положении лучше быть помощником, опорой сильной личности, чем оказаться раздавленным ее колесницей...»

Сейчас Юлиу Маниу заключил «пакт о ненападении» с «Железной

гвардией» и признал ее политической силой, способной управлять страной. Значит, в качестве сильной личности Маниу имел в виду главаря румынских фашистов Корнелиу Кодряну.

В такой обстановке шли политические силы страны к выборам 1937 года.

Чудовищный «пакт о ненападении» между царанистами и фашистами не принес Юлиу Маниу и его национал-царанистской партии ожидаемой победы. Не получили большинства голосов и другие партии. Громкие обещания руководителей «Железной гвардии», поддержка их царанистами, террор не дали им преимуществ на выборах. Массы рабочих и крестьян, которым Компартия Румынии и находившиеся под ее влиянием более двадцати демократических организаций (Национальный антифашистский комитет, Демократический союз, фронт студентов-демократов, Ассоциация защиты матерей и детей, Лига борьбы против предрассудков и суеверий, Блок защиты демократических свобод и другие) разъясняли опасность фашизма, в большинстве своем не пошли за железногвардейцами. Не удалось реакции провести выборы и под знаком борьбы против первой в мире страны социализма. Несмотря на полицейские преследования, на аресты и террор, продолжало свою деятельность общество «Друзья СССР», сплотившее вокруг себя крупных ученых и деятелей культуры Румынии. Регулярно выходила боевая антифашистская газета «Колокол» Скарлата Каллимаки и многие другие органы демократической печати, направляемые коммунистами. Петру Гроза и его друзья радовались тому, что «Фронт земледельцев» стоит в первых боевых рядах борьбы против фашизма, и гордились этим.

Наступающая реакция нашла, естественно, мощную поддержку и у самого Карола II Гогенцоллерна. Пользуясь тем, что на парламентских выборах ни одна буржуазная партия не получила необходимого для формирования правительства количества голосов, король поручил сформировать правительство лидеру фашистской национал-христианской партии Румынии Октавиану Гоге. Военным министром этого правительства стал реакционнейший генерал, будущий фашистский диктатор Румынии Ион Антонеску.

Правительственные мероприятия «национального» поэта Октавиана Гоги были полностью подчинены фашистскому движению. Было запрещено издание целого ряда газет, проводилась регистрация государственных служащих для определения их национальности в соответствии с девизом Гоги «Румыния — румынам». Гога заявил во всеуслышание, что его «правительство развернет большую

антикоммунистическую деятельность».

Для осуществления своей программы он привез из Берлина в Бухарест «гетмана» антисоветской террористической организации «Вольное казачество» белоэмигранта Билого, который не без разрешения властей произнес программную речь, призывая начать крестовый поход против большевизма. «Теперь нам наконец здесь (то есть в Румынии. — Ф. В.) созданы благоприятные условия для работы. Мы благодарим за это нынешнее правительство Гоги и заверяем его, что надежды, связанные с нами, мы оправдаем».

Но Гоге не очень долго пришлось задержаться в кресле премьер-министра. Чуть больше шести недель. Начавшийся в стране фашистский разгул напугал даже короля Карола II. Он решил навести порядок собственной рукой, установить собственную диктатуру. 10 февраля 1938 года создается новое, «авторитетное правительство порядка» во главе с престарелым патриархом румынской православной церкви Мироном Кристей. 20 февраля король публикует проект новой конституции, которая получила название «Constitutia Regele Carol II» — «Конституция король Карол II». Через три дня проводится плебисцит, на котором граждане должны устно ответить плебисцитной комиссии «да» или «нет». 27 февраля конституция, которая отменяла все буржуазно-демократические свободы и законодательно закрепляла диктатуру короля, вступила в силу. И тут же были запрещены все собрания и манифестации, малейшее проявление недовольства рассматривалось как государственное преступление, и виновные подлежали суду военных трибуналов. Государственные служащие или получавшие жалование от государства должны были принести присягу на верность королю. 31 марта официально была запрещена деятельность всех политических партий и групп.

Королевским декретом был распущен и «Фронт земледельцев».

Председатель «Фронта» собрал у себя в доме заседание Центрального Комитета. Было решено не складывать оружия, сохранить кадры, созданные за годы активной легальной борьбы, искать новые пути и связи, чтобы сохранить организацию в условиях подполья. Гроза рассказал товарищам, что близкие к королевскому двору лица не раз предлагали ему отказаться от руководства «Фронтом» и обещали за это покровительство «его величества».

— Я с презрением отвергаю подобные предложения, — говорил Гроза. — Я отвергаю их так же, как в свое время отверг предложение главаря «Железной гвардии» присоединиться к его «пакту о ненападении», заключенного с Маниу.

Для того чтобы история создания «Фронта земледельцев» и его борьбы осталась для потомков, Петру Гроза попросил талантливого журналиста, видного активиста «Фронта» Георге Микле изучить все документы, все архивы и объединить их в книгу.

— Когда-нибудь мы ее издадим, — сказал Гроза, — и назовем «Восстание земли».

Во избежание конфискации материалов и их уничтожения во время возможных обысков все документы перенесли в сад бэчийского дома Грозы, в заранее подготовленный тайник. Гроза сказал об этом всем, не боясь ни предательства, ни провокаций. За эти годы он хорошо изучил своих товарищей по борьбе. Он верил им как самому себе.

Как первый ответ «Фронта» на запрещение его деятельности был организован выпуск второго массового тиража брошюры Ромулуса Зэрони «Почему румынский крестьянин не должен быть фашистом?».

Для прогрессивных сил Румынии и для «Фронта земледельцев» начиналась, по выражению Георге Микле, новая голгофа. На эту голгофу лицемеры и предатели потащат вскоре весь трудовой народ Румынии.

Доктор Петру Гроза понимал это. В своем доме у подножия увенчанной развалинами старинной крепости горы он готовился к новым испытаниям.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВО МРАКЕ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ

I

Мы расстались с доктором Петру Грозой в начале трагического для Румынии февраля 1938 года, когда третий король из прусской династии Гогенцоллернов Карол II одним росчерком пера распустил все политические партии, отменил конституцию 1923 года, установил личную диктатуру и «подарил» народу новую конституцию, названную собственным именем.

Конституция уполномочивала короля руководить страной от имени господ бога и своего собственного, подчиняла ему парламент, отменяла всеобщее избирательное право, давала монарху полное и неприкосновенное право главы исполнительной власти и полномочия верховного главнокомандующего всех вооруженных сил.

Этот акт короля явился следствием беспринципной политики правящих «исторических партий» либералов и царанистов. Их лидеры прежде всего дорожили своими именами, своими капиталами, предусмотрительно запрятанными в сейфах банков Швейцарии и Америки. Главари политических буржуазных партий не пострадали. Они разъехались из Бухареста по своим именам, и мало кто поднял голос против королевского произвола.

Сторонняя позиция политиканов, которых с такой беспощадностью разоблачал в свое время «взбунтовавшийся дак» из Девы, привела в конечном счете к тому, что страна была брошена в объятия Гитлера.

В конце 1939 года экономику буржуазно-помещичьей Румынии все больше и больше «сжимали обручи» концентрации и централизации капитала. Постепенно индустриальные и банковские монополии заняли решающие позиции в экономике страны. Промышленный капитал переплетался с банковским, и финансовая олигархия во главе с такими магнатами, как Малакса, Аушниц, Джугурту, Мочорница, требовала государственного покровительства. Были приняты незамедлительные меры. Правительство размещало большие заказы для нужд армии, частному капиталу, промышленным банковским объединениям предоставлялись

крупные государственные кредиты.

Еще в 1938 году создается «Высший экономический совет», который видел свою главную задачу в том, чтобы поддерживать крупнейших капиталистов. Но, несмотря на консолидацию национального капитала, экономика Румынии в предвоенные годы в большой степени подчинялась иностранным монополиям. В «Истории Румынии» указывается, что в «эти годы вырос быстрыми темпами удельный вес немецкого капитала, особенно после марта 1938 года, когда румынское правительство заключило экономический договор с «третьим рейхом». Этот договор был специально призван служить экономическим интересам гитлеровской Германии».

Однако некоторый подъем промышленности не оказал какого-либо положительного влияния на румынское сельское хозяйство с его весьма заметными остатками феодальных отношений. Обработка земли отсталыми методами, отсутствие финансовой помощи крестьянским хозяйствам, невозможность покупать сельскохозяйственный инвентарь и минеральные удобрения привели к тому, что урожаи падали, а вместе с этим усиливался и процесс обнищания огромных крестьянских масс. Росли налоги, шла вверх кривая инфляции. Владельцы домов самопроизвольно повышали арендную плату за жилье, с каждым днем подсакивали вверх цены на товары массового потребления. Рабочий день практически не лимитировался, а в отраслях, связанных с военным производством, специальным законом были отменены выходные дни. В феврале 1940 года был издан правительственный декрет, по которому все работоспособные могли быть в любое время мобилизованы и обязаны были работать по нормам военного времени. Шло усиленное военное обучение мужчин всех возрастов.

После декрета о роспуске всех политических партий «исторические» старцы оказались не у дел. Они сложа руки наблюдали, как одно за другим «летят» правительства его величества короля. С 1938 по 1940 год сменилось шесть премьер-министров — от престарелого патриарха румынской православной церкви Мирона Кристи до фашистского генерала Иона Антонеску.

Вместо всех распущенных партий король создал новое политическое образование — «Фронт национального возрождения» (декабрь 1938 года), а в 1940 году назвал его Партией нации.

Этот период носит в румынской истории название королевской диктатуры.

В новых условиях Коммунистическая партия Румынии поддерживала

из глубокого подполья связи с самыми широкими слоями трудящихся. Невидимые нити связывали коммунистов с «Фронтом земледельцев», «Союзом патриотов», МАДОСом и многими другими массовыми демократическими организациями.

Гитлер, чтобы расширить базу нападения на Советский Союз, оказывал профашистским группировкам в Румынии открытую поддержку.

Под давлением ультимативных требований гитлеровских кругов румынское правительство заключило 23 марта 1939 года экономический договор с Германией. Румыния расширила посевные площади под нужными Германии сельскохозяйственными культурами, обязалась увеличить добычу нефти и руд, разрешала деятельность смешанных румыно-германских предприятий и многое другое. Германия должна была поставлять Румынии вооружение и военное обмундирование, а также построить амбары и зернохранилища, которые фактически переходили в собственность рейха.

Мартовский экономический договор 1939 года и другие последовавшие затем соглашения привели постепенно к подчинению румынского народного хозяйства агрессивной политике Германии.

После заключения этого экономического договора гитлеровские круги и пронемецкие группировки в самой стране еще с большей силой требовали от правительства и от короля изменения политической ориентации страны. В начале июля 1940 года Румыния торжественно заявила о присоединении к оси Рим — Берлин.

Диктатор Антонеску окончательно связал судьбу Румынии с гитлеровским режимом. Решив удовлетворить экономические, политические и военные интересы фашистской Германии, военно-фашистское правительство предоставило возможным войскам разместиться в Румынии и готовиться совместно с румынской армией к «прыжку на восток».

Диктатура Карола II длилась не так долго. В результате фашистского путча он был изгнан из страны. Королем стал молодой сын Карола Михай I. Этому двадцатилетнему наследнику пруссачества суждено было одобрить безумный роковой приказ Иона Антонеску, данный румынской армии, оснащенной германским оружием, начать на рассвете 22 июня 1941 года вероломное нападение на Советский Союз. «Và ordon treceti Prutul!» — «Приказываю перейти Прут!» — гласил этот приказ.

В то утро ранее обычного одновременно зазвонили колокола всех соборов и церквей Девы. Был торжественно-праздничный звон, как в ночь воскресения господня.

Петру Гроза вышел из дому. Только брезжил рассвет, и этот колокольный звон казался призрачным, доносящимся откуда-то из-за гор.

В здании префектуры напротив светились окна, входили и выходили штатские и военные, неподалеку на площади несколько человек, упав на колени, целовали мостовую. «Что за сумасшествие? — подумал Гроза. — Что же случилось?» И направился к собору.

Среди фамилий, значащихся на доске ктиторов, пожертвовавших на строительство этого собора, и его, Грозы, имя. Он ведь член церковного совета. Почему же ому никто ничего не сказал? Почему звонят колокола? Почему созывается народ в такую рань?

В церкви уже много народу, заметив Грозу, люди оборачиваются, видно, озабочены, испуганы, кланяются и шепчут:

— Знаете? Король и Антонеску приказали армии перейти Прут.

Знакомый старый священник, осенив крестным знаменем присутствующих, начал службу в честь храброй румынской армии, которая начала сегодня на рассвете кручиаду — крестовый поход против большевизма. В то время когда надо было опуститься на колени, Петру Гроза вышел из собора.

Дома все уже встали, были встревожены и этим колокольным звоном, и отсутствием хозяина. Когда семья уселась за большой стол, Петру Гроза, заметно изменившийся в лице, сказал:

— Мои дорогие, началось самое большое безумие в истории народа. Армия пошла войной на Россию вместе с Гитлером. Один конец ожидает и Гитлера, и нашу армию. Россию еще никогда никто не покорил — ни Чингисхан, ни Наполеон.

Гроза снова вышел на улицу. Еще большая толпа запрудила площадь, многие падали на колени. Гроза увидел местного торгового магната. Тот стряхивал пыль со своих брюк и, заметив Грозу, спросил:

— А вы не молитесь за нашу победу, *господин министр*?

— У меня колени не сгибаются, — резко ответил Гроза и быстро зашагал к вершине горы, туда, к крепости. Ему хотелось найти хотя бы там какое-то душевное успокоение.

Когда вернулся, на столе лежали утренние газеты.

«Универсул» писала в передовой статье:

«Некоторые забывают, что война, которая ведется Германией, Италией, Румынией, Финляндией и другими союзными странами антикоминтерновского пакта, не является войной, которая может привести к так называемому компромиссному миру с советским режимом господина Сталина. Главная цель этой войны гораздо важнее — она касается

идеологических, этических и военных порядков.

Если в военном аспекте Германия и ее союзники преследуют методическое и полное уничтожение вооруженных сил СССР, то и в политическом плане они преследуют избавление Европы и цивилизованного мира от коммунистической опасности путем раздробления и уничтожения чудовищного тела Советского государства».

Шестисоттысячная армия, состоявшая главным образом из крестьян, была брошена в «крестовый поход против большевизма». Южный фланг фронта фюрер поручил своему румынскому подручному Иону Антонеску.

Оккупация Молдавии, Одессы, Крыма, городов и сел Северного Кавказа; десятки румынских дивизий, брошенных на Сталинград.

Петру Гроза открывал утренние газеты с сообщениями ставки Антонеску де с ужасом думал о том, сколько тысяч жизней стоит это безумие. Газеты каждый день печатали карты с указанием захваченных новых районов советской земли.

Коммунистическая партия Румынии в самом начале войны распространила документ «Борьба румынского народа за свободу и национальную независимость». Коммунисты призывали народ к борьбе за свержение военнофашистской диктатуры, к прекращению военных действий против СССР и к вооруженной борьбе против гитлеровской Германии, за образование правительства национальной независимости с участием в нем представителей всех политических сил. Для осуществления этих целей компартия заявляла о готовности сотрудничать со всеми политическими силами, решившими вести борьбу против фашистских поработителей до полного изгнания их из страны.

В довольно сложной и длительной борьбе коммунистической партии удается в июне 1943 года сколотить антигитлеровский патриотический фронт. Весьма примечательно, что «старцы», руководители «исторических» национал-царанистской и национал-либеральной партий, отказались примкнуть к этому фронту.

Условия глубокого подполья сильно затрудняли связи с местными организациями «Фронта земледельцев», но они сохранялись, «Фронт» жил. Активисты «Фронта» ходили из села в село, из дома в дом и разъясняли, что война против Советского Союза была проиграна с самого первого дня. Она окончится поражением безумцев. Иначе быть не может.

В день, когда румынские газеты и радио затрубили на все голоса о падении Москвы и сообщили, что немецкая армия готовится к параду в

Москве, куда призваны для участия и отборные румынские части, к Петру Грозе зашел Ромулус Зэрони.

— Читали?

— Да, читал, — ответил Гроза. Он молча прошелся по комнате, подошел к полке, взял объемистый том, открыл его. — Вот послушай: «С конца 1811 года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Восток, к границам России, к которым точно так же с 1811 года стягивались силы России. 12 июля силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые в этот период времени люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления».

Слова «совершалось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» были жирно подчеркнуты рукой Скарлата Каллимаки. Гроза часто разговаривал с ним о великом Толстом, об этой «русской глыбе таланта и ума».

— Таким же противным всей человеческой природе событием, — продолжал Гроза, — является и эта война. Я уже много раз говорил, что она закончится возмездием.

— А как быть с этими сообщениями? — спрашивал Зэрони.

— Все подобные сообщения — ложь. Я это утверждаю после трезвого анализа всего происходящего. Этого не может быть. Сказки, Зэрони...

В этот же день Петру Гроза встретился с другими руководителями «Фронта». Было принято единодушное решение опровергать сообщения о падении Москвы, саботировать военное производство, прятать продукты, не отвечать на призывы помогать фронту.

Как свидетельствуют авторы книги «Фронтул плугарилор» («Фронт земледельцев») Г. И. Ионицэ и Г. Цуцуй со ссылкой на документы архива ЦК РКП, «Фронт земледельцев» проводил большую пропагандистскую и организаторскую работу во многих городах и селах Румынии. «Председатель организации, — писала в своем отчете 1942 года хунедоарская сигуранца, — поддерживает *ежедневные* (разрядка моя. — Ф. В.) контакты с крестьянами из «Фронта земледельцев», посещающими его дом».

Активисты «Фронта» узнавали от Грозы об успехах Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, о разворачивающейся во всем мире борьбе против фашизма. Они шли в села, на базары, где по-прежнему собирались большие массы крестьян. 14 января 1943 года будто на базар в Хунедоару собрались крестьяне со всех концов уезда. Многие из них вскоре были арестованы, подвергнуты пыткам, но не проронили ни слова о существовании бесед с Грозой. Полиция не смогла помешать и другим встречам Грозы и активистов «Фронта» с крестьянами. Весной сорок третьего года Петру Гроза и Ромулус Зэрони, а также другие руководители «Фронта» объезжают дальние села, и полиция Девы докладывает высшему начальству, что организация Грозы «с каждым днем проявляет все большую активность». Летом у председателя «Фронта» и его друзей проходили многочисленные встречи с рабочими-шахтерами, с прогрессивно настроенными представителями интеллигенции и других социальных слоев.

В этот период усиливаются связи между «Фронтом земледельцев» и «Союзом патриотов»^[39], находившимся под непосредственным руководством КПП и ставившим перед собой цель — «изгнание гитлеровцев из страны, свержение правительства национального предательства, образование истинно национального правительства и заключение сепаратного мира с СССР». В июне 1943 года, когда под руководством КПП был создан «Патриотический антигитлеровский фронт»^[40], «Фронт земледельцев» стремился привлечь к нему самые широкие слои народных масс.

Антонеску дал строжайшие указания пресекать любую деятельность «партии Грозы». 7 октября 1943 года был арестован Мирон Беля в Араде, куда он приехал для встречи с местными активистами. Вскоре попал в лапы сигуранцы Георге Микле, через которого осуществлялась очень важная связь между «Союзом патриотов» и «Фронтом земледельцев». Аресты продолжались. Полиция Девы сообщала в Бухарест: «Сторонники Грозы говорят, что русские приближаются со своим фронтом к Румынии и им нужна местная помощь». «Упомянутый Петру Гроза, — писала полиция в другом донесении, — имеет многочисленные связи, особенно в сельской местности».

Незадолго до своего ареста Петру Гроза снова встретился в Брашове с Юлиу Маниу, он предложил ему начать совместные действия для незамедлительного заключения мира с СССР. Но Маниу и на этот раз был верен себе — он встретил предложения Грозы холодно и безразлично.

Документальные данные о деятельности «Фронта земледельцев» и Петру Грозы во время войны весьма скупы. Само собой понятно — условия глубокой конспирации требовали особой осторожности. Но, к счастью, сохранился один удивительный документ, написанный рукой самого доктора Петру Грозы. Это его тюремный дневник, до сих пор не издававшийся у нас.

Мне удалось установить историю создания этого дневника, перевести сам дневник, и сейчас предлагаю его советскому читателю. В этой, третьей, части книги будет говорить в основном «взбунтовавшийся дак».

Я позволил себе только отдельные, необходимые, на мой взгляд, комментарии. Произведены также сокращения текста, не имеющего прямого отношения к настоящей книге.

Зима 1943 года в Западных горах была очень тяжелой. Бесконечные снегопады, бури, заносы. Особенно разбушевалась она в декабре. С декабрьского вьюжного вечера и начинается дневник Петру Грозы.

Он был написан в бухарестской тюрьме для политических преступников Malmaison^[41] (Мальмезон) зимой 1943/44 года. Среди тюремных надзирателей находились люди, знавшие Грозу как «господина министра», как одного из самых популярных политических деятелей страны. Они тайно снабжали его бумагой, чернилами и уносили на волю исписанные листы. Гроза писал дневник в двух экземплярах. Один экземпляр переправлял на волю, другой оставлял себе. Таким образом, текст сохранился полностью, а когда Красная Армия освободила Румынию, дневник был срочно напечатан «Арлусом» — «Румынским обществом по укреплению дружественных связей с СССР» — в издательстве «Cartea Rusa» («Русская книга») в апреле 1945 года. Гроза назвал свой дневник «In umbra celulei» — «Во мраке тюремной камеры». Еще в тюрьме Гроза снабдил его первую страницу латинским изречением «Lux in tenebris lucet» — «Свет и в темноте свет».

С 1945 года дневник Петру Грозы не переиздавался.

«12 декабря 1943 года»

...Дети приезжают по одному на рождественские каникулы. Мы радуемся друг другу, а в глубине души каждый таит тревогу: страшную угрозу несет человечеству эта война, которая, кажется, будет продолжаться вечно. Дыхание войны гасит даже самые неприметные искорки тлеющего счастья. Каждого душат тиски страдания, охватившего все человечество...

Прошло несколько дней с тех пор, как один из верных моих товарищей принес весть о надвигающейся опасности. Круг борцов, охваченных тревогой и заботами о судьбе нашего народа и всего человечества,

становится все уже, он сломан. Друзья падают и падают один за другим...

Люди с чистой совестью — интеллигенты, хлебопашцы и рабочие, закаленные в справедливой борьбе за улучшение жизни своих братьев, стальные, цельные люди, бьются о скалу невежества и злонамеренности. Эта скала — государственный аппарат, который еще поддерживается дрожащими руками бездарных, преступных и напыщенных правителей.

Судебные процессы, волны подозрения и ненависти в союзе с работающей адской машиной выжимания «компрометирующего материала» — все мобилизовано для того, чтобы сломить самых близких мне людей. Делается все, чтобы и я сам ежедневно и ежечасно чувствовал, как сужается круг и что угроза ареста становится реальной и для меня.

Мой добрый товарищ добывает информацию и материал, я понимаю, что пришел и мой час...»

На протяжении долгих лет борьбы, завязывая связи с политическими деятелями самого различного толка, Гроза проявлял исключительную бдительность и осторожность. Первая запись в его тюремном дневнике говорит именно об этом. Он часто применял выражение «сделать на час раньше». И в этом случае, зная уже точно, что его арестуют, Гроза старается «на час раньше» посидеть с детьми и собирается в Бухарест, чтобы жандармы не нагрянули в его дом ночью и не напугали семью. Пусть арестуют его на вокзале, в поезде, в Бухаресте, но не дома.

Он отодвинул занавеску, увидел, что буря усилилась, и сказал своим:

— Меня никто не должен провожать, в такую непогоду не надо выходить, я пойду до поезда сам.

— А если из-за погоды поезда не идут? — спросила жена.

— В военное время поезда не имеют права задерживаться из-за снега...

— Папа, подожди, мы ведь не спели рождественскую песню! Посмотри, какую мы приготовили звезду.

Мальчики побежали на второй этаж и притащили огромную рождественскую пятиконечную звезду с колокольчиками, с иконой богородицы в центре, украшенную ветками елки, эдельвейсами и еще какими-то сухими желтыми цветами.

— Молодцы, ребята, молодцы! — Гроза обнял сыновей и запел вместе с ними старинную рождественскую песню. Запели и девочки и жена.

Песня прославляла путеводную звезду волхвов.

Звезда в небе восходит как великая тайна,

Звезда в небе сияет и возвещает миру...

Что же принесет эта звезда миру в наступающем году? Сколько лет уже дети поют под окнами песню о надежде? Ходят со звездой и зовут мессию спуститься на землю и облегчить людям жизнь. Прошло уже больше полувека с тех пор, как и Гроза ходил с такой звездой, а потом задавал отцу, тетушке Асинефте, матери и самому себе этот наивный вопрос о мессии. Вот бушует война, убивают людей, а бедные детишки пойдут снова в колинды^[42] с этой звездой, с песней о мессии.

На вокзале Девы темно, в тесном зале копошатся люди. О том, как их много, можно представить себе по густому, едкому запаху пота.

Гроза садится в первый проходящий поезд на Бухарест.

«Бухарест, 13 декабря

Столица страны бесится от хорошей жизни и изобилия и гудит как пчелиный улей. Жаждающие развлечений сытые люди осаждают рестораны, увеселительные гнезда, театры, кинематографы. Места в лучших театрах распроданы за многие недели вперед. Гардеробные гостиниц стонут, заваленные горами меховых накидок, воротников, горжеток, пальто стоимостью в несколько миллионов лей каждое. Кукоаны^[43] выставляют напоказ одежды и бриллианты ошеломляющей стоимости.

Множество средних государственных служащих министерств и ведомств не страшится дороговизны разгульной жизни и так же неудержимо устремляется к злачным местам. Потому что так принято.

Жалованья мизерны. На такие гроши не купишь даже пары приличных ботинок. Зато неиссякаем источник побочных заработков.

В этой стране централизация административной власти не имеет, пожалуй, иного смысла, кроме того, чтобы направлять ручейки денежных средств сюда, к центру. Местные власти лишены права решать даже самые пустяковые вопросы. И все решается здесь, все идет «к центру», значит — к хаосу.

Потому неудивительно, что людской поток, стремящийся в Бухарест для разрешения самых пустячных дел, создает неисчерпаемые возможности для процветания взяточничества, поборов, грабежа. Об этой «прелести» Бухареста говорят уже далеко за пределами Европейского материка. Наша столица стала спрутом-великаном, опутавшим тело страны бесчисленными невидимыми щупальцами, сосущими ее кровь. И чем фантастичнее увеличивается на наших глазах этот спрут, тем анемичнее,

беспомощнее становится периферия.

Бухарест сытых и пресыщенных не замечает трагического существования своих собственных окраин, остается слепым и глухим к индивидуальным и коллективным трагедиям, порожденным этой тотальной, все разрушающей на своем пути войной. Такого еще никогда не видел человеческий род. А раздающийся над всей землей ужасный скрежет косы, ненасытной смерти доносится сюда нежным шуршанием натурального шелка.

И тем страшнее будет час — а он уже близок, — когда над этим лабиринтом слепоты и безразличия грянет гром...»

По пути в Бухарест к Грозе подходят двое железнодорожников, хорошо его знавших, и предупреждают:

— Господин министр, в Брашове в наш поезд сели агенты сигуранцы, спросили, в каком вы вагоне. Учтите, что за вами следят.

За ним следили, но не арестовали.

Хозяин лучшей в столице гостиницы «Атене палас», расположенной в самом центре города, в двух шагах от королевского дворца, удивился появлению неожиданного гостя из Девы. Его очень уж давно здесь не было. «Что бы это значило? Неужели?..» У него мелькнула мысль о том, что Гроза приехал по делам в правительство, и вмиг распорядился освободить для него тот самый номер с окнами на площадь, в котором любил останавливаться Гроза еще тогда, когда был министром.

Петру Гроза, устроившись в знакомой комнате, вышел в мраморный холл. Сел в глубокое бархатное кресло и попросил кофе. Подошел знакомый молодой адвокат Рипошан из соседнего с Бэчией села Спины Успел сообщить о новых арестах. Оба заметили, что за массивной колонной кто-то притаился. Гроза узнал его. Это был один из руководителей сигуранцы.

«17 декабря

...В тот самый миг, когда я очутился перед железными воротами мрачного здания секретной полиции, а из темноты выплыла громадная фигура полицейского, я собрал всю свою моральную и физическую энергию, для того чтобы в новых условиях продолжать борьбу с прежним упорством и надеждой. Пытаюсь вырваться из оцепенения этой печальной зимней ночи.

Стоя смотрю прямо в глаза этим холеным здоровякам из секретной полиции. Они разглядывают меня со всех сторон. Держу перекинутую через левую руку чабанскую проковицу^[44], которую ношу с собой еще с

самой юности. Она помогает мне в любое ненастье. Эта проковица вызвала явный интерес, и они изучают ее с не меньшим любопытством, чем меня самого. Грубая шерсть, длинные кисти, черные и белые квадраты, как на шахматной доске. «Ребята», видно, никогда не были среди пастухов в горах Трансильвании, это оттуда. Но для них это еще и загадка — для чего она мне?

Уже несколько часов держат меня стоя, не дают ни к чему прислониться, ни о чем не спрашивают, никто ко мне не обращается. В этом помещении множество стеклянных дверей. Они то и дело открываются и закрываются, и я вижу сидящих в кабинетах агентов и комиссаров «секрета». Они поминутно выходят, делают вид, что вертятся так, без всякого дела, но в то же время изучают меня взглядами, в которых читается некая неловкость, смешанная со стремлением спровоцировать. Я «любуюсь» ими... Так, значит, эти акробаты на невидимых канатах всевозможных махинаций приступили к игре. «Препарирование» началось в тот же самый миг, когда огромные железные ворота проглотили меня и захлопнулись. Игра утомляет. С моей шестидесятилетней «молодостью» все же довольно мучительно после двух бессонных ночей в поездах военного времени стоять здесь под перекрестными стрелами взглядов целого осинового гнезда агентов и полицейских комиссаров. Они изучающе глядят на меня из всех углов, сквозь бесчисленные стеклянные двери. Терзают плоть, ломают волю. Здесь, в этой скорбной лаборатории инквизиции, я вижу исхудалых и посиневших людей, пропущенных через машину следствия. Они проходят перед моими глазами, сопровождаемые или поддерживаемые под руку агентами тайной полиции.

Печальные тени ясно дают понять, что за стенами этих комнат, в этих кабинетах, в глубинах темных коридоров, освещенных мистическим светом небольших электроламп, идут полным ходом операции по расследованию, идут всю ночь без остановки.

Мрачная фабрика, полная тайн, и работает она на полном ходу, переламывая тела, переламывая своими пропитанными кровью и потом зубчатыми колесами души и судьбы — материал, поставляемый в изобилии драматическим временем войны, голодом и кризисом, когда лишь очень немногие могут себе позволить роскошь быть сторонними наблюдателями.

Это проклятое здание является центром, двигателем мощного аппарата принуждения и контроля, направленного против бьющегося в судорогах, страдающего народа, желание которого — идти иным путем, чем тот, по которому волокут его руководители, мнящие себя сверхчеловеками.

Сверхчеловеки!..

На самом же деле они даже не люди. Они перестали быть людьми.

Из этих раздумий меня выводит голос. Широкоплечий черноусый здоровяк смотрит в упор, густые брови соединились в одну линию. Запоминаю его имя — Тэнэсеску. Имена людей, с которыми сталкиваешься в таких обстоятельствах, бесполезно запоминать. Приводит меня в кабинет следователя. За письменным столом сидит коренастый инспектор, кажется, он небольшого роста, гладко выбритое круглое лицо ничего не выражает. Подпирая ладонями складки подбородка, следователь делает вид, что полностью погружен в содержание толстого «дела» и не заметил вошедших.

Не нужно много фантазии, чтобы догадаться — мне позволяет видеть свой досар, свое разбухшее «дело», составленное в глубокой тайне за долгие годы моей политической борьбы. Оно собрано с восточной хитростью и скрупулезностью всеми способами секретной политической слежки, начиная от домашних шпионов и кончая платными провокаторами всех категорий.

Я слышан об этом таинственном «деле». Был не раз предупрежден, что когда-нибудь оно взорвется. Взорвется, а его осколки искромсают меня, согрешившего «подкапыванием под основы государства».

В эту же ночь узнаю имя первого моего следователя, этого погруженного в содержание «дела» инспектора. Зовут его Тэфлару. Рядом с ним сидит, упираясь в стол одним локтем, кадровый офицер — предполагаю, что это военный прокурор. Он тоже невысокого роста, такой же сурово сосредоточенный, как и его сосед. Когда я зашел, он занял типичную позу провинциального полицейского — расставил ноги, подбоченился. В эту же ночь узнаю, что он адвокат из района Каракал, призванный служить этой военной юстиции или полиции — как хочешь, так ее и назови. Молчит, курит, а другой все изучает страничку за страничкой мое «дело».

Это пауза, которую они устроили перед началом атаки. Хорошо рассчитанная пауза хищников, когда им попадается необычная, нерядовая добыча. Я все стою со своей перекинутой через руку проковицей. После довольно продолжительного времени неожиданно раздается голос Тэфлару. Он резко поднимает голову и твердо спрашивает:

— Господин *адвокат* Гроза?

Смотрю прямо в его глаза. Человек этот ведь прекрасно знает, что я Гроза, и не кто иной. Ведь ему известно, кого введут, а мое «дело» лежит перед ним. Он не может не помнить, что всего несколько дней назад собственной рукой подписал ордер на мой арест и направил его в Деву.

По тону вопроса понимаю — ко мне будут относиться «сверху вниз». Дают понять с самого начала: я должен оставить предположение, что ко мне будут относиться как к человеку, который когда-то был «кем-то»^[45].

И все же тон вопроса мне кажется оскорбительным, тем более что его задает эта сидящая мышь. Сбрасывая с себя усталость от проведенных стоя часов, обретаю силы старого льва перед нападением, впиваюсь в него поливши презрения глазами и... не отвечаю. Мое молчание — это ясно — путает его карты. Повторяет вопрос. Снова не отвечаю.

На выручку спешит провинциальный прокурор. Он обращается по-иному:

— Господин доктор Гроза (без адвоката), мы исполняем свои законные обязанности. Перед законом все равны, кем бы мы ни являлись сейчас и кем бы ни были раньше. Следовательно, на вопросы вы должны отвечать.

Чувствую, что разгадали друг друга, и доставляю ему удовольствие:

— Да, я доктор Гроза, а не адвокат Гроза... Я сейчас не адвокат.

— Но были?

— Конечно! Но если пойдет речь о том, кем я был, тогда я был, вы знаете, всем. Даже когда-то в тюрьмах Австро-Венгрии сидел, достаивался внимания их военно-полевых судов... — И, продолжая, перебрасываю проковицу с левой на правую руку. — Вот это чабанское облачение может засвидетельствовать. — Улыбаюсь.

Улыбаются и мыши, а Тэфлару сбрасывает с лица маску инквизитора и размораживается:

— Господин министр...

Прерываю:

— Да нет! Для меня достаточен титул доктора.

Тэфлару начинает рассказывать, что он тоже из Ар-дяла; мы, оказывается, земляки... И следствие чуть сходит с официальных рельсов. Вдруг мне предлагают стул. Становится ясно, что мы взаимно разоружаемся, меняем тактику прямого противоборства. Но ни для меня, ни для них не секрет, что подспудно каждый преследует свою точную цель. Следовательно, внимание, потому что мой противник сбросит овечью шкуру и непременно покажет настоящие волчьи клыки!

Осторожность оказывается небесполезной, потому что инквизиторы, после того как выразили большое уважение к моему прошлому, восхищение им, стали высказывать явное сожаление, что встречаемся, мол, при таких обстоятельствах (Тэфлару), и возобновили свою гнусную работу.

— Вы знаете, что эти подлецы (они открываются мне!) попытались компрометировать вас, они показывают, что вы замешаны в тайных

действиях против общественного порядка, в заговоре, направленном на свержение существующего строя!

Вслед за этим показывают блестящую деревянную коробку с объемистой папкой. Достают ее и бегло перелистывают собранные там протоколы, написанные мелким почерком, с зашифрованными словами — настоящие иероглифы. Так же быстро перелистывают сотни страниц с подклеенными полосками подпольной газеты «Союза патриотов» — «Романиа либерэ» («Свободная Румыния»). Настойчиво указывают на букву Г, утверждая, что это инициал моей фамилии, потом «Фр. П.», название «Фронтул плугарилор», председателем которого я состою, и т. д. Скорость перелистывания не позволяет мне уловить взглядом хотя бы что-либо из «компрометирующего материала». Затем торжественным голосом приказывают мне внести свой вклад в установление истины, которую, как утверждают они, я знаю.

Говорю себе: «А, мышки, снова подлизываетесь», а им говорю, подымаясь со стула, предельно резко:

— Насколько я понимаю, вы расследуете то ли по полицейской, то ли по уголовной линии дело о политическом преступлении. Ну а сам я, полагаю, являюсь для вас крупной добычей, которая так просто не попадается. Следовательно, я требую, чтобы со мной разговаривали высшие руководители учреждения, где имею честь находиться! До тех пор заявляю о своей непреклонной решимости не говорить ни единого слова, что бы вы со мной ни сделали. Ни пытки, ни истязания, ни приведение к стенке не изменят этого моего решения. Я за свою жизнь перенес немало других бурь. Они прошли. Я оказался сильнее их.

Успокоившись, снова присаживаюсь около стены. И только тогда замечаю вновь вошедшего. Это суховатый молодой человек с острым взглядом, спрятанным за толстыми стеклами очков в массивной черной оправе. Улавливаю шельмоватость этого взгляда. Только сейчас понимаю, что это он вошел тихо, поставил блестящую деревянную коробку перед Тэфлару и с тех пор стоял незамеченным за моей спиной. Думаю, что это тайный дух следствия, действующий за кулисами, без какого-либо видимого вмешательства.

Попытки выжать из меня хотя бы слово остаются напрасными. Обескураженные моим молчанием, все трое уходят в соседнюю комнату, оставляя меня одного. Они там о чем-то переговариваются, потом приходят и снова уходят. После довольно продолжительного времени появляются все вместе. Сообщают, что мне предстоит свидание с главным шефом безопасности государства Диаконеску. Поскольку сейчас уже очень поздно,

встреча состоится завтра...»

Ему позволили провести остаток ночи в гостинице, но, чтобы не скучать, вместе с агентом сигуранцы. Гроза поблагодарил и сказал, что в таком случае он предпочитает стоять до утра здесь. Тэфлару подумал и предложил свою машину до гостиницы. Гроза отказался; ему очень нравятся прогулки пешком. Все удалились в соседнюю комнату, вернувшись через некоторое время, объявили: Гроза может идти в гостиницу один, только его очень просят ни с кем не встречаться и не разговаривать — любые свидания запрещены, нарушение может повлечь за собой ненужные осложнения. И все же Грозе удалось из гостиницы связаться по телефону с нужным ему человеком. Трое агентов сигуранцы дремали в это время в холле.

«18 декабря

За прошедшие десятилетия я сдружился с этой комнатой. Здесь, в Бухаресте, в мире, где Восток так тесно переплетается с Западом, где кошмарный беспорядок, несусветная грязь и ошеломляющая парижская роскошь образуют чудовищную мозаику, эта комната предоставляет тебе западный комфорт.

Утром сижу за чашечкой кофе в кресле, под сводами пышного мраморного холла и прикидываю в уме расстояние от здешнего мира касты дипломатов, дельцов международных финансовых кругов, офицеров немецкой и итальянской армий с их шикарнейшими приложениями дамского пола до подземного мира обездоленных, среди которых провел последние дни, и одному богу известно, сколько еще времени придется провести.

Этот мир самодовольства, изобилия и лоска имеет свою обратную сторону — она скрыта во мраке множества тюремных камер...»

II

В этот же день Грозу ведут к «высокому начальству».

«Дворец сигуранцы на бульваре Карол.

Здесь работают при свете дня, в шикарно обставленных кабинетах. Прохожу целую анфиладу комнат и останавливаюсь перед дверью генерала Диаконеску.

Он ожидает меня в окружении своего военного и гражданского штаба.

На столе мое «дело», знакомое уже по ночному допросу. Допрашивавшие меня ночью отсутствуют. Генерал полненький, с явно выраженными военными привычками, правда, он пытается замаскировать их. Начинает беседу. Ничего не значащие фразы. Общие слова, умелый обход деталей, которых, как я понимаю, он не знает. Пытаюсь прийти на помощь:

— Господин генерал, я отказался от ночного допроса из самых благородных побуждений. У ваших подручных профессиональные навыки и свойственные, разумеется, их специальности привычки. Потому вполне понятно, почему я пожелал встретиться именно с главой учреждения, чьим «клиентом» имею честь быть. Так вот я перед вами. Притом вижу, что вы еще не знакомы с содержанием лежащих на столе бумаг. Предполагаю, что присутствующие изучили их. Я готов ответить на вопросы.

Таким образом, наша беседа принимает более конкретную форму. Отвечаю с ходу на вопросы, касающиеся деятельности и поступков целого ряда моих друзей. Они обвиняются в противозаконной деятельности по созданию общего фронта патриотов. Этот фронт предлагает вернуть румынскую армию с советской территории, упразднить военную диктатуру и заключить мир с нашим великим восточным соседом. Я хорошо знаком с деятельностью этих верных сынов Ардяла. Они выходцы из низов и находятся в постоянном сражении с нищетой, источник ее — социальная несправедливость. Я защищаю их, показываю причины, которые вывели этих людей на передовую линию борьбы за новый и более справедливый общественный строй.

— Сегодня, — подчеркнул я, — они, брошенные в тюрьмы, — олицетворение морального и интеллектуального превосходства над большинством своих современников — фанатических приверженцев воинственной, шовинистической идеологии. Эта идеология — чудовищное отклонение от основного пути нашего миролюбивого и терпеливого народа.

Я пытаюсь показать, какую ценность представляют эти люди по сравнению с бандами хулиганов, во множестве засевших в кадрах наших лицеев и университетов. Источники пожара, вызвавшего такое кровопролитие и натолкнувшего наш миролюбивый народ в пропасть внутренней анархии и войны на стороне гитлеровских и других фашистских поработителей, находятся там...

Чтобы возвести плотину на пути этой опасной фашистско-гитлеровской лавины, я сблизился с этими молодыми интеллигентами. Я с самого начала с радостью взял их под свое покровительство, принял их под кровом своего дома, помогал им преодолеть препятствия, связанные с

получением работы и завоеванием необходимого положения в обществе. И хотя они в количественном отношении представляют собой ничтожное меньшинство, я решительно верю, что они — суть этого народа, они — прямая противоположность тем, которые маршируют под знаменами Гитлера и своими преступлениями ежедневно и ежечасно пригвозждают Христа к кресту, разрушают нацию и границы этой страны — одним словом, делают все для опровержения одного из самых напыщенных своих лозунгов: «Христос, Король. Нация».

Мое убеждение непреклонно: в конце концов качество превзойдет количество, возвратив наш народ на широкую и справедливую дорогу любви к ближнему и мирной жизни с другими народами как внутри нашей страны, так и за ее пределами.

...Стараюсь наполнить свои аргументы определенной теплотой и сентиментальностью, дабы смягчить окаменевшие сердца этих людей. Я хочу изменить их отношение к моим друзьям, томящимся в тюремном мраке, измученным жесточайшим аппаратом инквизиции.

Кажется, что нахожу какой-то проблеск отклика в душе генерала. Только один, непреклонный, надутый жандармский полковник Бэляпу смотрит сквозь свои блестящие очки и даже не шелохнется. Другого выдает постоянная нервозность. Наблюдаю за ним. Его охватило явное нетерпение, безусловно, хочет высказать то, что не дает ему покоя. По какому-то знаку он хитро и резко меняет стрелку беседы, которая велась вокруг моих друзей, и состав с большой скоростью направляется прямо ко мне:

— Принимали ли вы личное участие в ночных заседаниях на тайной вилле на берегу озера Спагов, откуда направлялось незаконное предприятие коммунистической партии?

Следователи уставились на меня, и я нахожусь в точке пересечения их взглядов.

Мгновенно замечаю, как напряглись они для того, чтобы не упустить ни одного сокращения мышц моего лица, ни малейшей дрожи, способной передать сдерживаемое волнение, тайные мысли. Наступила решающая минута, которая определит дальнейшее течение процедуры. Подытоживаю кинематографически все предыдущие сцены: «Ага, значит, это «удар дубиной», рассчитанный очень точно, чтобы свалить меня!»

...Я действительно был приведен в тот дом моими старыми друзьями по недоступным для других тропинкам, были соблюдены все меры предосторожности, чтобы никто не смог и подозревать о моем присутствии там. И все же, если они решили арестовать меня, если мои обвинители

взяли на себя ответственность за весь шум, который подымется в связи с арестом человека, много раз являвшегося советником трона, думаю, что меня предали и что следователи должны иметь в своем распоряжении неопровержимые данные.

Скользку взглядом по объемистым папкам, находящимся на столе у генерала, деревянная коробка преследует меня и здесь, убеждаюсь, что любое мое колебание дало бы выигрыш моим преследователям. Минута, я чувствую, фатальная... Чувствуют это и следователи и наблюдают за мной с большим напряжением. Я торможу все свои нервы, делаю паузу, смотрю прямо в глаза следователям и неожиданно, словно внезапно обрушившийся на скалы водопад, начинаю хохотать.

Мой смех замораживает их.

Выдерживаю их недоуменные, почти растерянные взгляды и заявляю:

— Зачем вы ломитесь в дверь, которая только и ожидает, чтобы ее открыли? Значит, только для этого потребовалось столько усилий, столько доказательств? Для этого понадобилось арестовать меня, в то время когда стоило спросить с самого начала, и я рассказал бы все как было и как происходило.

Небольшая пауза, потом продолжаю:

— Да, господа, я был на тех встречах и буду всюду и везде, где увижу хоть намек на реальные действия, направленные на благо моего народа, частицей которого я являюсь. (Разрядка моя — Ф. В.) Не забывайте, что я дак: живу, как и мои предки, на берегу реки Стрей, она берет свое начало в тени развалин Сармиседжетузы. Стремление быть всегда на крутых поворотах беспокойного пути моего народа впитано мною с молоком матери. Я политический деятель и таковым останусь. Каждая капля моей крови зовет меня к выполнению долга, вопиет, чтобы я не склонил головы перед фатальностью, чтобы не проявлял слабости. Это не только право, но и обязанность, и никакая сила, никакой террор не смогут отклонить меня от этого. Сегодня мы снова на великом повороте. Кто имеет право в эти дни душиить в нас политическую мысль? Наша мысль, наши действия не имеют никакого полицейского или жандармского аспекта. Мы не злоумышленники. Следовательно, нет необходимости держать столько полиции для нас. И если все же необходим контроль, могу вас успокоить: я нанял за свой счет детектива, который следит за моими мыслями и за моими действиями. Этот детектив — моя гражданская совесть. Она сильнее всех ваших жандармов.

Генерал Диаконеску, который смотрит мне прямо в глаза, вмешивается:

— Хорошо, но сейчас мы все представляем собой единое целое.

Государство тоталитарное. Нет больше политических партий, следовательно, отсутствуют и политические акции. Поэтому и вам не могут быть позволены акции, выходящие за рамки данного режима, руководимого тем, кто взял на себя груз ответственности.

Понимаю всю ограниченность размышлений этого профессионального солдафона, очевидно, улыбаюсь и, чтобы не вступать в полемику с этим полным невеждой в огромной области политических концепций, останавливаюсь. Молчу. Потом все же отвечаю генералу;

— Вы утверждаете это, находясь в окружении целого штаба, у которого в данный момент полная власть надо мной. Пусть будет так. Только предупреждаю: когда покину эту комнату, я стукну каблуком о ее порог и повторю для себя слова Галилея: «И все-таки она вертится!»

...Они улыбаются и не настаивают больше. Некоторые пытаются еще применить различные уловки, представляя детали, страницы «дела», протоколы, составленные на один манер, воспроизводят беседы, касающиеся создания патриотического фронта. Убеждаюсь, что собиратель этих страниц изо всех сил старался осведомить палачей сигуранцы о малейших деталях дела и оставил им в наследство деревянную коробку с протоколами, а потом, как утверждают палачи, исчез бесследно.

Но мне все же кажется, что следователи проиграли эту игру. Один из них пытается еще раз бросить, как петлю на шею, еще один вопрос.

— Вы знаете, что существующие правительственные распоряжения требуют, чтобы каждый гражданин в подобных случаях осведомлял... докладывал...

Генерал прерывает его неодобрительным жестом, а я в это время отвечаю:

— Если полагаете, что смысл моего существования состоит в том, чтобы докладывать обо всем, что узнаю от кого-либо, или о том, что покупаю у кого-либо, вы глубоко ошибаетесь. Я должен или отказаться от роли почетного детектива, или доносить о всех, кто за последнее время разговаривал со мной или предлагал приступить к определенным акциям. Только учтите, что среди них находятся и высокопоставленные деятели и лидеры режима. И, видите ли, сенсация может оказаться слишком громадной, а это навряд ли пойдет вам на пользу...

Моя аргументация была достаточно ясной: смысл моего существования как политического деятеля состоит в том, чтобы знать все. Но я только покупаю, продавать не продаю.

Следователи чувствуют, что почва уходит у них из-под ног. Они больше не настаивают, а я, в свою очередь, чувствую на этот раз, как

ослабевают наручники.

Один только жандармский полковник Бэляну, этот наводящий ужас начальник «секрета», во что бы то ни стало хочет выжать из меня хоть что-нибудь. Его «слава мучителя заключенных» дошла и до моего слуха, и перспектива «беседы» с ним кажется не совсем светлой. Но я в их руках, и полковник стоит на моем пути. На этот раз мы в кабинете заместителя директора сигуранцы. Вначале полковник говорит спокойно, затем угрожающе. Смотрю на его землистое лицо, на его плотное тело (он почти весь состоит из одного тела), потому что души в нем давно уже нет, — ремесло палача и «работа» в камере пыток не оставляют места для души. Глаза его за массивными стеклами горят звериной жадной кровью. Притом он пытается рассуждать о моем пагубном влиянии на молодых румынских интеллигентов; одни арестованы вместе со мной, другие (об этом он сообщает по секрету) находятся на пороге тюрьмы.

Я обращаю внимание полковника на то, что он далек от попытки честного разбирательства, поэтому я считаю дальнейший разговор бесполезным. Делает вид, что успокоился, но тут же снова показывает когти. Мимоходом намекает на мою связь с Мироном Белей из «Фронта земледельцев». Они, видимо, что-то знают о нашей подпольной организации помощи заключенным концлагерей и активизации подпольной печати... Таким образом, для меня держится в запасе еще один крючок. Это на тот случай, если мое освобождение, о котором говорил генерал Диаконеску, останется в силе».

Распоряжение генерала Диаконеску об освобождении Петру Грозы из-под ареста было полицейским трюком. Секретная полиция знала, что Гроза поедет домой я к нему, естественно, придут близкие люди, встретится он с ними и в пути. Сигуранца получит новые данные. Но за долгие годы политической деятельности, за долгие годы сотрудничества с коммунистами Гроза научился оберегать своих друзей от опасности. Действовали строгие, неписанные правила конспирации и инструкции, как не попадаться в руки сигуранцы. Никто из друзей Грозы по подпольной деятельности из-за чьей-либо неосторожности не был арестован. Немаловажная деталь — у Грозы не было в доме телефона. Со знакомыми (а у него были обширнейшие знакомства среди всех слоев населения!) он встречался на улице (встречи эти носили «случайный» характер) во время традиционных прогулок к крепости, на могиле дяди в Цебе, на богослужениях в церквях, на свадьбах и народных праздниках.

Сигуранце не удалось и на этот раз добыть что-либо новое по делу

Грозы.

Было только одно сообщение: во время краткой остановки в Брашове Петру Гроза встретился с Юлиу Маниу.

III

Юлиу Маниу, который отсиживался всю войну в имении, улыбался своей неизменной улыбкой и по-отечески укорял:

— Я же вас предупреждал — хладнокровие и элегантность. Вы меня не послушали. И вот...

Петру Гроза ловил себя на том, что повторял этому «вождю» национал-царанистской партии те же слова, которые говорил генеральному директору сигуранцы Диаконеску.

— Не нужно торопиться, — снова предупреждал Маниу. — Всему свое время. — Все же хорошо, когда в доме свой патриарх.

«Свой патриарх»!

Сколько бед и горя навлекли на румынский трудовой народ эти патриархи! И Гроза уже под стук вагонных колес вспоминал, что творилось в предвоенной Румынии, руководимой ими.

Во время войны Гроза несколько раз встречался с Маниу, призывал его к решительным действиям, к активной борьбе против фашизма. Тот повторял, что не нужно горячиться, «надо ждать естественного развития событий».

«Освобожденного» по приказу генерала Диаконеску Грозу поджидают на вокзале в Деве агенты местной сигуранцы и через несколько дней снова арестовывают. Дак берет свою проковицу и в сопровождении жандармов едет в Бухарест.

«29 декабря

Вот я опять у гигантских железных ворот таинственного дома на бульваре Паке Протопопеску. Открывает тот же самый цербер. Вхожу в помещение, как в пасть чудовища. Предлагают стул посредине знакомой комнаты. То же множество стеклянных дверей. Меня как бы выставляют напоказ агентам. Я опираюсь локтем о письменный стол и, не напрягаясь, гляжу в пустоту.

Время идет, и я удаляюсь в чудесную страну грез — мысли, подобно птицам, летят и вырываются на волю в мир, который когда-то был. Я выпускаю их, а затем снова загоняю, прячу под черепной коробкой, чтобы никто их не обнаружил. Я до того погрузился в свои мысли, что чуть не

подскочил, когда усатый крепыш, агент с глубоко посаженными глазами, явно уставший и невыспавшийся, наклонился и спросил, не хочу ли я чего-нибудь поесть:

— Один дежурный прямо сию минуту уходит в город^[46].

Наверное, с тех пор как я очутился здесь, прошло уже часов пять, но я совсем позабыл о существовании желудка — он не бунтует, не требует обеда, — и я отказываюсь от предложенной услуги... Часы все идут и идут. Ввели меня сюда чуть свет после утомительного пути, сейчас смотрю в окно — уже темнеет, а за меня еще не взялись. Значит, хотя «операция» и началась, «хирурги» делают все, чтобы она протекала как можно мучительнее.

Мне знаком из прошлого опыта этот способ ведения следствия, он призван измотать тело и душу и сломить с самого начала любое возможное сопротивление.

Хотя после чая, выпитого вчера в Брашове, прошло столько времени, не чувствую никакого голода. Но страшно мучает жажда. Спрашиваю, нельзя ли получить стакан чаю. Один из комиссаров (слышу его фамилию — Тэнэсеску) удаляется, а чай все не приносят.

Опускается ночь.

Пахнет пыткой.

Около девяти часов спрашиваю другого проходящего мимо комиссара, не дадут ли мне стакан чаю или хотя бы воды.

— У нас некого послать в город за чаем, — отвечает. Чуть погодя приносит стакан воды.

Изучаю более подробно внутренность этой комнаты, которая освещена сейчас резким, ярким светом. За письменным столом сидит словно окаменевший, делая вид, что чистит ногти, другой комиссар. Он воровски наблюдает за мной. Двери соседних кабинетов все время в движении — приходят и уходят агенты, на лицах прочитывается тень какой-то завершенной «операции» или другой, только начатой.

Около печки в углу сидят лицом к стене две молодые женщины.

Это только мгновенно и точно схваченные памятью картины, их осмысление придет позже. Только сейчас до меня доходит, что эти женщины сидели там, в углу, весь день и только изредка переглядывались. Сейчас одна резко поворачивает голову ко мне. Смотрю прямо в ее глаза. Это большие голубые знакомые глаза. Где же я их встречал? Она поймала мой взгляд, подымается с места и направляется ко мне. Достает из сумки булочку с ветчиной и молча протягивает руку. По мне пробегает дрожь от неожиданного открытия: да, это она, та женщина, которая прошлым летом

лунной ночью проводила меня лесной тропинкой к конспиративной вилле. Принимая булочку, благодарю ее жестом — переговариваться запрещено — и пытаюсь разгадать: какова ее роль здесь?.. И особо занимает меня полное спокойствие в ее глазах и поведении.

Я по-настоящему заинтригован; замечаю, что между нею и той, другой женщиной находится дверь, из-за которой доносится сильный баритон доктора Илие Лазэра, ближайшего сотрудника Юлиу Маниу. Считаю, что женщины слышат, о чем идет разговор в той комнате. Если добавить к этому предположению душевное спокойствие, отражающееся на их лицах, можно заподозрить, что пущена в ход какая-то махинация, в основе которой предательство...

Сквозь призму своего подозрения я вижу обратную сторону эпизода, пережитого в дни прошлого ареста.

Тогда после одной из бесед с генералом Диаконеску и его штабом (эта беседа в здании сигуранцы на бульваре Карол шла в виде допроса и длилась до поздней ночи) меня повели в отдаленную от дороги часть здания, где нас поджидали мой старый знакомый Тэфлару и военный прокурор, бывший провинциальный адвокат, первые мои следователи. На этот раз они были на удивление обходительны, кланялись даже, но в то же время высказали небольшую просьбу. «Прежде чем вас освободят, — сказали, — позвольте устроить небольшую очную ставку с женщиной, которая проводила вас до конспиративной виллы».

Они сообщили мне и некоторые пустяковые детали, чтобы показать, как здорово меня «предали».

Я согласился, желая все же увидеть своими глазами хотя бы что-либо из того, что творится за кулисами этого учреждения.

Мрачный дом на бульваре Паке Протопопеску. В конце длиннущего коридора открыта дверь в большой немеблированный зал. Там вдали в неярком освещении заметен силуэт женщины. Она сидит на стуле около самой стены, руки свисают почти до пола, голова откинута и повернута так, чтобы вошедший увидел ее сразу. Вначале я с ужасом подумал, что это труп. На меня уставились два широко открытых, вышедших из глазниц стеклянных глаза. Я замер. Потом закричал изо всех сил: «Зачем вы устраиваете мне очную ставку с трупом?! Эту женщину вы пытали, пока не убили...»

Я резко повернул и пошел широким шагом вдоль темного коридора.

...Передо мной загадки. Загадка с голубыми глазами... Помню, как той ночью появилась эта женщина из неведомого и легкой походкой призрака

проводила нас по извилистым лесным тропинкам среди озер в окрестностях Бухареста и привела к незнакомому дому. Только луна была свидетельницей. Значит, эта женщина держит своими нежными пальцами одну из нитей лабиринта, по которому бродим сейчас мы, знакомые и незнакомые, друзья.

А может быть, очная ставка с женщиной-трупом в том черном доме была только инсценировкой?

Перед моими глазами до сих пор стоит знакомый образ женщины-борца, она фанатически предана цели. Такая женщина выдержит любые пытки.

Все окружено непроницаемой мглой. Надо, чтобы наступил рассвет. Сжимаю кулаки в надежде, что так и будет.

Кто-то трогает меня за плечо, вырывает из игры всевозможных предположений.

Десять часов вечера.

Военный комиссар Тэнэсеску говорит, что проводит меня «ко сну». Выходим на улицу. Город затемнен, зимняя мгла непроницаема. Сзади на очень близком расстоянии следуют другие сопровождающие меня «ко сну». Я чувствую их дыхание. Идем и идем почти вслепую. Остается несколько шагов до угла, за которым комиссар «знает кофетэрие»^[47], где можно перекусить, хотя по его правилам это не очень-то разрешается. Дает понять, что идет для меня на явное нарушение этих правил. Еле нащупываем в темноте дверь и заходим. Это типичная мрачная бухарестская лачуга с грязными полками, заплесневевшими котлетами, вопящим от старости печеньем и сонным обслуживающим персоналом, который проявляет открытое недовольство, когда кто-нибудь заходит.

Ужасно невкусный чай, но зато горячий, половина твердого, как камень, печенья, папироса. И достаточно.

Кровь снова пошла галопом и согревает, даже мрачный Тэнэсеску становится разговорчивым. Говорит, что знает меня давно и был моим подчиненным во время правления маршала Авереску. Вздыхая по тем «хорошим временам», сочувствует и сожалеет, что вот, мол, «элита» страны поставлена в такие условия.

Рассчитываемся и уходим. Пройдя несколько сот шагов, комиссар останавливается, кто-то из сопровождающих открывает дверь. Заходим в помещение с двумя письменными столами, за которыми дремлют агенты и полицейские. В одном углу стоит жандармский сержант с огромным автоматическим пистолетом. Не двигается с места и молчит. Он поставлен (как я узнал позже) «почетным» караулом при мне.

После тихого обмена словами со здешними комиссарами Тэнэеску уходит в соседнее помещение. Побыл он там довольно долго, а потом высунул голову в дверь и позвал меня.

Это узкая комната вроде спальни, освещается только косо падающим лучом света, проникающим сюда из соседнего кабинета. Короче, это темная комната. Я пробираюсь с трудом, а Тэнэеску уверенно ведет меня к какому-то креслу.

— Чтобы вы смогли здесь получше отдохнуть, — подчеркивает он. Потом исчезает, а я усаживаюсь, прикрывая ноги своей проковицей — добрым моим спутником.

Понемногу глаза привыкают к темноте. Начинаю осматриваться. В комнате стужа, а воздух спертый. Видно, давно не проветривали. Ищу окна, но не нахожу. Позже обнаруживаю в стене какую-то витрину, жалюзи опущены. Может быть, когда-то здесь, в этой чудной комнате, была чья-то лавка?

Рядом в кабинете, что у самого входа, телефоны трезвонят без устали, агенты орут, дверью беспрерывно хлопают, влага и прохладный воздух с улицы добираются и до моей «спальни». Приспосабливаю дыхание к волнам свежего воздуха и преодолеваю таким образом спертую вонь помещения. Но вот кто-то около самой стены закуривает. Дрожащий язычок спички помогает заметить, что на длинных нарах вдоль стен лежат люди. По тому, как они одеты, я заключаю, что меня поместили вместе с бродягами, спекулянтами, карманниками. Внезапная волна внутреннего возмущения гонит кровь к мозгу, лихорадочно забились артерии и гудят у висков. Пытаюсь удержаться, чтобы не вскочить и не наброситься на сидящих в соседнем кабинете верзил. Хочется схватить со стола телефонный аппарат, выбросить его в окно, раскричаться и разбудить хозяев, а вместе с ними весь этот вонючий сброд, который позволяет себе все пакости, все низости, и никто ни на что человеческое не реагирует.

И все же сила воли, необходимость сохранить спокойствие берут верх над мгновенным взрывом. С напряженным вниманием изучаю все, что находится вокруг меня. В темноте различаю у передней стены женский силуэт. Ботинки, прическа, понимаю — эта женщина из порядочного мира, она в кричащем контрасте с окружающими. Спит крепко, держа руку под головой. Трескотня телефонов, болтовня проходящих и уходящих дежурных агентов, ругательства, толкотня, прибытие новых узников в наше обиталище — ничто не нарушает ее сна. Она спит спокойно.

Засыпаю незаметно и я. Какие-то крылья подхватили и понесли. Но вот просачивается бледная заря. Темнота постепенно отступает. Люди и

вещи принимают все более четкие очертания. Как из мутной воды появляются лица потерпевших крушение. Совсем рядом разлохмаченные волосы и кустистые усы бородатого цыгана.

Стены, пропитанные густым запахом пота, окончательно отгоняют сон. Уже не заснуть. Ухожу от этого страшного мира к единственной точке, откуда просачивается слабый лучик прежней жизни. Я сосредоточиваю внимание на молодой женщине, которая по-прежнему спокойно спит лицом ко мне. Чем светлее становится, тем отчетливее молодое лицо, темные ровные брови. В ее спокойствии — полное самообладание.

Смотрю внимательнее. Мгновение — и сердце останавливается. Как молния ударяет мысль — это моя дочь Лучия, из Тимишоары, я в последнее время бывал у нее так часто. Значит, мои недремлющие преследователи знают и об этом. Арестовали и ее, безусловно, для того, чтобы хоть таким путем сломить мой дух и сопротивление. После краткой остановки сердце мчится в сумасшедшем галопе, и передо мной проходят и другие картины. Образ моей жены, этой матери Гракхов, она появляется в окружении пятерых наших детей. Неужели и они захвачены этим смерчем, в котором бьемся мы, оторванные от дел, от наших очагов, от наших близких?

Паря над развалинами стольких разрушенных семей и судеб, наши души не знали бы никогда никакого покоя...

Снова устремляю взгляд на *спящее* молодое существо. Прервать ее сладкий сон и разбудить для тяжелого и мучительного свидания? Ожидание тягостно, и все же я не тороплюсь с окончательным выяснением, не могу — ведь надо сначала убедиться, что это не игра моего разгоряченного воображения. Приближаюсь, наклоняюсь над ней, отчетливо вижу ее лицо: в комнате почти совсем светло. Да, это ее брови, ее губы...

В этот миг под моим пристальным взглядом женщина зашевелилась. Протирает глаза, приподымается на нарах, а потом встает передо мной.

— Лучия! — шепчу я.

Она смотрит на меня удивленно, широко открытыми глазами.

Это не моя дочь.

Поднимают жалюзи. Но за черными от грязи стеклами ничего не видно. Прохожу еще и сквозь пытки малых телесных надобностей. Сержант, всю ночь продремавший около меня, провожает к «заведению», находящемуся во дворе. Этот памятник восточного происхождения, прозванный «турецкой системой», осаждается целой бандой карманников и мелких спекулянтов.

Потом, неумытый (об умывании в этом помещении, где столько грязного сброда, и речи быть не может), пью какую-то серую жидкость,

правда горячую, ее неизвестно откуда раздобыл дежурный. Он же в нашей комнате занимается перебрасыванием мусора из одного угла в другой, лениво играя в уборку, и стоит только услышать, что какому-то узнику надо что-то приобрести в городе, дежурный тут же оживляется, бросает веник, берет деньги. Как всегда, он по возвращении забывает отдавать сдачу, подчеркивая, что он делает эти мелкие услуги (то папиросы купит, то чего-нибудь поест) без ведома своего старшего начальства — надзирателей.

Занимаю снова свое место. Это останки бывшего когда-то кресла, все его внутренности вывернуты и издевательски торчат из-под какой-то подстилки, принесенной вчера вечером «услужливым» комиссаром Тэнэеску. Ужасаюсь при виде отправляющихся на отдых целых полков насытившихся на моем теле клопов».

Весь следующий день Петру Гроза проводит в этом кресле.

«Холод пронизывает до мозга костей. Здесь ничего не дают есть, ничего не дают пить, но зато все курят. И какой табак!

Разговаривать не разрешается. Потому слышны только грубые слова и приказания комиссаров, которые приводят и уводят жертвы своей охоты».

Да, идет настоящая охота за людьми, мешающими жить разжиревшим на войне богачам. Им мешают воры, спекулянты, мошенники всякого рода. Это с одной стороны. А с другой — не дают покоя активные борцы за свободу народа. «Хватайте, сажайте и тех и других, между ними нет никакой разницы. Они мешают». Таковы инструкции властей, таковы приказы. И их исполняют.

«Но исторический процесс, — пишет далее Гроза, — на полном марше. И в этом тугом клубке, в котором бурлит, не уставая, жизнь отверженных, зарождается новый этап нашей коллективной и индивидуальной жизни, и финал, кажется, уже близок. Стало быть, требуется терпение. Скоро мы увидим, окажутся ли сегодняшние унижения и страдания просто лишними и достойными сожаления или они будут служить нам серьезным подспорьем на пути развития нашего народа и всего человеческого общества.

Надежда, что мы на верном пути, дает нам твердость и укрепляет наш дух сопротивления против любых унижений, любых духовных и физических страданий. Неуверенность и мысль, что мы ошибаемся, расшатала бы волю, погасила бы в нас любую искру жизни».

С этими мыслями провел наш узник последние дни 1943 года среди уголовного сброда, в набитом клопами старом креоле. Голодный, измученный жаждой, он ждал — что же будет дальше?

«Дорога к тюрьме

...Появляется давний знакомый — комиссар здоровяк Тэнэеску и вместе с ним еще один, стройный, деликатный, зовут его Илиеску. Меня переводят «в другое место». И поэтому приглашают в закрытый автомобиль, который ожидает на улице, окутанной зимней мглой. За нашим автомобилем на небольшом расстоянии следует еще один. Комиссар Илиеску, оказавшись рядом со мной, шепчет, указывая на лежащий около его ног пакет:

— Кое-что для утоления голода: адвокат Рипошан принес.

Это единственные слова, которые слышу за время этого путешествия в неведомое.

Молчим.

Значит, молодой мой друг Рипошан все время следит за мной, и его рука протянута мне и сюда. Чувствую затылком, что он едет следом, в том автомобиле, хотя это совсем уж невероятно.

Едем сквозь мглу по извилистым улпцам. Успеваю различать неясные силуэты больших зданий. Затем небольшие дома, исчезают и они, и мы оказываемся среди лачуг. Ясно, что выехали из Бухареста и находимся где-то среди серых окраин столицы, где столько загадочного. Не замечаю больше ничего, кроме глубокой колеи в снегу, освещенной полным светом автомобильных фар. Машину заносит, нас бросает из стороны в сторону, а водитель добавляет газу. Он торопится. Видно, знает, куда мы едем, я же и не подозреваю... В памяти мелькают картины темных дел, так часто встречавшихся за последние годы в нашей политической жизни.

Останавливаемся. Наконец станет ясно. Выходим. Перед нами выделяются из тумана огромные ворота.

— Вэкэрешть?^[48] — спрашиваю у Илиеску.

— Нет, — лаконично отрезает он.

Больше ни о чем не спрашиваю. Тэнэеску стучит В ворота, сообщая громким голосом свою фамилию. Скрежет ключа. Гигантские ворота оставляют одно крыло и проглатывают нас...»

«Камера 43

Проходим молча в тумане и темноте через весь двор, затем вдоль стены длинного здания, мои сопровождающие снова громко заговорили, стучат в двери. Они открываются. Попадаем в длинный коридор, где на

довольно значительном расстоянии друг от друга слабо горят небольшие лампы.

Целый ряд массивных черных дверей, каждая со своим номером и тяжелыми решетками в верхней части; здоровенные железные засовы и замки. Все стало ясно: я в тюрьме. Сейчас волнует только один вопрос: за каким номером буду находиться я?

Я буду самым простым номером, остальное уж какое может иметь значение?

Продвигаемся сквозь каменноугольный дым от топки парового котла, и этот запах перемешивается с отвратительной вонью, идущей из открытых фрамуг над дверьми тюремных камер.

В тупике меняем направление, поворачиваем к заднему коридору, который тянется параллельно первому. Коридор этот гораздо уже, ширина его позволяет лишь открывать двери низких камер с убогими зарешеченными окошками.

Короткий обмен словами между комиссарами сигуранцы и сопровождающим нас инспектором тюрьмы. Надзиратель открывает номер 43. Измученный заключенный, русский по национальности, поднятый только что с койки, заходит в эту камеру, осматривает ее — видно, он сегодня дежурный. Комиссар Илиеску открывает соседнюю дверь без номера. Заходим в хорошо освещенную белую камеру. Ослепленный обилием света, от которого уже за эти дни отвык, прищуриваюсь, потом широко открываю глаза и самому себе не верю: па столе, накрытом белой скатертью, в разительном контрасте с лохмотьями, мраком и жуткой грязью, среди которых находился все эти дни и ночи, нож и вилка, белоснежная салфетка, небольшой торт, украшенный крошечными свечками, то ли свадебными, то ли поминальными. Около торта — маленькие тарелки и бутылка марочного вина. Ошеломленный увиденным после стольких дней полного отсутствия пищи и воды, сжимаюсь в комок от мысли: неужели это последняя гражданская дань осужденному на смертную казнь? Неужели наступил тот предутренный час, когда дают прощаться с жизнью?..

Поглощенный этими мыслями, я и не заметил, что за столом сидит хорошо одетый молодой человек и смотрит на меня глазами, полными доброты и сочувствия. Где же я мог видеть этого человека? Когда комиссар Илиеску отворачивается, молодой человек приставляет палец к губам — внимание, не надо разговаривать. Комиссар вышел, а таинственный обитатель тюрьмы подымается, приближается ко мне на цыпочках и спрашивает:

— Вы опечалены, господин министр?

— Да нет, так, устал немного, — отвечаю я приглушенным голосом.

— Я зять Севера Боку. Меня представляли вам однажды, после свадьбы его дочери, на перроне вокзала в Араде. Помните?

Вот как. Это, значит, инженер Рикэ Джеорджеску. Я слышал, что он сидит уже года три вместе с группой служащих управления нефтяных предприятий Плоешти. Сидит без суда по подозрению в саботаже или в шпионаже в пользу англичан. Точно не знаю. Хочется верить, что по случаю рождества тюремному старожилу разрешили свидание с женой и устройство небольшого пир в честь рождения Христа.

Рикэ Джеорджеску говорит быстро, машинально: «Будет хорошо, я знал, что вас привезут сюда, мы рядом» — и возвращается на свое место. Как раз вовремя, потому что шаги комиссара Илиеску уже приближаются».

Комиссар Илиеску прервал этот неначавшийся пир. Это была очередная попытка.

«Последний звук, донесшийся снаружи: надзиратель вставил ключ в замок, повернул и запер меня. Замок ударился о железную дверь. Я думаю, что любой перешедший порог тюрьмы никогда не забывает этого звука. Он терзает душу, разрывает ее на части.

Вот наконец я в своей клетке. Камера номер 43. Два метра ширины, три метра длины, небольшое зарешеченное окно над дверью пропускает неяркий коридорный свет. Камера «меблирована» двумя железными койками — одна над другой. Пока нет товарища по заключению, могу выбрать любую... Подымаю изодранную тряпку грязного цвета и трогаю узкий соломенный матрац. Он сбит, солома прогнила от пота моих предшественников. Труха... Стены пестры от кроваво-красных пятен: следы охоты за клопами. Значит, я не один: батальоны изголодавшихся паразитов будут отмечать праздник прихода нового пленника. Чтобы защититься, ложусь одетым, укрываюсь проковицей.

Кровать все же... После стольких бессонных, мучительных ночей вытягиваюсь во всю длину, получаю давно не испытанное удовольствие.

Тюремная камера... Наконец-то я один в своей камере, после стольких дней и ночей неопределенности, проведенных на кухне сигуранцы. Наконец-то я испытываю удовольствие одиночества.

Чудесна и эластична эта структура человеческой души. Она тоже подвластна законам относительности, единства противоречий и вечного движения вперед. События последних дней сдавливали мое дыхание. Не потому ли сейчас душа моя устремляется с большей легкостью, с большей

смелостью вперед, в полет, к простору? Никаких мучений из-за того, что случилось со мной до сих пор, никакого страха перед тем, что может случиться завтра... Внезапное облегчение придает душе новые крылья.

Умереть?.. Заснуть?.. Отвечаю сам себе: нет! Бороться!

Сны, испуганные лязгом дверного замка, мгновенно развеиваются. Надзиратель открывает. Я просыпаюсь. Слабый свет лампочек, дневной сюда еще не добрался. Наверное, уже утро. Тюрма тоже своего рода казарма — раннее пробуждение, строгий регламент!

Смеюсь в душе над надзирателями — они подняли меня, думая, что издеваются надо мной. Они не знают, что у меня дома, в семье, все течет по установленному распорядку — он отпечатан на машинке и висит на стене. Я встаю очень рано я натренирован.

Меня мучает мысль: а если дневной свет не доберется сюда и позже, если моя камера без дневного света? Смотрю с тревогой на часы, при тусклом свете коридорной лампочки замечаю, как бежит секундная стрелка. А день все не приходит. Неужели здесь темно и днем, неужели наступил вечный мрак?

От возмущения сжимаются кулаки, но сдерживаюсь. Принимаю и эту реальность с той же решимостью пережить все, что бы со мной ни случилось. Всякую сентиментальность к черту!

Спустя некоторое время надзиратель снова гремит замком и приглашает в «туалет», а затем в «умывальную». Забираю все необходимое из маленького чемодана, вспоминая вчерашний обыск, когда конфисковали мой перочинный ножик, миниатюрные ножнички и все то, «что режет», на случай, если, «не дай бог», я попытался бы покончить с собой. Выхожу в «туалет» с часовым (я его не заметил около дверей своей камеры, считал только его шаги: пять вперед, пять назад).

«Заведение» ужасно. Комфорт — турецкий, как ни приспособляйся, как ни поворачивайся — все равно наступишь на гадость и все твои балетные пируэты не помогут обнаружить ни единого сантиметра чистого места. Дверь специально без всякого запора и открывается беспрерывно вновь входящими заключенными обоего пола. Часовой ведет меня к общему умывальнику, что находится тут же рядом. В углу замечаю эмалированную ванну, установленную на средства сидящего в этой тюрме бывшего румынского короля железа Макса Аушница, низвергнутого с престола своим конкурентом греком Малаксой. А между тем ванна используется не по назначению — в ней стирают лохмотья заключенных, тюремное «белье». Смотрю, как по засаленным краям этой ванны ползут вши, они спасаются бегством от опасности утонуть. Приобретение

Аушница используется еще и как плевательница. Догадываюсь об этом, наблюдая за тем, как умывается мой сосед, здоровенный малый с взлохмаченными волосами. Он набирает воду в рот, а затем выливает ее в ковшик ладоней. Слюну мастерски выплевывает в ту же ванну. Пробираюсь и я к кранику над ванной, потому что вид соседних раковин, выстроившихся вдоль стен, наводит ужас. Подставляю ладони под струйку воды, намыливаюсь и умываюсь, насколько это возможно. Ведь мои руки и лицо не видели воды уже четверо суток...

У выхода из умывальной стоит в рубашках группа крепких с виду людей, они ожидают своей очереди, молча смотрят на меня и приветствуют. Ловлю их теплые взгляды и думаю: эти люди знают меня. Надзиратель, настроенный сегодня невраждебно, по пути к камере рассказывает, что это поляки — офицеры и интеллигенты. Тот же надзиратель появляется позже с жестяной кружкой, в которой что-то горячее — идет пар. В руке держит кусок сдобного хлеба. Это прислали мне поляки — настоящий кофе и этот хлеб. Один из поляков интересуется, нужно ли мне еще чего-нибудь, они могут прислать. Я пью маленькими глотками, чтобы продлить удовольствие: наконец-то после стольких дней черного поста горячий напиток! Когда узнаю, что по утрам заключенным в тюрьме ничего не дают, я еще с большей благодарностью думаю об этом кофе. Впутанный в недозволенное, но благородное дело посредничества — оказать помощь вновь пришедшему, надзиратель говорит, что поляки — люди доброй души, они уже давние обитатели этой тюрьмы, но сидят без всякого суда. Их держат за то, что они служат своей разоренной и порабощенной родине. И служили ей всеми средствами — от самых малых дел до рискованных операций с подпольными радиостанциями.

Вначале поляки содержались в исключительно суровых условиях, а сейчас их снабжает Польский дом в Бухаресте. У них есть многое, и они делятся этим с другими. Эта протянутая дружеская рука выводит меня из душевного оцепенения, высветляет мрак моей камеры... Чувствую дружбу обделенных свободой людей, они ведь столько потеряли, но сумели сохранить в себе человеческое...

В этом мраке часы проходят тяжело, как будто у них оловянные ноги. Я провожу их, приводя в порядок свою клетку. Совершенно неисправимый в том, что касается порядка, я передвигаю столик ближе к двери, накрываю его бумагой из чемодана, кладу на него щетку, расческу, мыло и все другие мелочи, перетряхиваю матрацы, складываю вчетверо изодранные подстилки, накрываю их газетой, из другой газеты делаю какое-то подобие корзинки для бумаг и бросаю в нее собранные с пола клочки газет и давние

остатки пищи. Потом начинаю утреннюю прогулку: три коротких шага вперед, три назад, от двери до каменной стены по узкому пространству около кровати. Все это механически; я вспоминаю всех хищников лесов и пустынь, которых видел не раз нервно прогуливающимися в узких тесных клетках зверинцев, они делали это так же машинально, как и я сейчас. Пытаюсь представить себе, что же думают звери в таком состоянии, по каким просторам ведет их воображение».

Три коротких шага до стены, три таких же шага до запертой двери. С одного боку кровать, с другого — холодный камень перегородки.

Прогулка окончена. Что делать еще?

«Читать нечего, да и невозможно. Косо падающий свет сквозь решетку над дверью еле достигает кровати — как тут читать? Может быть, следует взобраться на верхнюю койку — и тогда буду почти у самого окна. А что, давай попробую. Но тут же все «проясняет» голос надзирателя:

— Слезайте с верхней полки! Вам не разрешено подыматься к окну!

Пробовали, наверное, многие поступить так же, как я, но надзиратели натренированы, они все знают, их бдительность не обманешь. А может быть, можно ею управлять? Может быть, следует прибегнуть к благословенным средствам этой страны, названной в народе патрия бакшишулуй — родиной взяток?

Как долго еще предстоит измерять длину этой клетки? Ну, пока что буду дремать сидя, свернувшись клубком на краю нижней полки, натянув до предела на глаза и уши свою мерлушковую шапку. Надо защищаться от сквозняка — сильно дует, проникает студёный воздух; видно, в коридоре открыли все окна. Слышу громкие голоса: «Закройте окна!» — но доносятся и протесты. Кто-то жалобно просит воздуха. Узнаю от надзирателя, что это школьный инспектор Симион, пожилой, страдающий жестокой астмой человек.

Я, естественно, высказываюсь за режим открытых окон, за что при встрече инспектор Симион смотрит на меня благодарными глазами.

Скрипучая тележка, бочонок с варевом из квашеной капусты — явление, вносящее разнообразие в монотонное существование наших клеток. Двери открываются поочередно, появляются бледные лица, измученные одиночеством и неопределенностью. Им протягивают жестяную посудину, ложку и ломтик черного хлеба. Видя, как раз-датчик хлеба, молодой цыган, между делом той же рукой высмаркивает нос, я довольствуюсь только теплым рассолом...

Когда тележка возвращается (это узнаем по скрипу), двери снова

открываются, чтобы отдать «посуду». Это еще один повод увидеть своих соседей. У третьей двери появляется изможденное, бледное и небритое лицо страдающего на кресте Христа. Это молодой мой друг, профессор Микле. У другой двери стоит в рубашке и в красном свитере великан Мирон Беля. Он держит одну руку в кармане и смотрит непокоренным взглядом. Синяки под глазами выдают следы недавних пыток, а лицо, раньше румяное и обожженное ветрами, сейчас будто из воска. Мы смотрим друг на друга лишь секунду, потому что нас тут же проглатывают клетки. Мы получили друг от друга новый заряд мужества, мы стали сильнее от сознания того, что находимся по соседству...

Простой обмен словами между заключенными вначале кажется практически неосуществимым. За нами исключительно строгий присмотр, необычный даже для этого секретного сектора, где в первые часы никто не отвечал ни на один вопрос — ни надзиратели, ни солдаты, охраняющие наши запертые клетки. Только через некоторое время узнаю все же, где мы находимся.

— Мальмезон, — объяснил нам позже один служитель, предварительно убедившись, что поблизости никого нет.

Развязались языки, и обмен словами происходит даже сквозь глазки в дверях, а информация становится более полной. Узнаю, например, что между мной и Мироном Белей помещен для наблюдения агент, он также «сидит». Значит, внимание и бдительность!..

Опускается вечер, и я убеждаюсь, что то, что меня волновало, стало мучительной реальностью: нам не дозволены прогулки. Жажда света и воздуха изматывает, еще больше изматывает мысль, что к тебе относятся не по-человечески.

Глубоко огорченный, вытягиваюсь во всю длину железной койки. Отказываюсь от картофельного варева из кочующего по нашему коридору ведра».

«30 декабря

В умывальнике узнаю, что Мирон Беля и другие друзья сегодня в полночь были вывезены в Бухарест для допроса. Эти ночные допросы, комбинированные с проведением узников через камеру пыток, имеют известную, давно установившуюся славу. Сердце сжимается, когда думаешь о страданиях этого твердого, словно камень, крестьянина. Зная его хорошо, уверен, что унижения приносят ему большую боль, чем физические страдания во время пыток. Утром привезли его оттуда, и сейчас он лежит в клетке не двигаясь.

Появляется высокий, стройный, седовласый профессор Бухарестского

университета. Он смотрит ясным, решительным взглядом. Это Влэдеску-Рэкоаса...

Приближаясь к крану, где я умываюсь, Влэдеску-Рэкоаса шепчет мне, прикрывая рот полотенцем, что его тоже «угощали» сегодня ночью и что их каждую ночь возят, чтобы пропустить «сквозь строй» унижений и физических пыток.

Тайком пожимаем друг другу руки и направляемся к длинному ряду камер, за дверями которых упрятана когорта борцов сегодняшних социальных битв. Эти борцы против темноты хранят в своей душе веру в лучшее будущее человечества, распятого сейчас на кресте гигантской бойни.

Я знаю их: ни тюрьмы, ни оскорбления, ни побои, ни клевета не вынудят их отказаться от борьбы. Качество этих людей победит количество несведущих и невежественных дельцов, живущих благами военной конъюнктуры и разлагающегося капитализма».

«31 декабря

Темнота, царствующая днем и ночью в этой камере, давит постоянно, наполняет до краев чашу моего терпения. Ангел спасения появляется в образе юркого механика тюрьмы. Под предлогом, что нужно что-то отремонтировать, его пускают ко мне в камеру. И в его взгляде и в поведении — нескрываемая доброта. Он с ловкостью достает из-под одежды крошечную электрическую лампочку, кусок провода, выходит в коридор и соединяет ее с основной линией. Солдат на это время отворачивается, а надзиратель (которого в эти минуты не было) появляется, когда дело уже завершено. Надзиратель снова запирает дверь, а механик улыбается от удовольствия. Доброе отношение рядовых работников тюрьмы проявляется все чаще и, кажется, кем-то направляется. Один из этих рядовых приносит мне тайно бумагу и чернила. Я спасен!..

Уходит год. Взгляд обращается от прошлого к будущему. В свете событий, и крупных и мелких, разворачивающихся вокруг нас, *Новый год вырисовывается как год кардинальной развязки и непредвиденных изменений во всей нашей внутренней и внешней жизни.* (Разрядка моя. — Ф. В.)

Порог нового года, думаю, явится межевым камнем в истории человечества, между бывшим миром с его экономической, политической и социальной спецификой и новым миром, о котором столько говорится. После заката настанет восход. Зарево этого восхода проникает и сюда, через этот порог.

...Засыпаю на рассвете.

Будит меня шум открывающегося дверного замка. Наступление нового года в Мальмезоне материализуется резким и неожиданным появлением надзирателя:

— С Новым годом, господин министр!»

«3 января 1944 года

Комиссары будят меня очень рано, чтобы в установленный час привести к министру внутренних дел. После долгой ночи, длившейся, казалось, целую неделю, перехожу снова порог военной тюрьмы. Железные ворота открываются, и машина мчится к центру Бухареста. Ночью, когда меня привезли, я не разглядел «нашу» тюрьму как следует снаружи. Кажется, что это конюшня или хозяйственное помещение старой казармы. Быстро отворачиваюсь и глубоко вдыхаю проникающий сквозь открытое окно воздух. Сегодня великолепный ясный зимний день. Столичный шум, трамваи, автомобили, пешеходы — все в сумасшедшей гонке. Толпа, кажется, не обращает внимания на то, что происходит за горизонтом этой огромной кровавой войны, ничего не видит, что делается за кулисами этой трагедии... Но ничто не в состоянии заслонить жуткой картины всеобщего страдания огромной массы людей, испытывающих неизмеримые лишения, вызванные объективными условиями сегодняшней жизни. Ведь разве что бездушные могут прогуливаться среди дымящихся развалин по бескрайнему кладбищу с запахом свежерытых могил и хихикать при этом. Есть такие бездушные, но они — живые мертвецы.

Машина тормозит у подъезда дворца Стурза.

Вначале меня вводят в бывший парадный зал, сейчас это просто приемная. Но позолоченные скульптуры и картины не убраны. После короткого ожидания приглашают в кабинет начальника канцелярии министра. Молчаливый полковник предлагает кресло. Затем и сам торжественно садится за свой письменный стол. Молчим. Говорить друг другу нечего. Стрелки часов бегут. Адъютант сообщает, что прибыл еще кто-то. Шагая медленно и чинно, появляется галантный священник с отличительными знаками высокого церковного звания. Серая ряса, холеная борода. Весь излучает благополучие и довольство. Это архимандрит Галактион Гордун. Вошел к министру, просидел у него довольно долго и вышел таким же ясным и довольным.

Наконец вводят и меня. Министр, генерал Попеску, — человек небольшого роста, предупредительный, старающийся представить вещи в довольно благожелательном свете. Напоминает, что знал моего отца, когда-то лечился вместе с ним на водах в Ардяле.

Затем снова под стражей меня увозят и помещают в известную уже читателю клетку».

В это самое время Грозе еще не были известны причины «предупредительности» господина министра внутренних дел. Разумеется, она не объяснялась совместным пребыванием на водах генерала Попеску и священника Адама Грозы. В стране началось движение за освобождение Петру Грозы. На имя короля поступали послания видных писателей, ученых, общественных деятелей. Заточенный в лагерь для политических заключенных Тыргу-Жиу «красный принц» Скарлат Каллимаки начал массовый сбор подписей под требованием об освобождении Грозы. Эти действия направлялись руководством румынских коммунистов, которое умело использовало благоприятную обстановку, созданную успешным наступлением Красной Армии и приближением ее к границам Румынии.

Вскоре после свидания с министром внутренних дел Грозе разрешаются прогулки во дворе тюрьмы. Он быстро шагает из конца в конец небольшого дворика, двое солдат, сопровождающих его, не выдерживают темпа «господина министра», задыхаются и орут:

— Куда вы торопитесь?! Ходите медленнее!

Гроза смеется над ними. Спрашивает:

— Что бы вы, ребята, сделали, если бы вас заставили идти за мной к вершинам горы Девы, к крепости?

Гроза — старший по возрасту узник тюрьмы. Его известность в стране заставляла надзирателей и других тюремщиков хвастать тем, что вот, мол, кого они сегодня проводили к умывальнику, кому давали бурду из общего ведра. Некоторые старались хоть как-то облегчить тюремный режим. Вот и на этот раз надзиратель разрешает Грозе идти к полякам под присмотром конвоя. После возвращения в камеру Петру Гроза записывает в дневнике.

«6 января

Поляками владеет желание жить свободными на этой земле, радоваться ее красотам и дарам, видеть над головой небо, солнце, звездные ночи, радоваться огню своего очага, разделять теплоту семьи... Тихо, под сурдинку тюремного порядка зарождается мелодия, песня, которая объединяет в единый хор всех поляков. Мелодия эта затрагивает все струны исковерканных, жаждущих жизни сердец, облегчает душу, подымается к небесам, зовет».

Уже став премьер-министром Румынии, Петру Гроза поехал с дружеским визитом в Польшу. Он попытался разыскать своих знакомых по Мальмезону, но никого не нашел в живых. Польские борцы лежат

неподалеку от Варшавы, на кладбище Пальмири, там огромный лес крестов, а у входа надпись:

*Легко говорить о Польше,
труднее работать для нее.
Еще тяжелее умереть за Польшу,
но самое страшное — страдать за нее.*

Петру Гроза возложил венок у этого леса крестов погибших и вспомнил слова той давней песни, услышанной в Мальмезоне:

*Iak to na wojence ladnie,
Kiedy ulan z konia spadnie...* [\[49\]](#)

«8 января

Утро. Я первым вышел во двор и решил быть последним, когда нас снова погонят в камеры. Сквозь темные облака просматриваются куски голубого неба. Смотрю на них, и кажется, что прошел целый век с тех пор, как я не видел чистого неба. И тут показывается в полном своем сиянии солнце... Арестованные, оживленные игрой света, живо приступают к очистке двора от снега. Кто владеет лопатой, а кто совсем не умеет держать ее в руках. И это многих забавляет. Но хорошее настроение не имеет права задерживаться надолго в обители отлученных от мира и от общества. Оно только показалось, тайком проникло сюда, для того чтобы его тут же схватили и выгнали вон. Часовой орет надрывно:

— Все немедленно по камерам!..

Двор опустел. Лопаты торчат из кучи снега, как обрубленные кресты.

Двери камер закрываются в прежнем порядке, никто уже не покидает своих клеток, и снова наступает тяжкая тишина, в которую погружается все здание. Может быть, ожидается прибытие новой партии арестованных, которых никто не должен видеть?»

«9 января

Снова воскресенье. Где-то за стенами тюрьмы колокола зовут верующих к молитве. Верующих ли?

Закрываю глаза и вижу сейчас всех, кто вошел под сень этих великолепных церквей в чистой и праздничной одежде. Слежу за ними, когда они покидают святой храм и приступают к своим обычным занятиям.

Не верю, чтобы хоть один вышел более справедливым, более человеколюбивым, чем когда вошел в храм проповеди всех добродетелей.

Более того, мне кажется, что после этого каждый испытывает чувство удовлетворения оттого, что отдал и небесному отцу то, что нужно было ему отдать. И притом совершил и благодеяние, бросив в шапку нищего у входа несколько мелких монет...

Бесперывный колокольный звон и проповеди со всех амвонов — пусть даже их читали самые сердечные и добрые из проповедников — звучали две тысячи лет назад и звучат и сейчас впустую... Возведенная в закон вера, опутанная сетью традиций и строгих предписаний, очень искусно превратила форму в содержание.

Вывод напрашивается сам собой — чем пышнее форма, тем беспомощнее содержание...»

«11 января

Комиссар сигуранцы увозит меня снова в министерство внутренних дел на встречу с министром генералом Попеску. В парадном зале дворца довольно оживленно беседует группа гражданских и генералов. Когда меня ввели, беседующие умолкли. Они понимают мое положение и от неожиданности такой встречи не находят, что делать, не знают, как им относиться ко мне, старому знакомому.

Улавливаю их неловкость и усаживаюсь в кресло за большим столом, притворяюсь, что я их и не заметил».

Министр рассказал о новой беседе с маршалом^[50] Антонеску, о том, что общественное мнение страны — и крестьяне, и рабочие, и ученые, и даже некоторые министры, даже сам король — озабочено состоянием «такого авторитетного человека», многие требуют его немедленного освобождения. Маршал тоже озабочен, и, по мнению министра, не исключено, что примет решение отпустить Грозу под строгий домашний арест. Но Гроза должен сообщить необходимому правительству данные.

Как и во время прежней встречи, Петру Гроза непреклонен, он требует, чтобы без каких-либо предварительных условий освободили его и его друзей, находящихся в Мальмезоне и других тюрьмах страны.

«13 января

Через контрольный глазок камеры впервые с тех пор, как я здесь, пробился ровный, сверкающий луч солнца.

Одинокая стрела света — и сколько мрака отступает сразу!

Когда же сквозь гущу окружающего нас мрака проберется такой лучик? Когда же рассеется наконец тьма, в которую погружено все в этой стране?!

Волшебный гость тает в одно мгновение и уступает место другому.

Ко мне в клетку заходит незнакомый господин. Его зовут Тулиу Горуняну. Высокий, темнолицый, с аккуратно подстриженными усами, говорит бархатным голосом. Это председатель тимшоарского апелляционного суда, в данный момент — военный магистрат в чине майора. Сейчас выполняет особые поручения руководства Совета министров и пришел по заданию директора управления безопасности государства Кристеску. Он обладает всеми необходимыми полномочиями для выполнения поручений подобного рода...

Беседуем долго. Я прихожу к выводу, что не исключено некоторое смягчение режима. Может быть, не за горами и мое освобождение. Но проблема гораздо сложнее. Она неотделима от судьбы моих товарищей — Мирона Бели, Георге Микле и других, которые сидят здесь вместе со мной. Пользуюсь тем, что со мной ведет беседу этот своеобразный дипломат от юстиции, что его тон довольно доброжелателен, и начинаю разговор о необходимости освобождения моих товарищей, старых боевых друзей, верных и ценных сыновей нашего многострадального народа, — я убежден, что они должны быть спасены в интересах самого же народа».

«С тех пор как я арестован, разговаривал неоднократно с генералом Диаконеску и его штабом, с министром внутренних дел генералом Попеску, с утренним гостем. Во время этих бесед вопрос о судьбе молодого поколения занимал преобладающее место. Я пытался доказать им, что если эти обездоленные интеллигенты вышли на переднюю линию борьбы за социальную справедливость и восстали против системы привилегий и эксплуатации чужого труда, то в этом виноваты не они, а виновно само общество, которое представляют сегодняшние власти.

Один жандармский полковник из сигуранцы с сугубо полицейским, жандармским мозгом твердил, не проявляя ни грана человеческого понимания, при этом его землистое, тупое лицо выражало крайнюю самоуверенность:

— Вы приблизили к себе этих молодых людей еще тогда, когда они сидели за студенческими партами, приглашали их к себе в дом, поддерживали материально. Таким образом, они стали вашими духовными детьми. Но вы посеяли в их душах семена мятежа, они дали ростки и толкнули их затем к подпольной деятельности против государственного правопорядка.

— Ошибаешься, — ответил я грубо. — Эти семена уже давно сидели глубоко в их душах. Они посеяны несправедливым общественным строем, который вы охраняете и который уже трудно защитить без риска

углубления пропасти. А мое сближение с этими обездоленными, с этими, подчеркиваю, избранниками обездоленных, подвергнутыми остракизму разлагающейся реакцией, не преследовало цели озлобить их еще больше, я стремился направить их деятельность по пути организованной, дисциплинированной борьбы. Я учил их быть последовательными борцами за интересы народа, частью которого мы являемся...»

В тупой башке высшего жандармского офицера обнаружилось удивительное упрямство, но Петру Гроза, ни на что не надеясь, все же рассказал ему о трагедии молодого поколения Румынии.

«Из трагедии молодого поколения.

Отец Георге жил в селе Ховрила, около Шомкуца Маре (Сэтмар). Бедный крестьянин из бедного края, прозванного «цара кынелуй» — «собачьей страной». Его убили в Италии во время первой мировой войны. Георге остался сиротой, вырастил его дед... У него была врожденная любовь к учебе, к знаниям. Дед старался изо всех сил помочь внуку, отдал его в школу и радовался тому, что внук все время был среди самых лучших учеников. Георге удалось поступить в лицей Шомкуца Маре, но, чтобы заплатить за обучение и содержание внука, дед продал своих любимых красных волов. Это были единственные красные волы во всей округе, и дед, огорченный разлукой с ними, совсем состарился, а Георге уже не от кого было ждать помощи. Он часто оставляет занятия и приезжает помогать деду засеивать надел, убирать урожай, продавать кое-что для уплаты налогов. В короткие перерывы между работой Георге не выпускал книги из рук, ему нельзя было отставать.

Видя, как мучается внук, дед подымал руки к небу и кричал:

— Боже, как это ты терпишь, чтобы в стране, где так много богатства, где столько людей купается в деньгах и не знает уж, куда и девать свои сокровища, не нашлось средств для обучения способных детей! Где справедливость? Где правда, господи?

Георге удалось защитить диплом лицеиста, и он отправился в Клуж поступать в университет. Прошло полгода, а старик не получал от внука никаких вестей — как в воду канул.

Однажды в полночь в дверь дома деда раздался сильный стук. Испуганный старик открыл. То были жандармы. В руках наручники.

— Где твой внук? — спросили.

Дед сразу же все понял. Значит, они ищут Георге. И вмиг догадался, понял, что случилось. Значит, его внук пошел по пути поиска справедливости, правды... Его ищут жандармы. Значит, он на правильном

пути... Ответил:

— Берите его, когда найдете, я не знаю, где он».

«Я познакомился с Георге, когда он обладал уже определенным опытом, я убедился в его интеллигентности, начитанности, твердокаменности характера, незаурядности публицистического таланта.

Постарался понять его.

Видя, что он истощен, буквально голодает, пригласил его к себе в дом, познакомил со своими детьми и был уверен, что в атмосфере большой семьи можно будет управлять его необузданным характером, притормозить вовремя его рискованные порывы и предупредить преждевременные, нежелательные поражения...

В последующие месяцы я старательно помогал ему сдать экзамены, защитить диплом. Он защитился с большим успехом и получил диплом профессора философии и социологии. Начался новый этап в жизни молодого профессора. Он стал обивать пороги министерства образования, то и дело доставая свой диплом с отличием. Безрезультатно. Получил право несколько часов в неделю замещать учителей в Бузэу и в других городах, но вскоре возвратился к своему, ставшему уже привычным положению безработного.

А тут открывается большая торговая ярмарка в Клуже. Требуются работники прилавка. Безработный профессор философии использовал эту возможность. Нанялся зазывалой. Он ходил вдоль торговых рядов и восхвалял зубную пасту, мыло, сапожный крем и дамское белье. Обладая поэтическим даром, философ рифмовал рекламу.

За кусок хлеба.

Но и это было ненадолго. Через несколько месяцев, перед наступлением зимы, его без предупреждения увольняют. Реклама, которой он отдал столько сил, сделала свое дело — люди приходили за товарами. А зазывала, благодаря которому выросла популярность этой ярмарки, больше не нужен был, его прогнали. Он стал жертвой собственного трудолюбия и честного отношения к делу.

...Георге Микле продолжает свое «хождение по мукам» до прихода в министерство образования известного профессора демократа Петре Андрея (его впоследствии убили легионеры). Он назначает Микле преподавателем лицея имени Емануила Годжи в Ораде. Но каково было мое удивление, когда через некоторое время встречаю снова Георге в той же изношенной одежде, как и в то время, когда он был безработным. Объяснил, в чем дело: оказывается, министр-демократ, ратовавший во всех своих писаниях за

социальную справедливость, назначил Микле преподавателем, но — трудно поверить — без жалованья в течение двух лет. «Мне не верилось, но заглянул в свод законов, все стало ясно — так было предусмотрено. Не выдержав больше голодного существования в ранге «почетного» преподавателя лица, Микле начинает переписываться с министром, напоминая тому, *что* он говорил и *что* писал по вопросам трудоустройства и обеспечения оплаты труда до того, как занял пост министра.

...Разительный контраст между жизнью тех, которые трудятся, и тех, которые эксплуатируют с такой алчностью труд других, вызывает негодование. Эти молодые люди могут ошибаться, могут идти на крайности. Но для того чтобы успокоить их, направить к разумному, к действиям, приносящим пользу всем, жандармские меры со всем известным комплексом жесточайших процедур не самое подходящее средство.

Может быть, этот рассказ о жизни Георге Микле, который живет сейчас в такой же клетке, как и я, образумит кого-то из тех, кто ответствен за нашу судьбу, даст им повод найти применение своим усилиям в другой области, рядом с нами, на пути структурных изменений нашего общества».

Георге Микле стал ближайшим соратником и другом доктора Петру Грозы, был генеральным секретарем «Фронта земледельцев», историком этой организации. Он был одним из активных работников подпольной организации Компартии Румынии по связи с «Фронтом земледельцев». За глубокое знание ленинского учения и активную пропаганду ленинизма его любовно называли сыном Ленина.

Когда Гроза думал о Микле, он часто сопоставлял его поступки с тем, что делал Октавиан Гога. Из большого круга друзей-интеллигентов, с которыми часто встречался Петру Гроза, обсуждая судьбы дальнейшего пути своего народа, Гога, казалось, должен был быть наиболее близким ему по духу, по поступкам. Гога, как и Гроза, из Трансильвании, оба они из семей священников, Гога только на три года старше Грозы, они оба образованны и энергичны, вместе участвовали в правительстве Авереску. Но Гога обладал еще и незаурядным поэтическим даром. Его полные горечи стихи о тяжелой доле крестьян, стонущих под игом помещиков, пользовались огромной популярностью среди молодежи. Но в 1918 году он совсем перестал писать стихи и занялся «чистой» политикой. В двадцать третьем году он приехал в Деву к Петру Грозе с большой группой представителей бухарестской интеллигенции. О чем только они не говорили тогда! Какие радужные картины только не рисовали! Но в

отличие от других Гога слишком долго и болезненно говорил об особой роли румын, называл соседние с Румынией страны «варварским» окружением славянских и австро-венгерских племен. Он устраивал истерики, бил себя в грудь и утверждал вполне серьезно: «Мы потомки римских цезарей, философов и поэтов, мы прямые продолжатели римской цивилизации. Мы, румыны, возродим эту цивилизацию и построим Дакию в ее древних границах. Бог нам поможет!» Гога не был возбужден рюмкой, он был трезв и серьезен, и от этого Грозе стало очень тяжело на душе.

С детских лет Петру Гроза привык к тому, что все люди должны быть равны. Тем более он был далек от мысли, что один человек может возвышаться над другим только потому, что он какой-то особой национальности.

Случившееся в Мальмезоне 13 января заставило его вспомнить снова о националистических бреднях Октавиана Гоги. В этот день всех узников вывели, чтобы перетрясти камеры. Вернувшись, Гроза нашел на кровати тоненькую брошюру с броским заголовком «România a românilor» («Румыния румынам»). Автор — Октавиан Гога. На обложке выразительная черная свастика. Когда захлопнулась дверь, Гроза принялся за чтение. Речь Тави в палате депутатов в декабре 1935 года. Тогда он полностью раскрыл себя. В брошюре были набраны жирным шрифтом его слова: «Господа мои, я румын и должен сказать вам: анализируйте социальные явления, оглянитесь вокруг, и вы убедитесь, что перед нами могучая, великая волна утверждения национального самосознания. Ее основа, господа мои, народный инстинкт — расовый, с одной стороны, религиозный — с другой. Наш народ чувствует сегодня всей душой, что он органическая сущность, имеющая глубокие корни в римской цивилизации. Эта сущность не терпит чужеродных... Румыны горды сегодня тем, что они боевая нация. Мы собрались вместе, чтобы утвердить великие истины компактного существования румынского народа с незапамятных времен на этой земле».

Через несколько страниц одно место подчеркнуто особо: «Наша естественная и единственная концепция (иной не может быть!) — тоталитарный национализм, который пронизывает все классы. Лишь тогда возобладает равновесие и устойчивость в румынском государстве, которое извне и изнутри осаждено врагами. Классовая борьба в этих обстоятельствах губительна и противоречит интересам румынского государства».

Гремит засов, открываются двери, на пороге знакомый надзиратель из трансильванских румын.

— Ну как, господин министр? Прочитали?

— Я это давно знаю, друг мой.

— А где сейчас Гога, господин министр?

— Гога? Он умер. Сразу же после того, как перестал быть премьером. Погас. Не успел он сделать чистую Румынию, друг мой... А вот это живет, и его, — Гроза показал пальцем на лежащую на кровати брошюру со свастикой, — нужно вытравлять.

Надзиратель закрыл дверь и заслонил спиной смотровое окошко.

— Вы же, господин министр, были друзьями, я принес эту книжку, думал, приятно будет...

Гроза не понимал: искренне глуп этот трансильванец или просто провокатор. И сказал:

— Румыния очищается от посторонних и нынешними последователями Гоги, как видите. Сажают и настоящих даков. Я ведь Дечебал, вы знаете? — Приблизился к нему и пожаловался шепотом; — Только вот здесь мне бороду сбрили и усы...

Надзиратель сжался и поспешно покинул камеру.

IV

Поздно ночью тюремный служащий сообщает печальную весть. Он предполагает, что Грозу переведут из Мальмезона в другое, более ужасное место. Мирона Белю уже перевели.

«Ночной гость.

...Сон отогнан. Уже полночь, а я все пишу. Один из надзирателей заходит и спрашивает полусшепотом:

— Как вы думаете, что еще может случиться?

Он рассказывает, что народ в страшной тревоге, в Черновицах раздается гул тяжелой артиллерии, на вокзалах Буковины и Бессарабии множество беженцев, а поезда не останавливаются, не берут их.

На лице этого несчастного, который всего только несколько часов назад пыжился и показывал свое «превосходство» (он один из самых строгих наших надзирателей), явная растерянность. Успокаиваю его: если у тебя чистая совесть, если при всех обстоятельствах ты был справедлив и не обижал, не бил себе подобных, если не злоупотреблял своей властью и не издевался над слабыми, у тебя не должно быть причин для беспокойства и страха.

Человек уходит, но, кажется, его не очень-то успокоила моя проповедь.

Рядом плачет ребенок. Твердые шаги по коридорам, резкие слова команд...

Самый симпатичный среди всех служителей нашей огромной клетки — это врач Александр Бард, он родился в Клуже и сейчас мобилизован для того, чтобы смотреть за здоровьем заключенных. Когда он проходит мимо моей клетки, задает один и тот же вопрос: «Как вы себя чувствуете? Чем занимаетесь?» Отвечаю тоже по шаблону: «Благодарю, очень хорошо». Но поскольку на этот раз он выразил крайнее недоумение по поводу моей жизнерадостности, думаю, что следует объяснить ему кое-что.

Прежде всего человек должен оставаться самим собой и когда хорошо ему, и когда худо. Он не должен терять головы, когда ему улыбается счастье, и не сгибаться, не падать духом, когда этот дух, капризный по природе, кажется, вот-вот покинет его. Только глубоко понимая, до чего хрупка и непостоянна наша судьба с ее бесчисленными взлетами и падениями, можно держать равновесие, не падать. Чем человек самоувереннее, тем он становится беспомощнее перед неожиданными ударами судьбы. Потому что самоуверенный, оказавшись на вершине, забывает, что оттуда можно легко свалиться в пропасть, а свалившись, не способен верить, что возможен новый подъем, и без этой веры он оказывается беспомощным. Когда я находился на самом верху, я постоянно глядел вниз и интересовался, что же делается там, на дне. Сейчас же, со дна, из мрака моей клетки, смотрю туда, в зенит, чтобы не раствориться в беспомощности.

Человеку отпущена очень короткая жизнь. У нее слишком узкие рамки. И если довольствуешься ими, то будешь жить удобно. Но удобства размягчают, сводят духовный мир человека до уровня самодовольных жирных пингвинов, дремлющих на берегах своих островов. Самодовольство полностью лишает тебя прелести ощущения высоты полета, волнений, разумного риска. Полет разумного риска придает жизни новое качественное содержание, расширяет ее изначальные рамки. «Моя жизнь здесь, — говорю я служителю, — в этой клетке, под охраной ваших надзирателей, за решеткой, — часть *того чего-то нового*, что прибавлю я к своей *предопределенной жизни*. Мое пребывание здесь — лишь следствие попытки полета, риска, который чужд пингвинам, и они о нем и не помышляют. Древняя поговорка гласит: чем существовать уткой целый год, лучше быть орлом один день. Она весьма кстати к моим рассуждениям о пингвинах и подтверждает, что я не единственный, кто думает подобным образом. Я стараюсь видеть полезное даже в самом бесспорном факте своего заточения. Другие же делают из этого целую трагедию».

Я расстанусь со своим молодым знакомым.

Может быть, эти объяснения помогут ему, неглупому парню, проникнуть в смысл моих ежедневных стереотипных ответов на его вопрос «Как вы себя чувствуете?».

«16 января

Третье воскресенье... Праздничная воскресная атмосфера проникает и сюда, это особенно чувствуется по настроению тех, кто ожидает кого-нибудь из дому... Среди посетителей встречаются ультраэлегантные дамы с причудливо завитыми, ярко крашенными волосами. На головах высокие шляпы самых неожиданных форм. Пропасть между реальностью этой тюрьмы и всем, что делается за ее стенами, больше чем кричащая — она оскорбительна. И в то же время она клеймит ничтожество тех, которые живут в таком бесстыдном контрасте с людскими страданиями».

Посещения разрешаются только по воскресеньям; приходят в основном к сидящим в Мальмезоне дельцам.

Петру Грозе свидания были строго запрещены.

V

Петру Гроза никогда не был в России, но знал о ней много из прочитанного, от вернувшихся из русского плена после первой мировой войны солдат. Много рассказывал ему о русских, о революционном Петрограде и о Ленине «красный принц» Скарлат Каллимаки.

О Советском Союзе, о борьбе большевиков за преобразование России говорили всегда с восторгом и приподнято его друзья-коммунисты. Совсем недавно, этой осенью на встрече с ними в лесу около Клужа Гроза поражался, с какой убежденностью доказывали коммунисты неизбежность краха фашизма. Они без всяких колебаний говорили о победе социализма во всех странах, с какой-то фанатичной верой предсказывали будущее человечества. Один из этих коммунистов, университетский профессор-историк, побывавший в России, сказал:

— Весь мир пойдет по пути русских. После Октября семнадцатого история делается там. — Он показал на восток. — И когда молодую республику Ленина душила контрреволюция, и когда выполнялись пятилетки, и когда шла борьба под Москвой, и под Сталинградом... И сейчас, когда они приближаются. История делается там.

Гроза гордился, что у его друзей такая глубокая убежденность. Они помогали и ему лучше узнать Россию. Но русских людей он впервые

увидел здесь, в Мальмезоне. И об одном из них стал писать при тусклом свете в своей тюремной камере.

«17 января

Каждое утро часов в пять тюрьму подымает на ноги душераздирающий крик русского заключенного. Его содержат в камере при котельной. И в этот утренний час пытаются методически, по заранее составленному графику. Парень возбужден, прикидывается дурачком, объясняет жестами, что не понимает ни слова по-румынски и другие языки тоже не знает. А потому делает все наоборот и хотя бы случайно выполнил какое-нибудь распоряжение! Стражники толкают его, измываются над ним и считают обыкновенным законченным идиотом. Русскому всего восемнадцать лет, но это уже налитый силой голубоглазый богатырь, в его гибких движениях что-то от молодого тигра. Я который день не спускаю с него глаз и угадываю его удивительнейшую способность скрывать свою истинную суть. Вот палачи силой отнимают у него одежду из плотной ткани цвета хаки и добротные русские сапоги. Парень защищается, дерется, кусается, кричит. Вчера снова его избили до полусмерти. Появился в тонком тюремном халате грязного цвета. Но это «преображение» длилось недолго. Прошло немного времени, и я смотрю — он снова весел и прогуливается в собственной одежде. Как умудрился ее вернуть — никто не знает. Немного погодя запел нежную утреннюю песню.

Направляюсь к нему.

У топки котла, где он работает сейчас вместе с другим русским пленным — сбежавшим из лагеря лейтенантом, — завязываем разговор.

Все еще спят.

Вначале парень держится по отношению ко мне замкнуто, смотрит с подозрением. Но я пытаюсь войти в доверие, разморозить его. Сначала только сдержанно отвечает на мои вопросы. Переводит разговор пленный лейтенант, довольно хорошо знающий румынский. Через несколько дней парень открывается, рассказывает о себе без моих вопросов, употребляя много румынских слов (как бы удивились наши надзиратели, убежденные, что этот парень не знает по-румынски ни единого слова!).

Его имя Василий Соколов.

Механик.

Его слова складываются в строгий логический ряд и отражают частицу великой трагедии нашего времени, когда почти каждая семья, каждый человек носит в своей душе следы невиданного доселе крушения. Молодое поколение, захваченное ураганом всеобщей войны, до конца своих дней пронесет в сердце печать разыгравшейся трагедии, последствия которой

еще не поддаются осмыслению. Но война неизбежно накладывает свой несмыслимый отпечаток на характер и дальнейшее отношение этого поколения к людям и к обществу.

Соколов, освещенный сейчас только светом вырывающихся из топки парового котла языков пламени, олицетворяет миллионы ему подобных на всем земном шаре.

Слушаю и раздумываю.

Ему восемнадцать лет.

Но удары не сломили его, а закалили.

Его воля обрела марку стали ростовского завода, где он работал до войны.

Я подозревал это, а сейчас убеждаюсь — смел и упрям до безумия. Он не желает делать ничего из того, что требуют от него издевающиеся над ним. Свою решимость в этих условиях он проявляет по-разному и очень умело.

Его схватили немцы в Ростове, чтобы вместе со многими другими отправить в Германию. Около города Бузэу он вместе со своим товарищем сломал решетку вагона и поздно ночью выпрыгнул из поезда на полном ходу. Друг пал от пуль охранников, а он, Соколов, скрылся в ночной степи. К утру на окраине румынского села перемахнул через забор и прятался целые сутки в стоге сена. Потом вышел, встретил хозяев — румынских крестьян. Те вначале испугались появления неожиданного гостя, потом позвали в дом, накормили.

— Они дали мне молока и хлеба, — говорит Соколов.

Он произносит с особой мелодичностью и благоговением это слово — «хлеба». Потому что те тридцать граммов клейкого вещества, которыми «угощали» узников немцы, не имели ничего общего с хлебом. Потом Василий попал во время облавы в руки румынских жандармов.

Его бросили в тюрьму.

И здесь он такой же смелый и непобедимый, как Стенька Разин, как живое воплощение непобедимой России.

...Стало совсем светло, наступило утро. Заключение проталкиваются к дверям умывальника. Позже, когда и я прихожу туда, Василий Соколов подмигивает мне и указывает на валяющуюся пустую коробку из-под папирос. В раскрытой коробке монета в сто лей. Василий знаком велит мне остановиться. В ту же минуту проходит надзиратель и с жадностью наклоняется за монетой. Но коробка подпрыгивает и убегает из рук. Ошарашенный надзиратель делает еще одну попытку, но результат тот же — коробка убегает. Заключение хохочут так, что сотрясается решетки, а

тюремный страж стоит остолбеневший и растерянный. Глаза вылезли из орбит от возмущения. Трюк разгадан: за ширмой другой русский держит почти невидимую ниточку, к которой привязана танцующая коробка.

Соколов знает слабости охранников и ставит капканы. На его лице ироническая улыбка.

За его высоким лбом скрывается многое.

Может быть, сама великан, Вечно изобретательная и таинственная Россия...»

VI

Привезли еще одну партию заключенных. В коридорах шум. Раздаются тупые удары деревянных башмаков о человеческие тела. Стоны, голоса надзирателей и конвойных, грубые, грязные ругательства. Гроза уже привык к этим потокам ругани и почти не обращал на них внимания, но сегодня под сводами Мальмезона прогремело новое ругательство:

— Шагай быстрее и не скаль свою пасть, Маглавит твоей теще!

Это был знакомый бас старшего надзирателя, непревзойденного мастера сквернословия.

О, Маглавит! Гроза горько засмеялся. Он сразу как-то вспомнил всю трагикомическую эпопею, связанную с этим словом.

Это была сенсация, дошедшая до самых отдаленных уголков страны: в селе Маглавит пастуху Петраке Лупу показался во плоти сам господь бог. Буржуазная пресса всех оттенков бросилась разносить это сообщение с бешеной скоростью.

И начался маглавитский психоз. Во всех церквях Румынии проводились богослужения в честь великого избранника божьего Петраке Лупу.

Спешите в Маглавит!

И сотни тысяч хромых, горбатых, слепых, нищих и просто несчастных устремились в Маглавит. Газеты, показывая эти нескончаемые шествия, рассказывали о чудесах. Возникла целая «маглавитская промышленность»: иконы, кресты, посохи, пузырьки с водой из святого источника и, конечно, книги, брошюры, цветные плакаты, календари... Дотошных корреспондентов интересовало, как выглядит сам бог. Вначале Петраке Лупу рассказывал, что это была ослепительная молния, из которой выделился старик и стал разговаривать как бог... Потом он говорил, что старик сидел на ветке вербы и очень был похож на изображение на стенах

местной церкви...

К Петраке Лупу пожаловал сам король Карол II, а патриарх Румынии выделил для него специальное место в патриаршей церкви.

Петру Гроза издевался над этим хорошо продуманным общегосударственным спектаклем, устроенным для одурачивания народа, и не замедлил публично продемонстрировать, как он относится ко всему этому.

В большом православном соборе города Сибиу шло воскресное богослужение. Гроза стоял перед алтарем и ждал, когда выйдет священник, известный проповедник маглавитского чуда.

Священник закончил рассказ о чуде. Гроза подождал, пока все успокоится, и спросил:

— А на каком языке разговаривал бог с Петраке Лупу?

Священник ответил не задумавшись:

— На румынском, разумеется.

Миряне расхохотались. Петру Гроза повернулся и вышел из церкви.

«Снова на допрос.

...Только затих разговор о проделке Василия Соколова, а комиссары сигуранцы приходят с известием, что я должен оставить эту тюрьму и предстать перед бухарестским военно-полевым судом.

— Собирайте свои вещи и следуйте за нами!

Я подчиняюсь, хотя и говорю, что в такую рань, да еще в самом начале недели было бы более подходящим распоряжение о моем освобождении.

Снова увозят меня из этого здания, похожего на большую конюшню. Машина долго блуждает по кривым улицам бухарестских предместий. Наконец добираемся до центра. Бульвар Карол и уже знакомые массивные зарешеченные ворота главного управления сигуранцы. Надо оформить документы: меня передают в распоряжение верховного полевого суда. Сюда же были переведены немного раньше все мои товарищи, арестованные вместе со мной. В холодной приемной и в соседних комнатах со стеклянными дверями копошится целый рой агентов, комиссаров, инспекторов. Это молодые, здоровые ребята, призванные следить за теми, кто «ведет подкоп под основы государства». Какая силища! Сколько полезного физического труда тратится даром! Какую огромную пользу могли бы принести эти молодые люди, совершающие сейчас волей-неволей столько подлостей!

После всестороннего изучения меня бросают в машину, и снова мчимся по кривым улицам и переулкам к верховному полемому суду. Он

размещается в двухэтажном неприветливом здании на одной из узких бухарестских улочек. То поднимаемся по лестницам на второй этаж, то спускаемся на первый для оформления переезда в эту тюрьму. Заходим в кабинет какого-то капитана, который знакомится с нашим делом (это целая библиотека) и очень строго, но сдержанно спрашивает о моем возрасте и занятии, потом интересуется, «соответствует» ли моему положению место, где меня содержали до сих пор. Понимаю, что речь идет о том, чтобы переселить меня сюда, и о том, что придется еще посидеть. Я наслышался о «прелестях» этой тюрьмы и знаю из рассказов многих, что она «ниже уровня» «моей» тюрьмы. Решаюсь просить, чтобы оставили меня в старой камере Мальмезона».

«Отпечатки пальцев»

Снова поднимаемся на второй этаж. В одной из комнат военные и гражданские служащие делают свое привычное дело. Здесь все необходимое «оборудование» для предстоящей операции: черная липкая подушка, на которую надо нажимать пальцами (сначала по очереди каждым, затем тремя, потом всеми разом), грязная тряпка и бутылка с бензином, при помощи которых один из служащих пытается смыть тушь с пальцев. При этом он старается не тратить слишком много бензина, а я прошу, чтобы протер мои пальцы еще раз, хотя понимаю, что этот позор не смоешь всем производящимся на свете бензином. Чувствую это каждой своей клеткой, меня охватывает горячая, жгучая боль. Возмущается кровь. Надежды и порывы молодости, напряженный труд и волнения целой жизни, политические схватки, вызванные велением времени и жизни нашего поколения, гордость и человеческое достоинство, присущие этому поколению, не сторонившемуся сложностей, опасностей и риска, — все накопленное в сокровищнице нашей души выброшено в эту минуту за борт. Все, чем я был, чем я жил, растворилось сейчас в процессе этой унижительной операции. Дальше уж ничего не последует...»

Просьба Грозы о возвращении в Мальмезон удовлетворена. Он поселяется снова в камере под номером 43. Узники радуются его возвращению, хотя, как замечает Гроза, они забывают, что возвращению в тюрьму не очень-то следует радоваться.

Его долго не тревожили, и он нашел способ прийти в себя, восстановить нарушенное душевное равновесие. Пытался даже вспомнить и записать в дневник смешные истории.

«...В Будапештский университет я поступил вместе со своим приятелем Руди Опряном. Жили мы с ним в одной комнате. К нам часто заходил наш земляк Георге Лушпа из села Бэтрына Хунедоарского уезда. Мы его очень уважали за превосходные знания по всем предметам. Этот крестьянский сын был первым студентом политехнического факультета, стал знаменитостью, его уважали и студенты и преподаватели. Красивый, здоровый парень, он всегда поражал своей элегантностью, великолепным высоким цилиндром, превосходными манерами, и каково было наше удивление, когда однажды увидели его оборванным, в грязных ботинках, со всклокоченной бородой и обожженной щекой. Мы перепугались и старались понять, что же с ним приключилось. Парень поспешил успокоить нас — ради экономии денег он палит бороду спичками. Мы сразу догадались о трагедии. Несколько часов он ходил из угла в угол по комнате и наконец хлопнул дверью и ушел, так и не узнав нас. Его поместили в отделение для умалишенных при будапештской тюрьме Кёбанья.

Нам было очень жалко своего товарища, и мы добились разрешения посетить больницу. Нас встретил Георге Лушпа в прежней отличной форме. Обрадовался, начал обсуждать с нами все, как было до совсем недавнего времени. Перед расставанием пожаловался:

— Видите, у меня ничего нет, я здоров, а если будут держать еще долго с этими, — он показал на двор, где прогуливались больные (один представлял себя Наполеоном, другой разговаривал с богом, чего только они не делали!), — я сойду с ума. Заберите меня отсюда. Это мне подстроили.

Мы тут же разыскали главного врача. Я говорил взволнованно, требовал освободить нашего друга. Врач посмотрел на меня с присущим знающим свое дело специалистам спокойствием и спросил с улыбкой:

— А по каким признакам вы определили, что он здоров?

— По разговору, коснувшись самых различных проблем, по нормальному, привычному обращению с нами. Ведь знаем его уж сколько времени. Мой товарищ затронул даже сложнейшие математические проблемы, и он отвечал, как всегда, с исключительной ясностью.

— А про Японию не заговорили?

Мы широко открыли глаза:

— Про Японию нет...

Главный врач посоветовал зайти в другой раз, побеседовать с нашим другом и о Японии и тогда принести ему, главному врачу, наше заявление.

Мы пришли через неделю. Снова встретились с нашим другом, и снова

беседа касалась самых разнообразных тем. Все шло как нельзя лучше. А под конец, обменявшись взглядами с Руди, я приступаю к Японии. В это время шла русско-японская война, и разговор на эту тему был весьма кстати. Я начал очень осторожно. Дойдя до Порт-Артура, я посмотрел в глаза моему несчастному другу. И с ужасом понял, в чем дело: Япония.

Все произошло молниеносно. Видя его искаженное лицо, я осмелился спросить очень робко:

— Ты что, не знаешь про Японию?

Охрипшим голосом он позвал своих товарищей по несчастью. Они, как и в прошлый раз, прогуливались «наряженные» по дорожкам больничного двора.

— Вы слышали, о чем он меня спрашивает? — закричал Георге Лушпа. — Знаю ли я Японию? А как же! Я был микадо Йокохамы! Вы знаете, как отобрали у меня трон. За мной, чтобы отвоевать его! Артиллерия, вперед!.. (Бедный парень был кадетом-артиллеристом.) Кавалерия, вперед!..»

Гроза вспоминал, что этот случай преследовал его долго, почти всю жизнь. «Каждый человек, — говорил он, — в определенное время находится во власти одной-единственной идеи, которая отсекает все остальные, и, если человек не в состоянии отстранить ее тиранию, она может подчинить себе человека, не даст ему возможности нормально заниматься другими делами. У меня был хороший друг Григоре Комша. епископ Арада. Это был замечательнейший человек, общительный, интеллигентный, очень пылкий. Беседовать с ним было истинным удовольствием. Но только до определенной темы. Однажды по пути в Бухарест мы очутились в одном купе. Длинная дорога дала возможность поговорить о многом. Беседовали, шутили, и было довольно весело. И тут он вдруг сам задевает больное место: заговорили о религиозных сектах, особенно волновали его баптисты и адвентисты. Я знал эту его слабость и понял, что дальнейшая часть пути станет истинным мучением. И чтобы избавиться от этого, неожиданно спрашиваю: «Ты знаешь Японию?» Он до того удивился, что превратился в огромный вопросительный знак. Я воспользовался этим и стал рассказывать ему про далекий случай с «Йокохамским микадо». И он в конце задал мне тот уже привычный вопрос моих собеседников на эту тему: «А что является моей Японией?» — «Баптисты», — ответил я».

Гроза рассказывал, как во время своего пребывания на посту министра

говорил про «Японию» на заседаниях Совета министров. Один из его коллег все время таскал в своем портфеле весьма своеобразную «Японию». Что бы ни обсуждалось на Совете министров, этот коллега доставал из объемистого портфеля проект будущего дворца румынской оперы. Рассказ Грозы о «Японии» вынудил его на некоторое время оставлять этот портфель дома.

«Меня поздравляли с победой, но однажды поздно ночью после заседания Совета министров тогдашний глава правительства маршал Авереску спросил, как обычно:

— Господа, осталось нам еще обсудить что-нибудь?

И тогда коллега, к удивлению всех присутствующих, обратился к премьеру не без некоторой растерянности:

— У меня есть кое-что, но не могу говорить из-за этих господ, которые со своей «Японией» изображают меня сумасшедшим.

Инициатор строительства румынской оперы замялся. Понимал, наверное, и он, что в то время анемичный бюджет страны не позволял строить что-либо серьезное. Было рискованно начинать что-либо, потому что начать начнешь, а какое правительство завершит это строительство, еще неизвестно...

Как бы там ни было, — заключает Петру Гроза этот рассказ, — но идефиксы всегда вредны. Подумайте, например, о Гитлере. Он мнит себя Наполеоном. Мы увидим результат... Самое меньшее — это тоже какой-нибудь остров Святой Елены».

Это было написано за шестнадцать месяцев до окончания второй мировой войны. А театр оперы и балета в Бухаресте получил свое новое здание при народном правительстве доктора Петру Грозы.

«24 января

...Мне передают распространяющийся на воле слух, будто я объявил голодовку. Поскольку режиму распространение подобного слуха невыгодно, ко мне допускают несколько друзей из Ардяла. Они добивались этого свидания со дня моего ареста. И им всюду отказывали. Меня полностью изолировали от внешнего мира, не разрешают свиданий с членами семьи, запрещена всякая переписка. Во время свидания разговаривать не разрешили. Яжимаю им руки, подымаю голову и выпрямляю спину, чтобы они поняли, что я не рухнул под тяжестью обрушившегося на меня креста...»

«Следую давно сделанному выводу: я не из рода мучеников. Сколько бы ни подвергал изучению свое собственное существо, вывод остается

прежним — я обыкновенный человек, во мне нет ничего сверхчеловеческого. И если проявляю стремление к изменению существующей действительности, что не лишено риска, то это исходит не от моей «сверхчеловечности», а от желания придать бытию новое содержание, превосходящее банальные, повседневные заботы о своей личной, частной жизни...

Жизнь — двусторонняя монета. Одна сторона материальная, другая — духовная. Кто не учитывает этого, теряет равновесие. Проникновение в суть нашего социального предназначения, способность координировать, сочетать наши собственные интересы с интересами подобных нам относятся к духовной стороне нашего существования. Существует какое-то святое равновесие, к которому мы должны стремиться, для того чтобы иметь право сказать, что мы жили на этой земле. Герои и мученики планеты на небосводе человечества».

«26 января

Рано утром шагаю по скользкому блестящему снегу, искрящемуся под солнечными лучами. Морозно. Ноздри слипаются. Во дворе тюрьмы нет никого, кроме одного венгра, перешедшего границу ради своей любимой и загнанного сюда по обвинению в шпионаже. Его будят очень рано и заставляют колоть дрова для кухни. Он орудует топором и пытается согреть дыханием онемевшие от мороза пальцы. Пожимаем друг другу руки, но мороз не дает останавливаться надолго, надо двигаться. Он торопится побыстрее наколоть дров, а я бегаю по тюремному двору, измеряя знакомый путь от кухни до кучи мусора, у которой даже запах замерз.

Моя сегодняшняя прогулка — внеочередная, не предусмотренная режимом. В последние дни отношение ко мне изменилось к лучшему. Что-то происходит. Могучие властелины сигуранцы, такие надменные и подозрительные до недавнего времени, сейчас, когда проходят мимо меня, подносят руку к шляпе, а некоторые даже интересуются, как я себя чувствую. Надзиратели то и дело «забывают» запирать двери моей клетки, и я пользуюсь этим, выхожу из камеры с утра пораньше, не дожидаясь разрешения. Но мучает совесть, что у меня по сравнению с моими товарищами по несчастью появилась такая привилегия.

Когда прибывает новая партия заключенных, сопровождаемая мощной охраной церберов из «секретной службы», не реагирую на приказание «все по камерам!». Я поглядываю на эту колонну. Посиневшие лица, изуродованные пытками. За что они их так?! Ведь эти люди не уголовники, не злоумышленники. За что?

Заключенные исчезают в ненасытной пасти Мальмезона, а я снова бегу из конца в конец двора по морозу, под ясным небом.

Это была самая длинная прогулка с тех пор, как я попал в эту тюрьму. Бегал непрерывно несколько часов. Поставленные наблюдать за мной солдаты в длинных овчинных тулупах сменились за это время дважды.

Чувствую, что восстановил силы, и возвращаюсь в камеру».

«27 января

Тулию Горуняну наносит мне новый визит.

Вижу его в третий раз. Начинаю изучать глубже этого человека, которого вначале воспринял с недоверием... Наш мир — соединение восточных хитростей с западным лукавством и расчетом. И здесь, даже имея за плечами опыт целой жизни, сколько ни напрягайся, очень трудно установить, кто перед тобой — враг или друг. Горуняну, конечно, не мой следователь, но как магистрат имеет право посещать тюрьмы, ему всюду открыты ворота, поэтому решил посетить меня на правах «частного» лица, сообщив предварительно об этом, разумеется, представителям «секретной службы» тюрьмы.

У меня сложилось впечатление, будто я с ним уже давно знаком, где-то с ним виделся. По-моему, так же чувствует себя и он. Однако наша беседа протекает очень напряженно, требует и от меня и от него серьезных умственных усилий. «Маршал, — говорит он, — не сомневается в том, что Гроза «большой патриот», но... остаются вещи, которые требуют уточнения, остаются довольно еще сложные процедуры».

Совершенно ясно, что Тулию Горуняну исполняет старательно и с большой преданностью свою роль в сложнейшем государственном механизме. Он не стремится направлять события или «намечать линию», а просто ограничивается выполнением тончайших функций. В то же время он выполняет эту задачу как человек, отказавшийся стать простым инструментом и потому сохранивший в своем сердце чуточку гуманизма...

Перед уходом ночной гость добавляет:

— Во всяком случае, могу сказать, что вы пользуетесь огромной популярностью. Ежедневно требуют вашего освобождения граждане и целые группы населения во всех провинциях страны... Все подчеркивают место, которое вы занимали в общественной жизни, вашу доброту, принципиальность, смелость и гостеприимство...»

И все же перспектива освобождения Грозы еще неясна. Так ему кажется.

«Вместе с тем земля все же вертится. Я сохраню веру в свою судьбу.

Ночной гость исчезает, и от его визита остается только шум задвинутого засова и закрывающегося замка.

Наступает еще одна ночь».

«28 января

Ночью, часа в три, меня будит страшный стук в центральную дверь коридора, она прямо перед моей камерой, и потому я замечаю любое движение в тюрьме. На этот раз происходит снова что-то выходящее из ряда обыкновенных тюремных событий. В коридоре гремят голоса самых жестоких палачей — Дырли и Брашовяну. Особенно старается Дырля. Его кровожадность стала легендарной, и все дрожат, как только эта бестия приходит после полуночи, чтобы увести кого-нибудь в камеру темных «допросов» черного здания на бульваре Паке Протопопеску. Он же привозит оттуда новых заключенных. Я узнаю его по тому, как он захлопывает двери своего автомобиля.

Дырля жесток, Брашовяну криклив. Они оба старается, чтобы их было слышно по всем коридорам, чтобы не давать спать ни единой душе, заточенной в этом скорбном здании. Брашовяну, высокий и резкий, шагает вдоль коридоров, останавливается перед каждой камерой, стучит каблуком в дверь и орет на сонных надзирателей: «Здесь кто у тебя сидит?.. А здесь?.. Этого выведи ко мне!.. Этого переведи!.. Что, не знаешь, кого охраняешь? Ну-ка подойди ко мне, собака!..» Только солдаты шагают в обычном ритме. Они не подчинены инспекторам и смотрят на них с полным равнодушием солдата, видевшего ужасы фронта. Наконец ночной обход заканчивается, и палачи увозят с собой группу арестованных, для того чтобы подвергнуть их новой серии пыток. Среди увезенных и Мирон Бея. Этот молодой и до недавнего времени могучий богатырь стал «фаворитом» инспекторов-палачей. Его каждую ночь увозят, а утром привозят физически сломленным, с провалившимися глазами. Все время содержат под особым присмотром и даже в умывальную приводят в сопровождении двух стражников с отомкнутыми штыками карабинов. Ему удалось шепнуть мне:

— Подвергают ужаснейшим пыткам.

Потом я узнаю посредством условных знаков тюрьмы (короткие фразы знакомых, мгновенные встречи, слова солдат во время раздачи тюремной бурды), что друзей связывают «клубком», надевают на ноги толстые войлочные чулки и бьют по подошвам, потом засовывают в трахею резиновую трубку и раздувают легкие, потом... все такое же. Сильный, крепкий Мирон Бея на днях сорвал веревки, избил четырех комиссаров и разгромил в прах комнату пыток. Но к четверем комиссарам поспешили на

помощь другие и колотили Мирона до полной потери сознания. Он лежал на полу в крови, а один из наиболее «гуманных» палачей упрекнул другого:

— Видишь, убил его. Сказал же, что эти сильные гораздо труднее переносят пытки.

Мирона Белю облили холодной водой, привели в чувство для того, чтобы сегодня увезти его снова туда же...

Начинается новый день. Нас выводят к умывальнику. Школьный инспектор Симион пытался подойти к открытому окну, чтобы набрать в легкие хоть несколько глотков свежего воздуха. И вдруг закричал:

— Выходит!

— Кто?

Возмущенный Симион орет еще громче:

— Солнце! Красное солнце!

— Ну и что? Каким же должно быть оно, солнце?

И Симион отвечает раздраженно:

— А почему не всходить ему синим!

Смотрим друг на друга — каждый по-своему понимает это — и пускаем на полную мощность воду...

Перед обедом, когда ждали сигнала на прогулку, раздался голос, повторенный затем перед каждой камерой: до новых распоряжений никто никуда не выйдет. Отменены все посещения.

Узнаем, в чем дело. Это ужесточение режима произошло потому, что у поляков, вывезенных недавно отсюда в лагерь Тыргу-Жиу, найдено оружие, которое они прятали здесь, в этой тюрьме. Дирекция тюрьмы получила выговор, инспектора — наказания, надзиратели были избиты, а нам, заключенным, ужесточили режим».

«30 января

Сегодня я встретился с Джикэ. Он заметил, что я пишу, и ему, видно, очень хочется, чтобы я его «увековечил». Такой у него характер. Я за ним наблюдаю давно... Это офицер румынской армии, участник зимней кампании в Крыму и на Кавказе, попал в плен и с того самого времени стал одним из очень многих, кого военная буря бросила в незнакомые края... Легко предвидеть, что огромная армия военнопленных принесет знания и опыт из области совсем неизвестной тем, кто остался дома... Думая обо всем этом, я изучаю этого Джикэ. Он с большой охотой рассказывает о том, насколько неожиданно гуманно обходятся с румынскими военнопленными в СССР. Как только прибывают они в тыл, в лагеря, их тщательно изучают, стараются выяснить их взгляды, их отношение к войне. Это своеобразный карантин, после которого происходит отбор и многим предоставляется

право получить теоретические и практические знания...

— У меня там прояснился мозг, — говорит он. — Было так, будто солнце не подымалось из-за горизонта, а всходило прямо из моего мозга! Что я видел там, в России, это невероятно, великолепно. Там культура, цивилизация, одним словом, свет!

Полный решимости служить делу румыно-советского сближения, Джикэ попросил, чтобы его сбросили на парашюте на территорию Румынии. Его сбрасывают в село неподалеку от города Бузэу. Он встречает там местного примаря^[51] и рассказывает ему хорошо продуманную версию, но примарь приглашает шефа жандармского поста, а тот отправляет Джикэ в Бухарест. Его версия здесь не проходит, Джикэ обвиняют в шпионаже и бросают в секретное отделение этой тюрьмы рядом со мной. Его допрашивают, изучают, но пока что не судят. Возможно, сигуранца решила воспользоваться знаниями и опытом, приобретенными Джикэ в Советском Союзе. Думая об этом, я веду разговор с большой осторожностью».

Вскоре «взбунтовавшегося дака» освобождают из Мальмезона.

Зимним вечером 1944 года железные ворота тюрьмы открываются, и Петру Гроза оказывается на воле. Поздно ночью он входит в знакомую комнату гостиницы «Атене палас». Через площадь — королевский дворец. Там темно, ни единого огонька. Дворец или пуст, или окна затемнены. Слышны только шаги солдат королевской гвардии — они охраняют этот каменный оплот румынской монархии.

В час ночи к Петру Грозе пришли узнавшие о его освобождении друзья, но задержались ненадолго — бывший узник Мальмезона должен отдыхать. Отвыкший от человеческой постели, он заснул только к утру. И ему снилось, что все люди на всех континентах, во всех странах, во всех селах и городах, под крышами всех домов, хижин и шалашей дышат и спят спокойно.

В полдень принесли пакет от Скарлата Каллимаки, он из лагеря для политзаключенных в Трыгу-Жиу прислал номер старой газеты «Колокол» с передовой — «Падение Вавилона». К газете приложена записка. «В своем падении Вавилон румынской буржуазии, — писал Каллимаки, — может погрести под развалинами многих. Вы, доктор, уцелели. Мы, узники Трыгу-Жиу, гордимся Вами. Выше голову, непокоренный дак из Девы, выше!»

Я привел на этих страницах только небольшую часть дневниковых записей Петру Грозы, сделанных им зимой 1943/44 года в тюрьме

Мальмезон. Румынские правители, чувствуя, что возмездие стучится в дверь, не осмелились казнить Грозу. В этом немаловажную роль сыграл тот факт, что в это время Красная Армия, очищая родную землю от оккупантов, приближалась к советско-румынской границе.

Петру Гроза возвратился в Деву и начал борьбу за освобождение из тюрем своих товарищей. Он делал все возможное, чтобы помочь патриотическим силам, которые во главе с коммунистической партией готовили народ к свержению ненавистной клики Антонеску.

Вавилон румынской буржуазии шел к неминуемой гибели.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РУМЫНИИ

I

Участвовать в борьбе румынских коммунистов и всех прогрессивных сил Румынии за режим демократии и справедливости было нелегко для Петру Грозы. Но богатыря из Бэчии не пугали ни духовные, ни физические страдания. Он упорно шел избранным путем.

Осенним днем 1944 года он едет в Бухарест со своим давним боевым товарищем Петре КонстантINESКУ-ЯШЬ, который снова приехал в Деву по поручению Центрального Комитета Румынской коммунистической партии. «Ты нужен в Бухаресте, время не ждет».

Совсем недавно они в париках, загримированные, с поддельными документами перебирались через Карпаты в Бухарест, чтобы принять непосредственное участие в событиях 23 августа 1944 года, о которых будет рассказано немного позднее. Но к власти тогда пришло правительство реакционного большинства, с которым Петру Грозе было не по пути. Посоветовавшись с руководителями компартии, он вернулся в Деву. Надо было вместе со всеми товарищами укрепить «Фронт земледельцев», сделать его массовой, всерумынской организацией.

Ни о чем не спрашивая старого, испытанного друга, Гроза поделился с ним хорошо продуманной программой развития крестьянской организации, ее одобрили вожаки-фронтисты и поддерживают его, Грозы, стремление и решимость сделать массовую организацию трудящихся крестьян Румынии самым близким и преданным помощником рабочего класса и партии коммунистов.

Поезд отошел от станции Дева, и впервые за многие годы Петру Гроза не обнаружил шпииков сигуранцы, всегда следовавших за ним тенью. Для сигуранцы и ее людей наступили сложные времена. Их больше волновала собственная судьба. Не следовали за Грозой и агенты национал-царанистов и либералов. Им тоже сейчас было не до него.

За несколько часов до отхода поезда Петру Гроза пригласил друга прогуляться на вершину холма к развалинам крепости. Укоренившаяся с детства привычка взглянуть на Деву и ее окрестности с крепостного холма

сохранилась и по сей день. Но сегодняшняя прогулка была особой. Грозе хотелось крикнуть с вершины, чтоб его голос услышали тысячи и тысячи павших у ее подножия героев, что на землю Зэранда, на землю, столько раз политую кровью, пришел особый час. Пришли времена, которые переменят все. Он поедет сейчас в столицу Румынии с определенным и твердым намерением. Он отдаст весь накопленный жизненный опыт, все свои знания, все силы, всю энергию на преобразование Румынии. Он знает, что никому не повернуть историю вспять.

И Георге Дожа, и Хория, Клошка и Кришан, и Аврам Янку, и герои революции 1848 года, и павшие 11 тысяч крестьян в восстаниях 1907 года не имели твердого и последовательного наставника, не имели точного компаса, по которому следовало идти. Теперь у крестьян Зэранда и всей Румынии такой наставник есть. Это рабочий класс, его коммунистическая партия. Вот вдаль хорошо видна Хунедоара, сейчас не дымят ее мартены, не слышен гул цехов. Но рабочие-металлурги Хунедоары и их товарищи из всех цехов страны стоят на страже победившего в Бухаресте национального восстания. Они закрепят свои позиции, зажгут домны и мартены, поведут поезда и оживят нефтяные скважины. И все это будет для страны, для ее расцвета. У рабочих есть испытанные руководители — коммунисты, которых почти двадцать один год держали в подполье, в тюрьмах и казематах сигуранцы. Они вышли сейчас на простор открытой политической борьбы, и первый союзник их — «Фронт земледельцев», созданный здесь, в краю Зэранда, и шагавший всегда в одной шеренге с рабочими.

Грозе хотелось собрать на этой горе всех борцов-крестьян, прошедших вместе с ним за эти годы через столько испытаний, и вместе с ними крикнуть, чтобы слышали горы, чтоб наполнились долины могучим голосом наступивших новых времен.

Обо всем этом он говорит своему другу Петре Константинеску-Яшь и спрашивает, помнит ли он, как то на лошадях, то на машине, а то пешком по горным тропинкам путешествовали они втроем — Скарлат Каллимаки, Гроза и он, профессор Константинеску-Яшь, — в то памятное время 1935 года, когда «Фронт земледельцев» подписал в Цебе у могилы Аврама Янку, под многовековым дубом Хории, соглашение о вечном союзе рабочих и крестьян Румынии. Вот там вдаль, за городом Брадом, если смотреть внимательно, видна эта Цебя. Там под древним дубом могила дяди Петру Грозы Симеона Грозы, павшего в прошлом веке в борьбе за свободу крестьян. Петру Гроза поделился вслух мыслью — крикнуть бы сейчас так, чтобы и Симеон Гроза услышал, что на земле Румынии наступают новые

времена.

Петре Константинеску-Яшь смотрел, очарованный, на седого человека, превратившегося вдруг в романтического юношу, и ему не хотелось прерывать его. Он знал, что пройдет немного времени, наступит минута успокоения, трезвого анализа — и романтический взлет сменится реалистической оценкой всех обстоятельств. Гроза, как немногие другие, умел точно оценить обстановку во всех случаях.

А сейчас еще раз он окинул взором родные места, снял шляпу и крикнул что есть мочи:

— До свидания, мои горы! До свидания, мои долины! До свидания, любимая моя река Стрей! До свидания, Муреш! До скорой встречи! — По-молодецки издал типичный для здешних мест возглас, схватил друга за руку и побежал вниз.

До отхода поезда на Бухарест оставалось тридцать минут.

И еще шла война.

И еще не все гитлеровцы были изгнаны из Румынии.

И железногвардейцы, и помещики, и капиталисты, и прислуживавшие им буржуазные партии — все еще были на местах. Но они были в шоке. Яско-Кишиневская операция Красной Армии спутала все их карты. Одни притаились, другие бушевали, третьи выжидали, и только очень ясные умы могли себе представить, что будет, когда все это успокоится, оседет. Ясно было только одно — Антонеску свергнут^[52]. А что дальше — мало кто знал.

Поезд Тимишоара — Бухарест остановился на пять минут на станции Дева. В неказистом грязном здании вокзала копошилась, гудела взбудораженная толпа.

Петру Гроза попрощался с семьей, с товарищами. Выпущенный после 23 августа из Мальмезона Мирон Бея был грустен. Ромулус Зарони пошутил:

— Не грусти, тата^[53] уезжает ненадолго.

Действительно, они привыкли считать Грозу своим духовным отцом. За эти годы они научились делить с ним и радость и горе. Горя было всегда больше. А что же их ожидает сейчас?

Утром они собрались у Грозы, не опасаясь жандармов. Гроза подробно говорил о задачах организации. О том, что нужно срочно, не дожидаясь, пока в Бухаресте прояснится положение, дать всем местным организациям точное направление: всеми силами поддерживать действия представителей компартии, рабочих. Нужно, как выразился Гроза, провести

«инвентаризацию» всех фронтистов, собрать по пласам актив, вселить в него уверенность, что в ближайшее время произойдут перемены, о которых мечтали и за которые боролись столько лет. Он, Гроза, убежден, что скоро будет роздана крестьянам помещичья земля. Скоро!

— Берегитесь, берегитесь там... Извините за такое предупреждение, но берегитесь, — просит Мирон Беля. — Вы нам сейчас нужны как никогда.

— Не беспокойтесь, — отвечает за Грозу Петре Константинеску-Яшь, — все будет хорошо.

Гроза смеется и показывает кулаки:

— Не бойтесь, они у меня еще крепкие!

— По вагонам! По вагонам! Приглашаем в вагоны! — все настойчивее звали проводники.

Засвистел паровоз, и поезд тронулся.

Сколько раз приходилось Петру Грозе выезжать из Девы поездом, куда только не увозил его отсюда этот поезд! И всегда при этом овладевала им грусть, всегда он сожалел, что снова уезжает, оставляет своих. Сейчас его влекла вперед неизвестность. Он меньше чем когда-либо знал, чем придется заниматься в столице, что его там ждет. И это чувство неведомого звало именно туда, в Бухарест.

Поезд останавливался чуть ли не на каждом полустанке. На некоторых станциях стоял долго, пропуская военные эшелоны. В Сигишоаре Гроза впервые увидел советских солдат. Молодых парней Страны Советов. Таких богатырей, как Василий Соколов, с которым он сидел в Мальмезоне.

Гроза неожиданно засмеялся и заговорил громко:

— А наши имбечилы^[54] надеялись победить этих ребят! «Приказываю перейти Прут!» Имбечилы! Вы посмотрите, на что они надеялись! Только посмотрите! — Гроза протянул своему другу аккуратно сложенную газету «Универсул». — Я захватил ее, — сказал Гроза, складывая снова газету, — может быть, встречу в Бухаресте составителей этой карты, спрошу, как они на это смотрят сейчас...

Петру Константинеску-Яшь осторожно развернул потертую на сгибах газету. Узнал знакомую карту. На внутренних страницах в полный разворот обнаружилось размещение по всему земному шару «великой румынской нации». В центре плотной краской обозначался массив, начинавшийся почти у Вены и ползущий далеко на восток, до самого впадения Днепра в Черное море. А дальше — пятна поменьше, точки по обоим полушариям. «Это тебе, румынский солдат, предстоит завоевывать!» — повелевали жирно набранные слова.

Поезд остановился в Плоешти.

Разрушенный недавними бомбежками вокзал, дымящиеся развалины домов, окутанные черным дымом нефтеперерабатывающие заводы и нефтепромыслы... Это поработала американская авиация, чтобы не дать Красной Армии захватить крупнейший нефтяной район, всю войну снабжавший бензином и горючим немецкую армию.

Гроза и КонстантINESКУ-Яшь вышли из вагона. Рядом на путях стоял воинский эшелон, на открытых платформах у нацеленных в небо зениток — молодые красноармейцы.

— Здравствуйте, ребята! — поздоровался КонстантINESКУ-Яшь по-русски. — Далеко путь держите?

— На Берлин, папаша, на Берлин! — ответили ему несколько голосов. Один красноармеец, выдавший виды боец с несколькими наградами на груди, посмотрел на этих двух гражданских в шляпах и галстуках и не без подозрения полюбопытствовал:

— А вы, господин папаша, откуда по-русски знаете?

— Научился, молодой человек, в тюрьмах этого королевства...

II

Для того чтобы читателю было легче проникнуть в суть происходящих в Румынии событий, понять смысл поступков и действий доктора Петру Грозы в это время, остановим взгляд на некоторых сторонах внутривосточного и международного положения этой страны перед крутым августовским поворотом 1944 года. Эта задача облегчается до некоторой степени тем, что в последнее время опубликован ряд работ советских и румынских авторов, восстанавливающих картину тех дней. Много фактического материала помещено в недавней публикации Академии Социалистической Республики Румынии и Академик общественных и политических наук под общим наблюдением Мирона КонстантINESКУ и Давида Продана. Эти материалы помогают нам ответить на вопросы: что вынудило правительство Антонеску и самого короля Михая идти на освобождение Петру Грозы, несмотря на то, что он отрицал своего прямого участия в «антиправительственных акциях», что он вел себя в тюрьме Мальмезон дерзко и не склонил головы? Что вынудило короля Михая Гогенцоллерна, шедшего рука об руку с гитлеровским приспешником Ионом Антонеску, посещавшего не раз на позициях

«доблестные румынские войска», прославлявшего в обращениях к нации взятие советской Одессы и советского Крыма и многие другие «победы» румынских войск на фронте, все же примкнуть к спланиваемым Коммунистической партией Румынии патриотическим силам и не препятствовать свержению правительства Антонеску?

Шел тысяча девятый день Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков. После двадцатидневного непрерывного наступления войска 2-го Украинского фронта под руководством Малиновского 26 марта 1944 года вышли на государственную границу СССР с Румынией — реку Прут. Военные действия переносились на территорию Румынии. Еще задолго до этого, предвидя неизбежность поражения гитлеровской Германии под ударами советских войск, некоторые представители правящих кругов Румынии стали искать пути сближения с англичанами и американцами. Если по вопросам ведения внутригосударственных дел, играя в демократию, лидеры «исторических партий» Манну и Брэтиану только делали вид, что находятся в оппозиции к диктатору Антонеску, то к замене немецко-фашистского хозяина английским и американским они относились вполне определенно. Они надеялись, что американцы и англичане достигнут Румынии гораздо раньше Красной Армии, и явно готовились к их встрече. Однако выход наших войск к Пруту был очевидной реальностью.

В апреле 1944 года Советское правительство заявило, что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением противника, и указало, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего строя этой страны.

Победы Красной Армии придавали уверенность патриотическим силам Румынии, сплоченным румынскими коммунистами. Образованный еще в 1943 году патриотический антигитлеровский фронт (за участие в создании которого и был арестован и посажен в Мальмезон доктор Петру Гроза) обретал новые силы после присоединения к нему «Фронта земледельцев», «Союза патриотов», социалистической крестьянской партии и МАДОСа. В конце апреля 1944 года под руководством компартии был создан Единый рабочий фронт, который поставил своей целью свержение фашистской диктатуры. 1 мая 1944 года был обнародован боевой манифест Единого рабочего фронта: «Ко всему рабочему классу! К румынскому народу! В день 1 Мая, в день борьбы и надежд, организованные, объединившиеся рабочие, от коммунистов до социал-демократов, призывают весь рабочий класс, всех организованных и

неорганизованных рабочих, весь румынский народ, все классы и социальные слои, все партии и организации, независимо от политической окраски, религиозных убеждений и социальной принадлежности к решительной борьбе за:

немедленный мир;

свержение правительства Антонеску. Формирование национального правительства из представителей всех антигитлеровских сил;

изгнание гитлеровских армий из страны, саботаж и разрушение германской военной машины.

Пробил час выбора, — указывалось в манифесте, — между полным разгромом и миром, демократическими свободами, восстановлением страны... Путь спасения от национальной катастрофы — единство всех партий, организаций и патриотов в народном патриотическом антигитлеровском фронте и создание Национального комитета борьбы за спасение родины, призванного мобилизовать и объединить все силы страны без различия классово́й, партийной или религиозной принадлежности».

Многие приближенные короля понимали необходимость решительного отмежевания монархии от Иона Антонеску. «Без этого, — признавался один из них, — румынский народ, естественно, будет склонен обращать свои взоры к новым формам политической и социальной организации. Кто может вообразить, что монархия, доказавшая свою солидарность с делом Германии, выживет?»

Усиление деятельности Румынской компартии по мобилизации народа на антифашистские выступления находит все больший отклик в стране. Главное управление румынской полиции приходит к заключению, что коммунисты проводят свою подрывную работу в первую очередь среди рабочих, сельских жителей и беженцев, побуждая их к отказу идти на фронт, к вступлению в боевые патриотические группы и партизанские отряды, к организации актов саботажа в военной промышленности и на железных дорогах. И полиция делает неутешительный для себя вывод: «Все большую почву в массах находит антигерманская пропаганда и пропаганда в пользу мира, ведущаяся КПП через патриотический фронт».

6 мая 1944 года взбешенный Антонеску собирает экстренное заседание правительства и вне себя от гнева угрожает: «Я прикажу отправить всех бездельников на фронт... Я отдам приказ о мобилизации всей нации! Мы теперь переживаем тотальную войну, и как солдаты умирают на фронте, пусть умирают также и в тылу, исполняя свой долг». (Разрядка моя. — Ф. В.)

Даже из этого высказывания «руководителя нации» видно, что на берегах Дуная у берлинского фюрера был достойный ученик. Но дела растерявшегося ученика были плохи. Патриотические силы борются все упорнее. Они распространяют листовки, издают подпольные газеты, призывают народ проявить бесстрашие перед угрозами диктатора. «Антонеску, — писала банатская нелегальная газета, — выполняет отчаянные приказы, полученные от Гитлера, он погубил наши дивизии и потерял наше вооружение под Сталинградом, у излучины Дона, на Кубани. Он не внял предупреждениям высших офицеров, которые, видя, что война проиграна, требовали возвращения армии в страну, и таким образом позволил изолировать и уничтожить остатки дивизий на Украине и в Крыму. Но всего этого ему было мало. Теперь, когда весь немецкий фронт дезорганизован и находится в беспорядке, когда немецкие солдаты бегут, бросая снаряжение, когда раненых пристреливают немецкие офицеры, так как они задерживают отступление, когда немцы борются лишь за спасение своей шкуры, сумасшедший преступник приказывает нам бороться до последнего. Он хочет таким образом ценой румынских дивизий продлить агонию немцев».

В разных концах страны появляются призывы не подчиняться приказам Антонеску, уходить с оружием в партизанские отряды, переходить «на сторону русских и бороться рядом с ними против немецких захватчиков».

В первые дни мая начались налеты английской и американской авиации на Бухарест, Крайову, Турну-Северин, Брашов, Питешть и на нефтеносные районы долины Праховы. В тяжелейшее для Красной Армии время, когда войска Гитлера и Антонеску находились под Сталинградом, союзническая авиация не была в состоянии долететь до Румынии. Зато она долетела сейчас. Столица Румынии, которая еще в декабре сорок третьего, по словам Петру Грозы, «бесилась от хорошей жизни и изобилия», впервые за всю войну почувствовала запах пороха. Начиная с 22 июня 1941 года война отдалялась от румынских границ на восток, ее ужасы и стоны доносились сюда «нежным шуршанием натурального шелка» (П. Гроза). Сейчас правительство Антонеску констатирует, что только в первые дни мая Бухарест покинули 500 тысяч жителей — больше половины. В городе не хватало убежищ, исчезло продовольствие, начался хаос.

12 мая правительства СССР, США и Англии обращаются к правительству Румынии и к правительствам других союзных с Гитлером государств с серьезным предупреждением: если они немедленно не выйдут из гитлеровской войны, их ожидают точно такие же последствия и они

подвергнутся точно такому же обращению, как и гитлеровская Германия, «насколько дольше они будут продолжать сотрудничество с Германией, настолько суровее будут последствия». Народы этих стран призывались бороться за немедленное заключение сепаратного мира с антигитлеровскими державами и способствовать своим выходом из войны быстрейшему окончанию военных действий в Европе, а тем самым уменьшению количества собственных жертв.

Национал-царанистская партия под руководством Юлиу Маниу и национал-либеральная партия под руководством Дину Брэтиану, как известно, не раз отвергали предложения о сотрудничестве с коммунистами и с «Фронтом земледельцев». Они предали еще в самом начале идею Единого антифашистского фронта, не хотели видеть фашистской опасности. Сейчас, весной сорок четвертого, когда надвигалось окончательное поражение гитлеровской армии и крах фашистской диктатуры, они поняли, что складывается новое соотношение сил, и соглашение с коммунистами сможет помочь им удержаться на поверхности. Они заявили, что будут сотрудничать с коммунистами и социалистами. «Историки» отвергли предложение коммунистов о привлечении к сотрудничеству «Фронта земледельцев», МАДОСа и «Союза патриотов». Как мы увидим в дальнейшем, они боялись Петру Грозы. Коммунисты оставили за собой право полной самостоятельности действий и союза с теми организациями, с которыми они посчитают полезным. Связи руководства КПП с Петру Грозой и с другими руководителями «Фронта земледельцев» укреплялись как в центре, так и па местах.

Таким образом. Коммунистическая партия Румынии стала единственной политической силой, имевшей реальные связи со всеми нефашистскими группами, организациями и партиями Румынии. В дальнейшем все действия коммунистической партии по подготовке августовских событий 1944 года велись от имени национально-демократического блока.

Антонеску и его клика ужесточили цензуру, сам Антонеску требовал от своих дипломатов не допускать непродуманных заявлений и действий.

И если Антонеску действовал грубо, «не сворачивая ни на шаг с исторических магистралей фюрера», как он неоднократно подчеркивал, то дворцовые круги, среди которых находились опытные военные и дипломаты, давно уже поняли, что чудовищная упряжка Гитлера — Антонеску катится под ударами Красной Армии к своему бесславному концу. Проведшая всю войну в безмятежной роскоши дворцовая камарилья не желает оказаться под колесами «квадриги большевистской Ники». И она

предпринимает серьезные попытки к своему спасению.

23 мая 1944 года генерал Сэнэтеску, управляющий военными делами двора, с согласия короля встретился с командующим V территориальным корпусом в долине Праховы генералом К. Василиу Рэшкану и начальником штаба военного командования Бухареста полковником Д. Дэмэчану. Сэнэтеску поставил их в известность о переговорах, ведущихся между КПР и другими оппозиционными партиями, и о соглашении, достигнутом между дворцовыми кругами и КПР, — подготовить свержение режима Антонеску и выход Румынии из гитлеровской войны. Первый контакт между дворцовыми кругами и представителями коммунистической партии был установлен в августе 1943 года, когда Лукрециу Пэтрэшкану по заданию партии удалось встретиться с генералом Сэнэтеску. В мае 1944 года представители КПР Л. Пэтрэшкану и Э. Боднэраш приняли участие в узком совещании во дворце, на котором присутствовал король. Пэтрэшкану и Боднэраш отстаивали линию компартии, направленную на мобилизацию всего народа и армии на восстание против военнофашистской диктатуры и союза с гитлеровской Германией. Не имея другого выхода, король, чтобы отмежеваться от Антонеску, спасти трон и самого себя, объявил о своем согласии с предложенной КПР акцией по устранению военнофашистской диктатуры и разрыву с фашистской Германией. Было установлено, что Ион Антонеску будет арестован.

Небезынтересно отметить, что даже тогда, когда с необходимостью отстранения клики Антонеску согласился сам король, «историки» продолжали вести ту же двойственную игру.

В феврале 1944 года Юлиу Маниу с согласия Дину Брэтиану послал Барбу Штирбея за границу для переговоров об условиях мирного соглашения, за достижение которого должны были бороться обе буржуазные партии. На первой встрече с представителями СССР, США и Англии 17 марта 1944 года Барбу Штирбей заявил, что Антонеску и оппозиционные партии понимают необходимость скорейшего вывода Румынии из войны, подчеркнув, таким образом, что он представляет румынские правящие круги в целом, а не только Маниу и Брэтиану. Этот эмиссар, как писала в то время газета «Нью-Йорк тайме», хочет «убедить союзников вывести Румынию из войны путем англо-американской оккупации».

Советское правительство разгадало маневр буржуазно-помещичьих кругов Румынии и не возлагало больших надежд на успех начавшихся в Каире переговоров.

12 апреля 1944 года Штирбей получил советские условия перемирия

из шести пунктов, предварительно согласованные с правительствами Англии и Соединенных Штатов Америки.

Вот они:

«1) Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Красной Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии. 2) Восстановление советско-румынской границы по договору 1940 года. 3) Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории. 4) Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных. 5) Обеспечение возможности советским войскам, так же как и другим союзным войскам, свободно продвигаться по румынской территории в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, причем румынское правительство должно оказать этому всемерное содействие своими средствами сообщения как по суше и воде, так и в воздухе. 6) Согласие Советского правительства на аннулирование венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле освобождения Трансильвании».

Авторы книги «Из хроники исторических дней» на основе изученных ими данных пишут, что «Маниу, с которым Штирбей держал связь по радио, оттягивал взятие на себя конкретного обязательства, касающегося немедленного выхода Румынии из антисоветской войны, ставя в качестве предварительного условия присылку в страну англо-американских воздушных десантных частей, видя в них неременную гарантию сохранения власти в руках буржуазии».

Маниу и в последующей переписке с союзниками вновь подчеркивал, что присутствие англо-американских войск в Румынии — условие любого действия, преследующего вывод страны из гитлеровской войны.

Переговоры в Каире становились бессмысленными, и 1 июня 1944 года представители трех великих держав приняли следующий текст заявления: «Ввиду положения, создавшегося с последними телеграммами Маниу, представители трех держав считают необходимым заявить румынским делегатам, что дальнейшие переговоры бесполезны и они считают их законченными».

Ион Антонеску и его правительство продолжали мобилизовать «все силы нации» для сопротивления наступающим советским частям, для сооружения долговременных укреплений линий обороны. Но в центре внимания правительства продолжает оставаться проблема наступившего в стране хаоса и дезорганизация государственного аппарата. На заседании

Совета министров 21 июня Антонеску отмечает, что толпы беженцев кочуют по стране, переходят на север Трансильвании, возвращаются назад, переходят в Болгарию, занимаются воровством и распространяют сыпной тиф. В то же время немецкие военные колонны, входящие в страну и выходящие из нее без всякого контроля, занимаются грабежом и контрабандой. Германская этническая группа, считающая себя государством в государстве, не подчиняется законам страны, вооружается, управляется непосредственно из Германии и готовится к оккупации страны. Антонеску, подводя итоги своей очередной инспекторской поездки в тыл фронта (он очень любил пышные инспекторские поездки по стране), из которой только что вернулся, заявляет своим министрам: «Еду я в какое-то место — и мне там должностные лица говорят одно, приезжаю в центр, в Бухарест, — мне говорят совершенно обратное». Многозначительно звучат заключительные слова этого напыщенного диктатора: «Я видел, как страна ускользает из моих рук и как с каждым моментом назревает катастрофа».

Вскоре Антонеску был вызван в Берлин к Гитлеру. Румынский диктатор заверил фюрера, что останется до конца на стороне Германии.

А в это время советский Генеральный штаб разрабатывал в деталях Яско-Кишиневскую операцию.

Командующие 2-м и 3-м Украинскими фронтами Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин получили задание подготовить эту операцию еще в мае. 31 июля 1944 года было проведено специальное совещание в Ставке Верховного Главного Командования и рассмотрены вопросы подготовки наших войск к Яско-Кишиневской операции. Как свидетельствует автор книги «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С. М. Штеменко, на это совещание были приглашены маршал С. К. Тимошенко, являвшийся представителем Ставки на 2-м и 3-м Украинских фронтах, командующие этими фронтами, члены Военных советов И. З. Сусайков и А. С. Желтов.

В ходе совещания учитывалось особое значение предстоящей Яско-Кишиневской операции для последующего развития военно-политических событий в Румынии. Советским войскам предстояло одним мощным ударом ликвидировать главные силы войск противника и тем самым решительно подорвать вооруженный оплот фашистской диктатуры в Румынии.

В это же время эмиссары правительства Антонеску не без ведома короля и дворцовых кругов установили связь с американским консулом в Стамбуле. От имени румынского правительства они предложили англичанам и американцам любые концессии в нефтяной, горной, лесной

или другой промышленности, если они возьмут на себя возмещение убытков, требуемых с Румынии Советским Союзом, и если союзники смогут послать самолеты, парашютные войска и морские силы через Черное море. Антонеску до прихода английских и американских войск, в которых он видел средство сохранения старых порядков и своего собственного положения, был полон решимости сделать все возможное для продолжения военных операций против СССР.

Но в самой Румынии, по признанию одного немецкого разведывательного органа, «внутренняя политическая эволюция за последние недели ясно показывает переход всей оппозиции влево, а руководство этой оппозицией перешло в руки коммунистической партии».

10 августа газета «Румыния либерэ» пишет, что группы оппозиции поняли, что настал момент действий, и, если этот момент пройдет, он будет потерян навсегда. «Пусть солдаты поворачивают оружие, рабочие саботируют производство, железнодорожники мешают перевозкам для гитлеровцев, государственные служащие останавливают административную машину».

Публикуется общее заявление Национально-демократического блока, в котором определены первоочередные задачи: безотлагательное заключение перемирия с Объединенными Нациями, выход Румынии из оси, ее освобождение от гитлеровской оккупации, восстановление своей национальной независимости и суверенитета путем борьбы совместно с Объединенными Нациями, устранение фашистского правительства, замена его демократическим конституционным режимом.

«Нужно смотреть на вещи прямо, по-мужски, — подчеркивалось в заявлении, — и нужно понять, что Румыния погибнет, если не перейдет уже сегодня на сторону союзников. Этого требует ее патриотическое прошлое. Этого требует самое элементарное чувство национального самосохранения».

Несмотря на складывающуюся военно-политическую обстановку и на усиливающиеся требования со стороны представителей различных кругов прекратить преступную войну и заключить перемирие, Антонеску до последнего момента высказывался за продолжение военных операций против Советского Союза.

Но приближался час возмездия.

Утром 20 августа 1944 года мощной артиллерийской подготовкой началось грандиозное наступление советских войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, Дунайской военной флотилии, судов Черноморского флота. С учетом тыловых частей общий личный состав наступавших фронтов

составлял 1250 тысяч человек. Нашим войскам противостояла фашистская группировка армий «Южная Украина», которая на 20 августа насчитывала 25 немецких и 22 румынские дивизии, а также 5 румынских пехотных бригад.

Какой силой надо было обладать, чтобы сокрушить все это в течение трех суток!

И тут, чтобы спасти институт монархии, король Михай I счел жизненно необходимым открыто отмежеваться от военнофашистской диктатуры в момент, когда полное поражение на фронте стало неминуемым.

Таковы были обстоятельства, заставившие дворцовые круги пойти на сотрудничество с КПр и принять ее план проведения антифашистского восстания, предусматривавший арест фашистского правительства. Таковы были благоприятные условия, способствовавшие успеху акции 23 августа 1944 года.

Ион Антонеску и его заместитель Михай Антонеску во время аудиенции у короля были арестованы и препровождены в бронированную белую комнату — специальный королевский сейф для хранения дорогих коллекций марок. Там они просидели, пока не были переданы боевому отряду компартии и вывезены на конспиративную квартиру в предместье Ватра Луминоасэ. Это был конечный результат безумного повеления: «Приказываю перейти Прут!» Но пока что финал этот касался только Антонеску и его клики.

На арену открытой, легальной политической борьбы вышли рабочий класс страны и его боевой авангард — Коммунистическая партия, закаленная в боях, прошедшая тюремные застенки и лагеря, тяжелую и суровую школу многолетнего подполья. И первым союзником коммунистов стала массовая организация трудящихся крестьян страны — «Фронт земледельцев».

27 августа 1944 года Советское правительство опубликовало справку об условиях перемирия с Румынией, которые были предложены еще в апреле того же года. 31 августа газета «Известия» сообщила о прибытии в Москву румынской правительственной делегации для ведения переговоров и подписания перемирия. 12 сентября это Соглашение было подписано. Наша страна, подписывая перемирие, руководствовалась не чувством мести к стране, воевавшей против нас 1149 дней, а стремлением помочь румынскому народу, попавшему в беду, избавиться от фашистского ига и восстановить свою независимость.

Вернувшись из Москвы после подписания перемирия, представитель

Коммунистической партии Румынии Лукрециу Пэтрэшкану сделал следующее заявление для печати:

«Румынский народ должен знать правду. Полную правду. Румыния проиграла войну. Войну, начатую против жизненных интересов румынского народа. Румынские армии дошли до Кавказа и Сталинграда. Они оккупировали Крым и Транспистрию. Антонеску и его режим приобщили румынский народ к гитлеровскому разбою. В Бессарабию, Транснистрию, от Одессы до Нальчика и калмыцких степей наша армия была послана преступными правителями, чтобы убивать сотни тысяч ни в чем не повинных людей безо всякой военной необходимости. Этому не может быть никакого оправдания. Банды разбойников, люди Антонеску, подвергали грабежу и насилию целые края, демонтировали заводы, забирали тракторы и трамваи, увозили скот, мародерствовали, уничтожали лаборатории, раздевали убитых. И все это именем румынского народа. Когда мы приехали в Москву, ужасы войны еще были живы в сердцах и душах каждого советского гражданина».

Соглашение о перемирии с Румынией констатировало, что Румыния с 4 часов утра 24 августа 1944 года полностью прекратила военные действия против Советского Союза и на всех участках фронта вышла из войны против Объединенных Наций, порвала отношения с Германией и ее сателлитами, вступила в войну на стороне союзных держав и будет вести ее против Германии и Венгрии, чтобы восстановить свою независимость и суверенитет, выставив для этой цели не менее 12 пехотных дивизий. Военные действия румынских вооруженных сил, включая военно-морской и воздушный флоты, против Германии и Венгрии будут вестись под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования. Соглашением восстанавливалась государственная граница между СССР и Румынией, определенная советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 года. Северная Трансильвания была возвращена Румынии.

Подписанный в Москве документ обращал особое внимание на необходимость демократизации политической жизни в Румынии. Предусматривались немедленное освобождение всех лиц, находившихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций, отмена дискриминационного расистского законодательства (введенного во времена правления Октавиана Гоги) и вытекающих из него ограничений.

В статье 15-й Соглашения особо подчеркивалось, что *«румынское правительство обязуется немедленно распустить находящиеся на румынской территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации,*

ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности Советском у Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций».

Ущерб, причиненный Советскому Союзу в результате военных действий Румынии, достиг, по румынским данным, 1,5 миллиарда долларов. Однако экономические статьи Соглашения говорят о великодушии Советского Союза. «Убытки, причиненные Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории, — отмечалось в документе, — будут возмещены Советскому Союзу, причем, принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее против Германии и Венгрии, стороны улаиваются о том, что возмещение указанных убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 миллионов американских долларов с погашением в течение шести лет товарами (нефтепродукты, зерно, лесоматериалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. п.)».

Для контроля за выполнением Соглашения о перемирии учреждалась Союзная контрольная комиссия в составе представителей СССР, Англии и Соединенных Штатов Америки, которая работала под руководством Советского Главнокомандования, действовавшего от имени трех союзных держав. Румынское правительство и его органы были обязаны выполнять все указания этой комиссии, вытекавшие из Соглашения о перемирии.

Гуманный характер этого Соглашения широко комментировался в румынской и международной печати, в выступлениях государственных деятелей различных стран.

В своем выступлении в палате общин в сентябре 1944 года Уинстон Черчилль указал на умеренность советских условий. Американский журнал «Тайм» писал, что «мир считает условия перемирия великодушными», а «Йоркшир пост» отмечала, что «румынский народ не может жаловаться на тяжесть условий перемирия. В этих условиях нет никаких элементов мстительности».

Руководитель румынских коммунистов Георге Георгиу-Деж подчеркивал, что великодушные советские условия перемирия создают предпосылки для будущего сотрудничества и вечной дружбы между румынским и советским народами.

Руководители «исторических партий» и неразбитые фашистские организации ополчились против подписавших перемирие. Антисоветские голоса раздавались и на состоявшемся 16 сентября чрезвычайном заседании румынского правительства. После одного из ура-патриотических

выступлений на этом заседании Юлиу Маниу представитель компартии обратил внимание правительства «на опасность для страны ведения антисоветской политики». Утвердив результаты перемирия, правительство Сэнэтеску и последующие реакционные правительства Румынии намеренно саботировали Соглашение о перемирии, чем неоднократно вызывали протесты Союзной контрольной комиссии.

Добросовестное выполнение Соглашения и искреннее румыно-советское сотрудничество начнутся только после 6 марта 1945 года, когда к власти придет правительство во главе с доктором Петру Грозой.

III

В сентябре 1944 года Петру Гроза нашел Бухарест оживленным и в то же время растерянным. Он намного отличался от того, каким был в декабре прошлого года. От налетов американских и английских бомбардировщиков пострадали промышленные районы, бомбили столицу и гитлеровские авиационные части. Были разрушены магазины и рестораны на Каля Виктории, национальный театр, жилые районы. Сильно пострадало здание Атенеума.

Администрация гостиницы «Атене палас» предложила гостю из Девы номер на третьем этаже. Окна комнаты выходили к разрушенному Атенеуму, и Гроза, когда подходил к окну, вздрагивал от мрачного зрелища.

Каждое утро, прежде чем направиться к дому номер 9 по улице Генерала Анджелеску, где разместился Центральный Комитет «Фронта земледельцев», Гроза совершал свою привычную прогулку. Он шел по широким бухарестским бульварам до моста Бэняса, мимо живописной деревни «Музей села», всякий раз останавливался перед знаменитой виллой с колокольчиками доктора Миновича, организатора столичной «Скорой помощи». В свое время он пользовался огромной известностью как «отец» бухарестских беспризорников и всезнающий лекарь, к нему спешили люди со всех концов страны. За короткое время Минович накопил немалое богатство и стал собирать образцы народного творчества всех исторических провинций Румынии. Построил большой каменный дом в народном стиле, окружил его узорчатой каменной стеной. Над домом — башенка с шестью миниатюрными колоннами, где под островерхим шатром висят почти незаметные снизу колокольчики. Раздается нежная мелодия, напоминающая звон колокольчиков во время рождественских походов детей со звездой и песнями. Чтобы колокольчики звенели, доктор

Минович сам привязал к их языкам белые гусиные перья. Невидимые глаза, они шевелятся от малейшего дуновения ветра, и тогда их звон доносится будто из таинственного поднебесья.

Петру Гроза любил передохнуть на большой каменной скамье перед домом и послушать переливчатый говор этих колокольчиков. Во время одной из прогулок, посидев немного у виллы доктора Миновича, Петру Гроза пошел на другую сторону бульвара, к Триумфальной арке, возведенной у начала шоссе Киселева при короле Фердинанде I. На белокаменной арке вырезаны названия городов и местностей, принесших славу румынскому оружию во время первой мировой войны. А во время этой войны по приказу Михая и Антонеску были вырезаны слова «Одесса», «Симферополь», «Николаев», «Херсон». Сейчас четверо рабочих ставили у арки леса. Гроза подошел к ним.

— Доброе утро, братья!

— Пусть добрым будет твое сердце, господин.

— Что собираетесь делать?

— Да вот менять...

— Арку? — удивился Гроза.

— Да нет... камни... Вот эти, с новыми словами... Поторопились, а сейчас мучайся...

Рабочие снимали с Триумфальной арки пятна национального позора. А кто сотрет эти пятна с истории румынского народа, с совести Румынии? И сколько для этого потребуется времени?

Гроза пошел дальше по шоссе Киселева, мимо роскошных особняков румынской буржуазии. Тихие особняки: хозяева притаились в ожидании — кто дома сидит, а кто в имениях хозяйничает...

Неподалеку от Триумфальной арки дом бывшего министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску. Это один из руководителей румынской дипломатии между двумя мировыми войнами. Он понимал, что улучшение отношений с Советским Союзом — жизненная необходимость для страны. Послушались бы его, пошли бы Маниу и Брэтиану на создание единого фронта против фашизма, к чему призывала компартия, не надо было бы сейчас ставить леса у Триумфальной арки. Так нет! Грозе вспомнилось, как он во время пребывания на посту министра в правительстве Авереску еще в 1920 году говорил, что нельзя пренебрегать существованием молодой Советской Республики, что нужно начать с этой страной переговоры, нужно наладить экономические и торговые связи с восточным соседом. Октавиан Гога высокопарно заявил тогда, что Гроза хочет большевизировать Румынию. Авереску обнял Гогу в благодарность

за-такие «патриотические» слова. Но Гроза не сдавался. После сообщения в газетах о подписании Рапалльских соглашений Гроза снова поставил перед правительством вопрос о необходимости нормализации отношений с Россией. «Надо уметь жить хорошо и в мире со своими соседями прежде всего, что я вам из своего опыта хозяина говорю».

Обычно Петру Гроза ходил очень быстро, но, когда начинал думать, шаг сам собой становился медленным. Он шел сейчас неторопливо и вспоминал, с какой радостью встретил тогда, в июне 1934 года, весть о том, что дипломатические отношения с СССР восстановлены. Как неудержимо росло общество «Друзья СССР»! Какими восторженными словами встречала прогрессивная пресса первых представителей Советского государства в Бухаресте! Он как сейчас видит большой заголовок газеты «Пролетарул», выпущенной по случаю приезда в Бухарест первого советского посла: «Добро пожаловать, товарищ Островский. Да здравствует румыно-советская дружба! Да здравствует социализм!» А какие статьи писал тогда в своем «Колоколе» «красный принц»! Сколько радости было среди фронтистов!.. А потом... Потом король и «друзья» — царанисты и либералы вынудили Титулеску уйти в отставку, общество «Друзья СССР» запретили. Коммунистов загоняли в тюрьмы и концлагеря... А потом — все, что привело к 22 июня сорок первого.

Неподалеку от дома Титулеску, по другую сторону шоссе Киселева, стоит современное белое здание. Оно построено после установления дипломатических отношений с СССР. Здесь советское посольство. Красный флаг с серпом и молотом. «Как же это они могли погнать войска против страны серпа и молота?» — возмущался Петру Гроза. Сколько бы раз после 22 июня 1941 года он ни ставил перед собой этот вопрос, не мог на него ответить. «Бредили о Дакии времен Бурбисты^[55] — вспоминал он, — но если так ставить вопрос, тогда что же должны делать итальянцы? Восстановить Римскую империю? В каких границах? А Оттоманскую империю? А империю Александра Македонского?.. Дакия времен Бурбисты. Какая глупость! И ради этой глупости воевать против страны серпа и молота».

Раздумывая и сейчас над этим, Гроза дошел до особняка, в котором разместилось центральное руководство «Фронта земледельцев». Сегодня 27 сентября. До этого дня он имел не одну встречу с руководителями компартии, говорил им о том, что повсюду, где еще до войны были созданы организации «Фронта земледельцев», они уцелели и работают. Многих вожаков посадили в тюрьмы и лагеря, а после подписания перемирия

правительство генералов, хочешь не хочешь, должно было выпустить политзаключенных.

Ион Мога, Мирон Беля, Ромулус Зэрони, Георге Микле вместе со своим председателем восстановили связи с местными организациями, создали боевые крестьянские комитеты, которые стали опорой коммунистической партии на селе. Сегодня в этом особняке начнется обсуждение «Манифеста», об основных принципах которого он договорился с коммунистами:

братство крестьян с работниками физического и умственного труда;
братство и совместная работа со всеми проживающими в стране национальностями;
тесный союз и дружба с Советским Союзом.

«Мы, делегаты Центрального Комитета «Фронта земледельцев», собравшиеся в Бухаресте 27–30 сентября 1944 года для обсуждения платформы Национально-демократического фронта, разработанной и предложенной Центральным Комитетом Румынской коммунистической партии, констатировали и решили следующее:

23 августа 1944 года войдет в историю как день присоединения румынского народа к борьбе за свержение беспримерной кровавой гитлеровской диктатуры. Став союзником великих народов мира — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, — народов, защищающих мир, демократию и свободу, мы убеждены, что румынский народ никогда не свернет с новой дороги, никто не остановит его на пути к миру и национальному достоинству!

Мы понимаем, что впереди тяжелая борьба, что сегодняшние страдания еще очень велики, но в то же время знаем, что свет окончательной победы приближается, что в муках этой борьбы рождается новый мир. После стольких лет жестокого крепостничества и страданий, после стольких мучений, когда нам зажимали рты и заковывали в кандалы, мы выходим на свет с развернутым боевым знаменем трудящихся земледельцев.

Храня в памяти все то, за что боролись наши предки во главе с Хорией, Клошкой и Кришаном в Ардяле, а также борьбу наших братьев крестьян под предводительством Тудора и восстания 1907 года,

храня в памяти нашу борьбу за сплочение земледельцев 8 января 1933 года в краю Хунедоары и древней колыбели нашей исторической борьбы Зэранда, помня 17 пунктов нашей первоначальной программы, рожденной горем и нищетой, —

рассмотрели платформу Национально-демократического фронта,

разработанную Центральным Комитетом Коммунистической партии Румынии, и убедились, что она содержит основные требования нашего трудового народа городов и сел, преследует завоевание гарантий для национальной и социальной свободы румынского народа и обеспечение новой, справедливой и счастливой жизни для всех людей физического и умственного труда. Для претворения в жизнь этой платформы требуется приход к власти правительства Национально-демократического фронта. Только оно сможет осуществить высокие цели, за которые боролись и были замучены наши великие предки.

«Фронт земледельцев» Румынии и на этот раз обращается с призывом ко всем партиям и ко всем подлинно демократическим силам принять и поддержать эту платформу безо всякого промедления. Этим они смогут доказать на деле, что желают добра многострадальному трудовому народу страны.

Мы одновременно обращаемся ко всему крестьянству страны с боевым призывом поддержать все акции, направленные на претворение в жизнь этой платформы.

Организация «Фронта земледельцев» принимает на себя обязательство поддержать со всей решительностью борьбу трудящихся городов за осуществление своих требований. Боевой союз *крестьянства и рабочих* является залогом полного выполнения намеченной в платформе программы.

Председатель «Фронта земледельцев» Румынии

Доктор Петру Гроза

Делегаты Центрального комитета «Фронта земледельцев»

Ион Мога, Мирон Бея, Ромулус Зэрони.

Бухарест, 29 сентября 1944 г.»

Петру Гроза и его товарищи стремились к тому, чтобы «Фронт земледельцев» стал опорой коммунистов в борьбе за укрепление Национально-демократического фронта. В скором времени к платформе компартии присоединились социал-демократическая партия, объединенные профсоюзы Румынии, «Союз патриотов», Венгерский народный союз, крестьянская социалистическая партия. Велись активные переговоры и с руководителями «исторических партий» Маниу и Брэтиану. Но они не только не шли на общий союз за демократизацию всей жизни страны, но отговаривали и лидеров других партий. На предложение Грозы объединиться Маниу ответил:

— Я не хочу, я уже стар, не могу. И вы уже не такой молодой, не

связывайтесь с этими...

Под «этими» он подразумевал коммунистов. Но было совершенно ясно, что «историков» устраивало правительство генералов, устраивал колеблющийся король, и они вели закулисные переговоры с американцами и англичанами, ждали их вмешательства.

12 октября 1944 года был создан Высший совет Национально-демократического фронта. Он выступил за правительство, которое активно и честно выполняло бы условия перемирия и приступило бы к ликвидации фашистских организаций в стране.

Работе организаций Национально-демократического фронта способствовали успехи Красной Армии и румынских подразделений, помогавших ей очищать страну от фашистских войск. В кровопролитных боях за изгнание с территории Румынии гитлеровских войск после 23 августа 1944 года зарождалось советско-румынское братство по оружию. Взаимная выручка и поддержка особенно проявились в дни освобождения Клужа, Бая-Маре, Залэу, Сигета и многих других городов и сел. 25 октября 1944 года советские и румынские войска выбили врага из Сату-Маре и Карей. Это были последние опорные пункты противника на территории Румынии. Ныне 25 октября отмечается ежегодно как День вооруженных сил Социалистической Республики Румынии.

Участие румынских войск в составе 2-го Украинского фронта в войне против фашистской Германии имело исключительно важное значение для будущего Румынии. Оно оказывало положительное влияние на те демократические процессы, которые происходили в стране и армии, способствовало разоблачению происков реакции, стремившейся саботировать участие Румынии в антигитлеровской войне, и вело к укреплению демократических сил во главе с Коммунистической партией Румынии.

Реакционные силы, пытаясь помешать активному участию Румынии в войне, тормозили отправку пополнений на фронт, задерживали поставки военного снаряжения. В результате румынские части нередко были слабо укомплектованы, плохо снабжались оружием и боеприпасами. Особенно усилился саботаж реакции после завершения освобождения Румынии от гитлеровских войск. Реакционеры старались убедить народ в том, что незачем участвовать в войне, раз Трансильвания уже освобождена. Демократические силы страны во главе с коммунистической партией призывали активно бороться за выполнение взятых Румынией обязательств участвовать в антифашистской войне. Центральный орган компартии газета «Скынтейя» подчеркивала, что «война еще не закончена. Необходимо вести

борьбу дальше, чтобы уничтожить гитлеровского зверя в его берлоге, искоренить германский империализм и его преступных слуг».

Тем временем правительство генерала Сэнэтеску вызывало своей бездейтельностью массовое недовольство в стране.

Правительство попустительствовало Юлиу Маниу, под непосредственным руководством которого были созданы отряды из легионеров и националистов для наведения «порядка» в только что освобожденной Красной Армией при участии румынских войск Трансильвании. Банды головорезов избивали и истребляли венгерское население. Петру Гроза был уполномоченным правительства по расследованию этих зверств и 13 ноября 1944 года докладывал на заседании Совета министров, что во многих селах «отряды Маниу», имея под рукой гильотины, клали венгров головой на пни и отрубали им головы топорами...

Беззакония и разбой фашистских националистов вызывали в народе волну возмущения. Поскольку это происходило в близком тылу советских войск, советское командование 24 октября 1944 года установило на территории Трансильвании Советскую военную администрацию. Был образован областной комитет Национально-демократического фронта, который вместе с советским командованием обеспечил создание демократических органов власти. Они действовали в духе программы Национально-демократического фронта. По требованию Союзной контрольной комиссии «отряды Маниу» были ликвидированы.

29 октября 1944 года в Клуже состоялся пятнадцатитысячный митинг румын, венгров и граждан других национальностей. Они единодушно заявили о присоединении к борьбе сплотившихся в Национально-демократическом фронте масс. *Здесь впервые выносятся решение, требующее установления правительства всех демократических сил страны под председательством доктора Петру Грозы.*

Жители Клужа — венгры и румыны — давно знали Петру Грозу, помогли ему в борьбе. Местный подпольный комитет Коммунистической партии Румынии в самые тяжелые годы репрессий и террора поддерживал с организациями «Фронта земледельцев» и непосредственно с Петру Грозой самый тесный контакт. Клужане знали Грозу не только как демократа и патриота, но и как замечательного интернационалиста. Здесь, в Клуже, он поднял на смех перед работниками печати одного националиста, не устававшего твердить о древности румынского рода, о какой-то божественной миссии потомков даков на этой земле. Он даже выпустил брошюру и старался доказать, что Румыния чуть ли не мать самого Рима. А

в заключение автор приводил самый главный аргумент: «Посмотрите на моего друга Грозу! Приклейте ему бороду и усы — и перед вами окажется истый Дечебал».

Петру Гроза издевался над этим националистом при любом удобном случае. Тот рассердился и стал называть «Дечебала из Девы» «готтентотом из Девы».

Клужане хорошо запомнили яркие выступления Грозы на процессах в защиту антифашистов, его бесстрашие и преданность делу рабочих и крестьян всех национальностей и пошли в бой за то, чтобы первое демократическое правительство в истории Румынии возглавил именно он.

Страна кипит. Под руководством местных организаций компартии и «Фронта земледельцев» крестьяне изгоняют людей Антонеску и ставят у власти своих представителей. Министр внутренних дел в правительстве Сэнэтеску генерал Алдя по телеграфу приказывает уездным префектам потопить в крови самовольные выступления крестьян, а назначенных ими руководителей арестовать и отправить по этапу в Бухарест. Никто не подчинился приказу министра.

2 ноября 1944 года Союзная контрольная комиссия вновь вынуждена была обратить внимание правительства Сэнэтеску на невыполнение им взятых на себя обязательств.

В книге «Из хроники исторических дней» справедливо отмечается, что несоблюдение реакционными министрами положений, касающихся чистки государственного аппарата от всех поддерживавших фашистскую диктатуру элементов, попустительство провокационной деятельности остатков фашистских организаций вносило серьезный ущерб международному положению Румынии и находилось в разительном контрасте с требованиями трудящихся масс.

Начальник генерального штаба румынской армии генерал Рэдеску сетовал на то, что в последнее время отношение рабочих к властям оставляет желать лучшего и что они, рабочие, «предъявляют чрезмерные экономические требования». Он предлагал правительству принять жесткие меры, которые позволили бы восстановить «порядок» и «уважение к законам». Он предлагал также запретить собрания на территории фабрик и заводов и демонстрации в рабочее время.

Никто, естественно, не стал слушать советов недобитого генерала. Национально-демократический фронт при поддержке самых широких выступлений трудящихся масс городов и сел Румынии требовал отставки правительства Сэнэтеску. Король затягивал переговоры, но 4 ноября был вынужден утвердить новый состав правительства. Доктор Петру Гроза стал

заместителем премьер-министра, Георге Георгиу-Деж получил в правительстве портфель министра путей сообщения. Национально-демократический фронт располагал в правительстве еще четырьмя министерскими портфелями. Петру Грозе был поручен и важный пост председателя Комиссии по выполнению Румынией условий Соглашения о перемирии. Таким образом, народные массы имели возможность вести борьбу против существующего строя непосредственно на заводах, фабриках, в селах и через своих представителей в самом правительстве.

Коммунистическая партия и местные организации «Фронта земледельцев» организуют по всей стране демонстрации и собрания в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Румынский народ впервые открыто праздновал Великий Октябрь. Центральный Комитет «Фронта земледельцев» писал своим местным организациям, что в годовщину «самого светлого дня в истории человечества» нужно идти «вместе с коммунистами, с рабочими всех национальностей, потому что Великий Октябрь есть праздник всех народностей земли и шеренги идут не по признаку богатства своего, не по признаку национальности своей, а по признаку своего труда на земле, под землей, в воздухе и на воде».

IV

Петру Гроза и Константинеску-Яшь пришли проведать своего старого друга Скарлата Каллимаки. Знали, что он сразу же после освобождения из концентрационного лагеря взялся вместе с Николае Кочя за издание газеты компартии «Виктория» («Победа»), устанавливал нарушенные войной и преследованиями связи созданного в 1934 году общества «Друзья СССР». Сейчас Каллимаки собирал жену на фронт. Знаменитая актриса Дида Соломон-Каллимаки, писательница, чьи острые памфлеты и выступления в прогрессивной печати становились известны далеко за пределами Румынии, при помощи друзей пряталась всю войну от сигуранцы и так и не попала в ее лапы.

И Гроза и Константинеску-Яшь хорошо знали, через какие страдания прошла эта женщина за годы войны. Она и Скарлат подолгу не имели сведений друг о друге — он то в одном лагере, то в другом, она неизвестно где. Родственники презирали принца за его «коммунизм», тем более они и слышать не хотели об актрисе-коммунистке. из-за которой власти и так смотрели на них косо.

Гроза помнил начало блистательной карьеры Диды в 1922 году в главной роли в пьесе Стриндберга «Фрекен Юлия». Газеты в один голос говорили о ней как о новой звезде на небосклоне румынского театра, видные литераторы и театральные деятели писали о ее исключительной искренности на сцене. В те годы она познакомилась со Скарлатом Каллимаки. Оба они вели борьбу за права эксплуатируемого большинства румынского общества. Рядом с публицистическими выступлениями «красного принца» в прогрессивных газетах, и особенно в «Колоколе», печатались яркие, бичующие существующий строй строки «барышни Юлии», как стали ее называть после премьеры пьесы Стриндберга. И вот сейчас она готова к выезду.

Группа бухарестских актеров попросилась на фронт для выступления перед советскими и румынскими частями. Первой среди них оказалась Дида Каллимаки.

Когда постучались гости, она примеряла солдатское обмундирование и выбежала на кухню своей небольшой гарсоньеры — однокомнатной квартиры в многоэтажном доме на бульваре Элизаветы. Каллимаки очень обрадовался приходу друзей. После проведенных в концентрационном лагере месяцев Каллимаки высох, но был весел и оптимистически настроен, как всегда. Извинился, что в комнате так бедно и холодно: хозяин дома еще не распорядился топить, говорит, что уголь и дрова «забирают советские в счет репараций». Реакционная пресса раздувает подобного рода заявления, и «принц» собирается «открыть огонь» по тем, кто сваливает трудности, создаваемые саботажем, на «жесткие» условия подписанного в Москве перемирия. Впереди тяжелая зима, и Каллимаки, смеясь, сказал вице-премьеру, что тому потребуется приложить много усилий, чтоб не замерзали его друзья. Гроза ответил шуткой:

— Когда один дрожит, это плохо, а когда дрожат многие, друг от друга согреваются. У нас в горах говорят: вместе дрожать не страшно.

Вошла стройная большеглазая женщина. Она была в военной форме, в сапогах. Приветствовала гостей, стукнув каблуками:

— Господин вице-премьер, солдат Дида Каллимаки готова выполнять ваши задания.

— По чашечке кофе, солдат, — сказал Каллимаки.

Они до позднего вечера сидели за кофе и обсуждали, как будет идти жизнь дальше. Жена Каллимаки требовала немедленных ответов на все вопросы о дальнейшей судьбе Румынии.

— Вы сидели в лагерях, в тюрьмах, у вас столько шрамов от этого дурно пахнущего режима, когда же вы, наконец, наведете порядок? Это

спрашиваю не я, это спрашивают тысячи и тысячи людей, выйдите на улицу, постройте в очередях, сходите на базар. Послушайте, о чем говорят люди!

Всегда спокойный и уравновешенный, Скарлат Каллимаки пытался объяснить жене, что не так быстро все делается, нужно набраться терпения.

— Хватит, натерпелись! — настаивала жена. — Я привыкла играть на сцене театра роли, написанные заранее другими. В жизни я хочу играть свою роль и требую от вице-преьера, от господина Грозы, пусть он ответит: когда же будет наведен порядок? Я слышала, говорят открыто, что к власти пробирается начальник генштаба генерал Рэдеску. Он сказал, что наведет должный порядок в этой стране, а таких, что кричат о том, что нужно, мол, все разделить, все раздать бедным, повесит на веревочке, чтобы мозги проветрились... Так вы хотите, чтобы вас Рэдеску «проветрил»?

Она тут же извинилась перед гостями за эту тираду.

За окном играла музыка, раздавались возгласы, которые подхватывались и повторялись многократно всей огромной толпой. Было отчетливо слышно, как на улице скандировали:

— Гроза! Гроза! Гроза!

Начавшиеся две недели назад демонстрации трудящихся с требованием правительства Национально-демократического фронта во главе с Петру Грозой продолжались. Столичная организация КПП с одобрения Центрального Комитета призывала рабочие массы выходить на улицы с требованием демократического правительства.

Когда колонна отдалилась к Каля Виктории, Гроза спросил как бы самого себя:

— Что бы мы делали — все политические деятели, вместе взятые, — если бы не эта сила?

— А вы уверены, что эта сила могла бы так свободно выразить свое мнение, если бы не присутствие другой силы? Вот этой, которая гонит сейчас немцев к Берлину? — спросил Каллимаки.

— Генерал Алдя быстро бы с ними расправился, — сказал Константинеску-Яшь.

— Да, Алдя... — подхватил Гроза. — Алдя уже в отставке. Его сменил Пенеску... На первом же заседании правительства он заговорил о необходимости прекратить нарушения порядка. И что возмутительнее всего — они под *нарушение порядка* подводят только действия масс. Манисты, гогисты, фашисты, легионеры — вся эта свора, оказывается, не нарушает порядка. «Вы, коммунисты, во всем виноваты», — укорял меня недавно

господин генерал Сэнэтеску, мой премьер. Ко всему еще мы оказались и виноватыми. А вы чем еще, кроме газеты, занимаетесь, дорогой мой принц? — спросил он неожиданно Каллимаки.

Тот встал, подозвал гостей к письменному столу, заваленному папками, рисунками, старинными книгами.

— Я уже очень давно занят своей «Японией», как можете вы сказать, — напомнил он Грозе о давней его шутке, ставшей широко известной в кругах интеллигенции, — я собираю все, что связывает наш народ с народами России, хочу каждую крупицу собрать, может быть, пригодится когда-нибудь все это не только мне... Еще со времен Кантемира и немного раньше... Вот посмотрите!

И Скарлат Каллимаки стал подробно рассказывать о том, что он задумал. Может быть, в Бухаресте когда-нибудь найдется место для румыно-русского музея, он тогда все это и все, что еще успеет собрать, разместит там... Вот вернется Дида с фронта, она ему тоже поможет. И сын Митя поможет, они оба энтузиасты этого дела.

У телеграфа Гроза расстался с Константинеску-Яшь, который спешил на какое-то очередное заседание. В холле «Атене палас» Гроза назначил встречу с журналистами. Друзья и противники. Он должен сегодня ответить на их вопросы. На этот раз в качестве вице-преьера и председателя Комиссии по выполнению Румынией условий Соглашения о перемирии. Предстоит откровенный разговор, и он не уйдет от прямых ответов.

— Как вы рассматриваете нынешний правительственный кризис? — спросили его.

Он ответил собранно, серьезно, повторив некоторые сделанные ранее заявления:

— Основной вопрос нынешнего этапа, через который проходит наша страна на пути к освобождению, — искреннее и полное выполнение условий перемирия с Советским Союзом. А для реализации и скорейшего разрешения этого комплекса задач стране нужен сильный государственный организм, поддерживаемый большинством трудящихся масс и воодушевленный интересами этих масс. Правительство демократического блока показало себя весьма далеким от выполнения требований настоящего часа. Но румынский народ сейчас не может медлить, тянуть время, он не может принять ни стратегию ожидания (Гроза подразумевал тех, которые ожидают прихода англичан и американцев. — Ф. В.), ни стратегию милосердия к внутренним врагам. Предательские происки,

спровоцированные фашистскими элементами, враждебными демократии и румынскому народу лицами, поддерживаются саботажем крупных промышленных и сельскохозяйственных собственников, их фашистскими настроениями. Силы прошлого, очнувшиеся после смертельного испуга, испытанного в дни, последовавшие за актом от 23 августа и воодушевленные явным сообщничеством некоторых членов нынешнего правительства, пытаются любыми способами вставлять палки в колеса румынской истории, стараются устраивать всякие затруднения нашей демократии, которая делает лишь первые шаги после освобождения от кандалов и выхода из тюремной темноты, куда она была загнана. Прекращение анархии и наказание фашистских и полуфашистских провокаторов, где бы они ни находились, вызывается необходимостью и инстинктом национального самосохранения. Но это наказание не может быть осуществлено правительством, в составе которого находятся фашисты, объявленные к тому же военными преступниками. Жизненные интересы румынского народа и его безопасность требуют правительства, способного работать на основе платформы Национально-демократического фронта. От этой платформы не может отказаться ни один истинный демократ.

В этом заявлении для печати Петру Гроза с особой силой подчеркнул еще раз необходимость братства между народами различных национальностей, подчеркнул, что национализм в любом его проявлении равен фашизму.

«Фронт земледельцев» противопоставил политике вражды политику братства между народами, выдвинул знаменитые лозунги:

«Наши плуги пашут одну и ту же борозду!», «Пламя страданий одинаково жжет каждого из нас!»

— Не может быть свободным тот народ, который угнетает другие народы!.. Это основной принцип демократии в национальном вопросе, — подчеркивал Гроза. — И если сегодня приходят вести из Трансильвании, что там льется кровь мирного населения, которое истребляют по всем канонам преступного гитлеровского мировоззрения, то это доказывает, что определенные фашистские и профашистские круги, пусть открыто или *напялив тогу демократии*, пытаются сбить румынский народ с его естественного пути и компрометировать наши отношения с Объединенными Нациями. Наше достоинство требует борьбы, наша свобода требует борьбы...

Приход Грозы, Георгиу-Дежа и других представителей НДФ в правительство Сэнэтеску мог только на время помешать открытым антинародным действиям, но не изменить коренным образом политику этого правительства. Сэнэтеску был человеком из придворных кругов, и он должен был проводить их политику. Согласие короля и его придворных на включение в состав второго правительства Сэнэтеску представителей Национально-демократического фронта было не чем иным, как маневром, желанием оттянуть время, выждать, пока «придут американцы». Об этом «приходе» представители буржуазии говорили с благоговением и надеждой. Но Румынская коммунистическая партия настойчиво вела борьбу за установление народной власти. Успеху этой борьбы способствовал, с одной стороны, тот факт, что части Красной Армии, плечом к плечу с которыми сражались румынские войска, освободили территорию страны от гитлеровцев (и это не могло не вызвать в стране чувства патриотического подъема), с другой стороны, народные массы убеждались на опыте, что любое буржуазное правительство, имея своих ставленников на местах, продолжит предательскую политику предшественников. Требования правительства Сэнэтеску и его министра внутренних дел о «прекращении безобразий и беззаконий» в городах, селах и на предприятиях не давали практических результатов, а, наоборот, обостряли политическую ситуацию. Рабочие отстраняли ненавистных администраторов и хозяев заводов и фабрик, крестьяне под непосредственным руководством коммунистов и местных организаций «Фронта земледельцев», не дожидаясь разрешений от властей и вопреки им, явочным порядком приступали к разделу помещичьих земель. Началась поддерживаемая компартией и «Фронтом земледельцев» замена сельских примарей и уездных префектов, скомпрометировавших себя сотрудничеством с гитлеровцами. Этот процесс шел вопреки указаниям и запрету правительства.

18 ноября 1944 года на заседании Совета министров представители Национально-демократического фронта, и особенно Петру Гроза как председатель Комиссии по выполнению Румынией условий Соглашения о перемирии, потребовали чистки государственного аппарата от фашистских и реакционных элементов. Гроза подчеркивал, что нужно превратить чистку в оружие борьбы против фашизма, за глубокую демократизацию всей румынской общественной жизни. С яростными атаками на

представителей Национально-демократического фронта выступили национал-царанисты и национал-либералы. Из-за острых разногласий закон о чистке так и не был принят.

Петру Гроза с первого дня вступления на пост вице-премьера поставил вопрос о немедленной подготовке к осуществлению аграрной реформы на основе предложений, разработанных «Фронтом земледельцев» еще в 1933 году. Реакционное большинство в правительстве даже не собиралось это обсуждать. Против Грозы и его соратников по «Фронту» начинается яростная кампания злостной клеветы. Стали писать и говорить о том, что Гроза поставил у командного поста в министерстве сельского хозяйства Ромулуса Зэрони, бывшего администратора своего имения. О самом Зэрони рассказывались анекдоты и сочинялись всякие небылицы. Невиданное дело — крестьянин становится министром в Бухаресте! Разве это порядок?!

Но вожаки «Фронта земледельцев» преодолевали и не такие трудности.

Руководство Румынской коммунистической партии, Петру Гроза и другие руководители «Фронта земледельцев» понимали, что для осуществления аграрной реформы и привлечения подавляющего большинства крестьян к активной борьбе за коренные революционные преобразования на селе необходимо объединить в единое целое все организации крестьян. Значительную силу в деревне в то время представляла крестьянская социалистическая партия, в которой состояли многие видные представители румынской прогрессивной интеллигенции и приближение которой к компартии имело немаловажное значение. Ее возглавлял видный ученый и общественный деятель Михай Раля. На чрезвычайном заседании Центрального Комитета этой партии 30 ноября 1944 года принимается решение о слиянии ее с «Фронтом земледельцев».

Руководство крестьянской социалистической партии сообщало, что, учитывая тяжелое положение страны, крестьянство должно располагать организацией, которая обеспечила бы ясную политическую ориентацию, союз с рабочими массами страны.

Петру Грозе часто приходилось разъяснять, почему он пошел на союз с коммунистами. 30 ноября 1944 года он снова выступает с принципиальными разъяснениями отношения «Фронта земледельцев» к коммунистам. Некоторые превращают коммунизм в пугало: большевики, мол, заберут у крестьян лошадь, корову и все нажитое добро.

— Это все ложь! — восклицает Гроза. — Коммунисты поддержали включение в состав правительства крестьянина Зэрони, который занимается сейчас подготовкой аграрной реформы. Коммунистическая

партия — это та партия, по инициативе которой разработана платформа (имеется в виду платформа Национально-демократического фронта. — Ф. В.), в которой важнейшее место занимает вопрос об аграрной реформе... Враги говорят, что коммунистическая партия неискренна. Я отвечаю вам: коммунистической партии незачем быть неискренней. Мы ведь знаем, что они, коммунисты, как и мы, добиваются одного — установления подлинной демократии. Коммунистическая партия оказывает нам помощь, и я благодарен ей... Коммунистическая партия защищает интересы крестьян и борется за то, чтобы отобрать землю у помещиков и отдать ее тем, кто на ней трудится.

Для многомиллионной массы крестьян это принципиальное выступление Грозы имело громадное значение. Крестьяне за все эти годы привыкли к тому, что Гроза говорит всегда правду, никогда не лукавит, ему можно верить. Но зато реакция открыла против него огонь из всех имеющихся в ее распоряжении орудий. И главным орудием реакции было большинство в правительстве Сэнэтеску.

В ответ на нападки в прессе и публичных выступлениях на коммунистов, на «Фронт земледельцев» и Петру Грозу подымается народная волна. Собрания, демонстрации, митинги, сотни тысяч писем с требованием установить правительство Национально-демократического фронта. Румынские газеты тех дней полны сообщений о развертывании революционной борьбы за отстранение от власти реакционного генерала Сэнэтеску и поддерживающих его буржуазных министров.

Начальник генерального штаба румынской армии генерал Рэдеску снова требует от премьер-министра принять меры против рабочих, участвующих в демонстрациях в рабочее время. Но и правительство и Рэдеску бессильны. Страна бурлит. Отовсюду идут вести о том, что на местах рабочие и крестьяне ставят у власти людей, не запятанных сотрудничеством с фашистами. 28 ноября рабочие крупных промышленных центров долины Праховы, Арада, Тимиша и Хунедоары изгоняют реакционных префектов и ставят вместо них своих представителей. В демонстрациях участвуют сотни тысяч человек, и все чаще слышится требование назначить на пост председателя Совета министров Петру Грозу.

Король Михай и его окружение идут на отчаянный шаг. Они уговаривают генерала Сэнэтеску подать в отставку, и на пост премьер-министра назначают начальника генерального штаба армии корпусного генерала Николае Рэдеску. Новый премьер тут же после принятия присяги 2 декабря 1944 года заявляет, что он возьмется за «установление порядка и дисциплины в стране».

Народные массы не обращают внимания на угрозы пробившегося к власти вояки. Они отстраняют от руководства директоров заводов, префектов и примарей, создают свои профсоюзные организации, выходят на улицы и с новой силой требуют правительства Национально-демократического фронта. Крестьяне продолжают захватывать помещичьи земли явочным порядком.

В Брашове 5 декабря 1944 года на площади Свободы состоялась крупная демонстрация рабочих. Трудящиеся румыны, венгры, немцы, населяющие этот трансильванский город, требуют от короля: утвердить правительство, состоящее только из представителей организации Национально-демократического фронта, преобразовать армию в народную, ликвидировать сигуранцу. Полицейское управление Брашова уведомило министерство внутренних дел о том, что колонны рабочих *требуют* соблюдения условий перемирия, равной платы за равный труд.

Николае Рэдеску созывает столичных журналистов и заявляет:

— Я не допущу больше, чтобы рабочие сами, по своей собственной инициативе, удаляли руководство действиями, к которым они прибегали до сих пор. Кроме того, я не допущу, чтобы префекты и мэры ставились у власти путем вмешательства тех, кто думает, что имеет право подменять законную власть своими избранниками.

Рабочие-полиграфисты большинства румынских городов отказались печатать газеты с этими угрозами. Зато руководители «исторических» партий Маниу и Брэтиану поспешили обнародовать воинственное выступление генерала Рэдеску и заявить о полном его одобрении.

7 декабря, день своего шестидесятилетия, Петру Гроза встретил за работой в Комиссии по аграрной реформе. Здесь вместе с представителями Национально-демократического фронта находились национал-царанисты и национал-либералы. Было ясно, что нельзя надеяться на согласованную и быструю работу. Ромулус Зэрони спорил с «историками», настаивая на осуществлении реформы на основе выработанных «Фронтом земледельцев» принципов. Упрямо и терпеливо он проводил дни и ночи над проектом. Спросил как-то Грозу, как быть с заявлениями генерала Рэдеску. Петру Гроза ответил:

— Надо немного подождать, Ромулус, мы найдем способ успокоить его.

На следующий день Петру Гроза участвовал в совещании руководителей Национально-демократического фронта, созванном по инициативе компартии. После обсуждения политического положения в стране было принято решение предоставить правительству Рэдеску

четырёхнедельный срок, чтобы принять меры для демократизации страны.

Рэдеску понял демократизацию по-своему. Вскоре он выступил с заявлением, которое означало отказ от проведения аграрной реформы.

Петру Гроза и Ромулус Зэрони при полной поддержке компартии настаивают на немедленном осуществлении реформы, чтобы уже этой весной крестьяне могли засеять полученные земельные участки. На местах, естественно, продолжался захват помещичьих земель. Заявления и предупреждения премьер-министра не действовали. И тогда 19 декабря 1944 года Николае Рэдеску пригласил Грозу к себе.

— Господин Гроза, я прошу вас распорядиться, чтобы ваши организации на местах прекратили безобразничать.

— Что имеется в виду?

— Грабеж имений и раздел земель крупных землевладельцев.

— А разве это безобразие? Разве осуществление мечты крестьянина о земле — безобразие?

— Землю они должны получить от меня! — заорал Рэдеску. — Я не позволю, не позволю! Слышите вы, Гроза! — Рэдеску ударил по столу своим немощным кулачком.

Гроза вскочил, едва сдержав мгновенно вспыхнувшее желание стукнуть кулаком по лысине этого карлика. Сказал он уже спокойно:

— Я, генерал, представляю в правительстве Национально-демократический фронт. Я заместитель премьер-министра и не позволю, чтобы со мной разговаривали подобным образом. И запомните — мы никаких распоряжений крестьянам об осуществлении аграрной реформы не давали. Это их инициатива. Запрещать им делить землю, на которой они трудились всю свою жизнь, руководство «Фронта земледельцев» не станет. А что касается кулаков, то у нас они тоже имеются. И стучать по столу есть чем. — Гроза показал Рэдеску свой могучий кулак. И вышел из кабинета.

Было восемь часов вечера, когда он открыл двери гостиницы «Атене палас». Думал — поужинает, позвонит домой в Деву, узнает, как жена, дети, потом почитает газеты. Его мысли прервал неожиданный удар в грудь. Он не успел заметить, кто нанес удар, как новый удар, в спину, чуть не свалил с ног. Раздался злобный голос: «Мы тебе покажем, большевик, как распоряжаться нашей землей!»

Двое холеных, хорошо одетых мужчин зажали его в «коробочке», попытались ударить еще, но не успели: Гроза мощными ударами правой руки заставил отступить одного, а затем и другого. Пока подоспели хорошо знавшие Грозу швейцары и администратор гостиницы, нападавшие были уже «успокоены». Ими оказались помещики Константин Пилат и Жано

Миклеску, пособники Антонеску и гитлеровцев.

Оказавшись у себя в номере, Гроза не сразу успокоился. Его преследовала мысль: распоясавшиеся реакционеры могут поставить страну в трагическое положение. Несколько дней назад Гроза, обедая в ресторане, слышал, как за соседним столом трое подвыпивших «интеллигентов» из партии Маниу говорили о том, что коммунисты приведут страну к гибели и что этого никак нельзя допустить. «Мы форпост романской цивилизации, островок блестящей былой культуры Древнего Рима среди этого болота — славян, мадьяр и турок. У Маниу сердце обливается кровью, когда он думает, что это все погибнет под каблуком «товарищей». И неужели погибнет?» — канючил «интеллигент», потягивая какую-то розовую жидкость из высокого бокала с трехцветной эмблемой румынского королевства.

«Форпост романской цивилизации»! — горько улыбнулся Гроза. — Рубим головы венграм в Трансильвании, сажаем в тюрьмы за выход на улицы с требованием человеческой жизни, нападаем на вице-преьера в центральной гостинице государства, в десяти шагах от тронного зала королевства! «Форпост цивилизации»!

В этот вечер он не позвонил домой. Было очень тяжело на душе.

Ранним утром следующего дня маленькие продавцы газет на Каля Виктории, на бульваре Магеру и на площадях звонкими голосами сообщали о нападении на заместителя премьер-министра, о том, что по всей стране идут митинги и демонстрации протеста.

Николае Рэдеску выразил Грозе сожаление по поводу происшедшего «инцидента» и свалил всю вину на этого «идиота Пенеску», министра внутренних дел, который не в состоянии обеспечить охрану хотя бы членов правительства. Несколько дней спустя под давлением требований трудящихся премьер-министр уволил министра внутренних дел. Но это только для того, чтобы отвести внимание народных масс от подготовки контрреволюционного переворота.

Центральный Комитет «Фронта земледельцев» обратился ко всему крестьянству страны с боевым призывом — перейти к активным действиям повсеместно, приступить к осуществлению аграрной реформы, не дожидаясь утверждения правительством уже подготовленных проектов.

«От нынешнего правительства, — говорилось в обращении, — нечего ожидать чего-либо хорошего, потому что большинство министров выражает интересы руководства национал-царанистской и национал-либеральной партий. Эти руководители не желают, чтобы земля была

роздана вам, крестьянам.

Сотни и сотни тысяч патриотов — рабочих, крестьян, инженеров, агрономов, учителей, врачей, ремесленников и служащих, состоявших в Национально-демократическом фронте, приняли решение: аграрная реформа должна быть осуществлена немедленно.

Осуществить ее должны вы, крестьяне, при поддержке всех тех, кто желает добра нашей стране».

Напуганный размахом народной борьбы за раздел помещичьих земель, Рэдеску созывает на утро 16 февраля 1945 года заседание Совета министров.

— Господа! У меня есть сведения из Должа, Дымбовицы, Яломицы о том, что начался раздел имений. Я спрашиваю: по какому праву? Если это продолжится после предупреждения, которое я делаю, то я скажу вам без обиняков: вы толкаете страну к гражданской войне. Я никому не бросаю вызова. Однако я использую свое положение и буду противиться этому всеми силами. Если нельзя обойтись без гражданской войны, то я буду, господа, вести эту войну, к чему бы это ни привело. А от вас, господин Гроза, как от своего заместителя, я еще раз требую разослать сельским комитетам вашего «Фронта» распоряжение прекратить раздел помещичьих владений.

С истеричным сообщением о происходящей в стране смене префектов, мэров, старост и других местных чиновников, преданно служивших правительству Антонеску, выступил министр общественных работ Вирджил Соломон.

— Эти факторы умножаются с каждым днем, — жаловался он.

Реакционные министры и сам глава правительства надеялись, что своими выступлениями они заставят представителей Национально-демократического фронта отдать распоряжение о прекращении «безобразий». Представители Национально-демократического фронта в правительстве отвечали, что новые органы избраны народом и что аграрная реформа — жизненная необходимость.

Тогда Рэдеску в этот же день приступает к «очищению» правительства от неугодных ему лиц. И начинает эту акцию с заместителей министров. Петру Гроза и Георге Георгиу-Деж требуют нового созыва Совета министров. Заседание состоялось 21 февраля 1945 года и имело историческое значение для дальнейших судеб Румынии. Петру Гроза и Георге Георгиу-Деж выступали неоднократно с изложением позиции Национально-демократического фронта.

Вот некоторые выдержки из стенограммы.

«Доктор Петру Гроза:

— Правительство создано 6 декабря 1944 года из представителей различных групп и партий... На днях вышел в свет бюллетень Совета министров, из которого мы узнаем, что ликвидируются три поста заместителей министров, занимающихся определенными вопросами. Поскольку среди этих трех упраздненных постов заместителей министров один принадлежит Национально-демократическому фронту в соответствии с соглашением о создании правительства, мы не можем одобрить это решение ни по форме, ни по существу. Эти действия доказывают, насколько усилилось наше падение по наклонной политических сложностей. Катиться и дальше по этой наклонной становится невозможным, и поэтому, разумеется, мы вправе ожидать, что господин премьер-министр, господин председатель нашего совета, сделает все необходимые выводы. Мы денонсируем наше соглашение и требуем от господина премьер-министра... представить отставку кабинета.

Генерал Н. Рэдеску:

— Господа министры, я ни в чем не чувствую себя виновным и поэтому заявляю с самого начала — ни о какой отставке не может быть и речи.

Доктор Петру Гроза:

— Я вижу, господин генерал Рэдеску, что вы подготовили все для государственного переворота, чтобы устранить демократию и установить диктатуру. Говорю об этом вполне серьезно.

Генерал Н. Рэдеску:

— Вы хотите менять префектов в стране. Какое у вас право менять префектов? Прошу ответить на этот вопрос!.. В нашей стране не будет правительства Национально-демократического фронта!

Георге Георгиу-Деж:

— Вы сказали, что не хотите подать в отставку. Сейчас довольно критическая ситуация, мы не можем отрицать этого, но мы вынудим вас уйти в отставку. Никто не смеет цепляться за правительственные посты, когда судьбы страны находятся в опасности. Разрешение вопроса — ваш уход! Мы этого добьемся. Мы подыдем народ и покажем, что такое народная воля.

Доктор Петру Гроза:

— Вывод: в настоящий момент это уже не демократическое управление, а диктатура. Dixi et animam meam salvavi! (Сказал и спас свою душу!)

Георге Георгиу-Деж:

— Мы говорим вам вместе со всей страной: уходите! Мы знаем, кого представляем в стране. Ваш уход — в интересах страны!»

Вместо того чтобы послушаться разумных советов и подать в отставку, генерал Рэлеску пошел по другому пути. И стало совершенно ясно, что этот путь он выбрал не сам. Его диктаторские замыслы подогревались окружением короля, руководителями «исторических партий» и надеждами, что вот-вот подоспеет помощь англичан и американцев.

Становится известно, что премьер-министр, вместо того чтобы посылать пополнения и вооружение румынским частям, сражающимся на фронте против гитлеровского фашизма, сосредоточивает отборные воинские части во главе с реакционно настроенными офицерами в окрестностях Бухареста и в самом Бухаресте. Он готовит их для внезапного удара по патриотическим силам и осуществления государственного переворота.

Напряжение в стране достигло предела. Приведем ниже краткий перечень основных событий февраля — марта 1945 года.

11 февраля. Генерал Николае Рэлеску выступил в зале кинотеатра «Аро» с программной речью. Рэлеску обвинил рабочих в том, что они слишком много занимаются политикой. Он требовал прекращения «любого волнения». Он еще раз подчеркнул, что не настало время наделять крестьян землей. Вся речь Рэлеску была проникнута ненавистью к народным массам. Группы бывших легионеров, приглашенных на собрание, ликовали. Сразу же после окончания речи премьер-министра они направились к зданию редакции центрального органа ЦК Румынской компартии газеты «Скынтейя», сожгли несколько подготовленных номеров и пытались разгромить редакцию. Недобитых фашистов разогнали прибежавшие на помощь работникам редакции рабочие.

15 февраля. Кабинет министра внутренних дел разослал всем находившимся в его подчинении подразделениям следующий ведомственный приказ:

«1) Так как на территории страны все еще имеются случаи замены властей — префектов, мэров, старост и т. д. — силой, господин премьер-министр предписывает по получении настоящего приказа во всех случаях на насильственные действия отвечать силой. 2) Настоящий приказ срочно передан как по телефону, так и по телеграфу всем находящимся в подчинении частям для установления прямого контакта с командованием всех воинских подразделений. 3) Господин председатель Совета министров отдал соответствующий приказ и господину военному министру. В

действиях по обеспечению общественного порядка будут в точности учитываться планы, составленные в этом направлении командующими зонами внутреннего порядка. 4) Органы сил общественного порядка обязаны всякий раз доносить об указанных в пункте I случаях сразу же по их возникновении с тем, чтобы в кратчайший срок информировать о них господина председателя Совета министров».

Опасность установления в стране новой диктатуры становится явной. Коммунистическая партия подымает на борьбу с этой опасностью все слои населения.

18 февраля, «Скынтейя» публикует письмо 67 крупнейших представителей румынской интеллигенции. Среди них мы увидим подписи друзей и соратников Петру Грозы — Константина Пархона, Петру КонстантINESКУ-ЯШЬ, Михая Раля, Иоргу Иордана, Траяна Сэвулеску, Михая Бенюка и многих других известных в Румынии и за ее пределами ученых, писателей, общественных деятелей. «Опыт пяти последних месяцев правления, — говорится в письме, — доказал, что для претворения в жизнь широких демократических реформ, ожидаемых страной, требуется приход к власти правительства, которое выражало бы волю и чаяния всех демократических элементов и немедленно осуществило бы правительственную программу Национально-демократического фронта».

Из хроники других событий февраля — марта 1945 года.

— В зале Трамвайного общества Бухареста состоялся большой митинг молодежи. Участники потребовали изгнания фашистских элементов из государственного аппарата и прихода к власти правительства Национально-демократического фронта.

— По призыву крайовского совета Национально-демократического фронта на главную площадь города собрались 10 тысяч человек. Они построились в колонны, направились к префектуре и поставили своего префекта. Но тут же здание было окружено войсками, которые отстранили силой и арестовали новое, демократическое руководство. Народ не расходился до тех пор, пока войска не отступили и назначенный массаами префект не занял своего поста.

— Разносчики газет в Яссах отказываются продавать газеты «Универсул» и «Вииторул» («Будущее»), опубликовавшие текст контрреволюционной речи премьера в кинотеатре «Аро».

— 20 февраля на заводе «Малакса» во время общего собрания рабочих, созванного фабричным комитетом, группа вооруженных фашистских элементов, сторонников национал-царанистской партии, захватывает членов фабричного комитета и при помощи подоспевших двух

взводов жандармов навязывает собранию новый фабричный комитет из лиц, рекомендованных царанистами. Были блокированы входы на завод и повреждена телефонная сеть, чтобы изолировать завод от внешнего мира. Весть о случившемся быстро распространяется по городу, и к заводу «Малакса» направляются организованные группы рабочих других заводов. Реакционные элементы открывают огонь, имеется много раненых. Рабочий Драгу Стан убит. Тяжело ранен двумя выстрелами в упор председатель Всеобщей конфедерации труда Георге Апостол. Это первые жертвы правительства генерала Рэдеску.

23 февраля Центральный Комитет «Фронта земледельцев», собравшись на чрезвычайное пленарное заседание, принимает обращение к Всеобщей конфедерации труда, в котором говорится: «От имени миллионов земледельцев мы со всей энергией клеймим варварские и террористические действия, совершенные реакционерами против рабочих «Малаксы», и заверяем, что все крестьяне Румынии находятся рядом с рабочим классом в его борьбе».

Всерумынское движение против правительства Рэдеску достигло кульминации 26 февраля. Компартия и ее союзники по Национально-демократическому фронту собрали в Бухаресте 600 тысяч человек. Демонстрация двигалась мирно по Каля Виктории к площади королевского дворца. Но по ее участникам был открыт огонь из винтовок и пулеметов. Убиты рабочие Николае Пушкашу, Георге Догару, Мирча Миу, Войку И. Стэнеску, Юлиу Галперн, Георге Бану... Сотни раненых...

На залитой кровью площади королевского дворца возникает митинг памяти павших.

Наступали решающие дни борьбы за установление нового, демократического правительства. 26 февраля созывается совет Национально-демократического фронта. Выступающие в самых резких словах говорят о том, что Рэдеску явно действует с согласия короля.

— Мы, — говорил Георге Георгиу-Деж, — должны заявить его величеству, что, следуя линии 23 августа, он выиграет. То, что до сих пор произошло под прикрытием монархии, может подорвать позицию его королевского величества. Народ пока что не поставил вопроса, хочет ли он республику или же конституционную демократическую монархию. Его (то есть короля. — Ф. В.) жест 23 августа понравился нам, но окружение короля может скомпрометировать монархию. *Наступают новые времена, монархии будет трудно. Мы не остановимся в случае необходимости перед устранением короля.* (Разрядка моя. — Ф. В.)

28 февраля состоялись похороны погибших на дворцовой площади. Страна кипела от возмущения. На многочисленных митингах народ требовал установления правительства во главе с доктором Петру Грозой. «Мы полны решимости, — говорилось в резолюции митинга столичных трудящихся, — бороться за установление правительства широкой демократической концентрации во главе с доктором Петру Грозой — единственного правительства, способного вытащить страну из пропасти и обеспечить румынскому народу свободу, национальную независимость и экономическое процветание».

Под давлением народных масс генерал Рэдеску вынужден был подать в отставку. Он вышел из своего кабинета, спустился на первый этаж и, услышав, как бурлят на улице возмущенные массы, стал искать черный ход. Найдя дверь запертой, экс-премьер выпрыгнул в открытое окно туалета и скрылся в здании представительства Англии, затем дипломатическая машина увезла его на аэродром. Незадачливый вояка вылетел на самолете американской военной миссии на запад.

Попытка реакции установить в стране новую диктатуру провалилась.

Но король медлил с назначением нового премьера.

И тогда коммунистическая партия при поддержке «Фронта земледельцев» и всех прогрессивных сил страны готовит невиданный еще в истории Румынии по численности боевой митинг. Он должен был венчать собой многомесячную борьбу всех прогрессивных сил за такое правительство, которое смогло бы избавить страну от политической неопределенности и надвигавшегося экономического хаоса.

2 марта 1945 года король Михай I, будучи более не в состоянии сдерживать натиск народных масс, единодушно требовавших прихода к власти правительства Национально-демократического фронта, приглашает Петру Грозу во дворец.

Большую часть своего времени король Михай I проводил в загородной резиденции Синая, во дворце Пелишор, построенном Каролом II еще в то время, когда Михай только учился ходить. Там он занимался спортом, водил машину по горным дорогам, развлекался. Два раза в неделю он приезжал в Бухарест и останавливался в городском дворце на берегу озера Херестрэу, среди плакучих ив и каштанов. В свой главный дворец в центре Бухареста король заезжал сейчас редко. Здесь в пышном тронном зале на втором этаже он должен был принимать послов иностранных государств, приводить правительства к присяге, вручать высшие награды страны. После ареста Антонеску Михаю было тягостно заходить в тронный зал. Он чувствовал, что трон пошатывается.

Двадцатичетырехлетний монарх походил больше на баскетболиста, чем на короля. Высокий, белобрысый, с пухловатыми губами обиженного подростка, он беспомощно смотрел своими голубыми глазами на могучую фигуру седого Петру Грозы и не знал, с чего начать разговор. Гроза видел короля так близко во второй раз — первый раз тоже здесь 6 ноября прошлого года, когда присягало новое правительство Сэнэтеску. Тогда Михай выглядел увереннее, торжественнее. В тот день он был в парадной форме офицера румынской армии, за ним шла свита и прихрамывал дворцовый священник с Евангелием. Михай спросил, кто будет присягать с попом и кто без попа, и приступил к церемонии принятия присяги. Сейчас церемония отличалась от той. Гроза намеренно ждал, что же изречет этот большой ребенок. В гостиной с богатыми гобеленами перед огромным камином стоял низкий круглый стол и обитые бархатом кресла. Михай показал рукой на одно из них и сам сел.

— Я пригласил вас, господин Гроза, чтобы сообщить о своем решении поручить вам формирование нового моего правительства.

Грозе не понравилось это слово моего, хотелось ответить крестьянской остротой, но сдержался — перед ним все же был король! Сказал только:

— Готов выполнить столь ответственное поручение, ваше величество.

Король улыбнулся:

— Я знаю. Мне говорят, что ваше имя носят на плакатах, вас *требуют*. Сегодня нет газеты, где бы не было вашего имени, доктор Гроза... Я прошу вас подумать и представить мне состав правительства. Вначале, я полагаю, вы знаете — список.

Гроза ждал этого момента. Он достал из кармана сложенный вдвое лист бумаги и протянул его Михаю.

— Список у меня готов, ваше величество. Мы его уже несколько дней назад утвердили на совете Национально-демократического фронта.

Этого советники короля не предусмотрели, и Михай сейчас не знал, что делать с этим списком. Он ведь думал, что Грозе потребуется несколько дней для консультаций с политическими партиями, улицы успокоятся, а за это время американцы и англичане, к которым двор обратился за помощью, поймут все-таки, что надо вмешаться. А сейчас что делать?

Открылась боковая дверь, и тихим шагом подошел к Михаю маршал двора Неджел.

— У господина Грозы готов список правительства, — сказал Михай растерянно.

— Я полагаю, вашему величеству для его изучения потребуется время, — ответил маршал.

— Да, некоторое время потребуется, — король облегченно вздохнул. Встал и протянул Петру Грозе руку: — Так мы с вами еще увидимся... Я вас приглашу. Мне нужно подумать.

Аудиенция была закончена.

Весть о том, что Петру Грозе поручено наконец формирование правительства, была встречена с энтузиазмом во всей стране. Газета «Плугарий» («Земледельцы») писала: «Мы убеждены, что благодаря доктору Петру Грозе страна вступит на путь окончательной демократизации».

Народ ожидал решения короля.

Но дворцовые круги тянули, и король окончательного ответа Петру Грозе не давал.

Во дворце и вне его шел лихорадочный поиск иных решений. Лидеры «исторических партий» добивались преимуществ для себя и угрожали неучастием в правительстве в случае неудовлетворения их требований. Маниу предупредил короля:

— Назначьте премьером кого угодно, только не Грозу!

Коммунистическая партия, «Фронт земледельцев», а также другие партии и организации Национально-демократического фронта готовят на 6 марта народную манифестацию для установления демократического правительства силой. Чтобы предотвратить возможные провокации, решено мобилизовать для участия в демонстрации все патриотические отряды рабочих и крестьян.

5 марта делегация коммунистической партии направилась во дворец и потребовала от короля немедленного утверждения правительства во главе с Петру Грозой. Разговор с королем был жестким, ему было разъяснено, что коммунистическая партия не затронет прерогатив трона, если король претворит в жизнь чаяния народа о социальной справедливости. После окончания аудиенции король послал нарочных к американской и английской миссиям...

А в это время рабочие заводов и фабрик страны вышли на улицы. Делегации крестьян со всех уездов собрались в помещении «Фронта земледельцев» и потребовали, чтобы составленное доктором Петру Грозой правительство приступило немедленно к своим обязанностям. Королю послали резолюцию: «Мы дошли до предела своего терпения и поэтому решительно требуем прихода к власти правительства во главе с П. Грозой, на которое мы возлагаем все свои надежды. Это правительство сможет провести все реформы, в которых нуждается страна, особенно

крестьянство, в переживаемые нами тяжелые дни».

Американская и английская миссии в Бухаресте не смогли оказать монархии и румынской реакции ожидаемой помощи. В условиях только что окончившейся ялтинской встречи И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля такое вмешательство было бы прямым нарушением согласованных решений. Высшие советники короля, среди которых были крупные военные, посоветовали Михаю не рисковать — на улицы и площади Бухареста вступили колонны рабочих и крестьян. 800 тысяч человек вышли на помощь прогрессивным силам, и король снова пригласил доктора Петру Грозу во дворец.

— Властью, данной мне от бога, — Михай пытался говорить торжественно, однако сбивался на каждом слове, — я утверждаю, доктор Петру Гроза, представленный вами состав румынского правительства. Я надеюсь, что у меня будет надежное правительство.

Петру Гроза поклонился и ничего не ответил. Впереди, кроме огромных забот по управлению государством, ему предстояла еще не одна схватка с этим молодым монархом и его окружением. Радовало то, что на улицах 800 тысяч человек буквально сотрясали город возгласами победы и надежды.

Было утро 6 марта 1945 года. Начало весны.

VI

Премьер-министр. Каким же ты должен быть человеком, если хочешь стать настоящим премьер-министром? А Петру Гроза хотел быть настоящим премьером. Он любил все настоящее и ничего не делал наполовину. Думал ли он когда-либо стать во главе страны? Трудно сказать. Он уже давно привык быть в оппозиции и критиковать правящих. Он видел, какими опасными тропами шли буржуазные правители страны, ясно понимал, что их путь ведет к пропасти. Гроза ненавидел двурушническую политику «сидения на двух стульях», неуклюжее балансирование румынской политики на качающемся канате между наиболее сильными державами. С такого каната свалился не один правящий акробат. Думая о том, что будет делать он, оказавшись премьер-министром, Гроза решил без колебаний: во внутренней политике — опора на собственный народ, на рабочий класс и крестьянство, во внешней-политике — дружба с могучей Советской державой. Он никак не мог понять проводимой румынской буржуазией ничем не прикрытой постоянно враждебной политики по

отношению к Советскому Союзу. Ведь только слепой не мог видеть, что будущее человечества — путь, избранный СССР, Лениным. Как радовался он сейчас, что за время семилетнего отхода от активной политической жизни, там, в своем доме в Деве, смог ознакомиться с учением Ленина, с его теорией революции, с его планами строительства нового, социалистического общества. Потом он изучал проекты пятилетних планов, выступления Сталина, итоги пятилеток и с надеждой думал: «Может быть, доживу я и до того времени, когда станет возможным осуществить это и у нас». Как он благодарен друзьям-коммунистам, что они помогли ему собрать в бэчийском доме целую библиотеку ленинских книг, откуда он и сейчас, как в те далекие семь лет, черпает знания и вдохновение. Ленин отвечал и отвечает на вопросы, на которые не хотели и не могли ответить, когда он учился, все профессора Будапештского, Лейпцигского и Берлинского университетов, вместе взятые.

Анализируя опыт осуществления ленинских заветов в Советском Союзе, зная, что он может во всем опираться на румынских коммунистов, Гроза обретал еще большую уверенность и бесстрашие.

Из бесед с руководителями Союзной контрольной комиссии маршалом Родионом Малиновским, генерал-полковником Иваном Сусайковым, политическим советником Алексеем Павловым он знал, что эти люди, их правительство и страна окажут всю помощь, которая только потребуется.

В совете Национально-демократического фронта долго обсуждали составленную коммунистами правительственную программу. Гроза принял ее всей душой. Эта программа указывала на целый ряд неотложных вопросов — участие всеми силами в антигитлеровской войне, строгое соблюдение Соглашения о перемирии, установление дружественных отношений с Советским Союзом и всеми демократическими странами, немедленное проведение аграрной реформы, демократизация государственного аппарата, арест и привлечение к суду военных преступников, реорганизация армии, подъем экономического и культурного уровня трудящихся масс, проведение политики братства между проживающими в стране национальностями.

Когда составлялась и принималась эта программа, все как будто было ясно. Сейчас с такой же ясностью и трезвостью нужно приступить к ее осуществлению, и прежде всего нужно выполнить ее конкретные пункты, которые требуют немедленных действий. 800 тысяч человек, вышедшие сегодня на улицы, чтобы поддержать его, Грозы, правительство, будут ожидать с надеждой перемен к лучшему.

Замечательное качество Грозы говорить только правду, не вилять, не

выступать с демагогическими заявлениями, не обещать невозможного помогло ему с первых же шагов завоевать огромные симпатии всего народа и как премьер-министру.

После введения в должность министров и заместителей министров Петру Гроза достал из кармана пачку книжек «Не предавайся гневу, человек!» и вручил каждому члену правительства по одному экземпляру. Потом принял представителей прессы и заявил, что у него нет времени для длинных и детальных программных заявлений. Страна переживает трагические дни из-за проявленной до сих пор медлительности в разрешении сложнейших задач.

— Мы должны преодолеть возведенные перед нами препятствия, победить трудности на час раньше, — повторил он свое любимое выражение.

Ему была памятна встреча с замечательным советским полководцем, под руководством которого осуществилось грандиозное наступление советских войск 20 августа 1944 года в районе Яссы — Кишинев, маршалом Малиновским. Сейчас он выполнял и обязанности председателя Союзной контрольной комиссии по Румынии. От имени Советского правительства Родион Яковлевич сказал, что советское командование готово сложить с себя осуществляемые в Северной Трансильвании административные функции, как только правительство Румынии твердо будет соблюдать все условия Соглашения о перемирии относительно Трансильвании.

Петру Гроза заявил, что он гарантирует это.

— Мы отстраним от работы любого, в сердце которого заметим хотя бы небольшой след шовинизма, нацизма и подобные им чувства.

«Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Маршалу Советского Союза *И. В. Сталину*

Господин Маршал,

После акта 23 августа 1944 г., по которому Румыния присоединилась к Объединенным Нациям, чтобы вести войну против общих врагов, горячим желанием румынского народа было увидеть себя снова в пределах Трансильвании, часть которой была у него несправедливо отобрана. Эта провинция была освобождена благодаря героизму Красной Армии в тесном сотрудничестве с румынской армией, и румынский народ Северной Трансильвании ожидает с нетерпением дня своего воссоединения в границах Румынии.

Румынское правительство имеет честь обратиться к Правительству

Союза Советских Социалистических Республик и к Высшему Советскому Командованию с просьбой исполнить это желание румынского народа.

Румынское правительство полагает, что Администрация, которую оно установит в этой области, будет заботиться о защите прав национальностей, там живущих, и будет руководствоваться в своих действиях принципами равенства, демократии и справедливости по отношению ко всему населению.

Оно также будет заботиться о поддержании полного порядка для того, чтобы ничто не смущало правильного функционирования всех учреждений, обслуживающих боевой фронт.

Румынское Правительство надеется, что его ходатайство найдет отклик и благожелательное разрешение со стороны Правительства Советского Союза и Высшего Советского Командования.

Просим Вас, господин Маршал, принять уверения в нашем совершенном уважении.

Председатель Совета Министров
П. Гроза

Бухарест, 8 марта 1945 года».

«Председателю Совета Министров Румынии
Петре Гроза

Господин Председатель,

Советское Правительство рассмотрело просьбу Румынского Правительства, изложенную в Вашем письме от 8 марта, относительно установления румынской администрации на территории Трансильвании.

Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной новое Румынское Правительство берет на себя ответственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское Правительство постановило ходатайство Румынского Правительства удовлетворить и, в соответствии с Соглашением о перемирии от 12 сентября 1944 года, согласиться на установление в Трансильвании администрации Румынского Правительства.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
И. Сталин Москва,
9 марта 1945 года».

Ромулус Зэрони зашел в кабинет к премьеру в приподнятом настроении. Гроза никогда не видел его таким торжественным, веселым и важным.

— Добрый день, друг Гроза!

— День добрый, друг министр. Что это у вас такой свадебный вид?

— Готовы к началу общей хоры, друг Гроза.

В тридцать третьем году Петру Гроза говорил активистам «Фронта», что, когда осуществляются планы аграрной реформы, все крестьяне Румынии станцуют общую хору победы тружеников земли. Зэрони не забыл этот давний разговор. Работая в Комиссии по аграрной реформе, он надеялся втайне, что придет час, когда скажет Петру Грозе эти слова.

Как волна прилива, накатила на Грозу далекая мальчишеская радость, когда хотелось петь, танцевать и прыгать до самого неба. Он вспомнил времена своих путешествий с самодеятельными актерами по румынским селам, подошел к Зэрони и, схватив его за руку, напевая мотив известного озорного танца кэлушарий, пустился в пляс по своему премьерскому кабинету.

Заведующий кабинетом председателя Совета министров вошел с документами для доклада и застыл на пороге.

— Вы чего остановились там? — крикнул на ходу Гроза. — Идите сюда! Давайте посмотрим, кто кого перепляшет! — Но через минуту остановился, занял свое место, провел широкой ладонью по лбу. — Давай-ка, друг Зэрони, свою папку. Дай-ка я посмотрю, все ли тут в порядке... Проект декрета. Так. Объяснительная записка. Так. Письмо королю... Это давайте посмотрим вместе.

И тогда было окончательно отредактировано письмо министра сельского хозяйства и государственных имений крестьянина Ромулу Зэрони королю Румынии Михаю I.

Это было сопроводительное письмо к декрету об аграрной реформе.

«Государь!

Осуществление аграрной реформы декретом, имеющим силу закона, является делом национальной, экономической и социальной значимости.

Наделы распределяются с таким расчетом, чтобы у каждого крестьянского двора было не менее 5 гектаров земли. В первую очередь получают наделы все безземельные и малоземельные крестьяне. Земля, распределяемая в соответствии с этим декретом, переходит в собственность

землепашцев. Этим укрепляются крестьянские хозяйства, улучшаются условия жизни самых обездоленных.

Осуществление аграрной реформы на местах доверяется избранным крестьянским комитетам, и таким образом создаются условия для того, чтобы предусмотренные этим декретом меры не смогли быть искажены и нарушены.

Правильное претворение в жизнь настоящего декрета разрешает одну из самых животрепещущих проблем Румынии и открывает для подавляющей части нашего крестьянства перспективы новой жизни».

На восемнадцатый день после прихода к власти правительства Петру Грозы дежурный офицер королевского дворца получил распоряжение пропустить господина Ромулуса Зэрони, крестьянина, министра сельского хозяйства и государственных имений, к его величеству королю. Офицер был предупрежден, что министр может явиться в крестьянском платье, — в длинной, почти до пят холщовой рубахе, подпоясанной тканым шерстяным кушаком, в темном национальном жилете и в шляпе. «Впрочем, — предупредили офицера, — он может быть и в обычном костюме».

Ромулус Зэрони любил ходить в свободной крестьянской одежде, городской костюм его стеснял, мешал ему. Перед тем как идти к королю, он подумал, что хорошо бы одеться так, как одевался Хория во время своих походов в Вену с мешком прошений от крестьян к всемогущему императору Австрии. У Зэрони был такой нехитрый наряд трансильванского моца, он надел его сегодня в память о руководителе крестьянского восстания 1784 года. И в нем предстал перед дежурным офицером.

— Вы куда? — спросил тот.

— Я Хория и иду на прием к императору. — И, показав пухлую кожаную папку, сказал: — Посторонись, офицер. Хория идет к императору подписать аграрную реформу.

Поняв, что перед ним все-таки министр, офицер козырнул, а представитель протокола двора поспешил проводить Зэрони в кабинет короля.

Михай знал, что аграрная реформа практически уже осуществлена, крестьяне на местах захватывают земли с самой осени. Сегодняшняя процедура означает лишь узаконение проведенной на деле реформы. И он поставил свою подпись под декретом, даже не перелистав его. От приближенных Михай знал, что реформа не касается королевских имений, но, посмотрев, с какой уверенностью держится перед ним, королем

Румынии, этот сбитый словно из куска чернозема мужик, подумал, что близится час, когда Хории подойдут вплотную и к его, короля, землям.

Зэрони вернулся с подписанным декретом в Совет министров, где Петру Гроза готовил заявление, в котором подчеркивалось, что правительство страны, обеспечив узаконение аграрной реформы, считает, что сейчас не только крестьянство, но и весь румынский народ вступил на новый путь. Это путь благосостояния, плодотворного труда и счастливого будущего свободной, демократической Румынии. «Алмаз, — говорил Гроза, — добывается из глубин с огромным трудом. Мы его добыли своими руками и потому знаем его ценность».

Алмазом считал Петру Гроза полученную в такой тяжелой борьбе землю и призывал к дружному выходу на поля, для того чтобы обработать их с таким старанием и с таким умением, как обрабатывают алмаз.

Предстоял весенний сев, и 400 тысяч новых крестьянских хозяйств, образовавшихся после реформы, впервые должны были обрабатывать «алмаз» для себя.

И крестьяне-румыны, и крестьяне-венгры, и крестьяне-немцы, и крестьяне-сербы получили землю, потому что они крестьяне, потому что это их земля, а не потому, что они принадлежат к той или иной национальности.

Этой весной сорок пятого года на помощь крестьянам вышли рабочие фабрик и заводов, они возили в деревню плуги и бороны, ремонтировали телеги, ковали рыхлители, косы, серпы.

Этой весной осуществлялся на земле Румынии союз серпа и молота, за укрепление которого так долго и упорно боролись коммунисты Румынии и «Фронт земледельцев».

Этой весной вместе с румынскими крестьянами трудились на земле солдаты Красной Армии, охранявшие в то сложное время вместе с частями румынской армии труд и покой этого народа от происков внутренней и международной реакции.

Этой весной пришла великая радостная весть из Берлина, весть о том, что гитлеровская армия безоговорочно капитулировала и в Карлсхорсте маршал Жуков от имени советского народа принял эту капитуляцию.

Румыния на заключительном этапе войны тоже внесла свой вклад в общую победу.

9 мая 1945 года доктор Петру Гроза с особой радостью говорил, что после великой Победы начинается новая жизнь, основанная на демократии и взаимопонимании между народами.

«Мы плачем и смеемся одинаково в наших дойнах, у нас общие

надежды и общая печаль, работаем, живем и умираем одинаково. И это все наше. Почему же тогда не должна быть общей сама жизнь с ее общими радостями и печальями?»

Гроза хорошо знал, что печалей, трудностей еще очень много, но они отступят перед самоотверженным трудом, перед искренней дружбой.

Пройдет почти тридцать лет, и румынские историки охарактеризуют следующим образом обстановку того времени:

«Экономика страны находилась особенно в тяжелом положении. Главные экономические позиции были в руках эксплуататорских классов. В промышленности, торговле и в банках значительную долю составляли иностранные капиталы. Объем промышленной продукции снизился больше чем наполовину по сравнению с уровнем 1938 года, а транспорт, особенно железнодорожный, был практически парализован. Острая нехватка промышленного сырья усугублялась саботажем реакционной буржуазии. В тяжелом положении находилось и сельское хозяйство, истощенное гитлеровским грабежом, военными поставками и жесточайшей засухой. Острая нехватка продовольственных продуктов и других товаров первой необходимости привела к бешеному росту цен и к катастрофическому падению стоимости национальной валюты, что наносило тяжелый урон жизненному уровню трудящихся. В тех условиях экономическое преобразование страны являлось краеугольным камнем процесса консолидации демократического режима.

Одновременно с многочисленными сложностями внутри страны демократические силы встречали целый ряд трудностей внешнего порядка, касающихся и политической и экономической области. Империалистические круги Запада неоднократно пытались вмешиваться во внутренние дела страны, они были крайне озабочены революционными преобразованиями и перспективой потери своих прежних позиций в Румынии».

Петру Гроза и руководители компартии хорошо понимали, что Румыния собственными силами не справится с этими внутренними и внешними трудностями.

VIII

К Петру Грозе в Совет министров и в Центральный Комитет «Фронта земледельцев» шел непрерывный поток людей. Приходили поздравлять, заходили за советом, обращались с просьбами. Приносили на разрешение

крупные государственные вопросы, но попадались и пустяки. Иные думали, что у премьера найдешь все-все, что ни пожелаешь. У него все есть. И Гроза, чтобы не обижать людей, прибегал к шутке, к пословице, и слух об этом быстро распространялся по стране.

У Грозы, кроме огромного знакомства среди ученых и интеллигенции, политических деятелей и священнослужителей, было много крестных сыновей и дочерей, многим он оказывал честь быть посаженным отцом на свадьбе. Так вот, в один весенний день, когда он сидел над проектом упорядочения финансового хозяйства страны, попросился к нему крестьянин из Олтении. Гроза принял его, расспросил, как дела в олтенских деревнях, как справились с посевной. Крестьянин отвечал, что все хорошо, ждут урожая, а у него самого одна большая просьба к премьеру, потому и приехал в Бухарест.

— Что это такое случилось у тебя? — спросил Гроза.

— Крыша прохудилась. Протекает, проклятая, и вот пришел за помощью. Соседи смеются надо мной: у него такой посаженный отец, а он плачет, что крыша худая!

Грозе стало и смешно и горько. Что же ему сказать, этому крестьянину, что ответить?

Встал, подошел к стене, где висела большая карта страны.

— Иди сюда... Знаешь, что это?

— У меня же четыре класса! — гордо сказал крестьянин. — Окончил с короной!

Гроза усмехнулся. Четыре класса! С короной! Только лучшие ученики удостоивались короны — венка из бессмертников. Четыре класса — это такая редкость в мире сплошной неграмотности села, это почти высшее образование... Так что же скажет он, премьер-министр, этому сельскому грамотею, у которого прохудилась крыша? Шуткой ведь не обойдешься — ему кровля нужна.

— Так что же это все-таки?

— Это карта нашей любимой родины, — ответил крестьянин.

— Правильно, знаешь, значит. Так вот, над всей этой любимой родиной прохудилась, дорогой мой, крыша, очень сильно прохудилась. И ее нельзя латать. Менять нужно крышу, понимаешь? Над всей страной... — И Гроза провел рукой по карте. — Над всей... Помогите соорудить эту новую крышу, и тогда и над тобой не будет капать. Понимаешь? Ведь у тебя четыре класса образования... С короной...

— Понимаю...

— Вот видишь, я знал, что ты поймешь... Так помоги же мне.

Расскажи своим крестьянам в селе, что Гроза пытается вместе со всем народом построить над страной новую крышу. Пусть и они помогут... А сейчас вот я закончу с этими бумагами, и пойдем ко мне домой, ведь ты приехал не только своего посаженного отца проведать, но и мать, правда?

— Да, да... Я буду очень рад, только не хотелось бы беспокоить...

— Какое там беспокойство?

Гроза поднял трубку. Ответила жена.

— Ани, налей-ка пару кружек воды в кастрюлю с супом, у нас сегодня за обедом гость будет.

Крестьянин знал, что Гроза умеет шутить и так.

Петру Гроза радовался, как ребенок, когда узнавал о том, что рабочие единым фронтом поддерживают правительство, понимают трудности, с которыми связана его деятельность. Вскоре после визита олтенца Грозе доложили, что приехала группа шахтеров из долины Жиу, из той долины, где были страшные бои рабочих с королевскими жандармами в 1929 году, и он, Гроза, поднял тогда свой голос в поддержку шахтеров. Делегация рабочих привезла в Бухарест в подарок председателю Совета министров триста тонн угля.

Петру Гроза побеседовал с шахтерами, поблагодарил их, сказал, что подарок будет распределен среди нуждающихся, а члены правительства и он сам чувствуют себя согретыми этой заботой. И в заключение беседы попросил:

— Расскажите, как вы живете.

— Трудно живем, друг премьер-министр, очень трудно.

— По вашим лицам вижу, что трудно, поэтому и спросил.

— Но вы не беспокойтесь, друг премьер-министр, мы переборем эти трудности. Вы надейтесь на нас, вы наши избранные, и мы вам поможем. Забастовки устраивать не будем, вам и так трудно, мы понимаем...

На другой день Гроза поехал посмотреть, как грудятся рабочие на столичном заводе «Малакса», где при прежнем правительстве были сильные волнения. Приехал внезапно, никто не знал, что приедет премьер-министр. Думал завязать разговор с рабочими и был готов выслушать упреки и обвинения. Но вышло не так. Рабочие окружили его, стали спрашивать, как идет работа в правительстве, какие планы, что нужно от рабочих, чтобы эти планы выполнялись. Рядом с Грозой стоял старый рабочий с отсутствующим видом. Гроза повернулся к нему и спросил:

— Ну, как ваши дела?

— Хорошо, — ответил тот.

— Как это — хорошо?! — удивился премьер. — Ведь выглядите вы плохо, одежда на вас, как и на других, рваная, с питанием плохо, видно.

— Во всем вы правы, друг премьер-министр. Ходим в лохмотьях, но придет время и купим себе новую одежду, худые мы потому, что с продуктами плохо очень. Но будет хорошо. Вы держитесь покрепче, мы рядом с вами. Знаем, что и вам нелегко, потому-то и не жалуемся.

Такие слова помогали Грозе и его соратникам в правительстве держаться по-настоящему, идти навстречу трудностям, преодолевать их. Он по-прежнему был жизнерадостен и неутомим. При любой погоде его очень рано утром встречали на улицах Бухареста на обязательной утренней прогулке. Он скучал по своей заветной тропинке к крепости Деве и пытался возместить нагрузку подъема к крепости ежедневными прогулками и игрой в теннис. На работу он приходил к восьми часам утра, выполнял с большой точностью намеченную накануне программу. Изучая документы того времени и деятельность Петру Грозы день за днем, диву даешься, откуда бралось у этого человека столько энергии, столько сил. Только одних бумаг — международную информацию, государственные проекты и распоряжения, докладные записки и письма — он должен был читать от 700 до 1000 страниц в день, кроме этого — участие в заседаниях и совещаниях, прием министров и высших государственных чиновников, прием представителей иностранных государств и корреспондентов, работа в Центральном Комитете «Фронта земледельцев»... Его приглашают на различные собрания и съезды трудящихся, и он никогда не отказывается встретиться и выступить, выслушать, о чем люди говорят, посоветоваться с ними. И это не только в Бухаресте.

Во всех выступлениях премьер-министра Петру Грозы красной нитью проходят три вопроса: союз рабочих и крестьян, союз с коммунистами, дружба с Советским Союзом. О необходимости укрепления дружбы с Советским Союзом Гроза говорит неоднократно, подчеркивая, насколько эта дружба жизненно важна для Румынии. Гроза ни на минуту не упускает из виду вопроса интернационального воспитания трудящихся, обращает внимание на то, что иные представители румынской интеллигенции, вместо того чтобы думать, как изменить к лучшему тяжелое настоящее своего народа, как устроить его будущее, копаются в прошлом, ищут корни румын в далеких тысячелетиях, хвастают «великим» прошлым.

Гроза ненавидел любое проявление бахвальства, чванства, превозношение его заслуг. С первых же шагов своей деятельности премьер-министра, понимая, что есть люди, которым выгодно играть на слабых сторонах характера руководителей, он публично предупреждает, что

каждый человек может допустить ошибки и эти «человеческие ошибки могут быть всегда раскритикованы, и даже очень хорошо, чтобы они были раскритикованы. Человеческие дела допускают ошибки, — подчеркивал он, — и предотвратить их своевременной критикой совсем бесполезно».

Приехав в свое родное село, Петру Гроза ходил по домам, интересовался, как живут односельчане, ободрял друзей, да и сам набирался хорошего настроения и оптимизма у крестьян, которые хотя и жили в страшной нужде, но не теряли присутствия духа, любили пошутить, рассказать смешную историю. Однажды, приехав в Бэчию, Гроза пошел прямо к Стрею, легко нашел любимое с детства место купания и обрадовался, что там, как и прежде, бултыхалась сельская ребятня. Он разделся и, как в детстве, бросился в стремнину. На миг забыл, что прошло столько лет с тех пор, как и он был вот таким мальчишкой, что он уже старый человек, и стал брызгать на ребят, играть с ними. Когда прилег на травку, спросил загоравшего рядом мальчугана:

— Ты в каком классе?

— В третьем.

— А в какой школе?

— В школе «Петру Гроза».

— А это кто такой, Петру Гроза?

— Это был наш помещик. Сейчас он в Бухаресте премьер-министр.

— А школа почему «Грозой» называется?

— Ее так называли. У нас и Дом культуры так называется — «Петру Гроза».

Мальчик удивился, что седой дедушка так ловко вскочил, оделся, взял свою шляпу и трость и быстро зашагал к Бэчии.

Гроза подошел к школе. Действительно, на вывеске белой краской было выведено: «Петру Гроза». Через несколько домов по центральной улице — Дом культуры. Там красуются еще искуснее выписанные слова: «Дом культуры имени Петру Грозы».

Что же это, они, местные власти, решили издеваться над ним?!

В примарии спал на столе дежурный. Гроза решил созорничать — запер дверь снаружи, положил ключ в карман и постучал в окно, разбудил дежурного. Крикнул:

— Найди быстро примаря, скажи — Гроза ищет!

Бедный дежурный, обнаружив дверь запертой, выпрыгнул в окно и побежал.

Когда пришел примарь, Гроза уже остыл. Он пожурил его за чрезмерное усердие и попросил убрать эти вывески.

— Чтоб не надо было потом замазывать все это малярной кистью, — пошутил он.

24 июня 1945 года стало большим днем в жизни Петру Грозы. Его мечта об объединении румынского крестьянства под единым знаменем осуществилась. В этот день в Бухаресте собрался I всерумынский съезд «Фронта земледельцев». Неутомимо работали в Центральном Комитете «Фронта» Мирон Бея, Ион Мога, Георге Микле, Ромулус Зэрони. «Фронт» имел свою собственную газету, которую по-боевому вели Георге Микле, Октав Ливезяну и писатель Шербан Неделку. Центральный Комитет и газета при полной поддержке и содействии коммунистической партии и ее местных активистов добились того, что организации «Фронта земледельцев» работали в каждом румынском селе, число членов «Фронта» уже перевалило за миллион.

— Вы, — говорил, волнуясь, Петру Гроза при открытии съезда, — вместе с рабочими заводов и фабрик представляете собой самое лучшее выражение человеческого существования на этой земле... Много лет назад один премьер-министр говорил в румынском парламенте, что вол более ценное для помещика существо, чем сам крестьянин. Он говорил, что руки крестьян — «единственный живой капитал собственников». Да, братья землепашцы, эти крепкие и натруженные руки были живым капиталом не только помещиков, но и всей страны в целом. Они переворачивали землю, выжимали богатства из почвы, и они же медленно увядали на чапигах плуга, высыхая от голода и труда.

Гроза предъявляет суровый счет прошлому эксплуататорскому обществу, где крестьянство рассматривалось как мешающий благородному обществу мусор. Только союз с рабочими, их поддержка дали возможность сделать первые шаги к улучшению жизни крестьян. С большим знанием истории, потребностей и чаяний румынского крестьянства Гроза говорил о наступлении новой поры, когда «соха и худые коровенки, еледвигающиеся по борозде, должны уйти в прошлое. Мы устроим центры для механизации сельскохозяйственного труда, для селекции семян и племенного дела, для того, чтобы землепашец стал наконец истинным хозяином земли, но не ее рабом».

Некоторое время спустя премьер-министр был почетным гостем на открытии первой национальной конференции Коммунистической партии Румынии.

Уполномоченный съездом «Фронта земледельцев», Петру Гроза сказал во всеуслышание:

— Дорогие друзья! Я как председатель «Фронта земледельцев» заявляю, что мы рядом с вами. Мы всей душой с вами, потому что дружба «Фронта земледельцев» и коммунистической партии имеет давнюю историю. «Фронт земледельцев» с любовью и преданностью был вместе с вами всегда, в одном отряде с румынским пролетариатом. Мы были, есть и будем всегда вместе.

Гроза заверил, что земледельцы страны, еще раз почувствовавшие на деле во время аграрной реформы и весенней посевной, что такое рабочая солидарность, никогда не станут сторонниками политических акробатов. Он напомнил, что существуют люди, стремящиеся разъединить земледельцев и пролетариат. Но это смешные попытки. «Объективная реальность создала созвездие пролетариата и крестьянства на основе дружбы, товарищества и боевого единения».

Премьер-министр снова возвращается к вопросам дружбы между национальностями Румынии, к вопросам согласия и дружбы Румынии со своими соседями.

«В области внешней политики, — подчеркивал Гроза, — мы будем стоять на страже великого дела дружбы, и никто не смеет помешать нашему стремлению и нашей воле жить в атмосфере глубокого, настоящего братства со всеми народами, которые нас окружают».

Георге Георгиу-Деж был моложе Петру Грозы на шестнадцать лет. Гроза слышал о нем еще в тридцать третьем году во время гривицких боев, рассказывал фронтистам о его бесстрашии на процессе в Крайове, знал, с каким мужеством он ведет себя в Дофтане, куда его посадили на двенадцать лет. Лично Гроза познакомился с Дежем в конце августа 1944 года.

Долгие годы, проведенные в тюрьмах и концентрационных лагерях «Великой Румынии», не погасили глубокой доброты, которой светились черные, как терн, глаза этого темноволосого красивого человека. В общении с товарищами Гицэ (так его называли близкие) был выдержанным, спокойным, никогда себя не выпячивал. Он мало говорил, не торопился с выводами. Познакомившись поближе с Георгиу-Дежем, Гроза до конца понял смысл слова *товарищ*. Георгиу-Деж, его соратники из руководства компартии (Киву Стойка, Георге Апостол, Александру Могиорош и сколько их, настоящих коммунистов!) были истинными революционерами, товарищами не только по борьбе, но и по образу мыслей, по поступкам. С Георгиу-Дежем было легко и приятно обсуждать и решать самые сложные вопросы. Когда он с чем-либо не соглашался,

старался доказывать, аргументировать, брать не упрямством, а логикой. Он терпеть не мог врагов трудового народа, бросался в бой отчаянно, не рискуя жизнью. Осенью сорок пятого, узнав о контрреволюционной вылазке железногвардейцев и гитлеровцев в Бухаресте, он сел на военную машину и кинулся на них в одиночку, дав несколько очередей в воздух из пулемета. Перетрусивший фашистский сброд бросился бежать. На опустевшей площади валялись лохмотья лозунгов, флаги со свастикой и... зонтики: фашистское отребье боялось дождя.

Товарищи Дежа по Дофтани рассказывали, с какой самоотверженностью работал он, когда во время землетрясения в сороковом году рухнула Дофтана и под ее развалинами оказалось большинство заключенных. Сколоченная Дежем бригада спасателей целую неделю разбирала камни, оказывала возможную в тех условиях помощь искалеченным, хоронила погибших.

После двадцать третьего августа сорок четвертого Гроза и Дежа объединила общая борьба против реакционных правительств Сэнэтеску и Рэдеску.

6 марта 1945-го Деж занял в правительстве Грозы важный пост министра путей сообщения и общественных работ. На переговорах с высшими советскими руководителями Гроза убедился еще раз, как этот человек знает нужды страны, находит пути выхода из самых сложных положений. В Москве во время напряженной работы всей делегации Деж был неутомим, работал день и ночь.

И вот сегодня этот человек избран Генеральным секретарем Центрального Комитета. Грозе было знакомо чувство душевной тревоги, когда тебе вдруг оказано такое доверие. Он помнил день своего избрания на пост председателя «Фронта земледельцев». Какую ношу взял он тогда на себя! Но ни в какое сравнение не идет та ноша с этой, которая взвалена сегодня на плечи Георгиу-Дежа. Ему нужна помощь и поддержка с первого же дня, с первого же часа.

Гроза наблюдал за Дежем и во время доклада, и после и заметил в его глазах, на его лице особую озабоченность. Он пытался представить себе, о чем думает Гицэ. В докладе Деж подводил итоги борьбы коммунистов за преобразование страны. Он говорил и о трудовом крестьянстве Румынии как о союзнике рабочего класса. Неоднократно упоминал «Фронт земледельцев». Признание заслуг «Фронта» высшим форумом румынских коммунистов радовало Петру Грозу. Он гордился тем, что правильность избранного им пути подтверждена в этот большой для Румынии день.

Поздним вечером 22 октября 1945 года Гроза остановился у дома

Георгиу-Дежа. Нажал кнопку звонка. Поздоровавшись с хозяином, сказал ему чуть виновато:

— Решил принести вам свои поздравления на дом. У нас в Зэранде так принято...

— Я вам очень признателен, доктор Гроза.

— Разрешите обнять вас как брата.

Деж удивился, какой огромной физической силой обладает премьер-министр.

Они и не заметили, как уходит ночь. Гроза говорил Дежу о том, что он понимает, какая ответственность лежит на нем сейчас. В стране все кипит, политические страсти не успокаиваются ни на миг, «историки» карабкаются на авансцену, король то и дело протягивает им руку, надеется на помощь англичан и американцев. И никому из них никакого дела нет до того, что в стране необходимо наводить порядок во всем. Потому что можно до бесконечности перечислять беды Румынии и все равно всех не перечислить. Тяжелую миссию взяли на себя коммунисты. И Гроза пришел сегодня к Дежу сказать ему еще раз, что коммунисты могут рассчитывать на него как на друга.

— Я очень осмотрительно выбираю друзей, — подчеркнул Гроза, — потому что если уж выбрал себе друга, то навсегда. Друзей нельзя менять. Это великая истина.

— Я тоже этого придерживаюсь, — подхватил Деж. — По-моему, нет ничего опаснее, как игра в дружбу. Сколько раз уже я убеждался в этом... Во время нашей конференции, особенно после моего доклада, нашлись и такие, которые подходили и, знаете, говорили, чего, мол, Гицэ, ты так уж прямолинейно ориентируешься на Советы. Можно же быть похитрее...

— Ехе! — горько засмеялся Гроза. — Мне и на работе, и на улице не раз об этом твердили. Видят, что ничего не выйдет, но повторяют одно и то же. Ух, как уж мне надоели эти политические акробаты... Говорят еще: дружба с Советским Союзом невыгодна. «Почему?» — спрашиваю. «Да потому что мы всегда ближе все-таки к Западу...» «К Западу, к Западу!» — твердят, как попугаи. А что этот Запад? Политическая реальность всегда приводила нас к союзу с великим нашим соседом. Будь это в 1877 году или сейчас. И так будет всегда.

О выборе друзей, о том, что нужно воспитывать народ в духе дружбы с Советским Союзом, они говорили не впервые. Не бывало дня, чтобы этот вопрос не затрагивался в Центральном Комитете партии, в правительстве. И при этом обязательно вспоминали о пагубности политики «игры на двух столах». Руководители «исторических партий», окружение короля и сам

король пытались втянуть страну в эту игру и сейчас, в сорок пятом. Когда вспомнили об этом, Деж сказал:

— Они притворяются или на самом деле забыли, что даже Антонеску плакал по поводу исхода этой «игры».

— Из своей спортивной практики я давно уже сделал вывод, что даже в теннисе невозможно одновременно играть на двух площадках, каким бы ты искусным мастером ни был... Правда, мне могут возразить, что бывают гроссмейстеры, которые дают сеансы одновременной игры на многих шахматных досках. Но, отвечу я, это уже не спорт, а спектакль. А в политике спектакли — дело очень опасное. Вы правы — Антонеску действительно жаловался на довоенных незадачливых гроссмейстеров. Они ему тоже были не по душе^[56].

Уже рассветало, и Георгиу-Деж пошел проводить гостя. Они шли медленно и продолжали разговор. Неожиданно раздался выстрел где-то в стороне Бэнясы, потом еще один, еще один. По бульвару Янку Жиану мчались две автомашины.

— Что могло случиться? — спросил Деж.

— Опять стреляют... Никак не могу забыть, как чуть не убили Апостола. Фашисты еще живут. Припрятались, но время от времени вылезают... Сколько же они убили народу. Сколько из-за них погибло советских солдат...

Георге Георгиу-Деж и Петру Гроза вышли на площадь Виктории, где идущие с разных сторон Бухареста улицы образуют своеобразную площадь Звезды. На стыке шоссе Киселева и бульвара Янку Жиану (ныне бульвар Авиаторов) они остановились.

— Удобнее всего было бы установить памятник здесь, — сказал Георгиу-Деж. — Лицом к центру города.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Гроза. — Ко мне недавно заходил Бараски^[57] и показал эскиз: красноармеец будто летит к центру города! Да, пусть будет здесь!

Через восемь месяцев, в первую годовщину Победы над гитлеровским фашизмом, 9 мая 1946 года на площади Виктории был открыт памятник. Петру Гроза и Георгиу-Деж разрезали ленту, спало покрывало, сотканное руками румынских тружениц из белого натурального шелка — боранжик, и красноармеец с развернутым знаменем будто устремился навстречу солнцу.

Надпись на памятнике: «Вечная слава воинам Красной Армии, павшим в боях за освобождение Румынии от фашизма».

Таким стоит этот памятник и по сей день.

В Бухаресте в придворных кругах и в кругах, близких к руководителям «исторических партий», шла ни на миг не прекращавшаяся возня вокруг так называемого вопроса о «непредставительности» правительства. Сильный и не сдающийся ни перед какими трудностями Петру Гроза в это сложное время заявил публично, что он видит смысл своей жизни только в боевом наступлении. Правое дело рабочих и крестьян в конечном счете победит, и тот, кто идет с этими трудящимися классами, не будет знать поражений, одержит верх над *любым* противником.

Эти заявления не на шутку напугали реакционеров. Они убедились, что прямые нападки на премьер-министра, клевета и распространение слухов не имеют никакого действия. И тогда пошли в атаку обходным путем. Прежде всего они решили воспользоваться большим самолюбием молодого короля, доказать ему, что премьер-министр ломает вековые традиции государства, проявляет крайнее неуважение к самому монарху. Дело в том, что румынская аристократия со времен воцарения династии Гогенцоллернов слепо заимствовала церемониал древних римлян. Так, все королевские декреты начинались со слов: *«Всем живущим и грядущим поколениям здравия желаю»*, а письменные обращения премьер-министра к королю должны были завершаться словами: *«Я ваш коленопреклоненный слуга»*. Когда заведующий кабинетом принес Грозе первую сопроводительную бумагу к отправляемым на подпись декретам, Гроза спросил:

— А это что за «коленопреклоненный слуга»?

— Простите, так принято, — ответил чиновник.

— Кто коленопреклоненный? — снова спросил Гроза.

— Выходит, вы, господин премьер-министр, — ответил не без скрытого злорадства чиновник.

— У меня с детства колени не сгибаются, — твердо сказал Гроза и вычеркнул «коленопреклоненный слуга», оставив только слово «ваш». — Вот так. Впредь только так и пишите — «ваш». И это ему еще слишком много. Но пусть. Все-таки король.

Весть о дерзости премьера тут же дошла до дворца. Придворные доказывали королю, что это невиданное в истории взаимоотношений монарха и его правительства непослушание, это неуважение к унаследованным от великих предков традициям, и вообще неизвестно, что еще выкинет этот «взбунтовавшийся дак». И все же придворные держали в

глубоком секрете случившееся, слишком уж оно возвышало Грозу и унижало короля. Реакция искала другие способы воздействия на премьер-министра, для того чтобы держать его в постоянном напряжении, в постоянной, по их мнению, неуверенности. Был пущен в ход слух, что Михай с часу на час пригласит Грозу и предложит ему уйти в отставку. Притихшая было реакция предвкусывала радость от того, что скоро правительство падет, что недалек тот день, когда король наконец проявит характер и покончит с этим большевиком.

Короля ободряли и подталкивали к действиям представители английской и американской миссий. Правительство США «занялось» положением в Румынии сразу же после Ялтинской конференции. Еще 1 апреля 1945 года Рузвельт писал Сталину о своем беспокойстве по поводу недавних «событий» в Румынии. Под этими «событиями» он, разумеется, имел в виду народное движение, в результате которого пришло к власти правительство Петру Грозы. 12 апреля 1945 года Рузвельт умер, но дела в Румынии беспокоили и пришедшего после него Гарри Трумэна. 27 мая 1945 года И. В. Сталин писал ему, что, поскольку Румыния разорвала с гитлеровской Германией, заключила с союзными державами перемирие и включилась в войну на стороне союзников против Германии, «выделив для этого свои вооруженные силы», и внесла свой вклад «в дело разгрома гитлеризма и в победоносное завершение войны в Европе», Советское правительство считает правильным и своевременным теперь же восстановить с Румынией дипломатические отношения и обменяться с нею посланниками. Новый президент ответил несогласием, сообщив при этом об охватившей его тревоге в связи с тем, что в Румынии существует режим, который не обеспечивает «всем демократическим элементам народа права свободно высказывать свое мнение». Президент также считал, что «политическое положение в Румынии должно стать предметом консультации между тремя главными союзными правительствами». Сталин тут же ответил, что, по его мнению, «за последнее время политическое развитие Румынии... вошло в спокойное русло» и что «нет необходимости в каких-либо специальных мерах со стороны союзников» по отношению к этой стране. «Правительство Советского Союза, — писал Сталин, — держится того мнения, что больше не следует оттягивать восстановление дипломатических отношений с Румынией».

Трумэн 19 июня 1945 года сообщил Сталину, что он продолжает «изучать этот вопрос», правительство же Советского Союза, не дожидаясь окончания этого «изучения», 6 августа 1945 года приняло решение об установлении дипломатических отношений с Румынией, о чем сообщает

доктору Петру Грозе.

Но ни король, ни его окружение, ни официальные представители Англии и Соединенных Штатов в Бухаресте не успокоились. На правительство Грозы осуществлялся грубый нажим, король снова пригласил премьер-министра во дворец. Михай нервничал и прятал глаза, говорил не своими, а чужими словами:

— Я требую от вас, господин Гроза, подать в отставку.

— Какие для этого имеются у вашего величества основания?

— Вас не признают две великие державы...

— Нас признало правительство Советского Союза... Правительство страны, которая несла на своих плечах основную тяжесть окончившейся капитуляцией Германии войны, ваше величество. Не следует забывать о нашей вине...

Король прервал Грозу:

— Не нужно об этом, я прошу вас...

— Мое правительство работает день и ночь, ваше величество, и старается поставить на нужные рельсы расшатанную всей прошедшей трагедией страну... Нас поддерживает подавляющее большинство народа, и я в отставку не подам.

Слова Грозы падали как тяжелые камни на голову беспомощного Гогенцоллерна. Но, как всегда в подобные минуты, к нему на выручку спешил кто-нибудь из соседней комнаты. На этот раз вошла королева Елена, «королева-мать», как ее называли в народе.

— Пожалейте моего сына, — сказала королева плачущим голосом. — Пожалейте его, господин Гроза, у вас тоже есть дети...

— Мои дети, ваше королевское величество, не короли Румынии. На его величестве короле лежит ответственность за судьбы страны, и он не должен своим авторитетом прикрывать грязную закулисную борьбу. Мы должны управлять страной, а не играть в смену кабинетов. Это должно быть ясно. Я повторяю, что мое правительство в отставку не уйдет! Честь имею.

И Гроза вышел, не дождавшись окончания аудиенции.

17 августа 1945 года правительство Трумэна предпринимает официальные шаги непосредственно по отношению к Петру Грозе. В этот день министерству иностранных дел Румынии адресуется вербальная нота, в которой сообщается, что правительство США не признает установившийся в Румынии политический режим и отказывается вести с правительством переговоры относительно заключения мирного договора. Петру Гроза решительно отверг эту ноту, считая ее «недействительной и

незаконной». Такой же ответ он дал и английским представителям, поспешившим вслед за американцами с аналогичной нотой. О своем решении Гроза поставил в известность короля.

Наступала первая годовщина свержения Антонеску. На 23 августа был назначен торжественный парад. Король на торжество не явился. И тогда 24 августа Петру Гроза созывает заседание Совета министров. Принимается решение, в котором говорится: *«Поддерживаемое всем народом правительство твердо решило остаться на своем посту, чтобы продолжить и завершить дело созидания, начатое 6 марта 1946 года».* (Разрядка моя. — Ф. В.)

Узнав об этом, король Михай I принимает неслыханное во взаимоотношениях правительства и короля решение: он по совету лидеров «исторических партий» уезжает в Синаю и отказывается подписывать вырабатываемые правительством законопроекты. Король тут же снова обращается к Соединенным Штатам и к Англии с просьбой помочь создать «новое правительство Румынии».

Эти действия румынского короля Михая вошли в историю под названием «королевской забастовки». Биограф короля Артур Холд Ли в своей книге «Корона против серпа» (под серпом имеется в виду «Фронт земледельцев» Петру Грозы), характеризуя период этой странной забастовки, пишет, что «министры приходили советоваться с королем, а их даже не принимали. Горы государственных бумаг накапливались в королевской канцелярии, а затем возвращались правительству неподписанными». Когда однажды Михая доложили, что в приемной дожидается аудиенции министр обороны страны генерал Василиу-Рэшкану, Михай ответил: «Я не знаю такого министра по имени Василиу-Рэшкану». В тот же период он трижды отказался принять министра иностранных дел Румынии.

Жарким августовским вечером Гроза приехал усталый домой (он уже переехал из гостиницы «Атене палас» в дом на бульваре Авиаторов), попытался чем-то отвлечься от невеселых дум. Он очень любил Шандора Петефи, и на полке всегда стоял томик стихов замечательного поэта. Вот и сейчас он взял старую книжку на венгерском языке, заметил закладку. Открыл. Закладка была пожелтевшей, как и вся книга, — Гроза заложил ее еще в то время, когда ездил со своей группой самодеятельности по Зэрандскому краю. Тогда он очень любил декламировать боевое стихотворение «На виселицу королей!».

Нет больше Ламберга — кинжал покончил с ним.

*Латура вздернули. Теперь черед другим.
Все это хорошо, прекрасно — спору нет!
Народ заговорил — и вот залог побед.
Но мало двух голов! Смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!..^[58]*

«Ну, допустим, мы своего короля потащим на виселицу, — размышлял Гроза. — Что изменится? Разве в этом короле дело?.. Из-под него нужно выбивать подпорки, стащить на виселицу строй, который породил королей и весь паразитизм, связанный с ними... Дело не в короле, и виселицей дело не решить. Менять систему, менять систему... А это гораздо сложнее, чем вздернуть одного короля...»

Петру Гроза, поддерживаемый коммунистической партией, «Фронтом земледельцев» и всеми прогрессивными силами страны, вел себя твердо. Он находил возможность претворять в жизнь постановления правительства без утверждения их королем. Исключительную роль сыграла безоговорочная поддержка Советского Союза и его представителей в Румынии. США и Великобритании было заявлено, что Советский Союз не согласен с позицией короля Михая и не поддерживает требования США и Англии об отставке правительства Петру Грозы под предлогом его «непредставительности». Правительство СССР дало согласие на приезд в Москву правительственной делегации Румынии для обсуждения жизненно важных вопросов восстановления народного хозяйства Румынии и его дальнейшего развития.

X

Самолеты тогда летали не на очень больших скоростях, от Бухареста до Москвы было больше шести часов лету. Гроза сел в кресло рядом с министром путей сообщения и общественных работ Георге Георгиу-Дежем. В этом же самолете летит министр — иностранных дел Георге Тэтэрэску, недавно отколовшийся со своей группой от «исторической партии» либералов, руководитель румынской социалистической партии Штефан Войтек. Делегацию возглавляет он, Петру Гроза.

Как будто ушел за дальний горизонт шум двигателей самолета, и в наступившей странной тишине Грозой овладела тревожная мысль: все

вроде обдуманно и обсуждено в правительстве в Бухаресте, советники делегации имеют в своих портфелях расчеты, данные (позже Гроза, вспоминая свои тогдашние поездки в СССР, скажет: «Мы возили тогда в Советский Союз большие сумки с различными просьбами»). И все же он думает: что там будет, как его и его товарищей встретят советские руководители, как с ними будут разговаривать? Ведь это первая в истории Румынии правительственная делегация, которая едет в СССР. И при каких обстоятельствах... Гроза имел возможность убедиться, с каким уважением разговаривали с ним и с его товарищами представители Советского Союза в Бухаресте — маршалы Малиновский и Толбухин, генерал Сусайков, политический советник Союзной контрольной комиссии Павлов... Все они, естественно, выполняют твердые и точные указания руководства из Москвы. Но сейчас ему, Петру Грозе, его товарищам придется разговаривать с самыми высокими советскими руководителями. А может быть, с самим Сталиным. Примет ли его Сталин или нет? Каким может быть разговор? Ведь тяжелый груз многолетней предвоенной антисоветской политики правящих кругов Румынии, участие Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии, Кишинев, Одесса, Сталинград, Северный Кавказ и Крым, бесчинства вояк Антонеску, грабежи и разбой — разве это забывается так просто? Гроза оправдывал себя мысленно тем, что не он, не сидящие в этом самолете виноваты в том, что случилось. Виноватые понесли и понесут еще заслуженную кару. Но все же... Если брат твой убийца, то и ты, каким бы хорошим ни был, чувствуешь себя виноватым, запачканным. И если у тебя есть совесть и душа, ты будешь переживать всякий раз при воспоминании об этом. Даже если тебе не напомнят.

Для Петру Грозы Сталин был прежде всего человек, который возглавлял народ, победивший Гитлера. И это доминировало над всем остальным. Правда, маршал Малиновский, советник Павлов и недавно назначенный в Бухарест посол Советского Союза Кавтарадзе рассказывали Грозе, что Сталин долго расспрашивал их о нем, восхищался его мужеством. «Таких людей не так много», — повторяли они слова Сталина. Доброе отношение советского руководителя к нему Гроза усматривал и в том, что Сталин прислал теплую телеграмму I съезду «Фронта земледельцев». Память Грозы хранит то ликование, которое вызвала у крестьян эта телеграмма. Значит, Сталин понимает, что народ Румынии, ее рабочий класс и крестьянство не сами пошли за Гитлером — их погнали. И все же...

Самолет стал снижаться, пробил слой густых облаков, приземлился на

Центральном аэродроме в самой Москве. Долго рулил по бетонной дорожке, неожиданно остановился, и летчик отрапортовал, что рейс завершен, подан трап, на улице прохладно.

— Ну, бог в помощь! — сказал Гроза Георгиу-Дежу и ступил на трап.

Внизу ждала группа людей. Особняком, подавшись чуть вперед, стоял невысокий человек. Шляпа, пенсне, коротко остриженные седые усы, не улыбочивое круглое лицо. Это Молотов. Чуть в стороне от него — знакомые по встречам в Бухаресте Вышинский, советник Павлов. Сейчас они поздороваются, а потом Грозе надо будет выступить. Он сконцентрировал сейчас свои мысли только на одном этом. Что он скажет? Какие подберет слова? Ведь это будет *первое* заявление *впервые* приехавшего в Советский Союз главы румынского правительства. Как бы сказать емко, чтобы это были не сухие, не формальные протокольные слова, а выражение всего накопившегося за годы, прошедшие с тех пор, как он убедился, что у Румынии один путь — идти вместе с этой великой страной... Да, не забыть слова мудреца Досифея: «Свет идет с востока!» Ему напомнил о них перед отъездом Скарлат Каллимаки.

*Заявление премьер-министра Румынии
доктора Петру Грозы по прибытии в Москву
4 сентября 1945 года*

«Господин Комиссар иностранных дел! Дорогие друзья!

Я счастлив, что сегодня впервые вступил на московскую землю.

Свет идет с востока!

Еще с детства я много читал и слышал о вашей стране, много думал об этой метрополии великих движений.

Мое волнение смешано с радостью оттого, что мы сегодня встретились в эти дни славы. Надо сказать, что эта слава стоила многих жертв и крови, пролитой доблестной Красной Армией.

Вместе с войсками Красной Армии армия нашей маленькой страны смогла наконец сражаться для победы над фашизмом и гитлеризмом и победить, чтобы выиграть мир.

Мои мысли обращены к великому руководителю Советского Союза, Главнокомандующему Красной Армией в прошедшей войне — к Генералиссимусу Сталину.

Я счастлив быть среди вас и уверен, что мы сохраним добрую память о нашей встрече и добьемся плодотворной работы и результатов в пользу обеих стран».

Непродолжительный отдых после нелегкого перелета, и Петру Грозе говорят, что его вместе с делегацией ожидает товарищ Сталин.

Машины въехали в Кремль через Спасские ворота, свернули направо и с уменьшенной скоростью двигались вдоль высокой стены. Грозе этот путь показался очень долгим, почти бесконечным. Он испытывал такое чувство впервые. Признался потом Георге Георгиу-Дежу:

— Я будто пребывал во сне.

Вошли в небольшой вестибюль старинного здания у самой кремлевской стены, дежурный у лифта нажал кнопку. Длинный коридор с высокими дубовыми панелями, мягкая ковровая дорожка. Дежурный офицер козырнул и открыл дверь справа. Приемная, еще дверь, еще один офицер отдал честь. Гроза поднял глаза и увидел, что навстречу ему идет знакомый по стольким фотографиям человек. Седые поредевшие волосы, седые усы, черные пронзительные глаза светят из-под густых, но тоже седых бровей. Он охватил гостя своим горячим взглядом, и Гроза почувствовал этот взгляд почти физически.

— С приездом, господин Гроза. — Сталин сделал небольшую паузу. Посмотрел снизу вверх на этого богатыря и, видя его растерянность, спросил: — Как долетели?

— Хорошо, немного холодно... — Гроза хотел сказать «господин Сталин», потом подумал, что, может быть, это нехорошо — назвать Сталина господином, тут же мелькнула мысль сказать «товарищ Сталин», но какой он Сталину товарищ? Так ведь называют себя коммунисты, а он, Гроза, не коммунист. Но он тут же сообразил, что можно назвать Сталина по чину, это будет правильно. И вставил после паузы: — Но после холода всегда наступает тепло, генералиссимус.

Сталин предложил сесть, и Гроза почувствовал вдруг, что волнение отошло.

— Меня проинформировали о всех ваших трудностях, господин Гроза. Товарищи Сусайков и Павлов говорили нам, насколько у вас сложно.

— Достаточно сложно, генералиссимус, но не так сложно, как могло бы быть. Мы принесли вам и Красной Армии свою благодарность, благодарность румынского народа.

— Мы рады слышать от вас эти слова, господин Гроза. — Сталин снова сделал паузу. — Все ваши просьбы рассмотрены. Мы предложили всем народным комиссарам с большим вниманием и тщательностью обсудить с румынскими экспертами ваши нужды... — Снова пауза. — Мы наслышаны о вашей организации, о «Фронте земледельцев». Как он поживает?

Гроза оживился, в одно мгновение перед ним прошла вся масса фронтистов, родные места, Дева, Зэранд. И он стал рассказывать о сущности крестьянского движения в Румынии, о своем «Фронте», о своих товарищах.

— Вас за «Фронт» посадили в Мальмезон?

«Откуда знает Сталин про Мальмезон?» — подумал Гроза, но ответил без промедления:

— И за «Фронт», и за связь с моими друзьями — коммунистами.

— Да, буржуазия построила для нас не один Мальмезон... — Сталин двигался по большому кабинету мягким, неслышным шагом и рассуждал: — И построят еще не один Мальмезон. А мы будем их крушить. Для этого нужны смелость и единство. Единство, пожалуй, даже больше нужно, чем смелость. Когда единство есть, смелые находятся. Плохо тогда, когда между смелыми нет единства. Это выгодно устроителям мальмезонов...

Сталин сел, снова наступила пауза. Молотов, сидевший напротив Грозы, спросил:

— А вы, господин Гроза, когда думаете приступить к созданию коллективных хозяйств? Как вы к этому относитесь?

Гроза ответил неожиданно резко для этой обстановки:

— Господин Молотов, мы только завершили распределение помещичьих земель между крестьянами... Надо дать крестьянину убедиться, что мелким хозяйством из нужды не выйти, как говорил Ленин, а затем приступить к коллективизации.

Молотов не продолжил эту тему разговора, Сталин же, к удивлению присутствовавших, тоже ничего не сказал. Он встал, снова зашагал вдоль стола и спросил:

— А король ваш все еще бастует?

— Да, генералиссимус.

— Видите, и короли могут быть оригинальны. Пожалуй, это редкое явление среди монархов.

— Наши рабочие присылают к нам своих представителей и заявляют, что хотя и трудно очень, но они забастовок устраивать не собираются, чтоб не создавать еще больших трудностей правительству, зато король бастует, — сказал Гроза.

Сталин засмеялся. Молотов спросил:

— И что же вы намерены с ним делать, с королем?

Сталин не дождался ответа Грозы:

— Я думаю, что румынские друзья найдут, как поступить со своим королем. Их король — сами решат. Тем более что при такой забастовке

штрейкбрехеров не найдется.

Снова заговорили о политическом положении, об экономических трудностях. Потом Сталин пригласил всех посмотреть кинофильм.

Поздно вечером, когда закончилась эта встреча, Сталин подошел к Грозе и тихо спросил:

— Вы еще побудете в Москве, доктор Гроза?

— Да, генералиссимус.

— Нам надо было бы продолжить беседу с вами. В удобное время.

— С удовольствием. Когда вы сочтете удобным.

...В центральной ложе Большого театра Петру Гроза вместе с делегацией слушал «Евгения Онегина». Партию Ленского пел Иван Семенович Козловский, и Гроза наслаждался прекрасным голосом замечательного певца, которого совсем недавно принимал в Бухаресте.

Еще не кончилось последнее действие, как сопровождавший делегацию сотрудник Наркоминдела сказал, что господина премьер-министра ожидает товарищ Сталин в Кремле.

На этот раз Сталин принял Петру Грозу в своей кремлевской квартире. Грозу удивила простота обстановки, сводчатые белые потолки, ничего от роскоши, среди которой он привык видеть людей своего круга. Подали крепкий кофе, в хрустальные рюмки налили коньяк, и они остались одни.

— Мне хотелось бы продолжить с вами, господин Гроза, вчерашний разговор о коллективизации...

Слова эти зазвучали по-немецки^[59]. Наступила короткая пауза. Потом Сталин продолжил:

— Мне показалось, что осталось что-то недосказанное.

— Я объяснил объективное положение дел.

Сталин как будто не слышал его и продолжал:

— Вы совершенно правильно понимаете — надо дать крестьянину возможность убедиться, насколько трудно обрабатывать землю в одиночку. И тогда он поймет. С коллективизацией, с организацией совхозов торопиться не следует. У вас какая оснащенность сельского хозяйства техникой?

— Один трактор на две с половиной тысячи гектаров пахоты. Причем какие это тракторы... Основная тягловая сила в деревне — лошадь, их тоже мало, пашут на коровах...

— Ильич говорил о ста тысячах тракторов, чтоб крестьянин голосовал за коммунию... Вам нужно будет построить большой тракторный завод.

— Мы уже говорили об этом... У нас в Брашове был завод для

строительства «мессершмиттов».

— Вот там бы и построить тракторный. Гитлер и Антонеску заставляли народ строить «мессершмитты». Мы вам поможем строить тракторы. Специалистами поможем, документацией. У нас два крупнейших тракторных завода разрушены полностью — Харьковский и Сталинградский... Но многие специалисты уцелели. В тылу. И демобилизованные сейчас возвращаются. Так что будем строить тракторы.

Сталин отпил кофе, встал, прошелся по комнате. Спросил:

— А Брашов недалеко ведь от Девы — от вашего родного города?

— Не очень далеко, — ответил Гроза, польщенный тем, что Сталин и о Деве знает.

— А как объясняется у вас название этого города?

— Дева была дочерью одного из богов древних даков.

— Да?! — удивился Сталин. — Ив русском языке есть такое слово. Интересно, какова история этих слов...

— Чего только не узнаешь, углубляясь в историю, генералиссимус.

Сталин молча прохаживался по просторной комнате. Толстые стены, двойные окна и сводчатый потолок охраняли ее от всех уличных звуков, и Гроза слышал ровное дыхание медленно шагавшего человека.

Бушевали на планете политические страсти, подсчитывались потери в только что отгремевшей войне, определялись понесенные убытки и суммы репарационных платежей. Шла подготовка к Нюрнбергскому процессу. Высший народный трибунал Румынии готовил «Процесс великого национального предательства». Гитлеровские палачи и их союзник Антонеску ждали в тюремных камерах часа возмездия. А в тайных канцеляриях иных военных ведомств уже подсчитывали, сколько нужно подготовить ядерных зарядов для уничтожения Советского Союза. В тихой кремлевской квартире Сталина шел разговор в ту ночь и об этом.

Когда Петру Гроза вышел от Сталина, на улице было уже светло.

Раздался звон. Гроза остановился — куранты Кремля пробили без четверти шесть. Он вспомнил слова Сталина о том, что кремлевские куранты «всю войну отсчитывали каждую четверть часа наши поражения и наши победы. Они не останавливались даже на короткое время, для профилактики. По этим курантам народ знал, что сердце страны бьется ритмично, без перебоев».

У Спасских ворот ожидала машина, но Гроза повернул к Соборной площади. За эти дни знаменитые кремлевские соборы оделись в леса. «Мы оденем в леса всю страну, — сказал ему Сталин. — Начиная от

кремлевских соборов, надо восстанавливать все, что было разрушено и обижено войной... Мы и вам поможем поставить страну на ноги...»

В ту ночь он обсуждал со Сталиным и вопрос о тяжелом экономическом положении Румынии, говорил о нехватке хлеба, о том, что разоренная страна накануне жестокого голода. Сталин все взвесил, видно было, что он знал, что румынская делегация выскажет просьбу о помощи, и сказал:

— У нас сложилось чрезвычайно трудное положение с продовольствием, поражены засухой все основные хлебные районы страны. Но мы поделимся с вами, с вашим народом, господин Гроза, тем, что у нас имеется в госрезервах. Признаться, мы не очень богаты, но поможем.

Вернулись этой ночью и к разговору о короле Михеа. Сталину доложили, что как раз в эти дни идет оживленная переписка между Наркоминделом СССР и представителями Соединенных Штатов Америки и Англии. Гроза признался Сталину:

— Возможно, мы бы и приняли какие-либо кардинальные меры по отношению к этому Гогенцоллерну, генералиссимус, но тут имеется одно обстоятельство, которое затрудняет наши действия.

— Вы имеете в виду орден Победы, врученный королю?

— Да, генералиссимус.

— Так ведь мы, принимая решение наградить короля Михеа высшим нашим орденом — Победы, имели в виду, что это награда не королю на мундир, а румынскому народу, решающие действия которого вынудили короля согласиться на арест Антонеску. Награда эта — знак признательности румынскому народу. А что касается самого короля, то это, доктор Гроза, забота вашего правительства. Я уже говорил об этом. Мы только постараемся, чтобы великие державы не смогли использовать его против наших общих интересов.

Гроза очутился на Соборной площади. Было уже совсем светло. Колокольня Ивана Великого стояла будто особняком от соборов, она еще не была одета в леса, на ее золотом куполе уже играли первые лучи солнца. Гроза услышал четкие звуки парадного шага, посмотрел в сторону Спасской башни. Трое молодых кремлевских курсантов, чеканя шаг, направлялись на пост номер один — к Мавзолею. Главные часы Советского Союза показывали шесть утра.

В гостинице ожидали встревоженные его долгим отсутствием члены делегации. Он им подробно рассказал о сути разговора со Сталиным и, узнав, что по программе сегодня утром министру народного просвещения

Штефану Войтеку предстоит визит в школу, вызвался идти с ним.

Школа-десятилетка неподалеку от Кремля. Народный комиссар просвещения академик Потемкин встречает у входа, учительницы и школьники машут букетами цветов.

Прошли в учительскую, и Гроза очень подробно расспрашивал об организации обучения в советской школе и все прикидывал, как преобразовать школу у себя в стране, чтобы воспитывать настоящих, таких же общительных, веселых, мужественных ребят, настоящих комсомольцев, как Василий Соколов. Ребята старших классов чем-то напоминают ему Соколова. Гроза подробно расспрашивает о системе воспитания, с радостью узнает о том, что в советской школе не существует никакого насилия над учащимися, тем более физического (в школах буржуазной Румынии действовала специальная, «научно обоснованная» система физического воздействия на учащихся). Премьер-министр с удовольствием принял приглашение присутствовать на уроке физической культуры в спортивном зале школы. Гроза видел, с каким желанием и умением занимаются ребята на различных снарядах, и его спортивная душа не выдержала. К удивлению членов делегации, школьников и преподавателей, он скинул пиджак, снял галстук, ботинки, ему тут же предложили спортивные тапочки, и он сделал несколько упражнений на перекладине, быстро прошелся по бревну, попробовал, выдержат ли его брусья, подошел к канату и вмиг оказался под самым потолком спортивного зала.

Когда он, попрощавшись, ушел, ребята спросили физрука:

— А кто это?

— Премьер-министр Румынии.

Петру Гроза интересовался в Москве всем — он хотел усвоить, как устроен механизм управления советским обществом, как он действует. Он даже попросился в поликлинику, чтобы его исследовали все специалисты, хотел испытать на себе, как действует здесь принцип бесплатной медицинской помощи. В делегации не было специалиста по здравоохранению, и потому Гроза хотел увезти с собой в Румынию хоть частицу этого опыта.

Напряженно работали все члены первой правительственной делегации Румынии в те памятные дни сентября 1945 года. В коммюнике для печати говорилось, что во время пребывания в Москве доктора Петру Грозы велись переговоры по вопросам, связанным с взаимоотношениями между Советским Союзом и Румынией. Был обсужден ряд проблем экономического, культурного и политического сотрудничества между обеими странами. Особо подчеркивалось, что «переговоры проходили в

обстановке полного взаимопонимания и сердечности и закончились рядом соглашений, направленных на ликвидацию народного бедствия в Румынии — продовольственного кризиса, наступившего в связи с сильной засухой и неурожаем этого года».

Далее в коммюнике говорилось:

«Понятно, что такое продовольственное положение в Румынии затрудняет в настоящее время полное выполнение обязательств, лежащих на Румынии в соответствии с условиями Соглашения о перемирии с Румынией от 12 сентября 1944 года.

В связи с лояльным выполнением Румынией этих обязательств в течение первого года перемирия и ввиду того, что Правительство СССР уверено в добросовестном выполнении условий перемирия Румынией и в дальнейшем, Советское Правительство нашло возможным пойти навстречу румынскому правительству.

В результате переговоров достигнуто Соглашение о предоставлении румынскому правительству для нужд румынского населения ссуды в натуре 150 тыс. тонн пшеницы и 150 тыс. тонн кукурузы...

Кроме того, достигнуто соглашение о замене поставок зерна Румынией по репарациям другими продуктами и об отсрочке другой части поставок зерна до урожая будущего года...

Вместе с тем Советское Правительство согласилось сократить сумму задолженности Румынии по подлежащему согласно ст. 12 Соглашения о перемирии возврату Советскому Союзу имущества и рассрочке возврата этого имущества на три года. Тем самым установлено полное согласие в деле определения способов исчерпывающего выполнения Румынией обязательств по ст. 12 указанного Соглашения...

Был разрешен также в интересах обеих сторон вопрос о репатриации советских граждан бессарабцев и буковинцев, проживающих в Румынии».

В коммюнике говорилось и о том, что Советский Союз и Румыния будут активно сотрудничать и в области культуры и просвещения.

Это были беспримерные по своему гуманизму соглашения в истории отношений Советского Союза и Румынии.

Закладывались основы послевоенного восстановления Румынии, наступал период реконструкции страны и крутого поворота на пути к глубоким социальным преобразованиям, о которых мечтал Петру Гроза всю свою жизнь.

Укреплялось и международное положение Румынии. В этом же году в Москве на декабрьской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании наша страна ясно дала понять, что она не

допустит в Румынии никакого возврата к власти буржуазных «исторических партий», и заявила о полной поддержке правительства Петру Грозы. Благодаря этой твердости признали правительство Петру Грозы и Англия и США. Призадумался и синайский «забастовщик». Он встретился несколько раз с доктором Петру Грозой и наконец решил прекратить «забастовку». Первым публичным признаком этого должно было явиться его выступление по радио с традиционным приветствием по случаю наступления нового, 1946 года.

Румынский писатель и публицист Петре Иосиф по поручению румынского радио поехал в Синаю записать это приветствие. Речь для короля была уже подготовлена, и единственное, что должен был сделать Михай, — прочитать ее без ошибок. Петре Иосиф вместе с техником-оператором ждали довольно долго в немецком салоне малого синайского дворца Пелишор. Короля до этого он видел только издали в Констанце и запомнил его во внушительной форме адмирала флота. А тут вышел красивый молодой парень совсем не в королевских одеждах, с большой тряпкой, о которую вытирал вымазанные в масле руки (как рассказывала потом прислуга короля, во время «забастовки» он испытывал на горных дорогах новую спортивную машину). Он поздоровался с бухарестскими гостями, взял текст, растерянно улыбнулся и промолвил.

— Знаю, мне известно, прочитаю в точности так, как договорились.

Так он и сделал. Петре Иосиф слушал монотонный королевский голос, потом прослушал еще раз только механическую запись — тогда еще магнитофонов не было.

Запись оказалась удачной. На вопрос: «Не хотите, ваше величество, прослушать?» — Михай ответил с полным безразличием:

— Нет, мне никогда не нравилось слушать, как я говорю.

Страна, преодолевая гигантские трудности, шла вперед, ощущая повседневную поддержку и помощь Советского Союза. Петру Гроза в тесном сотрудничестве с Румынской коммунистической партией работал, не зная отдыха. Весь опыт и всю мудрость, накопленные за долгие годы борьбы, он отдавал родному народу, делу рабочего класса и крестьянства. Он был неутомим и активен. Его видели на предприятиях и в селах, среди рабочих, воинов румынской армии, в среде интеллигенции. Его часто можно было встретить с Михаилом Садовяну, с Константином Пархоном, Джорджем Енеску, с крупнейшими художниками и композиторами. Правительство Румынии укрепляет добрососедские отношения с Венгрией, Югославией, Польшей, Чехословакией. С особым уважением Гроза

относился к Болгарии, с ее руководителем Георгием Димитровым его свяжет самая сердечная дружба. Гроза называл его Георгием Михайловичем. Вместе с Димитровым он обратится к Советскому Союзу с просьбой помочь сооружению через Дунай моста великой дружбы трех народов.

Часто, говоря о необходимости союза и единства, Гроза упоминал слова, сказанные ему Сталиным: «Мы должны быть едиными и сильными. Когда ты сильный, тебя все уважают, когда слабый — даже соседка из-за плетня не поглядит».

Страна преобразалась, но на ее пути стояла, казалось, непреодолимой преградой монархия. Это был, по характеристике Грозы, «питомник реакции», которому когда-нибудь наступит конец.

И конец наступил.

По давней традиции, король должен был прибыть в Бухарест из Синаи 31 декабря 1947 года для участия в церемонии службы в патриаршей церкви и приема дипломатического корпуса по случаю наступающего нового года. Но председатель Совета министров доктор Петру Гроза попросил короля приехать на день раньше для разрешения некоторых государственных дел. О каких делах идет речь, королю никто, естественно, не сообщил. Михаю передали только, что в связи с важностью подлежащих разрешению вопросов его покорнейше просят приехать в столицу вместе со своей матерью, королевой Еленой. 30 декабря в 11 часов 45 минут король вместе с матерью вернулся в столицу. Его ближайшие советники М. Иоаницу и Д. Неджел проинформировали, что «происходит непонятное», но что именно, они не знали.

В 12 часов 15 минут во дворец среди плакучих ив и каштанов на берегу озера Хорестрэу явились председатель Совета министров Румынии доктор Петру Гроза и Генеральный секретарь ЦК Румынской компартии Георге Георгиу-Деж. Премьер-министр сказал королю, что события в Румынии поставили в порядок дня изменение государственного правления, и, выразив желание «расстаться по-дружески», от имени правительства и всех демократических сил народа попросил его отречься от престола. Подчеркнув, что реальное соотношение сил лишает смысла любое сопротивление и что румынский народ не изберет другого пути, кроме пути республики, Петру Гроза сказал, что он и Георге Георгиу-Деж будут ждать отречения.

По свидетельству А. Холда Ли, биографа короля, премьер-министр «достал из красной папки, которую держал в руках с того самого момента, как вошел, лист бумаги» и протянул его королю. Михай явно растерялся и

попросил восемь часов на размышления. Ему стали объяснять, что время не терпит и что он должен подписать акт незамедлительно. Король все же тридцать минут выпросил. Вышел в соседнюю комнату посоветоваться с королевой Еленой и своими советниками Иоаницу и Неджелом. Вместе они прочли акт об отречении и бросились к телефонам. Но охрана королевского дворца на шоссе Киселева была заменена, телефоны не работали. Король и его советники попытались связаться с американскими представителями, с английскими, но ничего из этого не вышло. Через некоторое время король вернулся в зал для аудиенций вместе со своей матерью и стал выяснять материальные условия и судьбу королевской семьи после отречения, останется ли в силе достигнутая ранее договоренность, предусматривавшая предоставление ему возможности увезти часть имущества королевского двора, а также право взять с собой группу верных ему лиц и служителей в случае подписания им акта об отречении.

Почти два с половиной часа продолжались «переговоры». В 15 часов 30 декабря 1947 года Михай подписал врученный ему Петру Грозой и Георге Георгиу-Дежем последний государственный акт династии Гогенцоллернов, правившей Румынией восемьдесят один год:

«Михай I,
божьей милостью и волей нации
Король Румынии

Всем живущим и грядущим поколениям здоровья желаю.

В жизни румынского государства за последние годы произошли глубокие политические, экономические и социальные изменения, создавшие новые отношения между основными факторами государственной жизни.

Эти отношения не соответствуют более условиям, установленным основным законом — Конституцией страны, — и требуют неотложных и кардинальных изменений.

Перед лицом такого положения, в полном согласии с ответственными факторами страны, сознавая также и свою ответственность, считаю, что монархический строй не соответствует больше современным условиям нашей государственной жизни, являясь серьезным тормозом на пути развития Румынии.

Следовательно, вполне отдавая себе отчет в важности предпринимаемого в интересах румынского народа акта, отрекаюсь

сам и отрекаю своих наследников от ТРОНА, отказывая как себе, так и им во всех прерогативах, полагаемых мне как Королю Румынии. Оставляю за румынским народом свободу права выбора нового государственного устройства.

Михай.

Бухарест.

Совершено сегодня, 30 декабря 1947 года».

Этим актом король становился простым гражданином под именем принца Михая де Гогенцоллерна. Через несколько дней он и мать, ставшая дучесой Еленой де Шлезвиг-Гольштейн, сопровождаемые свитой из тридцати человек, покинули Румынию и направились в Швейцарию.

После того как король оставил Румынию, стали известны данные о тех колоссальных богатствах, которыми распорядилась кучка бездельников из монаршей семьи. Инвентаризация королевского имущества показала, что корона располагала к концу сорок седьмого года четырьмя миллионами акции самых различных предприятий страны, огромным количеством акций иностранных компаний и монополий. Пакеты акций дополнялись 152 тысячами гектаров пашни, садов и лесов в 18 уездах страны, 15 килограммами золотых изделий, положенных в банк на имя короля, драгоценностями на сумму 34 миллиона лей. Дворцы, дома, дачи, резиденции короля состояли из 2067 комнат. В распоряжении королевской семьи была специальная эскадрилья самолетов и многое другое. Коронованную особу окружала камарилья, связанная, в свою очередь, с самыми реакционными кругами эксплуататорского класса Румынии.

Историческим актом от 30 декабря 1947 года завершился период царствования в этой стране чуждой интересам народа, далекой от каких-либо связей с Румынией династии Гогенцоллернов.

Народ взял судьбу в свои собственные руки.

Это стало возможным благодаря росту влияния революционных сил, возглавленных и организованных Румынской компартией, благодаря росту сил демократии и социализма во всем мире, в первую очередь усилению роли Советского Союза в послевоенных международных отношениях.

XI

После свержения монархии развитие Румынии идет бурно, быстрыми темпами. Глава правительства получил полный простор для своей

деятельности, и он помогает Коммунистической партии Румынии решительно и без колебаний вести страну к социализму.

Румыния опиралась на всестороннюю и бескорыстную помощь Советского Союза. Приведем еще одно свидетельство этого времени.

«Его превосходительству
Генералиссимусу *Иосифу Виссарионовичу Сталину*,
Председателю Совета Министров
Союза Советских Социалистических Республик.

Правительство Народной Румынской Республики обращается к Правительству Союза Советских Социалистических Республик с просьбой рассмотреть возможность сокращения суммы, которую Румынскому Государству еще осталось выплатить в счет возмещения военных убытков.

Уменьшение этих обязательств, облегчив затруднения Румынского Государства, оказало бы большую помощь нашему народу в прилагаемых им усилиях для укрепления и развития экономики Народной Румынской Республики.

Зная чувства теплой дружбы, которыми Вы и возглавляемое Вами Правительство руководствуетесь в отношении румынского народа, а также и помощь, оказанную ему в минуты тяжелых испытаний, мы разрешаем себе выразить надежду, что просьба Правительства Румынской Народной Республики будет принята во внимание.

Прошу Вас принять, Господин Председатель Совета Министров, уверения в нашем глубоком уважении.

Председатель Совета Министров Румынской Народной Республики —
д-р Петру Гроза
4 июня 1948 г.».

После обсуждения этого вопроса в Советском правительстве И. В. Сталин послал Петру Грозе следующую телеграмму:

«Уважаемый г-н Председатель,
Ваше обращение от 4 июня получил.

Советское Правительство рассмотрело просьбу Румынского Правительства о сокращении суммы, которую румынскому государству осталось еще выплатить Советскому Союзу в счет военных репараций. Желая облегчить скорейшее восстановление народного хозяйства Румынии и учитывая установившиеся дружественные отношения между нашими странами, Советское Правительство приняло решение сократить

остающуюся сумму репарационных платежей начиная с 1 июля с. г. на 50 %.

С глубоким уважением
Председатель Совета Министров СССР
И. Сталин».

«Бухарест, 12 июня 1948
Г-ну Председателю Совета Министров
Союза Советских Социалистических Республик,
Генералиссимусу *Иосифу Виссарионовичу Сталину*

От имени правительства Румынской Народной Республики и лично моего имени выражаю Вам самую горячую благодарность за великодушный жест сокращения на 50 % репарационных платежей.

Румынский народ с энтузиазмом приветствует Ваше решение. Он будет вечно благодарен своему великому и мощному соседу и другу — Советскому Союзу и лично Вам за поддержку и помощь, оказанные ему со дня освобождения нашей страны героической Советской Армией из-под фашистского ига.

Великая помощь, оказанная Вами нашему народу, окажет большое содействие делу реконструкции и дальнейшего экономического развития Румынии и улучшения материального положения трудящихся города и деревни.

Примите, г-н Председатель Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик, выражение нашего глубокого уважения.

Председатель Совета Министров
Румынской Народной Республики, *д-р Петру Гроза*»

Писать подробно о деятельности Петру Грозы в это время означало бы написать историю послевоенной Румынии, потому что любое значительное начинание в стране — будь то денежная реформа или национализация промышленности, начало социалистических преобразований на селе или строительство крупных предприятий промышленности — проходило при самом активном участии председателя Совета министров. Народное хозяйство Румынии переходит к планомерному развитию. Вначале составляются два годовых плана развития народного хозяйства, а с 1951 года начинается осуществление пятилетних планов. С помощью советских специалистов был построен Брашовский тракторный, советские гидростроители помогли спроектировать и соорудить крупную гидроэлектростанцию на реке Биказ в Карпатах. Она была названа именем

Владимира Ильича Ленина. Гроза непосредственный участник разработки конституции Румынской Народной Республики 1952 года, в которой сказано: «Внешняя политика Румынской Народной Республики — это политика защиты мира, дружбы и союза с Союзом Советских Социалистических Республик и со странами народной демократии, политика мира и дружбы со всеми миролюбивыми народами». Румыния становится учредителем Совета Экономической Взаимопомощи социалистических государств, подписывает Варшавский Договор.

Превыше всего ставил доктор Петру Гроза дружбу и сотрудничество со страной Ленина. В феврале 1948 года он приезжает вновь в Москву во главе правительственной делегации для заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Румынией и СССР. При первой встрече Сталин заметил:

— Вы выглядите прекрасно, доктор Петру Гроза.

— Стараюсь, генералиссимус. Стараюсь, чтобы и своим внешним видом радовать друзей и огорчать врагов.

Он по-прежнему сохраняет бодрость духа, жизнерадостность, находит место для шутки, острого слова даже при самых, казалось, неподходящих обстоятельствах. Глава румынской православной церкви пригласил в Румынию патриарха Московского и всея Руси Алексия. Гроза встретил Алексия на вокзале и попросил его пожаловать к нему. Патриарх с радостью принял приглашение премьер-министра и, узнав о том, что Гроза из потомственных священнослужителей, отслужил панихиду на могиле Адама Грозы в Бэчии. На кладбище в Бэчии московский патриарх говорил возвышенные слова о последнем священнике рода Грозы — Адаме. Когда Алексей размахивал кадилом, Петру Гроза шепнул стоявшему рядом Ромулусу Зэрони:

— Если бы бедный тата открыл хотя один глаз и посмотрел, кого привел на его могилу сын при помощи коммунистов.

Зэрони очень хорошо знал, как корил Адам Гроза своего Петру за связи с коммунистами.

Сталин называл румынского премьера доктором Петру Грозой. В официальных, письменных обращениях — господином Петру Грозой. Гроза переживал, что его не называют товарищем. «Это все потому, — думал он, — что я выходец из имущих классов, бывший помещик, капиталист».

И вот в канун четвертой годовщины подписания советско-румынского договора Сталину на подпись принесли телеграмму. «Председателю Совета

министров Румынской Народной Республики господину Петру Грозе». Не отрывая взгляда от бумаги, Сталин вычеркнул слово «господину» и написал «товарищу».

«Председателю Совета Министров
Румынской Народной республики
товарищу *Петру Гроза*

В связи с четвертой годовщиной подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой шлю мои поздравления Вам лично, т-щ Председатель, Правительству Румынской Народной республики и румынскому народу.

И, Сталин

3 февраля 1952 г.»

Товарищ Петру Гроза!

Надо было видеть Грозу в ту минуту, когда ему показали эту телеграмму. Он быстро ходил по кабинету, показывал телеграмму заходящим к нему сотрудникам, звонил близким знакомым, «Сталин называет меня товарищем. Почему же я не член коммунистической партии, где все товарищи? Позвоню Дежу».

Но, как это всегда бывало в подобных случаях, рассудок тормозил эмоции, и Гроза подумал: «Не все, возможно, делал я и делаю, как это положено делать коммунисту».

XII

Зашел Скарлат Каллимаки. Он был сейчас директором созданного им Румыно-русского музея, на открытие которого пришел и Гроза вместе со всем правительством. Скарлат просил у премьера средства, для приобретения новых экспонатов — произведений современных художников и скульпторов. Гроза сказал Каллимаки, что выделит, конечно, средства, но ему кажется, что настала пора, когда достижения Советского Союза необходимо пропагандировать не только через музеи, но и словом самых авторитетных представителей литературы, искусства, словом пропагандистов с большим именем.

— Вот и я, товарищ Каллимаки, поеду в Советский Союз, попробую написать книгу о том, что там происходит. Я не имею права умереть, пока

не напишу этой книги.

Два тома книги Петру Грозы с очерками о Советском Союзе вышли за полтора года до его смерти. Петру Гроза назовет эту книгу: «Я увидел своими глазами страну мира».

XIII

Петру Гроза не знал, что такое усталость, болезни, он сохранил работоспособность до преклонного возраста. В беседе с настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном, который спросил его, где он нашел источник молодости и неутомимости, Петру Гроза ответил, что, по его мнению, не существует *старости*, существует лишь *возраст*.

— В любом возрасте человек может быть и молодым и старым. Я чувствую себя молодым, и мне всегда было легче договариваться с молодежью, чем с моими сверстниками, коллегами из «исторических партий».

Премьер-министр Румынии все время подчеркивал, что перестроить экономику страны, воспитать нового человека можно только при условии неутомимой работы и душевной оптимистической молодости. Он смеялся над демагогами, которые намеревались преобразовать общество при помощи громких, эффектных фраз. «Во все времена находились, да и сейчас находятся сумасшедшие, называющие себя сверхлюдьми, они мнят себя «делателями» истории, но не понимают той простой истины, что не мы властвуем над временем, а время властвует над нами. Наше духовное богатство остается, исторические традиции тоже, их никто у нас не отнимает, но в то же время мы не забываем, что жизнь имеет еще и свою материальную сторону, и церемонии, военные оркестры, официальные прогулки то туда, то сюда — во все стороны света — недостаточны для счастья целого народа».

Приближалось 30 декабря 1957 года. В этот день вся страна отмечала десятилетие свержения монархии и провозглашения Румынии Народной Республикой. Уже несколько лет Петру Гроза возглавлял Президиум Великого национального собрания и в этот день занял, как обычно, свое место в ложе Президиума. Поэт Михай Бенюк пишет, что Гроза «улыбался, пожимал руки своим друзьям. Он был строен, шел не сгибаясь — таким мы привыкли его видеть все эти годы борьбы». Близкие друзья Грозы знали, что он уже несколько недель тяжело болен. К нему незаметно подкралась безжалостная болезнь, которая уносит столько жизней. В вестибюле дворца

Национального собрания он уловил во взгляде своего друга Михая Рали, который подошел к нему вместе со Скарлатом Каллимаки, плохо скрываемую тревогу. Исхудавший, но по-прежнему стройный и элегантный, он поздоровался с ними и сказал:

— Есть свечи, которые сгибаются прежде, чем догорят. А есть такие, которые держатся прямо до последней вспышки язычка пламени...

В ночь с 31 декабря 1957-го на 1 января 1958 года вся страна услышала по радио уверенный, твердый голос Петру Грозы.

— Дорогие друзья и товарищи, через несколько минут мы расстанемся с тысяча девятьсот пятьдесят седьмым годом. Мы подводим итоги года плодотворного труда на благо укрепления нашей свободной родины и в то же время — итоги целого десятилетия со дня провозглашения Румынской Народной Республики. Наш героический рабочий класс, наше трудолюбивое крестьянство вместе с нашими замечательными деятелями культуры и науки, воодушевленные достигнутыми до сих пор результатами, осуществляют с полной уверенностью великое дело строительства новой жизни, они превратили страну в огромную строительную площадку. Народ уверенно следует правильной политике Румынской рабочей партии и правительства Румынской Народной Республики, развивает свое хозяйство и день ото дня обогащает новыми ценностями нашу культурную сокровищницу. Мы вступаем во второе десятилетие нашей республики, начинаем новый год мирного труда, полные спокойствия за судьбу любимой родины, за светлое будущее нашего трудолюбивого народа. Вступаем в новый, тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год с тем же твердым убеждением, что мы и дальше будем укреплять союз между рабочим классом и трудящимся крестьянством, будем углублять сотрудничество и братство между румынским народом и национальными меньшинствами нашей общей родины.

Мы уверены, что наш трудолюбивый и талантливый народ в сотрудничестве со своими добрыми друзьями и соратниками из стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом-пойдет дальше по пути социалистического развития промышленности и сельского хозяйства, и это приведет к непрерывному росту общего благосостояния.

Новые выдающиеся достижения науки станут служить трудящемуся человеку. Произведения литературы и искусства, рожденные любовью к народу и нашей новой действительностью, будут способствовать повышению культурного уровня масс и осуществлению желания трудящихся сделать свою родину цветущей. Мы уверены, что социалистические страны, наш великий друг Советский Союз,

миролюбивые силы всей земли добьются и в этом году значительных побед на пути к установлению прочного мира и мирного сосуществования между народами — самого горячего желания человечества.

За светлое будущее нашего народа, за победу мира и взаимопонимания между всеми странами! Разрешите мне в эту новогоднюю ночь пожелать вам наше традиционное: «La multi ani!»^[60]

3 января вместе с этим поздравлением румынские газеты публикуют следующее сообщение:

«После хирургического вмешательства, произведенного 17 ноября 1957 года, в здоровье доктора Петру Грозы произошло субъективное улучшение, но болезнь продолжает развиваться. В последние дни общее состояние здоровья ухудшилось. Применяется соответствующее лечение».

Узнав об этом, поспешил в столицу «повивальный отец» Грозы бачу Михэилэ Михок. Он был уже очень стар. На вопрос, сколько ему лет, отвечал: «Я их не считаю». В вагоне поезда Дева — Бухарест вспоминал, как приезжал к нему Петру, привозил теплую одежду, добротные ботинки, красное густое вино «Медвежья сила». Улыбнулся старик, вспомнив, что сказал ему тогда Петру по поводу этого вина. В другой раз бачу Михэилэ горевал, что вот не подумал он съездить в город и купить в дом высокое кресло для премьер-министра, а то как он будет сидеть на низком, неказистом, а Гроза пошутил: «Низкие стулья куда удобнее — с них не так больно падать».

Никто не знает, чем занимался в Бухаресте бачу Михаила Михок. Только бытующая в краю Зэранда легенда о смерти Петру Грозы дает повод думать, что ее привез сюда «повивальный отец».

Вечером 6 января 1958 года в квартире Георге Георгиу-Дежа зазвонил телефон. В трубке раздался бодрый голос:

— Говорит Гроза. Я прошу вас, зайдите ко мне. — Голос прервался, но тут же зазвучал так же бодро: — Вместе со всеми товарищами. В десять вечера.

Высшие партийные руководители Румынии, близким и верным соратником которых был столько лет доктор Петру Гроза, пришли к нему. Они знали, что Гроза обречен, и догадывались, зачем он их позвал.

К комнате, где лежал Петру Гроза, примыкали просторная прихожая и комната дежурных врачей. Вошедшим сразу бросилась в глаза необычная картина — длинный стол, обильно накрытый, как на больших торжествах. В правом углу на стуле висит проковица. Они остановились, растерянные, не вполне отдавая себе отчет в том, что происходит. Открылась дверь, и на

пороге появился Петру Гроза. Он был чисто выбрит, одет в безупречно сидящий на нем любимый костюм — черный пиджак, брюки в полоску, накрахмаленный высокий воротник, бабочка, белый платочек в нагрудном кармане, в шляпе и с тростью. Он без видимого усилия привычным жестом отдал трость порученцу, затем снял шляпу:

— Привет, друзья!

Шляпу тут же взял порученец и застыл. Гроза подошел к столу, появившийся официант налил в рюмки винарс из Зэранда.

— Давайте выпьем, друзья! Будьте здоровы!

Черные глаза Георге Георгиу-Дежа налились слезами. Он очень любил этого Человека по имени Петру Гроза.

А он, Петру Гроза, опрокинул рюмку, и никто не заметил, что его сейчас покидают уже последние искры горевшего в нем всю жизнь огня. В правом углу он увидел поверх голов поникших товарищей бачу Михэилэ Михока с проковицей через руку. А рядом стояли Ромулус Зэрони, Мирон Бея, Ион Мога Филерю. Он подумал, что вот бы подойти к бачу Михэилэ, попрощаться с ним, но сил уже не было. Знаком попросил шляпу, трость, постарался высоко держать уже совсем седую голову, чуть улыбнулся и произнес последнее:

— Оставайтесь здоровыми, друзья мои... Я пошел умирать... [\[61\]](#)

Он скончался 7 января 1958 года в 5 часов утра на семьдесят четвертом году жизни.

Из сообщения Президиума Великого национального собрания, Центрального Комитета Румынской рабочей партии и Совета министров РНР.

«...Любовь к родине и стремление к социальной справедливости привели Петру Грозу к тому, что он почти 25 лет назад всем сердцем приобщился к борьбе Румынской коммунистической партии за освобождение и независимость страны, за строительство новой, социалистической Румынии, полностью сознавая, что только на этом пути он сможет по-настоящему служить интересам народа.

Искренний и преданный друг Советского Союза, Петру Гроза боролся с присущим ему огнем за укрепление братских связей между румынским народом и народами Советского Союза, видя в этом залог экономического и социально-культурного развития страны, подъема благосостояния народа, укрепления нашей независимости и национального суверенитета. Гордый тем, что наша страна является составной частью непобедимого социалистического лагеря — самой могучей силы, поставленной на службу

мира и социального прогресса, Петру Гроза внес огромный вклад в укрепление единства и сплоченности социалистических стран во главе с Советским Союзом, в развитие дружественных братских связей между этими странами».

Основные даты жизни и деятельности доктора Петру Грозы

1884, 7 декабря. В селе Бэчия Хунедоарского уезда Трансильвании в семье священника Адама Грозы и его жены Марии родился мальчик. Его назвали Петру.

1890, весной. Умирает мать Петру. Отец забирает его с собой в село Коштеюл Маре. Через год Петру привозят в Бэчию. Его вместе с младшими братьями Ливиу и Виктором воспитывает сестра Адама Грозы Асинефта.

1891–1903. Петру получает начальное образование в школах Бэчии, Коштея и Лугожа, а затем поступает в реформатский венгерский колледж города Орэштие.

1903, осень. После завершения лицейского образования Петру Гроза поступает в Будапештский университет на факультет права и экономических наук.

1905, октябрь. Молодой студент едет для продолжения своего образования в Германию и поступает на факультет права и политической экономии Берлинского университета.

1906, весна. Петру Гроза для пополнения своих знаний совершает путешествие по Европе — посещает Париж, Лондон, Брюссель.

Осень. Петру Гроза поступает в Лейпцигский университет, где изучает коммерческое право и экономическую политику. Посещает Иену, Дрезден, Веймар, Нюрнберг и другие немецкие города.

1907, лето. Петру Гроза в Будапештском университете защищает диплом на звание доктора экономических и государственных наук, ему вручают диплом с отличием.

1907–1909. Петру Гроза проходит практику адвоката у «мастера» в Лугоже.

1908, Двадцатитрехлетний Петру Гроза выставляет свою кандидатуру на выборах местных органов в уезде Караш-Северин и подавляющим числом голосов побеждает своего противника.

1914–1918. Петру Гроза служит рядовым солдатом в австровенгерской армии. От учебы в офицерской школе отказывается.

1916. Во время краткого отпуска Петру Гроза женится на Анне Молдован, дочери окружного врача Корнела Молдована.

1919, осень. Петру Гроза выставляет свою кандидатуру на выборах в

учредительное собрание объединенной Румынии и был избран депутатом единодушно.

1920. Петру Гроза назначается министром по делам совместно проживающих в Румынии национальностей в правительстве маршала Авереску.

1922. Петру Гроза работает членом Высшего аграрного комитета. 1926–1927. Петру Гроза снова участвует в правительстве Авереску.

1927, август. Петру Гроза уходит из правительства маршала Авереску, навсегда порывает с его «Народной партией».

1928, 28 марта. Петру Гроза пишет свою первую книжку «Не предавайся гневу, человек!».

1929, весна. Петру Гроза разыскивает и издает стихи своей тетушки Асинефты под названием «Скрытые сокровища».

1930, 3 января, Петру Гроза дает интервью о политическом положении в стране тимешварской газете «Тимешвареш цайтунг».

1933, 8 января. Петру Гроза призван к ответу собравшимися крестьянами в Деве. Здесь он принимает предложение крестьян идти на борьбу вместе с ними и отказывается от всего своего богатства и привилегий.

1933, 15–16 февраля, Гривицкие бои в Бухаресте. Для установления контактов с Петру Грозой в Деву прибывают представители компартии Петре КонстантINESКУ-Яшь и Скарлат Каллимаки.

1933, 18 апреля. Первый съезд «Фронта земледельцев» в Деве.

1934, декабрь. Первая победа организации «Фронта земледельцев» уезда Хунедоара на выборах в парламент.

1934, 24 сентября. В бэчийском доме Петру Грозы собираются представители «Фронта земледельцев» и МАДОСа — союза венгерских крестьян и рабочих, — подписывается соглашение о совместных действиях против наступающей реакции.

1935, 6 декабря, В селе Цебя под дубом Хории делегаты «Фронта земледельцев», Коммунистической партии Румынии, Демократического блока и Социалистической партии Румынии подписывают соглашение о Едином народном фронте.

1943, декабрь. Арест Петру Грозы. Начало дневника мальмезонского узника «Во мраке тюремной камеры».

1944, начало февраля. Петру Грозу под давлением общественного мнения, в условиях наступательных операций Красной Армии выпускают из Мальмезона.

Май — август. Участие Грозы в осуществляемых компартией мероприятиях по подготовке свержения клики Антонеску и выхода Румынии из антисоветской войны.

23 августа. Национальное восстание в Румынии, свержение правительства Антонеску, выход Румынии из антисоветской войны.

Август — ноябрь. Петру Гроза ведет большую работу по укреплению вышедшего из подполья «Фронта земледельцев». Центральный Комитет «Фронта» переезжает из Девы в Бухарест.

4 ноября. Гроза входит во второе правительство генерала Сэнэтеску в качестве заместителя председателя Совета министров от организаций Национально-демократического фронта.

2 декабря. Король Михай назначает на пост премьер-министра реакционного генерала Николае Рэдеску. Петру Гроза сохраняет за собой пост заместителя председателя и ведет с Рэдеску яростную борьбу.

8 ноября. Учреждается румынское общество дружественных связей с СССР (АРЛУС). Петру Гроза член Генерального совета этого общества.

19 декабря, 20 часов. Покушение на Петру Грозу в гостинице «Атене палас».

1945, 1 февраля. Выходит первый номер газеты «Фронт земледельцев».

2 марта. Король Михай поручает формирование правительства Петру Грозе.

6 марта, 800 тысяч человек собрались в Бухаресте для поддержки Петру Грозы. Король был вынужден утвердить предложенное им от имени Национально-демократического фронта правительство.

23 марта. Утвержден предложенный правительством Петру Грозы декрет об аграрной реформе.

апрель. Выходит в свет книга Петру Грозы «Во мраке тюремной камеры».

9 мая. День Победы.

24–27 июня. Общерумынский съезд «Фронта земледельцев».

6 августа. Правительство Советского Союза заявляет о восстановлении дипломатических отношений с Румынией.

4–13 сентября. Пребывание румынской правительственной делегации во главе с Петру Грозой в Москве. Переговоры и встречи с И. В. Сталиным, М. И. Калининым, В. М. Молотовым и другими советскими руководителями.

1945, 17 октября. Выступление Грозы на Национальной конференции Румынской коммунистической партии.

1946, апрель. Выходит в свет сборник речей и статей Петру Грозы «Реконструкция Румынии».

9 мая. Петру Гроза открывает памятник героям Красной Армии, павшим в боях за освобождение Румынии.

Октябрь. Выходит в свет книга Георге Микле «Восстание земли» с предисловием Петру Грозы.

1947, 30 декабря. Петру Гроза и Георге Георгиу-Деж посещают короля Михая. Петру Гроза подает королю на подпись Акт об отречении от престола.

1948, 4 февраля. Петру Гроза от имени румынского правительства подписывает в Москве Договор о дружбе и взаимной помощи между СССР и Румынской Народной Республикой.

9 апреля. Петру Гроза представляет на утверждение парламенту проект новой Конституции Румынской Народной Республики.

1950, декабрь. Выходит книга Петру Грозы «На пути к социализму».

1952, июнь. Великое национальное собрание РНР избирает доктора Петру Грозу председателем Президиума Великого национального собрания.

1953, февраль. Расширенное заседание Центрального Комитета «Фронта земледельцев» принимает по докладу Петру Грозы решение о самороспуске «Фронта земледельцев» в связи с необходимостью сконцентрировать всю работу крестьян в Советах и других местных организациях крестьян на селе.

1951, Петру Гроза совершает большое путешествие по Советскому Союзу и пишет книгу, которая выходит в двух томах под названием «Я увидел своими глазами Страну Мира» (второй том этой книги вышел в августе 1956 года).

1957, 30 декабря. Петру Гроза участвует в работе юбилейной сессии Великого национального собрания РНР по случаю десятилетия провозглашения республики.

31 декабря. Выступление Грозы с новогодним посланием по радио.

1958, 7 января, 5 часов утра. Кончина Петру Грозы.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Дом на окраине села Бэчия, в 1884 года родился Петру Гроза.

Петру Гроза (стоит в верхнем ряду в центре) с группой участников просветительных походов в народ.

Руководитель крестьянского восстания 1514 года Георге Дожя.

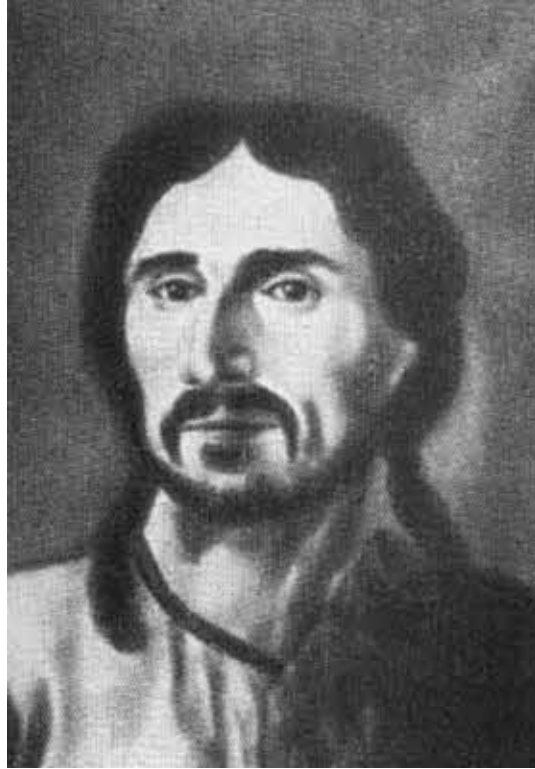
Казнь Георге Дожу.

РУКОВОДИТЕЛИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

1784 ГОДА:

Хория.

Клошка.

Кришан.

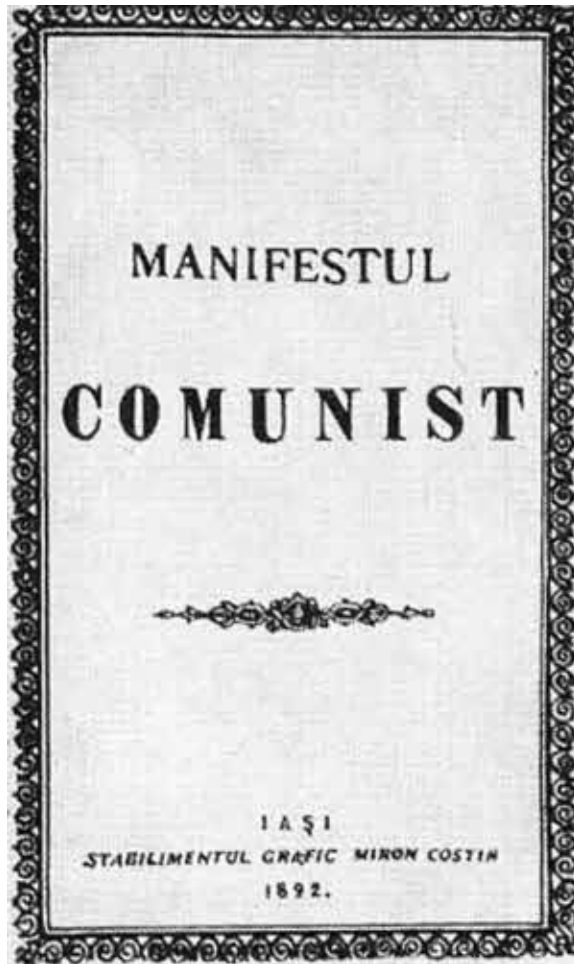
Предок Петру Грозы Симеон Гроза.

Asinefta Groza-Bobeiu

Сомори ascunse

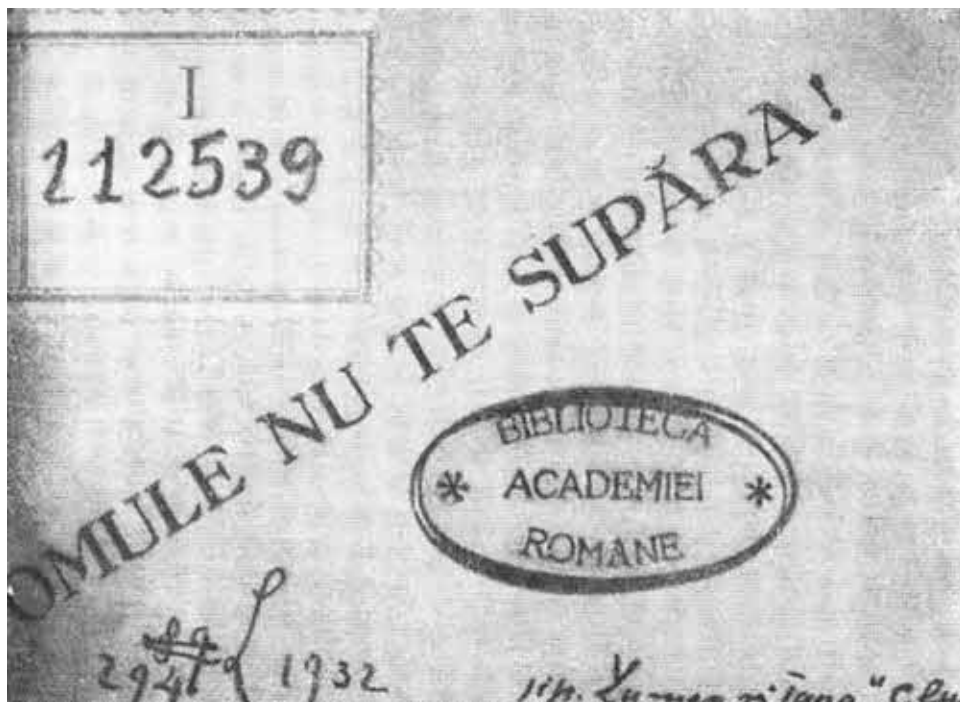
Титульный лист изданного Петру Грозой сборника стихов тетушки Асинефты.

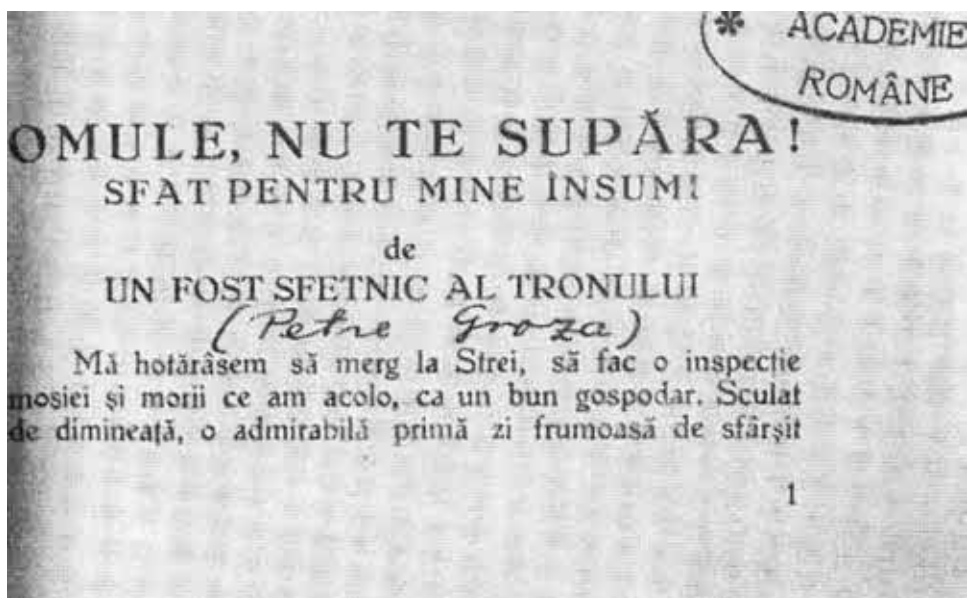
Первое румынское издание «Манифеста Коммунистической партии».

Петру Гроза, 1921 год.

Обложка первой книжки Петру Грозы «Не предавайся гневу, человек!».

Начало книжки Петру Грозы «Не предавайся гневу, человек!».

*Скарлат Каллимахи, директор и главный редактор направляемой
Компартией Румынии газеты «Clorul» («Колокол»).*

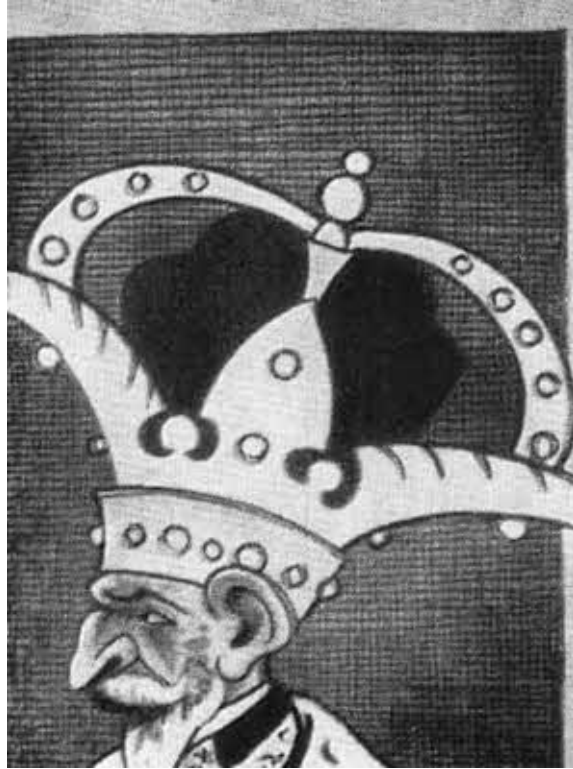
*Профессор Петре Константинеску-Яшь, руководитель
«Демократического блока», один из основателей общества «Друзья
СССР» в 1934 году.*

***КОРОЛИ РУМЫНИИ ИЗ ПРУССКОЙ ДИНАСТИИ
ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ.***

Карикатуры из румынского журнала «Magazin istoric».

Карол I

Фердинанд I

Карол II

Петру Гроза среди крестьян довоенной Румынии.

На главной площади города Девы во время I съезда «Фронта земледельцев».

Центральный Комитет Союза венгерских трудящихся (МАДОС), с которым «Фронт земледельцев» в доме Петру Грозы в Бэчии заключил союз о совместных действиях.

Группа учредителей «Фронта земледельцев». В центре Ромулус Зэрони и Мирон Бея

АКТИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ «ФРОНТА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ»

George Микле.

Мирон Бея

Петру Груя Моцу.

Ромулус Зэрони.

*Писатель Шербан Неделку, редактор газеты «Фронт земледельцев»
(позднее «Социалистическое земледелие»)*

Ион Мога Филерю.

Центральная улица города Девы с видом на крепость (довоенная фотография).

Село Цебя 6 декабря 1935 года. В этот день делегаты Коммунистической партии Румынии, «Фронта земледельцев», Демократического блока и социалистической партии подписали под дубом Хории соглашение о едином фронте. В центре: Петру Гроза, Скарлат Каллимаки и Петре Константинеску-Яшь.

Обложка книги Георгия Микле «Восстание земли» с предисловием Петру Грозы.

Обложка книги Петру Грозы «Во мраке тюремной камеры».

*Антифашистская демонстрация в Бухаресте осенью 1944 года.
Демонстранты несут лозунг «Долой врагов страны, долой фашизм».*

Петру Гроза после выхода из тюрьмы Мальмезон.

Организованная Компартией Румынии восьмисоттысячная демонстрация трудящихся Бухареста и прилегающих уездов 6 марта 1945 года требует установления демократического правительства во главе с доктором Петру Грозой.

Премьер-министр Румынии доктор Петру Гроза за рабочим столом.

Георге Георгиу-Деж, Петру Гроза и Ромулус Зэрони на трибуне

всерумынского съезда «Фронта земледельцев». Бухарест, 24 июня 1945 года.

Петру Гроза у румынских добровольцев дивизии имени Тудора Владимиреску. Весна 1945 года.

Петру Гроза приветствует демонстрацию трудящихся. Бухарест, 1 мая 1945 года.

Петру Грозу среди советских военачальников.

Петру Гроза и главный политический советник СКК по Румынии А. П. Павлов.

Петру Гроза и посол СССР в Румынии С. И. Кавтарадзе.

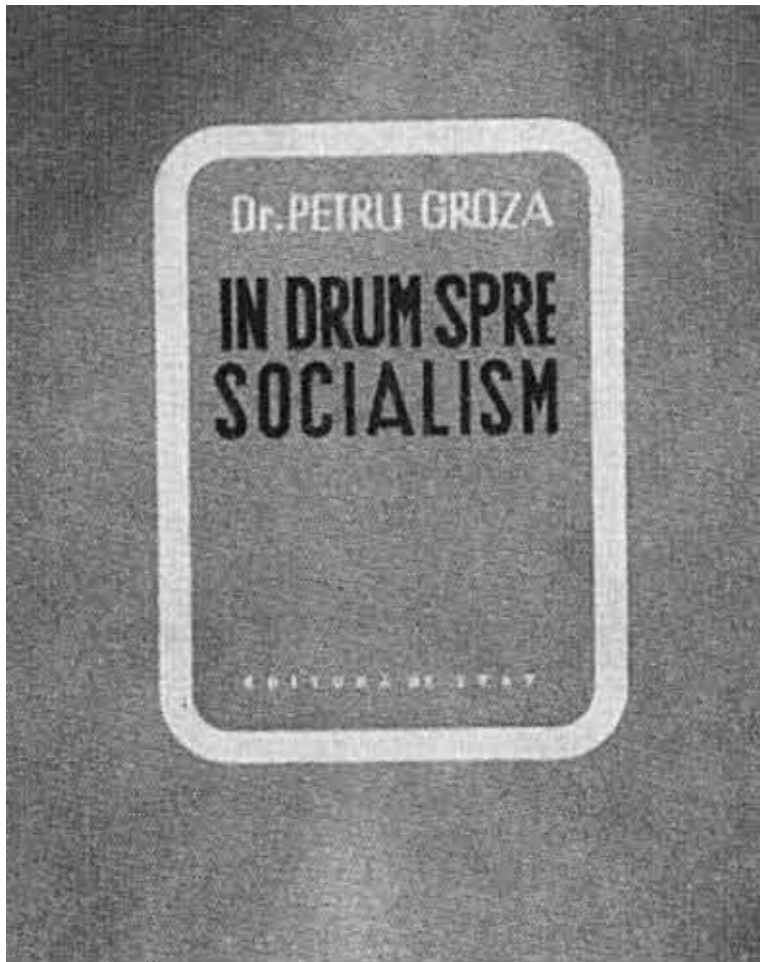
Петру Гроза и И. С. Козловский. Бухарест, весна 1945 года.

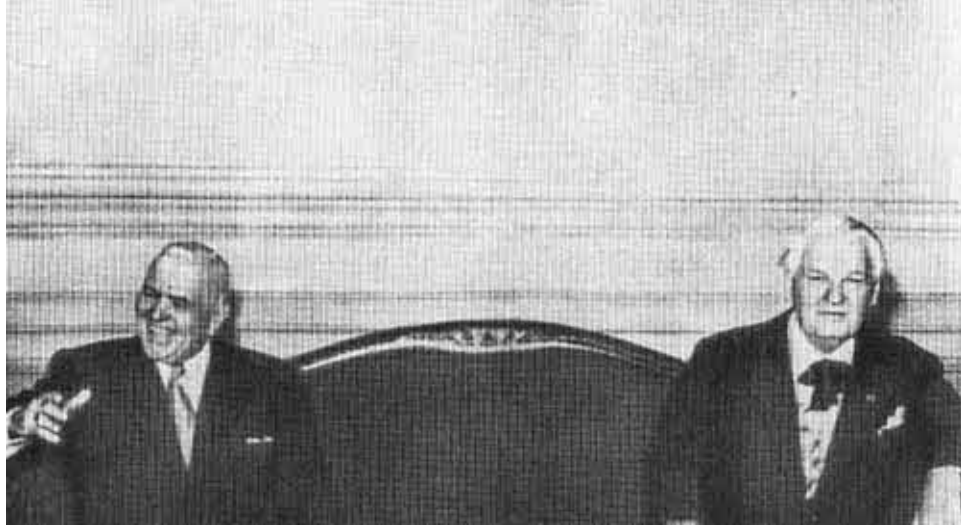
Петру Гроза и М. И. Калинин. Москва, сентябрь 1945 года.

Центральный орган «Фронта земледельцев» газета «Frontal plugarilor».

Обложка книги Петру Грозы «По пути к социализму».

Петру Гроза и писатель Михаил Садовяну.

Дом советско-румынской дружбы в Бухаресте, в котором часто бывал и выступал Петру Гроза.

Петру Гроза и Председатель Президиума Великого национального собрания Румынии, председатель Генерального совета Арлус, академик Константин Пархон на открытии выставки «31 год социалистического строительства в СССР» в Доме советско-румынской дружбы.

Петру Гроза, Константин Пархон и Георге Георгиу-Деж на открытии железной дороги Бумбешть — Ливезень. 1949 год.

Петру Гроза с группой советских туристов из Киева. 1955 год.

Петру Гроза, Георге Георгиу-Деж и И. В. Сталин во время подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Румынской Народной Республикой. Москва, Кремль, 4 февраля 1948 года.

Решение Советского Правительства о сокращении репарационных платежей для Румынии

Как уже сообщалось в советской печати, Председатель Совета Министров Румынии П. Гроза в соответствии с решением Румынского Правительства, принятым по предложению ЦК румынской рабочей партии, 4 июня обратился к Председателю Совета Министров СССР тов. И. В. Сталину с просьбой о сокращении репарационных платежей, которые румынскому государству осталось еще выплатить Советскому Союзу согласно Мирному Договору.

В ответ на это обращение тов. И. В. Сталин направил 7 июня Председателю Совета Министров Румынской Народной Республики П. Гроза письмо следующего содержания:

«Уважаемый г-н Председатель,
Ваше обращение от 4 июня получил.

Советское Правительство рассмотрело просьбу Румынского Правительства о сокращении суммы, которую румынскому государству осталось еще выплатить Советскому Союзу в счет военных репараций. Желая облегчить скорейшее восстановление народного хозяйства Румынии и учитывая установившиеся дружественные отношения между нашими странами, Советское Правительство приняло решение сократить остающуюся сумму репарационных платежей, начиная с 1 июля с. г., на 50%.

С глубоким уважением

Председатель Совета Министров СССР
И. Сталин». (ТАСС).

Бухарест, 12 июня 1948

Г-ну Председателю Совета Министров
Союза Советских Социалистических
Республик,
Генералисимусу Иосифу Виссарионовичу
СТАЛИНУ.

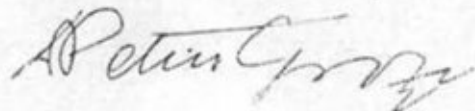
От имени правительства Румынской Народной Республики и лично от моего имени, выражаю Вам самую горячую благодарность за великодушный жест сокращения на 50% репарационных платежей.

Румынский народ с энтузиазмом приветствует Ваше решение. Он будет вечно благодарен своему великому и мощному соседу и другу - Советскому Союзу и лично Вам за поддержку и помощь оказанную ему со дня освобождения нашей страны героической Советской Армией из под фашистского ига.

Великая помощь оказанная Вами нашему народу окажет большое содействие делу реконструкции и дальнейшего экономического развития Румынии и улучшения материального положения трудящихся города и деревни.

Примите, Г-н Председатель Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик, выражение нашего глубокого уважения.

Председатель Совета Министров
Румынской Народной Республики.

 /Д-р Петру Гроза/

**Письмо Петру Грозы на имя И. В. Сталина. 12 июня 1948 года.
Фотокопия.**

Памятник советским воинам, погибшим в боях за освобождение Румынии в Бухаресте.

Обложка книги Петру Грозы «Я увидел своими глазами Страну Мира».

*Петру Гроза с женой Анной (третья слева) среди детей и внуков.
Сыновья Ливиу, Октавиан, Петру, дочери Лучиа и Мария, внучки Лучиа
и Мариана.*

*Петру Гроза беседует с великим румынским композитором, дирижером
и исполнителем Джеордже Энеску.*

168
Oprii letitiei Central al
Part. Comuniste Rumanie, Bucuresti
Stimate Domnule
Măgărilor din inimă pentru felicitățile
cu care a aniversat cele 70 de ani
de existență în lume.
Cuvintele de apreciere ale conducerei Pres.
Comitetului Comunist Român, îndrumător și
conducător al democrației populare în România
pe toată durata vieții și înfloririi mele cu care
sămănă, cu care am primit în decursul
operii de viață - cel mai luminos și strălucitor
soarelui meu - îndrumările, abilitățile și
forțele pentru a pune în viață meșteșugul
de a trăi de la începuturile în viața mea.

Страница письма, адресованного Петру Грозой Центральному
Комитету Румынской рабочей партии в ответ на поздравления в связи
с его семидесятилетием.

*Монумент героям Родины, борцам за свободу и социализм в Бухаресте.
Здесь похоронен Петру Гроза.*

Краткая библиография

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Поли. собр. Соч., т. 41, с. 1—104.

В. И. Ленин. Последние письма и статьи. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—450.

Г. Димитров. В борьбе за Единый фронт против фашизма и войны. М., 1939.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тома I и II. М., 1957.

История Румынии. 1848—1917. М., 1971.

История Румынии. 1918—1970. М., 1971.

История Венгрии, т. 1. М., 1971; т. II. М. 1972; т. III. М., 1972.

История Румынии. Под редакцией М. Роллера, сокращенный перевод с румынского. М., 1950.

В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпещенко, Н. И. Лебедев, А. А. Язькова. История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964.

Лебедев Н. И. Железная гвардия, Карол II и Гитлер. М., 1968.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1973.

Groza Asinefta. Comori ascunse. Cluj, 1929.

Groza Petru. Omule, nu te supăra. Cluj, 1928.

Groza Petru. In umbra celulei. București, 1945.

Groza Petru. Reconstrucția României. București, 1946.

Groza Petru. In drum spre socializm. București, 1950.

Micle Gheorghe. Răscoala pământului. București, 1945.

Micle Gheorghe. Puterea adevărului. Cu o prefață de prof. Mihai Ralea. București. 1946.

Constantinescu-Iași Petre. Lupta pentru formarea. Frontului Popular in Romania, București, 1968.

Callimachi Scarlat. Căderea Babilonului. București, 1956.

Callimachii Solomon Dida. Amintirile domnișoarei Julia. București, 1974.

Gh. I. Ionița, Gh. Țuțui. Frontul plugarilor. București, 1970.

D. Turcuș. Pagini din lupta pentru instaurarea puterii populare in Romania. București, 1974.

Bălan Ion Dodu. Octavian Goga. București, 1971.
Goga Octavian. România a Românilor. Sibiu, 1936.
Patrascanu Luctețiu. Sub trei dictaturi. București, 1946.

INFO

В42

Видрашку Ф. К.

Петру Гроза. М., «Молодая гвардия», 1976.

304 с. с ил., портр. (Жизнь замечат. людей. Серия биографий.

Вып. 14(563).

В 70302 — 306/078(02)-76 БЗ—59—020—76

9(М)7+32И

Феодосий Константинович Видрашку

ПЕТРУ ГРОЗА

Редактор *Е. Любушкина*

Серийная обложка *Ю. Арндта*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *Н. Михайловская*

Сдано в набор 22/VII 1976 г. Подписано к печати 1/XI 1976 г. А09220. Формат 84X108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 9,5 (усл. 15,96).+ + 17 вкл. Уч. — изд. л. 18,5. Тираж 100 000. Цена 86 коп. Б.З. 1976 г., № 59, п. 20. Заказ 1304.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21

notes

Примечания

Словом «бачу» в северо-западных районах Румынии с древних времен называют почтенного мужчину, сумевшего трудом своим завоевать уважение окружающих. Слово «бачу» приставляется только к мужскому имени. *(Здесь и далее примечания автора.)*

Моаша — повитуха.

Домницэ — так называют в этом крае молодых замужних женщин.

В Румынии принято ночью «веселить» усопшего, близкие друзья и родственники сидят с покойным, это сидение называется «привегь».

Вама — небесная таможня. По пути в рай согласно местному поверью их семь.

Трасильвания — «Страна за лесами», область Румынии, расположенная на северо-западе страны. В I–II веках являлась частью Дакии, завоеванной в начале нашей эры римлянами. В результате многочисленных вторжений и длительного процесса колонизации Трансильвании соседними народами она приобрела сложный состав населения (румыны, венгры, немцы). С XI века Трансильвания принадлежала венгерским королям, с конца XVII века оказалась под властью Габсбургов. Объединение Трансильвании с Румынией произошло 1 декабря 1918 года в условиях распада Австро-Венгрии.

Роботар — народное название подземных рабочих, добывавших в Западных Карпатах золото и уголь.

Винарс — крепкий напиток из фруктов и зерна.

Перевод Ю. Кожевникова.

Перевод Л. Мартынова.

«Народная партия» — буржуазная крестьянская партия, созданная под руководством генерала (позднее маршала) А. Авереску в апреле 1920 года.

«Исторические партии» — так принято называть две наиболее влиятельные реакционные буржуазные партии (национал-либеральную и национал-царанистскую), которые на протяжении длительного времени сменяли друг друга у власти в королевской Румынии.

Экипа гувернаменталэ — правительственная команда, этим футбольным термином было принято называть часто меняющиеся правительства.

Даки — жители древней провинции Дакии, покоренной римлянами в начале нашей эры.

Перевод Н. Подгоричани.

Песня узников самой страшной тюрьмы буржуазной Румынии.

Коммунистическая партия Румынии создана 8 мая 1921 года в Бухаресте. С весны 1924 года по 23 августа 1944 года находилась на нелегальном положении, руководила народными массами через некоторые легальные организации рабочих и крестьян. Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Румынии Георге Георгиу-Деж в политическом отчете состоявшейся в октябре 1945 года Национальной конференции КПР подчеркивал, что, уйдя в глубокое подполье, компартия «утвердила свое право на существование, продолжая мобилизовать рабочие массы, продолжая быть фактическим организатором и руководителем освободительной борьбы рабочих, крестьян и интеллигенции».

Выделение *р а з р я д к о й*, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворений).
— Примечание оцифровщика.

Секуи — народность в Трансильвании.

Холм митрополии — небольшое возвышение в центре Бухареста, где находятся здание парламента, патриаршие покои и церковь.

По румынской народной медицине к нарывам прикладывают горячую мамалыгу.

Сигуранца — тайная полиция в буржуазной Румыния.

Коммуны и пласы — административные единицы в буржуазной Румынии. В коммуну входило несколько деревень, в пласу — несколько коммун.

Моць — житель Западных гор в Трансильвании. Место называется Цара моцплор — Страна моцей.

Траица — домотканая шерстяная сумка.

Бучум — пастуший рожок длиной свыше трех метров.

В разговорной речи эти палки называются битами, они напоминают биты для игры в городки.

Цуйка — водка из спелых слив.

Имеется в виду долг крестьян за полученные по аграрной реформе наделы.

Эта немногочисленная партия Арджетояну была создана в 1932 году и выражала интересы крупных румынских помещиков.

Нумерус валахикус — искаженные румынские слова «нумэрул валахилор» (число валахов). Фашистская партия Вайды-Воеводы считала, что валахи должны быть господствующей нацией в Румынии, как более многочисленные.

Особенностью нового этапа антифашистской борьбы в Румынии было установление более тесных связей активистов КПр с различными слоями населения. Наиболее влиятельной антифашистской организацией этого периода явился Блок защиты демократических свобод, или Демократический блок, созданный в мае 1935 года по инициативе КПр. В Демократический блок наряду с представителями румынской прогрессивной интеллигенции входили также и представители рабочих-антифашистов. Председателем ЦК Демократического блока был избран видный антифашистский деятель профессор Петре Константинеску-Яшь.

«Друзья СССР» — легальная организация, созданная прогрессивными деятелями Румынии в 1934 году. Обществом руководили коммунисты.

Протипендада — так называли высокопоставленных лиц.

«Когда нож доходит до костного мозга» — румынская поговорка, означающая крайнюю степень страдания.

Один из главных руководителей национал-царанистской партии.

Деятель национал-царанистской партии, кандидатура которого выставлялась на выборах царанистами.

Уменьшительное от Октавиан.

«Союз патриотов» — массовая антифашистская организация, созданная по инициативе КПР 19 ноября 1942 года.

«Патриотический антигитлеровский фронт» — коалиция патриотических сил Румынии, созданная по инициативе КПр в июне 1943 года. «Фронт земледельцев» входил в эту коалицию.

Malmaison — в переводе с французского означает буквально «плохой дом».

Колинды — походы детей с рождественскими песнями.

Кукоаны — так называли в Румынии жен помещиков, финансистов, высших офицеров и государственных чиновников, живших в роскоши, пребывавших в безделье.

Проковица — грубошерстный домотканый коврик, который носят с собой чабаны. Это и постель, и одеяло, и защита от дождя и мокрого снега, и укрытие от жары. Из него можно быстро устроить шалаш.

Быть «кем-то» в то время в Румынии означало выделиться из общей массы своим положением, своим богатством.

Здесь нужно отметить, что тюремщики любого ранга пытались заработать предложением всяких услуг. Естественно, они не могли упустить такого «жирного клиента».

Кофетэрие — распространенное в Румынии название небольших кафе, где в основном торгуют сладостями.

Векэрешть — бухарестская тюрьма.

*Как хорошо на войне,
Когда улан свалится с коня...*

(польск.).

К этому времени Антонеску сам себя провозгласил маршалом Румынии.

Примарь — староста села.

Советская Армия сыграла решающую роль в освобождении Румынии. В ходе Яско-Кишиневской операции фашистский режим Антонеску был лишен своей вооруженной опоры, были созданы благоприятные условия для вооруженного восстания. Коммунистическая партия Румынии, возглавлявшая антифашистские силы страны, умело использовала эти благоприятные условия для свержения фашистского режима. Король Михай I был вынужден отмежеваться от диктатора Антонеску, чтобы избежать его участи, и согласился на арест диктатора Иона Антонеску. 23 августа 1944 года было сформировано правительство во главе с адъютантом королевского двора генералом Сэнэтеску.

Тага — отец.

Имбечилы — слабоумные, глупые.

Бурбиста — король даков в середине I века до нашей эры.

Советский исследователь истории Румынии доктор исторических наук, профессор Н. И. Лебедев в своей книге «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер» пишет: «Двойная игра» — так определил внешнюю политику Румынии после отставки Титулеску фашистский диктатор И. Антонеску в письме к лидеру национал-либералов Д. Братиану от 29 октября 1942 года. В 1936–1937 годах, чтобы расположить к себе Германию, указывал И. Антонеску, румынские правители отказались заключить пакты о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, а также с Советским Союзом, но в то же время по случаю визита Кароля II в Париж была подчеркнута «полная солидарность с Францией». Не было недостатка в жестах солидарности также с Чехословакией, но одновременно делались заявления, находившие отклик в Польше и свидетельствовавшие о политике сближения с Германией, враждебной Чехословакии. «Двойная игра, — писал И. Антонеску, — погубила нас: мы проиграли и на одном и на другом столе».

К. Бараски — румынский скульптор, автор памятника советским воинам-освободителям в Бухаресте.

Перевод В. Левина.

О том, что Сталин разговаривал с ним по-немецки, Петру Гроза сообщил репортеру газеты «Semnalul» Камилю Рингу. Документы подтверждают знание Сталиным немецкого языка.

La mutti ani! — Многих вам лет! — румынское поздравление с Новым годом.

Об этих последних словах доктора Петру Грозы автору книги рассказывал Георге Георгиу-Деж.